Г.Б.СЛІОЗБЕРГЪ

ДѢЛА МИНУВШИХЪ ДНЕЙ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ЕВРЕЯ

Томъ Второй

ПАРИЖЪ
1933

Г. Б. СЛІОЗБЕРГЪ

ДѢЛА МИНУВШИХЪ ДНЕЙ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ЕВРЕЯ

Томъ Второй

Изданіе комитета по чествованію
70-ти лѣтняго юбилея
Г. Б. СЛІОЗБЕРГА

ПАРИЖЪ
1933

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Глава XXXIV.

ГЛАВА XVII.

Первый Департаментъ Сената. — Политика законодательнаго неоказательства въ еврейскомъ вопросѣ. — Причины ея. — Ограничительное толкованіе законовъ, замѣняющее новое законодательство. — Порядокъ производства дѣлъ въ Сенатѣ. — Медленность въ движеніи дѣлъ. — Дѣла въ общемъ собраніи Департаментовъ Сената. — Указы о пріостановленіи исполненія обжалованныхъ распоряженій. — Практика выселеній. — Моя интервенція по всѣмъ дѣламъ, возбуждавшимъ принципіальные вопросы. — Тов. оберъ-прокурора В. И. Тимофѣевскій. — Оберъ-секретари.

Первый департаментъ правительствующаго Сената, въ которомъ вершались еврейскія дѣла и отъ котораго зависѣла судьба сотенъ тысячъ евреевъ, приходившихъ въ столкновеніе съ мѣстными властями, — въ началѣ моей работы не былъ учрежденіемъ послушнымъ политическимъ видамъ правительства. Первоприсутствующимъ былъ покойный сенаторъ Арцимовичъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей XIX столѣтія въ Россіи. Это былъ одинъ изъ дѣятелей освободительныхъ реформъ Александра II; чуждый всякихъ національныхъ предразсудковъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «праведный судья». Можно было всегда быть увѣреннымъ въ томъ, что всякій дошедшій до 1-го департамента Сената вопросъ при Арцимовичѣ получитъ правильное и законное рѣшеніе. Онъ умеръ въ началѣ 90-хъ годовъ, и его замѣнилъ сенаторъ Шумахеръ. И этотъ первоприсутствующій былъ строгимъ блюстителемъ закона. Но такихъ сенаторовъ становилось все меньше и меньше: составъ сенаторовъ 1-го департамента быстро измѣнялся. По установившейся практикѣ, сенаторами 1-го департамента назначались бывшіе директора департаментовъ въ министерствахъ, еще чаще бывшіе губернаторы. Быть назначеннымъ въ сенаторы для высшихъ чи-

новъ было не повышеніемъ, а какъ бы устраненіемъ отъ текущихъ дѣлъ. Если кто-либо изъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ директоровъ департамента или товарищей министровъ назначался въ Сенатъ, то о немъ говорили, что онъ «похороненъ на сенатскомъ кладбищѣ». Новые сенаторы — люди режима Александра III — не были уже прежними блюстителями законовъ. Постепенно сенаторы подпадали подъ вліяніе правительства и становились послушнымъ орудіемъ проведенія «видовъ правительства». Сенаторы 1-го департамента не получали опредѣленнаго по штату содержанія, — каждому сенатору размѣръ жалованія опредѣлялся особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ по докладамъ министра юстиціи. Само собой разумѣется, что такой порядокъ не могъ не привести къ тому, что сенаторы оказались въ нѣкоторой зависимости отъ того, насколько желаетъ устроить ихъ положеніе правительство въ лицѣ министра юстиціи, который для этого руководился, главнымъ образомъ, указаніями министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ вѣдомствъ. Измѣненія служебнаго положенія каждаго даннаго сенатора, — переходъ изъ 1-го департамента въ другіе департаменты и т. д., зависѣли отъ министерства юстиціи. Въ пріемные дни у министра юстиціи — это вошло въ обиходъ въ концѣ царствованія Александра III — можно было всегда встрѣтить сенаторовъ, имѣющихъ тѣ или другія надобности личнаго свойства и ждущихъ отъ министра юстиціи благосклоннаго удовлетворенія ихъ просьбъ и ходатайствъ. Независимость Сената постепенно отходила въ область прошлаго. Не Сенатъ являлся органомъ надзора надъ министрами, а напротивъ того, министры черезъ министра юстиціи стали наблюдать за сенаторами. Идея, руководившая при учрежденіи Сената Петромъ Великимъ, назвавшимъ его «правительствующимъ», постепенно забывалась. По этой идеѣ «Правительствующій Сенатъ», въ лицѣ 1-го департамента, представлялъ собой учрежденіе, безпримѣрное даже въ Европѣ, — по своему значенію онъ былъ выше, такъ называемыхъ административныхъ судовъ въ Австріи, и Германіи и выше французскаго Государственнаго Совѣта, учрежденнаго Наполеономъ I. Ни въ одной странѣ компетенція высшаго органа судебно - административной юстиціи не достигала той широты, какая была дана первому департаменту Правительствующаго Сената. Даже опуб-

ликованіе законовъ должно было проходить контроль Сената, который имѣлъ право пріостановить опубликованіе закона, если въ немъ имѣлись тѣ или другіе дефекты, лишавшіе его силы законодательнаго акта. Правда, провѣрка подлежащихъ опубликованію законовъ была чисто формальная, — это не была провѣрка съ точки зрѣнія соотвѣтствія содержанія законодательнаго акта конституціонному закону, подобно компетенціи Высшаго суда въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Сенатъ имѣлъ также право надзора за публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе распоряженіями отдѣльныхъ министерствъ въ порядкѣ инструкцій, основанныхъ на предоставленныхъ закономъ данному министерству полномочіяхъ. Сенату подчинены были всѣ органы управленія, начиная отъ высшихъ. Онъ былъ вправѣ признать незаконными и не подлежащими исполненію распоряженія министра и, наконецъ, онъ имѣлъ право непосредственнаго доклада Монарху объ усмотрѣнныхъ непорядкахъ; онъ имѣлъ также, право возбуждать вопросъ о необходимости ревизіи на мѣстахъ. Иначе говоря, первый департаментъ Сената могъ не только по названію, но и въ дѣйствительности стать «правительствующимъ». Широту своихъ полномочій Правительствующій Сенатъ не использовалъ и въ самое цвѣтущее время своей дѣятельности, но все же первый департаментъ какъ органъ надзора стоялъ на высотѣ. Съ этой высоты онъ сталъ сходить въ царствованіе Александра III.

Въ области еврейскаго вопроса, начиная съ конца 80-хъ годовъ, усвоена была политика, которую я охарактеризовалъ бы, какъ политику «законодательнаго неоказательства». Въ ожиданіи «пересмотра законовъ о евреяхъ», начиная со времени закрытія Паленской «Высшей Комиссіи», правительство избѣгало вносить въ Государственный Совѣтъ законопроекты въ обще-установленномъ законодательномъ порядкѣ. Такой важный актъ, какъ лишеніе евреевъ права проживанія внѣ городовъ и мѣстечекъ въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости, прошелъ въ 1882 г. не черезъ Государственный Совѣтъ, а черезъ комитетъ министровъ, въ качествѣ временныхъ правилъ съ прибавкой формулы: «впредь до пересмотра законовъ». Въ Основныхъ Законахъ Россійской Имперіи изданіе такихъ временныхъ правилъ, подлежащихъ примѣненію наравнѣ съ закономъ, временно, до изданія законодательна-

го акта, какъ бы авансовыхъ законовъ, вовсе не предусмотрѣно. Всякій законъ по Основнымъ Законамъ долженъ проходить по установленному порядку — черезъ Государственный Совѣтъ. Правительство стало однако пользоваться тѣмъ, что кромѣ этихъ актовъ, фактически силу закона имѣло и все то, что получало Высочайшее утвержденіе, не исключая даже словесныхъ Высочайшихъ повелѣній, если только они объявлены особыми по закону на то уполномоченными лицами. Не только въ области еврейскаго вопроса, но и въ области другихъ государственныхъ вопросовъ, широко примѣнялись, кромѣ законовъ, проходившихъ черезъ Государственный Совѣтъ, также и Высочайше утвержденные всеподданнѣйшіе доклады, положенія комитета министровъ и вообще Высочайшія повелѣнія. Однако это не было общей системой. Въ одной только области вопросовъ — а именно, въ области ограниченія правъ отдѣльныхъ категорій гражданъ, возобладала тенденція допускать отклоненія отъ общезаконодательнаго порядка, и пользоваться суррогатными путями: всеподданнѣйшихъ докладовъ, положеній комитета министровъ и т. д. Уже въ самомъ началѣ царствованія Александра III Государственный Совѣтъ какъ бы устраненъ былъ отъ участія въ разсмотрѣніи самыхъ важныхъ законодательныхъ актовъ государственнаго значенія. Въ 1881 году, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александра III, было издано «Положеніе объ усиленной охранѣ» 1881 года; этимъ положеніемъ расширены были полномочія администраціи и установлено было право наложенія суровыхъ карательныхъ мѣръ въ административномъ порядкѣ. Не только министрамъ и генералъ-губернаторамъ, но и губернаторамъ мѣстностей, объявленныхъ на усиленной охранѣ, предоставлено было право изданія обязательныхъ постановленій съ примѣненіемъ за нарушеніе ихъ карательныхъ мѣръ, причемъ эти карательныя мѣры, вплоть до заключенія въ тюрьму до 6-ти мѣсяцевъ, назывались «административными взысканіями». И это положеніе прошло черезъ комитетъ министровъ, а не черезъ Государственный Совѣтъ. Не черезъ Государственный Совѣтъ, а черезъ комитетъ министровъ, прошелъ и законъ 1885 г. объ ограниченіи правъ евреевъ и поляковъ на владѣніе землей въ девяти сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ. Правительство какъ бы избѣгало обращаться въ

Государственный Совѣтъ; боялись возможной критики и предпочитали быстрый и невзыскательный аппаратъ комитета министровъ, члены коего было все свои люди, одинаково послушные указаніямъ свыше. Такого порядка правительство держалось почти неуклонно, издавая цѣлый рядъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ. А такъ какъ правительственная политика въ еврейскомъ вопросѣ была съ этого времени, т. е. съ 80-хъ годовъ, неуклонно ограничительной, то всѣ почти законодательныя волеизъявленія не проходили черезъ Государственный Совѣтъ. Ограниченіе евреевъ опредѣленной процентной нормой при поступленіи въ учебныя заведенія, среднія и высшія, установлено было даже не какимъ-либо спеціальнымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ, а распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія по бланковому, какъ бы, полномочію, данному ему комитетомъ министровъ въ 1886 г., предоставившимъ, съ Высочайшаго утвержденія, министру народнаго просвѣщенія право принять мѣры къ уменьшенію числа евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Иногда получались странныя положенія. Такъ, въ поясненіе временныхъ правилъ, 3 мая 1882 г., созданныхъ положеніемъ комитета министровъ, уже въ порядкѣ законодательномъ, т. е. черезъ Государственный Совѣтъ, прошло представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ о томъ, что эти правила должны быть изъясняемы въ томъ смыслѣ, что евреямъ запрещено было не только вновь поселяться въ сельскихъ мѣстностяхъ, но и переходить изъ одной сельской мѣстности на жительство въ другую, не только впредь, но даже до времени изданія этого послѣдняго акта, т. е. до 1887 г. Иначе говоря, разъясненіе не законодательнаго въ техническомъ смыслѣ слова акта было издано въ порядкѣ законодательнаго акта. Въ исторіи законодательства о евреяхъ имѣется и второй подобный случай, относящійся къ 1904 г. Это — изданный черезъ Государственный Совѣтъ законъ о порядкѣ удостовѣренія городскими управленіями знанія евреями того ремесла или занятія, которыя по положенію комитета министровъ 1903 г. давали евреямъ право проживать внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ изъятіе изъ постановленій временныхъ правилъ 3 мая 1882 г.

Я назвалъ политику правительства въ области ограничительныхъ мѣропріятій по отношенію къ евреямъ

«законодательнымъ неоказательствомъ». Правительство явно избѣгало вносить въ Государственный Совѣтъ свои притѣснительныя по отношенію къ евреямъ предположенія. Но часто ограничительныя правила для евреевъ создавались даже и безъ того, чтобы имъ придавалось значеніе новаго закона, хотя бы изданнаго въ порядкѣ утвержденнаго Высочайшею властью положенія комитета министровъ, а путемъ изданія циркуляровъ на основаніи рѣшеній Сената. Для усвоенія такой практики имѣлись и особенныя основанія.

Погромное движеніе 1881-1882 г.г. вызвало въ Европѣ и Америкѣ большой интересъ къ положенію евреевъ въ Россіи. Извѣстны митинги, которые устраивались въ Лондонѣ по поводу погромовъ. Усилилась еврейская эмиграція изъ Россіи. На площадяхъ европейскихъ столицъ, на пути слѣдованія эмигрантовъ, располагались цѣлые лагери евреевъ, обременявшихъ мѣстную благотворительность: толпы голодныхъ, едва одѣтыхъ и обутыхъ евреевъ, ихъ женъ и дѣтей ждали благотворительной помощи для того, чтобы быть отправленными на новыя мѣста, имъ невѣдомыя; въ Россіи, въ этой обширной Россіи, не оказалось для нихъ мѣста, вслѣдствіе примѣняемыхъ къ нимъ правовыхъ ограниченій и той вражды, которая проявлялась къ нимъ со стороны властей. Всякая новая ограничительная мѣра сейчасъ же отзывалась на увеличеніи еврейской эмиграціи въ Америку. Въ особенности сильны были протесты общественнаго мнѣнія въ Англіи въ 1890 г., когда Сѣверо-Американскіе Штаты стали прибѣгать къ обратной доставкѣ изъ американскихъ портовъ въ Европу тѣхъ эмигрантовъ, которые по закону, изданному въ 1890 г., не подлежали допущенію. Въ Англіи была предпринята парламентская анкета о причинахъ появленія массы эмигрантовъ, стремившихся въ Америку, — какъ останавливающихся въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, такъ и возвращаемыхъ обратно изъ Америки; не имѣвшіе возможности отправляться дальше они оставались въ Лондонѣ, въ Уайтчеплѣ; они брались за всякую тяжелую работу, соглашались на всякую заработную плату; развивалась особая система труда, такъ называемая «Sweat System» (потогонная система труда) въ области изготовленія бѣлья и платья. Она заключалась въ томъ, что работодатель сдавалъ на домъ рабочимъ отдѣльныя части изготовляемой вещи, сдѣльная

плата назначалась такая низкая, что ея не хватало на пропитаніе работающаго. Эта система избавляла работодателя отъ надобности имѣть рабочихъ, знающихъ данное мастерство; и такіе рабочіе оставались безъ работы.

Общественное мнѣніе Европы и Америки было освѣдомлено о причинахъ усиливающейся еврейской эмиграціи изъ Россіи. Поэтому всякое изданіе закона съ новымъ ограниченіемъ евреевъ въ правахъ неизбѣжно вызывало возбужденіе этого общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, реакціонная политика Александра III неоднократно сдерживалась вмѣшательствомъ министерства финансовъ при составленіи бюджета, для поднятія курса русской валюты, для постройки жел. дорогъ и т. д. Чисто націоналистическая политика Александра III, если бы она не была въ нѣкоторой мѣрѣ сдерживаема этими соображеніями, устранила бы возможность примѣненія иностранныхъ капиталовъ къ русской промышленности, прекратился бы приливъ золота, и русскіе финансы несомнѣнно пришли бы въ окончательное разстройство. Уже въ началѣ 90-хъ г.г. еврейскіе финансовые круги Европы открыто заявляли, что они будутъ воздерживаться отъ участія въ реализаціи русскихъ государственныхъ займовъ, вслѣдствіе отношенія русскаго правительства къ евреямъ. Антисемитское настроеніе должно было поэтому проявляться съ меньшимъ шумомъ и не подъ видомъ новаго ограниченія въ правахъ, а путемъ такого разъясненія уже дѣйствующаго закона, которое ограничивало немногія права, ранѣе предоставленныя евреямъ; всякому новому притѣсненію придавался видъ законности. При неясности редакціи законовъ о евреяхъ и при отсутствіи возможности всякій ограничительный законъ изложить такъ, чтобы въ немъ самымъ точнымъ образомъ былъ очерченъ кругъ ограниченій по лицамъ и по предметамъ, законы о евреяхъ, въ особенности при нѣкоторомъ искусственномъ, хотя и не всегда логическомъ толкованіи, давали широкій просторъ для введенія новыхъ ограниченій путемъ истолкованія даннаго закона въ ограничительномъ смыслѣ. Такія толкованія обыкновенно давались циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и этимъ правомъ министерство внутреннихъ дѣлъ не всегда считало для себя удобнымъ пользоваться, такъ какъ оно представлялось бы нѣкоторымъ доказательствомъ явнаго преслѣдованія евреевъ со стороны даннаго вѣдомства, могущимъ повре-

дить репутаціи даннаго министра въ общественномъ мнѣніи Европы. Орудіемъ для созиданія такихъ толкованій прежняго ограничительнаго закона, создающихъ въ сущности новыя ограничительныя правила, и явился постепенно превратившійся въ послушное орудіе правительственной политики первый департаментъ Сената.

Возможность вліянія министерствъ на разъясненія Правительствующаго Сената по отдѣльнымъ дѣламъ облегчалась порядкомъ производства дѣлъ въ департаментахъ Сената, кромѣ департаментовъ судебныхъ, т. е. кассаціонныхъ, — порядкомъ, который измѣненъ былъ лишь наканунѣ революціи 1917 г. новымъ закономъ о преобразованіи Сената, прошедшимъ черезъ Думу и Государственный Совѣтъ.

Я не имѣю въ виду дать подробный очеркъ производства дѣлъ въ Сенатѣ, но для того, чтобы было понятно, какую роль играли министерство внутреннихъ дѣлъ и Сенатъ въ области еврейскаго вопроса, долженъ обрисовать этотъ порядокъ хоть въ нѣсколькихъ словахъ. Сенатскія дѣла о евреяхъ имѣли такое огромное значеніе въ жизни до-революціонной Россіи, что вопросъ о прохожденіи этихъ дѣлъ не можетъ не представлять интереса. Этотъ порядокъ стоилъ не мало еврейской крови...

На всякое распоряженіе губернской администраціи или министерства могла быть подаваема жалоба въ Сенатъ. Жалоба поступаетъ въ Сенатъ при рапортѣ того губернатора или министра, на постановленіе котораго приносится жалоба. Канцелярія Сената готовитъ докладъ по дѣлу и составляетъ проектъ рѣшенія, который предварительно разсматривается оберъ - прокуроромъ перваго департамента Сената или его товарищемъ. При разсмотрѣніи дѣла жалобщикъ или его представитель не имѣютъ права ни присутствовать, ни давать объясненія. Послѣ доклада «отбираются мнѣнія» сенаторовъ. Если состоялось даже единогласное мнѣніе, то это еще не значитъ, что дѣло рѣшено. Проектъ опредѣленія, если онъ оказался несогласнымъ съ проектомъ, представленнымъ канцеляріей, поступаетъ на разсмотрѣніе оберъ-прокурора. Оберъ-прокуроръ или товарищъ его можетъ либо пропустить опредѣленіе, дѣлая на немъ отмѣтку :«читалъ», либо опротестовать это рѣшеніе и предложить Сенату разсмотрѣть дѣло вновь, приведя новые мотивы, которые, по его мнѣ-

нію, будто бы, не имѣлись въ виду Сенатомъ. Но если даже оберъ-прокуроръ, «пропуститъ», т. е. согласится, — сенатское опредѣленіе, если имъ отмѣняется обжалованное постановленіе, поступаетъ еще на разсмотрѣніе того министра, къ вѣдомству котораго относится дѣло, т. е. часто къ тому учрежденію, на которое принесена жалоба. Отъ министра зависитъ или пропустить опредѣленіе, т. е. подписать его, или же опротестовать его и сдѣлать съ своей стороны мотивированное представленіе о новомъ разсмотрѣніи дѣла и измѣненіи прежняго предположеннаго рѣшенія, согласно съ мнѣніемъ министерства. Само собой разумѣется, что самъ министръ съ проектомъ опредѣленія не знакомится. Сенатское дѣло поступаетъ въ соотвѣтственный департаментъ, гдѣ оно опять задерживается, проходитъ отъ столоначальника по разнымъ докладамъ до товарища министра или самого министра, и послѣ этого возвращается обратно въ Сенатъ. Новое представленіе министерства разсматривается опять въ первомъ департаментѣ, но уже при участіи представителя того министерства, которое сдѣлало представленіе о несогласіи съ рѣшеніемъ. Результатъ новаго разсмотрѣнія возможенъ такой: или Сенатъ остался при прежнемъ мнѣніи и представитель министерства убѣдился доводами, приводимыми при обсужденіи дѣла, — тогда онъ подписываетъ резолюцію, дѣло считается окончательно рѣшеннымъ и рѣшеніе приводится въ исполненіе посылкой указа; если же хотя бы одинъ только представитель министерства остался при своемъ мнѣніи, дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе перваго общаго собранія Сената. Въ общемъ собраніи департаментовъ перваго, второго и департамента Герольдіи, (а раньше, въ мое время, и другихъ департаментовъ, напр., межевого), обыкновенно принимаютъ участіе всѣ сенаторы этихъ департаментовъ, числомъ иногда болѣе 50 чел. Опять таки требуется единогласное рѣшеніе всѣхъ сенаторовъ. Если единогласіе не достигнуто, что излагаются разныя мнѣнія сенаторовъ, и дѣло посылается министру юстиціи, какъ генералъ-прокурору, на его разсмотрѣніе. Онъ можетъ согласиться съ большинствомъ или съ меньшинствомъ. Если онъ согласился съ большинствомъ, и это большинство составляетъ больше 2/3, то тогда рѣшеніе считается состоявшимся и приводится въ исполненіе посылкой указа, изготовляемаго канцеляріей того департа-

мента, откуда оно поступило въ общее собраніе. Если же министръ юстиціи согласился съ мнѣніемъ меньшинства или даже опротестовалъ мнѣніе, хотя бы и единогласно вынесенное, то дѣло опять слушается въ общемъ собраніи; разсматривается отзывъ министра юстиціи (въ министерствѣ юстиціи всѣ дѣла, поступающія изъ общаго собранія Сената разсматриваются въ «Консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной», состоящей изъ оберъ-прокуроровъ всѣхъ департаментовъ Сената и изъ высшихъ чиновъ министерства юстиціи, подъ предсѣдательствомъ самого министра юстиціи или его товарища). Если въ Сенатѣ не получилось 2/3 голосовъ, согласныхъ съ заключеніемъ министра юстиціи, то дѣло переходитъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ въ «Департаментѣ Законовъ», какъ въ высшей апелляціонной инстанціи (на подобіе Палаты Лордовъ въ Англіи) оно разсматривается и рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ; рѣшенія Государственнаго Совѣта должны быть утверждены Императоромъ. Конечно, отъ Государя зависитъ согласиться или не согласиться съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, такъ какъ онъ вообще воленъ разрѣшать всѣ вопросы, не стѣсняясь ни законами, ни состоявшимся мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Изъ Государственнаго Совѣта дѣло возвращается въ Сенатъ, гдѣ состоявшееся Высочайшее повелѣніе докладывается и приводится въ исполненіе, т. е. посылается указъ.

Такой порядокъ приводилъ къ тому, что дѣла тянулись иногда десятки лѣтъ. Первый департаментъ Сената, какъ единственное для всей Россійской Имперіи учрежденіе, заваленъ былъ дѣлами; составъ сенаторовъ и, въ особенности, канцеляріи былъ ограниченъ, такъ какъ правительство, не будучи заинтересовано въ скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣлъ въ Сенатѣ, не давало средствъ на расходы по увеличенію его канцеляріи. Я знаю много случаевъ представленій министерства юстиціи объ увеличеніи отпуска средствъ для пополненія состава канцеляріи перваго департамента Сената, и въ этомъ отпускѣ министерство финансовъ всегда отказывало. Кому же охота дать возможность болѣе активнаго контроля надъ собственной дѣятельностью! Достаточно сказать, что главными работниками канцеляріи Правительствующаго Сената были молодые люди, «кандидаты» при Сенатѣ, которые или никакого

жалованія не получали, или получали очень мало изъ остатковъ ассигнованныхъ средствъ. Наиболѣе способные молодые люди скоро назначались на должности въ разныхъ министерствахъ, и такимъ образомъ постепенно рабочія силы канцеляріи ослаблялись. Самое содержаніе чиновъ канцеляріи было сравнительно мизернымъ даже для тѣхъ условій жизни, какія существовали въ концѣ прошлаго столѣтія. Главной рабочей силой въ канцеляріи были оберъ-секретари и нѣсколько ихъ помощниковъ, и отъ способностей и любви къ законности оберъ-секретаря зависѣла судьба многихъ дѣлъ, которыя часто затрагивали чрезвычайно крупные интересы отдѣльныхъ лицъ и даже государственнаго управленія.

Медленность производства въ Сенатѣ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ ограничительныхъ для евреевъ законовъ, была истиннымъ бѣдствіемъ. Принесеніе жалобы на рѣшеніе не пріостанавливало по закону приведенія въ исполненіе этого рѣшенія. Если министерство или губернское правленіе или вѣрнѣе губернаторы, въ своемъ антисемитскомъ усердіи, неправильно толковали законъ, то пока Сенатъ не пошлетъ указа объ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія, неправильное толкованіе будетъ примѣняться, а это часто означало, что люди будутъ раззоряться. Эти распоряженія всегда касались вопросовъ о правѣ жительствѣ въ данной мѣстности и гласили о немедленномъ выселеніи. Само собой разумѣется, что медленность разсмотрѣнія дѣлъ въ Сенатѣ приводила къ тому, что лекарство, если даже оно добывалось въ видѣ отмѣны даннаго постановленія, приходило уже послѣ смерти. О быстротѣ разсмотрѣнія жалобъ, которая соотвѣтствовала бы быстротѣ исполненія обжалованныхъ рѣшеній мѣстной власти, не могло быть и рѣчи. Этимъ и объясняется, что ко времени, когда я началъ заниматься еврейскими дѣлами, я засталъ въ Сенатѣ небольшое сравнительно количество дѣлъ по жалобамъ евреевъ на постановленія разныхъ губернскихъ правленій и губернаторовъ, хотя ограничительная правительственная тенденція уже сообщилась мѣстнымъ властямъ и стали рушиться всѣ прежнія основы практики, создавались новыя толкованія, иногда прямо не соотвѣтствующія содержанію закона, дѣлались распоряженія помимо всякаго закона; всѣ они приводились въ исполненіе, и данный еврей не имѣлъ уже никакого интереса приносить жа-

лобу и вести дѣло въ Сенатѣ: это было сопряжено съ значительными расходами и требовало проявленія большой энергіи. Порядокъ, при которомъ всякое предположеніе Сената объ отмѣнѣ обжалованнаго постановленія мѣстной власти направлялось предварительно на заключеніе министерства, создавалъ для министерства возможность и затягивать разсмотрѣніе дѣла и вліять на его разрѣшеніе. У канцеляріи Сената не было большой охоты вступать въ конфликтъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Обычно Сенатъ избѣгалъ возражать противъ предложеній министерства, такъ какъ возраженіе вызывало необходимость новаго доклада и слѣдовательно новой работы и для канцеляріи и для сенаторовъ. Всякій протестъ подлежащаго министра на проектъ опредѣленія являлся какъ бы бѣдствіемъ для канцеляріи, и поэтому уже и сама канцелярія въ лицѣ оберъ-секретаря, — если только это не былъ герой законности, — и оберъ-прокуроръ отъ котораго зависѣлъ пропускъ опредѣленія, заготовленнаго канцеляріей, — старались всегда составлять проекты опредѣленія въ такомъ духѣ, чтобы они не вызывали протеста, со стороны подлежащаго министерства. Но если канцелярія и пренебрегала всѣми этими опасностями и затрудненіями, то во всякомъ случаѣ благопріятное для жалобщика рѣшеніе становилось въ зависимость отъ усмотрѣнія чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. По дѣламъ, по которымъ возбуждались вопросы болѣе или менѣе принципіальнаго свойства, министерство стремилось дать такое рѣшеніе, которое соотвѣтствовало бы антисемитскимъ видамъ правительства, и по этимъ дѣламъ опредѣленія Сената опротестовывались и вслѣдствіе этого переходили въ общее собраніе Сената. Здѣсь же рѣшенія въ большинствѣ случаевъ выносились или случайныя, или же согласныя съ желаніями правительства. Въ собраніи 50-60 сенаторовъ никакое дѣло не могло получить правильной оцѣнки со стороны большинства, незнакомаго съ соотвѣтствующими законами, тѣмъ болѣе, что эти законы были запутаны. По многимъ дѣламъ, возбуждающимъ особый интересъ, всегда оказывалось разногласіе и дѣла направлялись въ министерство юстиціи. Здѣсь все болѣе и болѣе стало преобладать антисемитское настроеніе, отражавшееся и на рѣшеніи поступающихъ изъ Сената по разногласію дѣлъ. Министерство юстиціи избѣгало вступать въ конфликтъ

съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ области еврейскаго вопроса. Въ царствованіе Александра III ничего не было опаснѣе для даннаго министра, какъ прослыть недостаточно энергичнымъ антисемитомъ. Это угрожало опалой со стороны царя.

Число дѣлъ, которыя мнѣ пришлось вести въ Сенатѣ по жалобамъ евреевъ, стало быстро увеличиваться, послѣ того, какъ мнѣ удалось добиться того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможно было получить особый указъ Сената о пріостановкѣ выполненія обжалованнаго административнаго распоряженія, впредь до рѣшенія дѣла Сенатомъ. Для полученія такого указа не нуждавшагося въ согласіи министра и въ описанной процедурѣ, необходимо было, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, представить такія соображенія, которыя убѣдили бы Сенатъ, что законность обжалованнаго распоряженія на первый же взглядъ представляется сомнительной и что его исполненіе можетъ причинить такіе убытки, которые впослѣдствіи нельзя будетъ восполнить. Мало по малу удалось достигнуть того, что такъ называемые указы о пріостановленіи исполненія стали посылаться Сенатомъ очень часто. Уже это одно было спасительно для массы евреевъ, которые подвергались выселенію изъ селъ и деревень, на основаніи закона 3 мая 1882 г., такъ называемыхъ временныхъ правилъ, или же выселенію изъ внутреннихъ губерній въ черту осѣдлости. Возможность полученія такихъ указовъ привела въ свою очередь къ увеличенію числа жалобъ, подаваемыхъ въ Сенатъ. Безъ надежды получить указъ о пріостановленіи, жалобы, въ большинствѣ случаевъ, были бы безполезны, такъ какъ выселеніе осуществилось бы до того, какъ Сенатомъ дѣло было бы рѣшено, на что въ лучшемъ случаѣ требовалось не меньше двухъ лѣтъ.

Усилившіяся репрессіи выражались, кромѣ вопросовъ о правѣ торговли, главнымъ образомъ, въ распоряженіяхъ о выселеніи изъ мѣста жительства. Никакая давность не спасала отъ выселенія еврея и его семьи, если мѣстная власть находила, что данный еврей не имѣетъ права жительства по закону. Не спасало отъ выселенія и то, что данный еврей, поселившись во внутреннихъ губерніяхъ, въ свое время допущенъ былъ мѣстной властью къ проживанію тамъ. Если впослѣдствіи другая власть находила, что законъ раньше неправильно былъ понятъ, что въ

дѣйствительности данный еврей не пользуется по этому закону, какъ его толкуетъ новая власть, правомъ жительства внѣ черты осѣдлости, то онъ выселялся, хотя бы онъ десятки лѣтъ проживалъ въ данномъ мѣстѣ, — причемъ распоряженіе о выселеніи могло исходить отъ полицейскихъ властей. Для этого не требовалось ни судебнаго рѣшенія, ни постановленія какой-нибудь высшей инстанціи.

Большинство еврейскаго населенія внѣ черты осѣдлости такимъ образомъ оказалось подъ постоянной угрозой: отъ всякаго чиновника приставленнаго губернскимъ правленіемъ къ еврейскимъ дѣламъ, и отъ любого полицеймейстера зависѣло поставить подъ сомнѣніе право каждаго еврея проживать въ данномъ городѣ. Легко себѣ представить, что съ усиленіемъ въ правительственныхъ кругахъ реакціи и связаннаго съ нимъ антисемитизма судьба десятковъ тысячъ евреевъ оказалась въ зависимости отъ усмотрѣнія полицейскихъ чиновъ и что евреи стали объектомъ невѣроятнаго вымогательства со стороны полиціи. Отъ нея зависѣло оставить на жительствѣ такихъ, которые не имѣли на это никакого права по закону и раззорять тѣхъ, которые имѣли всѣ законныя основанія къ проживанію внѣ черты осѣдлости.

Таково же было и положеніе еврейскаго населенія въ чертѣ осѣдлости, внѣ городовъ и мѣстечекъ послѣ того, какъ изданы были правила 3 мая 1882 г. и дополненіе къ нимъ въ 1887 г., когда евреямъ воспрещено было переходить изъ одного села въ другое. Было воспрещено новое поселеніе евреевъ въ деревняхъ, жившіе же прежде въ данной деревнѣ могли остаться. Но отъ полиціи, конечно, зависѣло признавать, что данный еврей жилъ въ данномъ мѣстѣ до 3 мая 1822 г. или перешелъ изъ другой деревни до 1882 г. или же, что поселеніе его состоялось послѣ этихъ сроковъ, — а отъ такого признанія зависѣло оставленіе даннаго еврея на мѣстѣ или же распоряженіе о немедленномъ выселеніи.

Всѣ вопросы, связанные съ практикой выселенія евреевъ, въ концѣ концовъ находили свое окончательное рѣшеніе въ Сенатѣ. Каждое дѣло, поступившее въ Сенатъ, въ случаѣ его неблагопріятнаго для еврея разрѣшенія, могло послужить основаніемъ для увеличенія числа выселеній, такъ какъ о такихъ рѣшеніяхъ становилось извѣ-

стнымъ мѣстной администраціи и уже примѣнительно къ нимъ дѣлались распоряженія о другихъ евреяхъ, находящихся въ аналогичномъ положеніи. Съ другой стороны благопріятное рѣшеніе Сената давало основаніе, какъ прецедентъ, для устраненія опасности для большаго количества другихъ евреевъ. Достигнуть того, чтобы то или другое дѣло было рѣшено въ Сенатѣ въ пользу жалобщика было важно поэтому не только для него самого, но и для цѣлаго ряда другихъ лицъ. Защита интересовъ жалобщика въ Сенатѣ являлась такимъ образомъ защитою еврейскаго населенія вообще. Отсюда вытекала необходимость не только отстаивать права тѣхъ, которые обращались къ бар. Гинцбургу или непосредственно ко мнѣ съ просьбами относительно ихъ дѣлъ въ Сенатѣ, но и необходимость наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одно дѣло, производящееся въ Сенатѣ, не осталось безъ надлежащаго разъясненія, если только оно было дѣломъ правымъ, и чтобы предупредить неправильное рѣшеніе, которое отозвалось бы на тысячахъ евреяхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, — въ деревняхъ въ чертѣ осѣдлости, или въ городахъ во внутреннихъ губерніяхъ. Такое наблюденіе мнѣ удалось осуществить. Я слѣдилъ за всѣми дѣлами перваго департамента Сената и тогда, когда это было нужно, я могъ интервенировать какъ адвокатъ и содѣйствовать тому, чтобы дѣло разрѣшалось правильно. Мнѣ удалось устроить такъ, что я могъ знакомиться со спискомъ поступающихъ въ Сенатъ еврейскихъ жалобъ, и каждый разъ когда я усматривалъ, что возбуждается данною жалобою вопросъ, имѣющій принципіальное значеніе, я самъ обращался въ провинцію къ данному еврею-жалобщику и получалъ отъ него довѣренность, дававшую мнѣ возможность дѣйствовать въ интересахъ дѣла. Само собою разумѣется, что гонорара не требовалось. Чаще всего контора бар. Гинцбурга обращалась къ заинтересованнымъ лицамъ.

Къ счастью, въ канцеляріи перваго департамента Сената еще живы были традиціи и духъ законности. Лица, отъ которыхъ зависѣло направленіе и разрѣшеніе дѣлъ въ Сенатѣ, были еще чисто судебными дѣятелями и поэтому правильными юридическими доводами можно было еще вліять.

Изъ того, что я изложилъ относительно порядка движенія дѣлъ въ Сенатѣ, видно, какое значеніе имѣлъ каж-

дый изъ оберъ-секретарей и оберъ-прокуроровъ; можно утверждать, что отъ настроенія и чувства законности каждаго изъ такихъ лицъ зависѣли судьбы десятковъ тысячъ евреевъ.

Не могу не вспомнить о нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣхъ именно, которыхъ я въ самомъ началѣ моей дѣятельности засталъ въ канцеляріи Правительствующаго Сената.

Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что и въ русскомъ общественномъ мнѣніи, и въ особенности въ еврейскомъ населеніи, господствовала увѣренность, что въ высшихъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ, и даже въ Сенатѣ, можно всѣхъ купить и что все дѣло для каждаго заключается въ томъ, чтобы найти надлежащій путь. Правда, рѣдко обвиняли въ подкупности самихъ сенаторовъ, но думали, что вся канцелярія Сената подкупна, а вѣдь отъ нея зависѣло рѣшеніе каждаго дѣла. Къ концу 80-хъ годовъ мнѣніе это было рѣшительно не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Судебное вѣдомство стояло въ моральномъ отношеніи высоко и чистота этого вѣдомства отразилась и на канцеляріяхъ Сената и въ частности на канцеляріи перваго департамента. Чиновники канцеляріи, за рѣдкими исключеніями, являлись лицами съ высшимъ образованіемъ, въ большинствѣ случаевъ окончившими училище Правовѣдѣнія: люди эти вполнѣ подходили подъ общій типъ судебныхъ дѣятелей новой формаціи. На нихъ не успѣло распространиться къ тому времени, о которомъ я говорю, общее антисемитское настроеніе, побуждавшее во многихъ случаяхъ забыть о законности. Это настроеніе гораздо больше нашло свое отраженіе на самихъ сенаторахъ, чѣмъ на отвѣтственныхъ работникахъ сенатской лабораторіи указовъ. Въ соглашенія по поводу производящихся въ Сенатѣ дѣлъ можно было еще входить съ писцами и вообще низшими чиновниками, которые были въ силахъ только дать ту или иную справку, иногда сообщить копію какой-либо бумаги, что считалось воспрещеннымъ. Но это запретное сношеніе съ частными лицами отнюдь не относилось къ оберъ-секретарямъ и ихъ помощникамъ и къ оберъ-прокурорскому составу.

Въ описываемое мною время еврейскими дѣлами въ первомъ департаментѣ Сената завѣдывалъ товарищъ оберъ-прокурора В. И. Тимофѣевскій, впослѣдствіи сенаторъ и ко времени революціи въ Россіи бывшій перво-

присутствующій въ общемъ собраніи департаментовъ Сената. Тимофѣевскій, воспитанный на сенатской службѣ при покойномъ Арцимовичѣ, обладавшій высоко развитымъ чувствомъ справедливости и законности, проявлялъ даже отъ времени до времени нѣкоторое мужество въ борьбѣ противъ попытокъ министерства внутреннихъ дѣлъ настоять на ограничительномъ толкованіи закона, какъ бы мало основательно оно ни было. Тимофѣевскій былъ всегда доступенъ для правильныхъ юридическихъ доводовъ. Его всегда можно было убѣдить и не разъ удавалось достигнуть того, что то или другое предположеніе о разрѣшеніи дѣла измѣнялось Тимофѣевскимъ послѣ того, какъ ему были представлены надлежащія соображенія, которыя онъ признавалъ правильными. Оберъ-секретаремъ, вѣдающимъ еврейскими дѣлами былъ бар. Гойнингенъ-Гюне, перешедшій впослѣдствіи въ канцелярію Государственнаго Совѣта. Онъ принадлежалъ къ семьѣ уважаемыхъ судебныхъ дѣятелей, единомышленниковъ и сотрудниковъ бывшаго министра юстиціи гр. Палена. Въ немъ не было предвзятости, онъ не проявлялъ активнаго антисемитизма и никогда не отказывалъ мнѣ въ содѣйствіи, въ надлежащемъ разъясненіи того или другого дѣла; въ немъ всегда можно было найти защиту правильнаго взгляда. Его не смущала надобность войти въ пререканія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Первымъ помощникомъ его былъ С. П. Кузнецовъ, замѣнившій потомъ бар. Гойнингена-Гюне въ должности оберъ-секретаря. Впослѣдствіи Кузнецовъ перешелъ на службу въ департаментъ полиціи въ качествѣ начальника того отдѣленія, которое занималось еврейскимъ вопросомъ. Онъ также не былъ предвзятымъ антисемитомъ и какъ въ должности оберъ-секретаря, такъ впослѣдствіи въ качествѣ вершителя дѣлъ о евреяхъ въ департаментѣ полиціи, онъ старался держаться закона. Другимъ помощникомъ оберъ-секретаря былъ тогда еще очень молодой М. А. Лозино - Лозинскій, образованный юристъ, съ чрезвычайно симпатичными взглядами. Его отецъ былъ членомъ Паленской комиссіи по пересмотру законовъ объ евреяхъ и былъ въ составѣ того большинства комиссіи, которое стояло за расширеніе правъ евреевъ. Сынъ его, молодой помощникъ оберъ-секретаря, а впослѣдствіи и оберъ-секретарь въ первомъ департаментѣ Сената, способный и очень трудолюбивый работникъ,

имѣлъ большое и благотворное вліяніе на ходъ еврейскихъ дѣлъ въ Сенатѣ. Лозино-Лозинскій, впослѣдствіи завѣдывалъ въ качествѣ вице-директора при тов. м-ра П. Н. Дурново (о которомъ я упоминалъ уже) департаментомъ духовныхъ дѣлъ инославныхъ исповѣданій, куда на короткое время перешло вѣдѣніе еврейскихъ дѣлъ; затѣмъ Лозинскій былъ тифлисскимъ губернаторомъ. Я былъ съ нимъ въ довольно тѣсномъ общеніи по редакціи «Вѣстника Права», о чемъ — ниже.

Благодаря названнымъ сенатскимъ работникамъ, первый періодъ, самый бурный, антисемитскаго настроенія правительства можно было пережить безъ полнаго крушенія идеи законности въ практикѣ примѣненія законовъ о евреяхъ. Еще возможно было бороться противъ все болѣе и болѣе увеличивавшагося произвола административной власти по отношенію къ евреямъ. Къ сожалѣнію, не всегда роль этихъ дѣятелей была рѣшающей. Но долгъ справедливости по отношенію къ этимъ лицамъ мнѣ велитъ занести въ мои воспоминанія заявленіе, что ими всегда дѣлалось все, что было возможно для законнаго разрѣшенія еврейскихъ жалобъ. Благодаря имъ удалось ввести въ обычай, какъ я указалъ раньше, практику пріостановленія распоряженій мѣстной власти о выселеніи евреевъ впредь до разсмотрѣнія жалобъ по существу.

Съ 1889 г. началась полоса выселеній. Выселяли изъ городовъ внутреннихъ губерній, выселяли изъ деревень 15 губерній черты осѣдлости. Сотни тысячъ людей оказались подъ дамокловымъ мечемъ выселенія и очутились въ зависимости отъ жадной полиціи, высасывающей послѣдніе соки изъ бьющихся въ борьбѣ за существованіе евреевъ. Безпощадная конкурренція вызвала къ жизни ужасное и позорное зло доносительства. Эпидемія выселенія все ширилась и не прекратилась до конца царскаго режима...

Скованное Правилами 3 мая 1882 г. въ предѣлахъ городовъ и мѣстечекъ, еврейское населеніе выпиралось за предѣлы мѣстъ дозволеннаго для евреевъ жительства. Но на порогѣ запретныхъ по закону мѣстъ, гдѣ былъ просторъ и такъ сильно чувствовался недостатокъ живыхъ предпріимчивыхъ силъ, стоялъ неумолимый законъ, во-

оружившій своихъ служителей полицейскимъ мечемъ выселеній. И было особымъ счастіемъ, если полицейскій оказывался менѣе неумолимымъ, чѣмъ законъ, по крайней мѣрѣ къ просьбамъ, поддержаннымъ звономъ серебра. Ни одинъ еврей, проживающій внѣ черты осѣдлости, не могъ быть спокоенъ за завтрашній день. Ни одинъ отправляющійся въ запретныя мѣста, не смотря на владѣніе ворохомъ документовъ, удостовѣряющихъ его право на пріѣздъ и временное пребываніе внѣ черты осѣдлости, не могъ знать, не предстоитъ ли ему стать жертвою юриспруденціи какого-либо полицейскаго чина, которая опорочитъ его «право жительства» и приведетъ къ «отобранію подписки на выѣздъ въ 24 часа» въ мѣстности черты осѣдлости. И много ли найдется теперь и въ несчастной Россіи, и въ облитой еврейскою кровью Украинѣ, и даже среди милліоновъ нашихъ счастливыхъ братьевъ за океаномъ, такихъ, которые не пережили бы сами или не были свидѣтелями того, какъ ихъ близкіе переживали горе выселеній и подписокъ о выѣздѣ. Итакъ, началась жестокая борьба за право жительства или вѣрнѣе за право жить.

И не безъ чувства нравственнаго удовлетворенія я пропускаю предъ собою долгіе годы участія моего въ этой борьбѣ, стоившей большихъ усилій. При томъ долгое время пришлось быть въ совершенномъ одиночествѣ...

Постепенно въ эту борьбу втягивались однако разныя категоріи евреевъ. Каждый годъ почти, начиная съ 1889 года, отмѣчался новою категоріею выселяемыхъ, или новымъ мѣстомъ, откуда происходили выселенія; эпидемія перебрасывалась изъ одного мѣста въ другое.

Впереди всѣхъ въ эту эпоху шли ремесленники. Ремесленники получили право повсемѣстнаго жительства для занятія ремесломъ по закону 1865 г. Этотъ законъ былъ изданъ даже не подъ вліяніемъ однихъ только еврейскихъ домогательствъ. Правительство сознавало потребность предоставить внутреннимъ губерніямъ возможность пользоваться продуктами ремесленнаго производства. Въ этомъ отношеніи внутреннія губерніи были поставлены въ значительно худшее положеніе, нежели западныя губерніи, гдѣ было изобиліе евреевъ-ремесленниковъ, которые снабжали мѣстное населеніе дешевыми продуктами, и сами вслѣдствіе безпощадной конкурренціи лишены были воз-

можности получать средства къ жизни отъ своего ремесленнаго труда. Во внутреннихъ же губерніяхъ, при полномъ отсутствіи ремесленниковъ среди коренного населенія, потребность въ продуктахъ ремесленнаго производства не могла быть удовлетворяема. Любопытно то, что иниціатива предоставленія евреямъ ремесленникамъ права селиться во внутреннихъ губерніяхъ, исходила отъ дворянства той губерніи, которая въ началѣ 20-го столѣтія заняла первое мѣсто въ антисемитской агитаціи и дала лидеровъ Союза Русскаго Народа, съ лозунгомъ «бей жидовъ» и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ. Курское дворянство возбудило ходатайство о томъ, чтобы евреямъ-ремесленникамъ, механикамъ и винокурамъ предоставлялось проживать внѣ черты осѣдлости. Дворяне помѣщики стремились къ тому, чтобы получить разрѣшеніе на проживаніе евреевъ-винокуровъ для того, чтобы могли работать винокуренные заводы, основанные при крупныхъ имѣніяхъ. Не было во внутреннихъ губерніяхъ никакихъ механиковъ, а затѣмъ и просто мастеровъ и ремесленниковъ. Вслѣдствіе этого и изданъ былъ законъ 1865 г.

Въ отношеніи потребности внутреннихъ губерній въ ремесленномъ трудѣ обстоятельства немного измѣнились къ концу столѣтія. Правда, заводская и фабричная промышленность въ значительной степени замѣнили ремесленный трудъ, но, однако, и оставшіяся потребности не могли быть удовлетворены безъ участія еврейскихъ ремесленниковъ. Съ другой стороны, пользуясь закономъ 1865 г., во внутреннія губерніи проникали и такіе евреи, которые, будучи ремесленниками, оставляли занятія ремесломъ и обращались къ болѣе прибыльному занятію торговлей, и даже заводской и фабричной промышленностью. Закономъ 1865 г. пользовались, конечно, и такіе, которые не занимаясь никакимъ ремесломъ, обзаводились ремесленными аттестатами ремесленныхъ и цеховыхъ управъ, которые за сходную плату выдавали такіе аттестаты. Прекращеніе занятія ремесломъ и вообще незанятіе имъ не могло быть, конечно, тайной для мѣстной полиціи; однако, въ болѣе льготное время до конца 80-хъ г.г., этимъ лицамъ препятствій не чинилось. Какъ я уже имѣлъ случай указать, въ концѣ 70-хъ г.г. вслѣдствіе одного циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, губернаторы принялись за провѣрку правъ евреевъ-ремесленниковъ и стали

выселять многихъ, оказавшихся несоотвѣтствующими законнымъ требованіямъ. Но тогда же по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ Макова отъ 3-го апрѣля 1880 г. № 30 выселеніе было пріостановлено впредь до особаго распоряженіе правительства. Начиная же съ конца 80-хъ г.г., стала проявляться тенденція къ тому, чтобы свести на нѣтъ льготы, дарованныя въ 1865 г. евреямъ и дѣйствительнымъ ремесленникамъ.

Экономическая энергія евреевъ не находила себѣ достаточнаго простора въ чертѣ осѣдлости, въ особенности послѣ того, какъ правилами 3 мая 1882 г. жительство въ селахъ и городахъ было евреямъ закрыто и всякое отношеніе къ сельской недвижимой собственности прекращено. Ни устройство фабрикъ, ни арендованіе ихъ не было допускаемо по этимъ правиламъ; между тѣмъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, для тѣхъ, кто имѣлъ право жительства, пріобрѣтеніе недвижимой собственности, а слѣдовательно, устройство фабрикъ и заводовъ и арендованіе ихъ, не воспрещалось закономъ. Болѣе предпріимчивые евреи, не имѣя возможности приложить свою энергію въ чертѣ осѣдлости, старались проникнуть во внутреннія губерніи, пользуясь существующимъ закономъ, а за ними тянулись и сотрудники ихъ, которые такъ или иначе устраивались въ запретныхъ мѣстахъ внутреннихъ губерній. Однимъ изъ такихъ способовъ и было добываніе ремесленныхъ документовъ для того, чтобы воспользоваться правомъ, дарованнымъ въ 1865 г.

Вторая категорія — это «николаевскіе» солдаты и члены ихъ семействъ. Закономъ 1867 г. предоставлено было право жительства и право приписки повсемѣстно къ мѣщанскимъ обществамъ евреямъ, отбывшимъ военную службу по рекрутскому уставу. Этотъ законъ характеренъ тѣмъ, что онъ, собственно, не былъ спеціальнымъ закономъ, изданнымъ для евреевъ. При выработкѣ положенія о крестьянахъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости возникъ вопросъ, какъ поступать съ отбывавшими воинскую повинность въ качествѣ рекрутовъ по прежнему порядку, когда въ рекруты сдавались помѣщиками крѣпостные крестьяне и этимъ они исключались изъ своихъ обществъ. Еще до освобожденія крестьянъ существовало правило, что сданные въ рекруты обратно въ крѣпостную зависимость не попадали. По положенію

1861 г. о крестьянахъ, окончившимъ службу солдатамъ предоставлено было избирать по своему усмотрѣнію сельское или мѣщанское общество, къ которымъ они приписывались. Льгота заключалась въ томъ, что общества не имѣли права отказать въ пріемѣ такимъ отставнымъ солдатамъ. Изъ этого правила о свободномъ выборѣ общества повсемѣстно въ Россіи не было сдѣлано исключенія для евреевъ. Отсюда и вытекало новое, не бывшее ранѣе у евреевъ право получать по окончаніи военной службы право на повсемѣстное въ Имперіи жительство, такъ какъ, само собою разумѣется, что будучи приписаннымъ къ данному обществу, внѣ черты осѣдлости, этотъ вновь приписанный получалъ и право проживанія по мѣсту приписки. Это право было спеціально подтверждено въ 1867 г. Вмѣстѣ съ такими евреями получали право жительства и члены ихъ семействъ, причемъ, по закону, членами семействъ считались не только дѣти, но и «усыновленные». Отсюда, для лицъ, усыновленныхъ этими отставными солдатами, вытекала возможность также пользоваться правами на приписку къ данному обществу и вмѣстѣ съ этимъ на проживаніе внѣ черты осѣдлости. Для усыновленія мѣщанъ не требовалось особыхъ формальностей , — достаточно было заявленія усыновителя въ казенную палату о припискѣ къ его семьѣ лица, усыновляемаго имъ. Появилась такимъ образомъ категорія евреевъ — усыновленныхъ отставными солдатами николаевской службы, т. е. прошедшими службу по рекрутскому уставу, и приписанными къ обществамъ внѣ черты осѣдлости. Въ законѣ никакого ограниченія не было и для тѣхъ отставныхъ николаевскихъ солдатъ, которые по окончаніи службы возвращались въ свои прежнія первобытныя общества, т. е. въ черту осѣдлости и потомъ переходили въ общества внутреннихъ губерній, т. е. перечислялись изъ прежняго общества въ новое общество за чертой осѣдлости; вмѣстѣ съ ними перечислялись и члены ихъ семьи, не исключая и усыновленныхъ. Въ концѣ 80-хъ гг. было обычнымъ явленіемъ, что евреи разыскивали отставныхъ солдатъ николаевской службы для того, чтобы въ ихъ лицѣ пріобрѣсти усыновителей и, ставъ усыновленными, перечислиться вмѣстѣ съ ними въ общества внутреннихъ губерній. Создался особый источникъ дохода для стариковъ, прошедшихъ тяжелую 15-ти, а ранѣе и 25-ти лѣтнюю рекрутскую службу. Состоятельные

евреи черты осѣдлости охотно шли на то, чтобы платить пенсію на содержаніе старика николаевскаго солдата, за честь считаться его сыномъ въ качествѣ усыновленнаго имъ. Впослѣдствіи состоялось разъясненіе Сената, вошедшее даже въ гражданскіе законы, о томъ, что внѣ черты осѣдлости еврей можетъ усыновлять только такого еврея, который самъ пользуется правомъ жительства во внутреннихъ губерніяхъ. Но не было запрета евреямъ въ чертѣ осѣдлости усыновлять другихъ евреевъ и уже послѣ усыновленія, когда усыновленный числится въ семейномъ спискѣ, переходить во внутреннія губерніи.

Довольно значительныя по численности категоріи усыновленныхъ проживали внѣ черты осѣдлости сравнительно безмятежно въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Къ 1890 г. приступили къ провѣркѣ правъ такихъ усыновленныхъ. Для борьбы съ лицами, поселившимися во внутреннихъ губерніяхъ въ качествѣ усыновленныхъ, полиція и губернскія власти вмѣстѣ съ органами м-ва финансовъ, казенными палатами, вѣдавшими приписку къ обществамъ, стали прибѣгать къ разнымъ толкованіямъ закона и стали исключать изъ мѣщанскихъ обществъ внутреннихъ губерній тѣхъ усыновленныхъ, которые въ свое время были причислены по постановленію Казенной Палаты, а иногда даже и министерства финансовъ, куда дѣла переходили въ случаѣ какихъ нибудь сомнѣній. Распоряженіями Казенной Палаты, по инициіативѣ полиціи или губернатора, семьи подобныхъ усыновленныхъ исключались изъ мѣстныхъ обществъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ являлось въ этомъ случаѣ немедленное выселеніе въ черту осѣдлости.

Постепенно урѣзываніе, путемъ толкованія закона, правъ евреевъ распространялось и на другія категоріи. Уже на что были привилегированы купцы первой гильдіи, которые, по закону 1859 г. въ сущности, за право проживать внѣ черты осѣдлости платили колоссальный налогъ. По этому закону для приписки къ купечеству внутреннихъ губерній и полученія такимъ путемъ повсемѣстно въ Имперіи жительства требовалась уплата въ теченіе 5 лѣтъ гильдейской, по первой гильдіи пошлины (500-900 р. въ годъ), и затѣмъ, для полученія права проживать во внутреннихъ губерніяхъ требовалось состояніе въ первой гильдіи во

внутреннихъ губерніяхъ въ теченіе 10 лѣтъ, и только послѣ этого данный купецъ вмѣстѣ съ членами семьи, которые были прописаны въ его гильдейскомъ свидѣтельствѣ, получалъ право постояннаго и повсемѣстнаго жительства безъ платежа гильдейскихъ пошлинъ. Первую гильдію платили евреи даже тогда, когда по роду торговли они могли бы платить лишь за вторую гильдію, или даже вовсе не состоять въ купечествѣ, лишь въ цѣляхъ получить впослѣдствіи право перейти во внутреннія губерніи. Первой гильдіи купецъ имѣлъ право, переходя въ купечество первой гильдіи, брать съ собой приказчиковъ съ ихъ семьями. Были часты случаи, что нѣсколько евреевъ складывались вмѣстѣ, для того, чтобы одинъ изъ нихъ платилъ гильдію, другіе числились его приказчиками, и черезъ пять лѣтъ получали право переѣхать во внутреннія губерніи, вмѣстѣ съ платившимъ первую гильдію.

Ограничительная тенденція коснулась и этой категоріи. Безчисленнымъ рядомъ измышленій постепенно урѣзывались права купцовъ первой гильдіи и въ томъ отношеніи, что за ними осталось право проживать только въ томъ городѣ, гдѣ они платили и состояли купцами. Для самаго перехода въ купцы внутреннихъ губерній ставились всяческія препятствія путемъ соотвѣтственныхъ толкованій закона. Возбуждались сомнѣнія — и разрѣшались эти сомнѣнія не въ пользу евреевъ — въ отношеніи понятія члена семьи: кто могъ быть членомъ семьи, какъ быть съ тѣми, которые были пропущены въ гильдейскомъ свидѣтельствѣ, при переходѣ изъ черты осѣдлости въ купечество внутреннихъ губерній, какъ быть съ тѣми, которые родились въ тотъ періодъ, когда купецъ переходилъ во внутреннія губерніи, и такимъ образомъ въ прежнемъ его купеческомъ свидѣтельствѣ въ качествѣ членовъ семьи не числились. Затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ толкованій закона о правѣ купцовъ брать съ собой приказчиковъ изъ евреевъ, имѣть домашнюю прислугу изъ евреевъ, что вызывалось необходимостью, въ виду соблюденія таковымъ купцомъ кошерной кухни и т. д.

Затѣмъ шло самое важное, это — примѣненіе правилъ 3 мая 1882 г. Я буду имѣть случай подробно разсказать о той борьбѣ, которую приходилось вести по поводу каждаго мѣстечка въ отношеніи его права на титулъ «мѣстечко». Отмѣна названія «мѣстечко» для даннаго населеннаго

пункта связывалось не только съ прекращеніемъ доступа въ это мѣсто новыхъ евреевъ, но и выселеніемъ всѣхъ тѣхъ, кто поселился тамъ послѣ 3 мая 1882 г. Происходила постоянная провѣрка правъ евреевъ, живущихъ въ деревняхъ и селахъ, вызывавшая необходимость черезъ десятки лѣтъ доказывать, что данный еврей поселился никакъ не позже 3 мая 1882 г., производилась провѣрка всякихъ списковъ, въ коихъ зарегистрированы были лица, жившія до 3 мая 1882 г. Каждая такая провѣрка отдавала судьбу евреевъ, живущихъ въ деревняхъ, на произволъ становыхъ приставовъ и исправниковъ; не занесетъ приставъ даннаго еврея въ списокъ, и еврей лишается права остаться жить въ деревнѣ.

Переходъ изъ одного села въ другое былъ воспрещенъ закономъ 1887 г., — но что значитъ переходъ изъ одной мѣстности въ другую, законъ не опредѣлялъ. Означаетъ ли переходъ изъ одного помѣщенія въ другое, отстоящее иногда всего на полверсты, — переселеніе въ новую сельскую мѣстность или же это есть только перемѣна помѣщенія? Гдѣ кончается мѣстечко и начинается сельская мѣстность? Подобныя сомнѣнія разрѣшались иногда чисто соломоновскимъ способомъ: не живой ребенокъ разрубался на двѣ части, а живая улица дѣлилась на двѣ части, — одна половина признавалась въ предѣлахъ мѣстечка, а другая — за предѣлами мѣстечка, и потому евреи, живущіе въ этой половинѣ, должны были быть выселены изъ этой половины въ другую, хотя бы тамъ никакихъ квартирныхъ помѣщеній не было.

И вотъ по каждому вопросу приходилось отстаивать льготное для евреевъ толкованіе закона, доводить дѣла до Сената и углубляться въ сложныя аргументаціи, писать чуть ли не цѣлыя брошюры, убѣждать, доказывать. И хорошо еще, что скоро я заслужилъ довѣріе тѣхъ, которые разрѣшали такіе вопросы и они, по крайней мѣрѣ, выслушивали доводы и соображенія.

Но надо вернуться къ послѣдовательному ходу событій въ еврейской общественной и правовой жизни въ ближайшіе къ 1890 г. годы.

ГЛАВА XVIII.

Еврейская эмиграція. — Вызываемыя ею осложненія въ экономической жизни страны иммиграціи. — Комиссія по изслѣдованію причинъ эмиграціи, назначенная Конгрессомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. — Предположенный бар. М. Гиршемъ училищный фондъ. — Командированіе въ 1891 г. Арнольда Уайта. — Ходатайства о допущеніи операцій Еврейской Колонизаціонной Ассоціаціи, учрежденной въ Лондонѣ. — Антисемитизмъ г. Арнольда Уайта. — Д. Ѳ. Фейнбергъ.

Тяга евреевъ въ Америку существовала издавна. Она рѣзко усилилась послѣ погромовъ 1881-1882 г. Постепенно въ Америкѣ образовался классъ русскихъ евреевъ, болѣе молодыхъ и энергичныхъ, очень скоро приспособившихся въ новыхъ условіяхъ; они быстро ассимилировались съ американцами и начинали жить чисто американской жизнью. Они не забывали, однако, семействъ, оставленныхъ въ Россіи, и при первой возможности старались перевезти ихъ къ себѣ. Это стремленіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе евреевъ въ Россіи. Въ правительственныхъ кругахъ эту тягу эмигрантовъ евреевъ объясняли желаніемъ уклониться отъ исполненія воинской повинности. Отправлялись въ Америку сначала совершенно легально съ заграничными паспортами лица, свободныя отъ исполненія воинской повинности, однако, не въ такомъ возрастѣ, который былъ бы несовмѣстимъ съ возможностью приспособленія къ новымъ условіямъ жизни. Это былъ передовой отборный отрядъ еврейскихъ эмигрантовъ въ Америку, потянувшій за собой и болѣе слабосильные элементы, разсчитывающіе на помощь тѣхъ, кто раньше тамъ поселился. Съ обостреніемъ еврейскаго вопроса въ Россіи, въ Америку устремлялись уже и такіе,

которые едва-ли были приспособлены къ борьбѣ за существованіе въ Америкѣ въ новыхъ условіяхъ. Часть этихъ эмигрантовъ являлась дѣйствительно бѣглецами, выселенными изъ деревень и селъ въ порядкѣ правилъ 3 мая, либо выселенными изъ внутреннихъ губерній, и вынужденными отправляться въ черту осѣдлости, которая для нихъ была совершенно чуждой, такъ какъ они въ теченіе многихъ лѣтъ проживали во внутреннихъ губерніяхъ и потеряли всякую связь съ прежнимъ мѣстомъ своего происхожденія въ чертѣ осѣдлости. Раззоренные, часто неспособные къ физическому труду какъ по своему возрасту, такъ и по непривычкѣ къ труду, они не могли двигаться въ Америку безъ посторонней помощи. Въ ожиданіи помощи они задерживались въ этапныхъ пунктахъ, главнымъ образомъ, въ заграничныхъ портовыхъ городахъ, наводняя ихъ и обременяя мѣстную еврейскую благотворительность. Въ 1890 г. въ Англіи общественное мнѣніе обратило вниманіе на количество евреевъ, ложащихся бременемъ на мѣстную благотворительность, и такъ какъ причины эмиграціи для англичанъ были совершенно ясны, — эти причины разъяснялись въ органахъ печати благодаря еврейскимъ дѣятелямъ, — то общественное мнѣніе оказалось возбужденнымъ противъ политики русскаго правительства въ отношеніи евреевъ. Не имѣя возможности оказать какое бы то ни было прямое вмѣшательство въ чужія внутреннія дѣла, англійское общественное мнѣніе ограничивалось протестами: созывались митинги и даже образовался спеціальный фондъ, въ суммѣ около 1 мил. руб., для помощи евреямъ-эмигрантамъ. Основался еврейскій комитетъ помощи, который функціонировалъ до конца войны. Русская правительственная антисемитская политика питала этотъ комитетъ достаточнымъ матеріаломъ для заботы о жертвахъ этой политики. Встревожилась потокомъ евреевъ-эмигрантовъ, лишенныхъ средствъ, вся Европа, лежащая по пути движенія эмигрантовъ. Стремленіе къ эмиграціи не обошлось и безъ агитаціи, которую развивали представители разныхъ пароходныхъ фирмъ, заинтересованныхъ въ привлеченіи эмигрантовъ на свои пароходы. Дѣятельность этихъ агентовъ встрѣчала, правда, затрудненія въ формальномъ законѣ, дѣйствовавшемъ въ Россіи и воспрещавшемъ подъ страхомъ суровой кары подстрекательство къ оставленію отечества безъ раз-

рѣшенія начальства, т. е. безъ заграничнаго «губернаторскаго» паспорта. Оставленіе отечества считалось преступленіемъ, караемымъ поселеніемъ въ Сибирь, и даже каторжными работами. Но этотъ законъ не могъ примѣняться. Ушедшіе изъ Россіи обратно не возвращались и были внѣ досягаемости уголовнаго закона. Правительство, впрочемъ, не только не могло но и не желало бороться противъ нелегальнаго оставленія отечества.

Заграничные губернаторскіе паспорта выдавались съ трудомъ; полученіе паспорта для евреевъ въ провинціи было дѣломъ чрезвычайно труднымъ; мѣстечковымъ евреямъ для полученія паспорта приходилось отправляться въ губернскій городъ, доставать разнаго рода документы. Вслѣдствіе этого прибѣгали къ нелегальному переходу черезъ границу, особенно изъ пограничныхъ губерній. Создался промыселъ перевоза и перевода заграницу эмигрантовъ. Въ массѣ эмигрантовъ были представлены главнымъ образомъ пограничныя — Ковенская губернія и губерніи Царства Польскаго. Изъ русскихъ портовъ прямого сообщенія съ Америкой не было, — ни изъ одного русскаго порта до первыхъ лѣтъ этого столѣтія пароходы не отправлялись въ Нью-Іоркъ или другія гавани Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Для того, чтобы попасть на эмигрантскій пароходъ, необходимо было по желѣзной дорогѣ добраться до Гамбурга, Бремена, Гавра и др. и оттуда отправляться на пароходѣ американской линіи. Пользоваться пароходнымъ сообщеніемъ отъ Либавы до Гамбурга или Бремена для нелегально уѣзжающихъ представлялось невозможнымъ, такъ какъ мѣстная власть провѣряла всѣхъ желающихъ ѣхать на пароходѣ, въ заграничный портъ. Поэтому вся лавина эмигрантовъ бросалась за границу черезъ Вержболово, Александрово, Млаву и, перейдя границу, оказывалась въ Германіи, на путяхъ къ Гамбургу, или въ Бродахъ, въ Австріи. Толпы эмигрантовъ, направляющихся въ Гамбургъ, вызвали усиленную дѣятельность германскихъ еврейскихъ круговъ, въ особенности въ Берлинѣ. Добравшіеся до Берлина, въ ожиданіи дальнѣйшаго движенія на Гамбургъ, размѣщались въ Шарлоттенбургѣ (часть Берлина) подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ. Образовались комитеты на пріемныхъ станціяхъ у германской границы и затѣмъ въ Гамбургѣ и др. портовыхъ городахъ. Всѣ эти комитеты

скоро стали работать подъ руководствомъ учрежденнаго, **Hilfsverein der deutschen Juden** во главѣ котораго стояли до послѣдняго времени основатели его **James Simon** и **Dr. Paul Nathan.**

Оказалась необходимость защищать эмигрантовъ отъ безпощадной эксплоатаціи со стороны агентовъ пароходныхъ обществъ и самихъ обществъ, сманивавшихъ эмигрантовъ и крайне жестоко обращавшихся съ ними на пароходахъ.

Въ государствахъ иммиграціи и особенно въ Америкѣ наплывъ иммигрантовъ создалъ конкурренцію мѣстнымъ рабочимъ. Иммигранты поступали на работу за незначительную долю того вознагражденія, которое считалось нормальнымъ для американскаго рабочаго. Помимо евреевъ иммигрантовъ, понижали въ Америкѣ заработную плату и рабочіе иммигранты изъ Италіи, которые пріѣзжали на сезоны, или на опредѣленные сроки, для сельскохозяйственныхъ фабричныхъ и заводскихъ работъ по контрактамъ, заключеннымъ въ Европѣ. Контрактовые эмигранты, конечно, работали за дешевую плату и тѣмъ самымъ вызывали пониженіе заработной платы вообще. Американское правительство, актомъ 1889 года, впервые приняло мѣры къ затрудненію иммиграціи; въ порты Сѣверо - Американскихъ Штатовъ стали впускаться только такіе эмигранты, которые представляли гарантію того, что они не лягутъ бременемъ на мѣстную благотворительность, что они имѣютъ средства къ существованію или что они будутъ находиться на иждивеніи и заботѣ какого нибудь близкаго имъ лица, живущаго въ Америкѣ. На ряду съ этимъ дѣйствовалъ и законъ, изданный къ тому же времени, о воспрещеніи, подъ страхомъ довольно суровой уголовной кары, заключенія контрактовъ съ рабочими въ Европѣ и перевозки ихъ для исполненія работъ по такому контракту въ Америкѣ. Впрочемъ, этотъ законъ не имѣлъ отношенія къ евреямъ, которые обыкновенно эмигрировали индивидуально въ Европѣ и по контрактамъ ни на какія работы до отъѣзда не нанимались. Сѣверо-американское правительство заботилось, конечно, прежде всего о томъ, чтобы въ Америку не являлись преступные элементы, которые стремились избѣжать кары за содѣянныя преступленія въ Европѣ, путемъ переѣзда въ Америку. Болѣе или менѣе частыми гостями

гостепріимныхъ Штатовъ были не только избѣгавшіе судебнаго преслѣдованія, но и тѣ, кто, отбывъ наказаніе, стремились перемѣнить родъ жизни, и пойти по пути болѣе или менѣе правильному. Изъ за невозможности устроиться при наличіи тюремнаго клейма, лежащаго на нихъ дома, эти элементы искали новаго мѣста и переселялись въ Америку. Этотъ классъ иммигрантовъ американское правительство считало нежелательнымъ, и поэтому надзоръ за иммиграціей былъ усиленъ. Учреждена была усиленная инспекція иммиграціи въ каждомъ порту; агенты этой инспекціи провѣряли каждаго эмигранта съ точки зрѣнія признаковъ, по которымъ, на основаніи закона, данный эмигрантъ вовсе не долженъ быть допущенъ въ Америку. Если же такія лица, — а ихъ было немало, — оказывались на томъ или другомъ пароходѣ, то высадка ихъ въ порту не допускалась; они оставались на пароходѣ и пароходное предпріятіе обязано было доставлять ихъ обратно въ Европу. Эти пароходы останавливались въ Англіи и возвращенные эмигранты, въ томъ числѣ евреи, оставались въ Англіи, выжидая возможности быть оттуда отправленными на континентъ въ какой нибудь германскій портъ, а въ этомъ порту ожидали дальнѣйшей помощи отъ комитетовъ для возвращенія на родину. Доставка ихъ обратно въ Россію представляла затрудненія; вслѣдствіе отсутствія заграничныхъ паспортовъ, легальное возвращеніе въ Россію было невозможно. Если еще рѣшались прибѣгать къ опасному во всѣхъ отношеніяхъ нелегальному переходу черезъ границу для того, чтобы уйти изъ Россіи, но никакой охоты не могло быть у евреевъ пользоваться этимъ способомъ для возвращенія въ Россію, страну преслѣдованій и униженія ихъ человѣческаго достоинства. Они оставались поэтому большей частью въ Англіи. Со столбцовъ англійской прессы не сходилъ еврейскій вопросъ, поскольку онъ вліялъ на увеличеніе количества русскихъ евреевъ, оказывавшихся безъ всякихъ средствъ къ существованію въ Англіи и создававшихъ тяжелыя условія для мѣстнаго рабочаго рынка. Не сходилъ съ очереди и въ Америкѣ вопросъ о положеніи евреевъ въ Россіи.

Въ 1891 г. американское правительство, подготовляя изданіе новыхъ законовъ, ограничивающихъ иммиграцію, рѣшило предварительно изучить причины эмиграціи изъ

разныхъ странъ, въ особенности изъ тѣхъ, которыя давали наибольшій контингентъ, и въ томъ числѣ, само собой разумѣется, изъ Россіи. Сильное движеніе эмигрантовъ поляковъ изъ Привислянскаго края и евреевъ изъ западныхъ и юго-западныхъ губерній требовало объясненія. Тѣ причины, которыя указывались въ прессѣ, а именно, начавшееся преслѣдованіе противъ поляковъ и, въ особенности, продолжавшееся преслѣдованіе противъ евреевъ, — казались настолько странными и непонятными, что американскіе граждане не могли вѣрить въ ихъ существованіе, безъ тѣхъ доказательствъ, которыя могли бы въ глазахъ культурныхъ американцевъ считаться достаточными, т. е. требовалось изученіе положенія на мѣстѣ, въ Россіи; надо было провѣрить невѣроятное съ точки зрѣнія американцевъ существованіе законовъ, которые стѣсняютъ людей въ выборѣ мѣста жительства, которые даютъ легальную возможность раззорять людей, не виновныхъ ни въ какомъ преступленіи, и только потому, что они въ стремленіи самосохраненія переступаютъ черту осѣдлости. Всѣхъ тѣхъ, кто являлся эмигрантомъ въ качествѣ выселеннаго изъ прежняго своего мѣста жительства, американцы апріорно считали элементомъ преступнымъ; ихъ заявленія, что они никакого преступленія не совершили, и что они являются жертвами средневѣковой жестокой политики, не встрѣчали довѣрія со стороны американцевъ. Такимъ образомъ, возникла мысль объ образованіи комиссіи по изслѣдованію эмиграціи изъ Европы подъ предсѣдательствомъ суперинтенданта въ Нью-Іоркѣ, полковника Джона Вебера. Комиссія состояла изъ 5 лицъ, которыя прибывъ въ Лондонъ, раздѣлили работу между собой, причемъ обслѣдованіе Германіи и Россіи приняли на себя предсѣдатель комиссіи, Веберъ, и членъ комиссіи д-ръ Кемпстеръ изъ штата Висконсинъ.

Но раньше, чѣмъ излагать работу этой комиссіи, въ которой я принималъ участіе, я долженъ, для сохраненія хронологической послѣдовательности, остановиться на нарождавшемся новомъ факторѣ въ еврейской жизни въ Россіи. Я говорю о тѣхъ заботахъ, которыя сталъ нести на пользу русскаго еврейства покойный бар. Морицъ Гиршъ. Уже въ 1890 г. бар. Гиршъ пришелъ къ убѣжденію, что непланомѣрная эмиграція изъ Россіи представляетъ бѣдствіе для самихъ евреевъ и угрожаетъ бѣдствіемъ

для тѣхъ странъ, куда эмиграція безпорядочно, безконтрольно, безъ надлежащаго руководства направляется. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что иммиграція должна быть замѣнена колонизаціей и притомъ колонизаціей въ такихъ странахъ, гдѣ есть нужда въ рабочихъ рукахъ и гдѣ существуютъ благопріятныя условія для созданія новаго класса евреевъ земледѣльцевъ, того класса, который не могъ развиваться въ Россіи, несмотря на существованіе земледѣльческихъ колоній, устроенныхъ попеченіями правительства въ Херсонской и Екатеринославской губ.

Въ области заботъ о русскомъ еврействѣ бар. Гиршъ тогда уже не былъ новичкомъ. За нѣсколько лѣтъ до того бар. Гиршъ рѣшилъ помочь евреямъ учрежденіемъ въ Россіи цѣлой сѣти еврейскихъ школъ. Объ этомъ онъ заявилъ русскому правительству и вошелъ съ нимъ въ переговоры о созданіи въ Россіи особой организаціи для просвѣтительныхъ цѣлей. Этому органу онъ ассигновалъ, на осуществленіе его задачи, 50 мил. рублей и выражалъ готовность еще увеличить фондъ, если онъ окажется недостаточнымъ. Братъ бар. Гирша былъ женатъ на дочери С. С. Полякова; это обстоятельство много содѣйствовало внимательному ознакомленію бар. Гирша съ положеніемъ евреевъ въ Россіи; въ этомъ отношеніи существенная роль принадлежала, сперва черезъ Полякова, а потомъ и непосредственно, покойному проф. Баксту. Въ бесѣдахъ со мною проф. Бакстъ часто говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ бар. Гиршемъ по поводу просвѣтительнаго фонда. Бар. Гиршъ, строитель желѣзныхъ дорогъ на Балканахъ и въ Турціи, былъ преисполненъ самыхъ лучшихъ намѣреній въ отношеніи своихъ собратьевъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они были угнетаемы, — въ Россіи и Румыніи. Будучи австрійскимъ евреемъ, онъ, конечно, заботился о галиційскихъ евреяхъ, которые коснѣли во тьмѣ подъ вліяніемъ хассидизма, господствовавшаго въ Галиціи. Изъ этого состоянія ихъ не выводило гражданское равноправіе. Баронъ Гиршъ образовалъ тамъ особый фондъ (Stiftung) для содержанія еврейскихъ школъ. Какой типъ школъ имѣлъ въ виду — для русскихъ евреевъ — бар. Гиршъ — мнѣ неизвѣстно. Дѣло не дошло до выработки школьныхъ программъ. Проектъ органа управленія еврейскими школами, которыя будутъ учреждены на средства фонда бар. Гирша, былъ представленъ русскому пра-

вительству въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія. Началась переписка съ министерствами и прежде всего съ К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Побѣдоносцевъ къ тому времени вполнѣ оформилъ свое отношеніе къ еврейскому вопросу и не скрылъ свою точку зрѣнія въ разговорѣ съ бар. Гиршемъ, который для свиданія съ нимъ пріѣзжалъ въ С. Петербургъ. Взглядъ Побѣдоносцева сводился къ тому, что политика правительства въ отношеніи евреевъ обусловливается не недостатками, присущими будто бы евреямъ и не тѣмъ, что евреи являются элементомъ вреднымъ, а тѣмъ, что, благодаря тысячелѣтней еврейской культурѣ евреи представляются элементомъ болѣе сильнымъ духовно и умственно; при темнотѣ и некультурности русскаго народа, борьба противъ болѣе сильнаго въ культурномъ отношеніи элемента — евреевъ не представляется для него возможной; для того, чтобы нѣсколько уравнять шансы этой борьбы, является справедливымъ, съ точки зрѣнія правительства, поставить евреевъ въ худшее правовое положеніе, при которомъ слабая способность окружающаго населенія бороться была бы уравновѣшена. Иначе говоря, отношеніе къ евреямъ обосновывается ихъ умственнымъ и культурнымъ превосходствомъ. Отсюда по мнѣнію Побѣдоносцева, вытекало, что однимъ изъ способовъ борьбы противъ политики притѣсненія евреевъ является скорѣйшее поднятіе умственнаго уровня окружающаго не-еврейскаго населенія; кто желаетъ работать на пользу евреевъ, долженъ работать на пользу просвѣщенія русскаго крестьянства и вообще русскаго народа. Дальнѣйшій выводъ состоялъ въ томъ, что при отсутствіи надлежащихъ финансовыхъ средствъ въ Россіи, для частной благотворительной иниціативы остается обширный просторъ дѣятельности. Намекъ былъ понятъ бар. Гиршемъ и онъ пожертвовалъ 1 милліонъ рублей для школъ въ Россіи, въ распоряженіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Судьба этого милліона до сихъ поръ составляетъ тайну.

Въ третьей Государственной Думѣ, въ 1910 г., если не ошибаюсь, при обсужденіи бюджета Святѣйшаго Синода возникъ вопросъ объ этомъ милліонѣ, но надлежащихъ свѣдѣній и справокъ Государственной Думѣ представлено не было — и вопросъ опять заглохъ. Какъ из-

расходованъ этотъ еврейскій милліонъ Святѣйшимъ Синодомъ осталось по сей день невыясненнымъ.

Утвержденіе предположенія бар. Гирша о школахъ для евреевъ было близко къ осуществленію, но въ послѣднюю минуту отношеніе къ этому вопросу министерства народнаго просвѣщенія рѣзко измѣнилось. Бар. Гиршъ требовалъ, чтобы преподавательскій составъ училищъ, которыя будутъ основаны на средства ассигнованнаго имъ фонда, пользовался всѣми правами, предоставленными педагогическому составу правительственныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ было рѣшительно отказано, несмотря на то, что раньше министръ народнаго просвѣщенія не встрѣчалъ къ этому препятствій. Александръ III былъ освѣдомленъ о переговорахъ его министра гр. Делянова съ бар. Гиршемъ, но впослѣдствіи, возвратившись изъ одной изъ своихъ поѣздокъ въ Копенгагенъ, подъ чьимъ то вліяніемъ измѣнилъ свое настроеніе, — и на этомъ дѣло закончилось.

Эта попытка бар. Гирша придти на помощь русскому еврейству путемъ созданія просвѣтительныхъ учрежденій въ самой Россіи, показала ему, что его добрыя намѣренія въ смыслѣ облегченія положенія русскаго еврейства, могутъ найти свое осуществленіе только внѣ Россіи. Въ цѣляхъ осуществленія плана колонизаціи, онъ сталъ подыскивать въ Аргентинѣ подходящія свободныя земли въ такомъ количествѣ, чтобы на нихъ можно было образовать земледѣльческія колоніи.

Но прежде всего необходимо было выяснить отношеніе къ этому вопросу русскаго правительства. Для этой цѣли бар. Гиршъ командировалъ въ Петербургъ Арнольда Уайта (Mr. Arnold White), который пользовался довѣріемъ бар. Гирша и совмѣщалъ, по его мнѣнію, всѣ качества, необходимыя для веденія переговоровъ съ русскимъ правительствомъ по такому щекотливому вопросу, касающемуся судьбы 5-6 милліоновъ еврейскаго населенія Россіи. Быть можетъ въ разсчеты бар. Гирша входило, что мистеръ Уайтъ сумѣетъ говорить съ представителями русскаго правительства на ихъ языкѣ, т. е. съ достаточной дозой антисемитизма; если это такъ, то бар. Гиршъ въ выборѣ Арнольда Уайта въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, не ошибся.

Это былъ человѣкъ изъ хорошаго англійскаго круга, журналистъ по профессіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Арнольдъ Уайтъ въ 1890 г. завязалъ сношенія съ русскими высшими правительственными кругами. Въ 1891 г. онъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ. Къ этому времени уже учреждено было въ Англіи парламентскимъ биллемъ акціонерное общество подъ наименованіемъ «Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества». По уставу, обществу предоставлялось покупать земли «въ не-европейскихъ странахъ», для устройства тамъ земледѣльческихъ колоній и промышленныхъ заведеній, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. д. Основной капиталъ опредѣленъ былъ въ 50.000.000 франковъ. Акции цѣликомъ были оплачены бар. Гиршемъ; предполагалось всѣ акціи распредѣлить между представителями еврейскихъ общинъ въ Англіи и на континентѣ. Органъ, который имѣлось въ виду образовать въ Россіи, долженъ былъ явиться какъ бы агентомъ этого колонизаціоннаго общества. Трудность дѣла заключалась въ томъ, что, какъ я указалъ, по закону не только поощреніе, но и вообще содѣйствіе къ переселенію въ другія страны, и къ оставленію русскаго подданства было воспрещено уголовнымъ закономъ. Надо было выработать формулу, по которой будущій органъ могъ бы легально работать, не приходя въ столкновеніе съ этимъ запретомъ. Въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ выяснилось, что оно охотно пойдетъ на разрѣшеніе обществу, основанному бар. Гиршемъ, производить свои операціи въ Россіи, при условіи бдительнаго надзора за его дѣятельностью со стороны органовъ русской власти, и съ тѣмъ, чтобы лица, которыя при содѣйствіи этого общества и его органа въ Россіи будутъ переселяться, выходили изъ русскаго подданства, и возвращеніе ихъ въ Россію было совершенно закрыто.

Какъ велись переговоры между Арнольдомъ Уайтомъ и разными министрами въ Петербургѣ, не осталось тайною. Изъ отдѣльныхъ мыслей, въ разное время оброненныхъ Уайтомъ, и изъ сообщеній чиновниковъ, можно было понять, что переговоры его съ министрами имѣли двусмысленный характеръ. У барона, молъ, явилась фантазія избавить Россію отъ нежелательнаго элемента и надо поэтому оказать всяческое содѣйствіе бар. Гиршу. Уайтъ сообщилъ, что правительство якобы готово измѣнить свое

отношеніе къ евреямъ, остающимся въ Россіи, и нѣсколько облегчить репрессіи по отношенію къ нимъ, если значительное число евреевъ покинетъ Россію и при содѣйствіи бар. Гирша поселится внѣ ея. Какъ понималъ дѣло бар. Гиршъ лучше всего видно изъ одного документа, который не былъ опубликованъ и намъ въ Россіи въ то время, когда Уайтъ велъ переговоры, не былъ извѣстенъ. Этотъ документъ — письмо бар. Гирша отъ 15 іюля 1891 года, адресованное германскому центральному комитету помощи русскимъ евреямъ въ Берлинѣ. Бар. Гиршъ говоритъ: «Я освѣдомленъ, что мистеръ Арнольдъ Уайтъ, который имѣлъ извѣстную вамъ миссію и который только что вернулся изъ Петербурга, привезъ съ собой свѣдѣнія о результатахъ, которыхъ онъ достигъ и которыхъ только и можно было ожидать при существующихъ условіяхъ въ Россіи». «Прилагаемый документъ, пишетъ далѣе бар. Гиршъ, — покажетъ вамъ, что русское правительство согласно въ принципѣ на осуществленіе мысли объ организаціи, регулирующей эмиграцію подъ собственнымъ его, правительства, наблюденіемъ». «Ближайшимъ послѣдствіемъ льготы, предоставляемой правительствомъ, полагаетъ бар. Гиршъ, будетъ по всей вѣроятности, прекращеніе преслѣдованій, практикуемыхъ въ настоящее время; это наступитъ, однако, не раньше, какъ россійскія власти будутъ освѣдомлены о томъ, что заграничные евреи серьезно направили свою дѣятельность на то, чтобы увеличить эмиграцію евреевъ изъ Россіи». «А потому бездѣятельность нашихъ собратьевъ заграницей, — пишетъ дальше бар. Гиршъ, — можетъ сдѣлаться въ рукахъ враговъ еврейства въ Россіи сильнымъ орудіемъ противъ русскихъ евреевъ, и они не преминутъ утверждать, что вся затѣя относительно регулированія эмиграціи была только благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы выиграть время». «Надо поэтому, — полагаетъ бар. Гиршъ, — не терять времени и использовать добрую волю русскаго правительства, изъ которой преслѣдуемые могутъ извлечь надлежащую пользу. Надо использовать этотъ случай, ибо, кто знаетъ, представится ли онъ впослѣдствіи второй разъ». «Русское правительство согласно, — пишетъ дальше бар. Гиршъ, — на созданіе подъ его собственнымъ надзоромъ центральнаго комитета въ Петербургѣ и мѣстныхъ комитетахъ въ провинціальныхъ горо-

дахъ; работа должна быть направлена на то, чтобы положить конецъ существующей непланомѣрной эмиграціи; поэтому надо съ возможной быстротой приступить къ созданію этого центральнаго комитета въ Петербургѣ и мѣстныхъ комитетовъ въ провинціи. Мистеръ Арнольдъ Уайтъ въ теченіе его пребыванія въ Петербургѣ принялъ всѣ необходимыя мѣры въ этомъ отношеніи какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Онъ готовъ, если только это будетъ одобрено, вернуться туда, въ Россію, одинъ или въ сопровожденіи второго делегата, чтобы принять окончательныя мѣры къ организаціи этихъ комитетовъ». Насколько было велико довѣріе бар. Гирша къ Уайту, видно изъ того, какъ онъ заканчиваетъ письмо: «Я бы усиленно совѣтовалъ довѣрить эту миссію мистеру Уайту, принимая во вниманіе его доступъ во всѣ правительственные круги въ Россіи, которые, повидимому въ значительной степени облегчаютъ ему выполненіе возложенной на него задачи».

Для того, чтобы понять, въ чьихъ рукахъ находились переговоры съ русскимъ правительствомъ по такому щекотливому вопросу, я не могу не подѣлиться съ читателями съ содержаніемъ любопытнаго документа, опубликованнаго послѣ революціи, когда русскіе евреи уже забыли объ Арнольдѣ Уайтѣ.

Въ 1919 г. образована была въ Петроградѣ комиссія, подъ предсѣдательствомъ С. М. Дубнова, для изданія матеріаловъ и секретныхъ документовъ о еврейскихъ погромахъ. Совѣтскія учрежденія, по предложенію б. комиссара народнаго просвѣщенія въ Петроградѣ, сотрудника Луначарскаго, предоставили въ распоряженіе этой комиссіи необходимыя средства. Въ томъ же 1919 г. вышелъ первый томъ этихъ матеріаловъ, содержащій секретные документы департамента полиціи, относящіеся къ ритуальному дѣлу въ Дубоссарахъ возлѣ Кишинева, непосредственно связанному съ кишиневскимъ погромомъ 1903 г., и къ судебному производству о немъ. Среди этихъ матеріаловъ имѣется письмо Арнольда Уайта къ министру внутреннихъ дѣлъ Плеве, съ которымъ онъ былъ знакомъ со времени посѣщенія Россіи по порученію бар. Гирша въ 1891 г., когда Плеве былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Оно обозначено, какъ чрезвычайно конфиденціальное. Въ этомъ письмѣ отъ 20 мая 1903 г. Уайтъ пишетъ: «Въ те-

ченіе моихъ путешествій въ свое время по Россіи я узналъ относительно евреевъ много вещей, которыя я принялъ къ сердцу и которыя старался передать моимъ согражданамъ, и такимъ образомъ навлекъ на себя недружелюбіе многихъ евреевъ въ этой странѣ» (т. е. въ Англіи). Въ настоящее время, т. е. послѣ кишиневскаго погрома, — онъ Уайтъ, обращается къ министру «съ той цѣлью, чтобы воспрепятствовать, если возможно, искусственному возбужденію въ Англіи общественнаго мнѣнія, враждебнаго внутренней русской политикѣ и основаннаго на неточныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ, вѣроятно, русскими евреями, которые извращаютъ факты». Въ «Times» отъ 18 мая 1903 года помѣщено было письмо Плеве бессарабскому губернатору фонъ-Рабену, предшествовавшее погрому, о томъ, что если возникнетъ погромъ, то его не слѣдуетъ подавлять вооруженной силой. Ссылаясь на этотъ номеръ «Times», Уайтъ спрашиваетъ: «есть ли сколько-нибудь правды въ извѣстіи объ этомъ документѣ? Изъ того, что означенный государственный документъ, какъ очевидно, украденъ, можно вывести, что письмо это подложно». «Я былъ бы очень радъ, если бы могъ сказать своимъ землякамъ, что письмо это выдумка и что отъ него отказались. Я могъ бы сдѣлать это частнымъ образомъ при помощи прессы и достигнуть этимъ поворота въ общественномъ мнѣніи. Теперешній лордъ-мэръ г. Лондона — еврей; огромное число англійскихъ газетъ принадлежитъ теперь евреямъ, на континентѣ пресса, какъ Вашему Превосходительству извѣстно, также находится главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ. Опытъ, почерпнутый мною въ Россіи, открылъ мнѣ глаза на отношеніе Россіи къ еврейскому вопросу, которое я считаю правильнымъ и съ русской точки зрѣнія патріотичнымъ». На это письмо директоръ департамента полиціи Лопухинъ кратко отвѣтилъ, что письма отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ бессарабскому губернатору, приведеннаго въ «Times» не существуетъ и что такого сообщенія съ предупрежденіемъ бессарабскихъ властей о готовящемся погромѣ не было.

Вотъ такому человѣку покойный бар. Гиршъ довѣрилъ переговоры относительно эмиграціи евреевъ изъ Россіи. Можно себѣ представить, какія заявленія давалъ Арнольдъ Уайтъ при этихъ переговорахъ и товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Плеве и оберъ-прокурору Святѣйшаго Си-

нода Побѣдоносцеву, содѣйствіемъ которыхъ особенно дорожилъ Уайтъ. Миссію свою Уайтъ выполнялъ безъ всякаго участія кого-либо изъ евреевъ въ С.-Петербургѣ. Онъ только нѣсколько разъ былъ у барона Гинцбурга. Несмотря на близкія отношенія къ бар. Гиршу проф. Н. И. Бакста, Уайтъ и съ нимъ не велъ переговоровъ. Бакстъ относился крайне враждебно къ затѣѣ бар. Гирша, выразившейся въ миссіи Арнольда Уайта. Онъ признавалъ вреднымъ для еврейскихъ интересовъ веденіе переговоровъ съ русскимъ правительствомъ и справедливо опасался, что узаконеніе эмиграціи будетъ знаменовать собою признаніе, по ходатайству самихъ евреевъ, того, что евреи являются въ Россіи нежелательнымъ элементомъ, отъ котораго надо избавиться при содѣйствіи благотворителя бар. Гирша.

Передъ тѣмъ, какъ приступить къ выполненію своей задачи, Арнольдъ Уайтъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ вопросомъ о занятіи евреевъ земледѣліемъ въ Россіи и предпринялъ съ этой цѣлью поѣздку въ еврейскія колоніи Херсонской и Екатеринославской губ. Съ этого момента въ дѣлѣ, предпринятомъ бар. Гиршемъ, начинается роль покойнаго Давида Фаддѣевича Фейнберга. Въ это время я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ. Фигура покойнаго Фейнберга извѣстна современному еврейству. Онъ былъ вездѣсущъ, т. е. присутствовалъ вездѣ, гдѣ была еврейская нужда, гдѣ страдали собратья, гдѣ лились еврейскія слезы и проливалась еврейская кровь; вездѣ Фейнбергъ спѣшилъ на помощь, отъ имени тѣхъ, кто давалъ ему полномочія, организовывалъ ее, сообщалъ тѣмъ, кто былъ въ состояніи помочь, о положеніи дѣла и съ удивительной энергіей и настойчивостью, которыя ему были столь свойственны, добивался принятія спѣшныхъ мѣръ къ облегченію страданія и горя. Болѣе 50 лѣтъ Фейнбергъ былъ неутомимымъ работникомъ и служителемъ своему народу. Онъ не зналъ личной жизни; не имѣлъ времени позаботиться о себѣ; онъ былъ одинокъ, и никто легче его не предпринималъ утомительныхъ поѣздокъ, вплоть до Аргентины. Глубокимъ старцемъ, — ему было уже около 80 лѣтъ, — онъ умеръ въ самый разгаръ войны, за годъ до революціи въ Россіи; до послѣднихъ дней онъ энергично работалъ. Неудачно выбралъ онъ время своего отхода въ вѣчность... Въ болѣе спокойное время уже давно

появились бы его біографія и описаніе дѣлъ его. Не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ здѣсь же, впослѣдствіи мнѣ придется не разъ еще говорить о немъ.

Фейнбергъ имѣлъ сложную біографію. Родомъ изъ Ковны, племянникъ извѣстнаго въ Ковнѣ и въ сѣверо-западной области врача И. А. Фейнберга, одного изъ лучшихъ людей, которыми Ковно справедливо можетъ гордиться; онъ въ молодые годы, по окончаніи гимназіи, получилъ мѣсто помощника начальника станціи желѣзной дороги около Вильны. Въ тѣ времена еще не была закончена постройка желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Варшавой. За все время существованія желѣзныхъ дорогъ, до революціи 1917 года, это былъ, кажется, единственный случай, когда еврей занималъ такую должность. Въ 1863 г. или 1864 г. Фейнбергъ очутился въ Петербургѣ; поступилъ въ университетъ и былъ товарищемъ по курсу съ покойнымъ редакторомъ «Восхода» А. Е. Ландау. Будучи студентомъ, онъ сталъ работать надъ созданіемъ еврейскихъ учрежденій въ Петербургѣ. Онъ засталъ только нѣсколько молитвенныхъ домовъ, существовавшихъ большею частью даже нелегально. Должность «казеннаго», раввина исполнялъ отставной солдатъ николаевской службы, представитель той группы, которая одна только имѣла право безпрепятственнаго легальнаго жительства по всей Россіи. Лишь въ началѣ 60-хъ годовъ на основаніи закона 1859 г., стали появляться въ столицѣ купцы первой гильдіи и первые интеллигенты — врачи и юристы. Появились такіе представители еврейства, какъ бар. Гинцбургъ, Мейеръ Фридландъ и др. Фейнбергъ сплотилъ всѣ лучшіе элементы въ столицѣ, и благодаря его усиленной агитаціи, еврейское общество въ Петербургѣ стало складываться въ нѣчто вродѣ общины. Создано было хозяйственное управленіе при временной синагогѣ. Фейнбергъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія участка земли для постройки синагоги въ Петербургѣ. При его содѣйствіи началась постройка. Въ 1890 г. постройка нынѣшней синагоги въ Петербургѣ, на углу Мастерской и Офицерской близилась къ концу и въ 1892 г. она была торжественно открыта. При его содѣйствіи, покойная жена бар. Горація Гинцбурга, Анна Гинцбургъ, учредила въ 70-хъ годахъ еврейскій сиротскій домъ, которымъ завѣдывалъ дамскій комитетъ. Секретаремъ, а по-

томъ почетнымъ секретаремъ этого комитета былъ до смерти своей Фейнбергъ. Это образцовое учрежденіе обязано Фейнбергу своимъ процвѣтаніемъ; благодаря ему судьба дома была обезпечена фондомъ — это единственный случай обезпеченія фондомъ въ исторіи еврейскихъ учрежденій въ Россіи. Фейнбергъ былъ ревностнымъ исполнителемъ предположеній бар. Гинцбурга, онъ заботился о канторѣ, о хорѣ для временной синагоги. Онъ былъ секретаремъ перваго Хозяйственнаго Правленія синагоги, которое было учреждено въ 1867 г. для завѣдыванія хозяйственными дѣлами временной молельни, а впослѣдствіи и синагоги, т. е. фактически сосредоточилъ въ своихъ рукахъ еврейское общинное дѣло въ Петербургѣ. Впослѣдствіи его замѣнилъ въ этой должности извѣстный поэтъ Леонъ Гордонъ и Фейнбергъ сдѣлался почетнымъ секретаремъ. Онъ былъ на службѣ въ одномъ изъ предпріятій бар. Гинцбурга, а именно въ «Цѣпномъ Пароходствѣ по Шекснѣ» и лѣтніе мѣсяцы проводилъ въ Рыбинскѣ; въ зимнее же время, когда навигація закрывалась, Фейнбергъ возвращался въ Петербургъ и отдавалъ всего себя разнымъ еврейскимъ общественнымъ интересамъ, исполняя разныя порученія, которыя ему давались въ этой области бар. Гинцбургомъ.

Когда Арнольдъ Уайтъ обратился къ бар. Гинцбургу съ просьбой дать ему кого-либо въ спутники при поѣздкѣ для ознакомленія съ земледѣльческими колоніями, то для этого былъ назначенъ Фейнбергъ. Это и было началомъ работы его въ Еврейскомъ Колонизаціонномъ Обществѣ, работы уже не прекращавшейся до его смерти. Изъ этой поѣздки Арнольдъ Уайтъ, по его словамъ тогда, вынесъ впечатлѣніе, что при надлежащей постановкѣ дѣла евреи быстро сумѣютъ приспособиться къ новымъ условіямъ земледѣльческаго труда въ Аргентинѣ. Въ концѣ 1893 г. правила для Центральнаго Комитета Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества были утверждены правительствомъ, и началась организація этого Комитета. Какъ онъ былъ организованъ, и каковы были его первые шаги, я скажу послѣ того, какъ изложу ходъ событій, вызвавшихъ прибытіе вышеупомянутой комиссіи по изслѣдованію причинъ эмиграціи изъ Европы въ Сѣверо-Американскіе Штаты, подъ предсѣдательствомъ полковника Вебера.

ГЛАВА XIX.

Высочайшія повелѣнія 1891 г. о выселеніи изъ Москвы ремесленниковъ и николаевскихъ солдатъ, изданныя приназначеніи Московскимъ Генералъ - Губернаторомъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича. — Прежній Ген.-Губернаторъ кн. Долгоруковъ. — Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. — Прибытіе Предсѣдателя Эмиграціонной Комиссіи полковника Вебера и члена ея д-ра Кемпстера. — Посѣщеніе Москвы и изслѣдованіе способовъ выселенія евреевъ. — Посѣщеніе Минска и мѣстечка Самохваловичи. — Посѣщеніе Вильны, Бѣлостока, Гродно и Варшавы. — Отчетъ Эмиграціонной Комиссіи Конгрессу 1892 г. — Вынесенныя мною впечатлѣнія отъ поѣздки съ Веберомъ и Кемпстеромъ.

Полковникъ Веберъ и д-ръ Кемпстеръ прибыли въ Петербургъ въ августѣ 1891 г. Евреи незадолго передъ тѣмъ, какъ указано, получили жестокій ударъ: по Высочайшему повелѣнію 1891 г. евреи-ремесленники и отставные солдаты рекрутской службы лишены были права оставаться на жительствѣ въ Москвѣ и Московской губерніи и подлежали въ кратчайшій срокъ выселенію оттуда. Это былъ первый случай, когда ограничительный законъ получилъ обратное дѣйствіе. Не только воспрещено было ремесленникамъ селиться впредь въ Москвѣ, въ порядкѣ изъятія изъ закона 1865 г., но и тѣ, которые законно поселились и ни въ какомъ преступленіи повинны не были, ничего вреднаго не сотворили, лишились права, которымъ они пользовались, хотя многіе жили тамъ десятки лѣтъ и воспитали тамъ своихъ дѣтей. Они какъ бы присуждены были къ наказанію въ видѣ выселенія изъ Москвы и сопряженнаго съ этимъ полнаго разоренія.

То же самое случилось съ отставными солдатами ни-

колаевской рекрутской службы и членами ихъ семействъ, кромѣ тѣхъ которые зачислены были до того въ мѣщанскія общества Москвы и Московской губ. Тѣ, которые не были причислены, хотя и издавна проживали въ Москвѣ, должны были быть выселены.

Чистка Москвы отъ евреевъ не остановилась на этомъ. Позднѣе (въ 1899 г.) принялись за купцовъ 1-й гильдіи; имъ запретили приписку къ московскому купечеству, и это повело впослѣдствіи къ выселенію тѣхъ купцовъ 1-й гильдіи, которые были приписаны къ разнымъ городамъ внутреннихъ губерній, но жили въ Москвѣ и имѣли тамъ свои предпріятія. Мотивомъ къ этому послужило то, что въ составѣ московскаго 1-ой гильдіи купечества оказалось много евреевъ. Это явленіе объяснялось нежеланіемъ христіанскаго московскаго купечества платить высокія первогильдейскія пошлины; для евреевъ же этотъ платежъ былъ обязателенъ, — безъ него нельзя было имѣть права жительства. Агитацію противъ евреевъ-купцовъ началъ бывшій московскій городской голова Алексѣевъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей націоналистическаго теченія въ московскомъ купечествѣ, которое въ общемъ было всегда настроено либерально.

Всѣ эти спеціальныя мѣры въ отношеніи Москвы приняты были къ тому моменту, когда Москвѣ дано было самое высокое отличіе: въ качествѣ ея генералъ-губернатора назначенъ былъ любимый братъ Александра III, великій князь Сергѣй Александровичъ. Онъ смѣнилъ генералъ-губернатора князя Долгорукова, стараго русскаго боярина, чрезвычайно популярнаго въ Москвѣ, — хлѣбосольнаго князя, котораго въ Москвѣ всѣ звали «нашъ князь». Высшее правительство обвиняло его въ томъ, что онъ потворствовалъ заполненію Москвы евреями. И дѣйствительно, князь Долгоруковъ видѣлъ въ развитіи московской торговли и промышленности слѣдствіе еврейской иниціативы и предпріимчивости и не считалъ евреевъ въ какомъ-либо отношеніи вредными. Благодаря евреямъ, — этого, впрочемъ, никто не отрицалъ, — Москва связала себя съ Западомъ. До евреевъ Москва, какъ крупнѣйшій промышленный центръ, работала только для востока. Московская промышленность и торговля были обращены лицомъ къ Сибири. Это была торговля азіатская, съ азіатскими пріемами; произведенія московской промышленности не имѣ-

ли распространенія въ западной части Россіи. Только благодаря приливу еврейскаго торговаго и промышленнаго элемента Москва вошла въ сношенія съ западными рынками и стала конкуррировать съ другимъ промышленнымъ центромъ, Лодзинскимъ, бывшимъ въ рукахъ нѣмцевъ. Дѣятельность евреевъ въ Москвѣ не только не вызывала неудовольствія исконныхъ русскихъ московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ, но, напротивъ того, поощрялась ими. Въ старину московскіе купцы неоднократно подавали челобитныя объ огражденіи ихъ отъ конкурренціи басурманъ, т. е. иностранцевъ. Такихъ челобитныхъ противъ евреевъ въ концѣ прошлаго столѣтія московскіе степенные купцы не подавали. Самыя крупныя московскія фирмы имѣли своими представителями евреевъ, которые примѣнили къ московской торговлѣ новые пріемы приспособленія рынка къ потребностямъ времени.

Но достаточно было нѣкоторымъ евреямъ занять болѣе видное положеніе и оказаться богатыми людьми, чтобы со стороны конкуррентовъ, и отнюдь не русскихъ, а большею частью нѣмецкихъ (нѣмцевъ въ Москвѣ было всегда больше чѣмъ евреевъ), стали раздаваться крики о захватѣ Москвы евреями. Антисемитская пресса подхватила этотъ крикъ. Князя Долгорукова стали обвинять въ явномъ потворствѣ незаконному поселенію евреевъ въ Москвѣ. Его упрекали въ томъ, что онъ поддерживалъ хорошія личныя отношенія съ Лазаремъ Соломоновичемъ Поляковымъ, строителемъ Московско-Курской дороги, учредителемъ Московскаго Земельнаго и Московскаго Коммерческаго банковъ. Поляковъ имѣлъ много друзей, но и не мало враговъ. Земельный банкъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, обслуживалъ дворянъ землевладѣльцевъ московскаго района и ближайшихъ къ Москвѣ губерній. Банкъ имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что не было дворянина-землевладѣльца, который бы не закладывалъ свое имѣніе и не становился бы въ нѣкоторую зависимость отъ банка. Земельные банки имѣли право выпускать облигаціи, т. е. пользовались эмиссіоннымъ правомъ. Они дѣйствовали подъ надзоромъ правительства, но за это имъ давалась какъ бы монополія въ данномъ районѣ; они избавлялись отъ конкурренціи другихъ банковъ. Въ томъ районѣ, гдѣ дѣйствовалъ Московскій Земельный банкъ, уже не могли дѣйствовать другіе ипотечные банки. Государственный

Дворянскій Земельный банкъ учрежденъ былъ впослѣдствіи, когда министромъ финансовъ назначенъ былъ С. Ю. Витте. Будучи заинтересованы въ полученіи по возможности большей ссуды, дворяне-землевладѣльцы зависѣли до нѣкоторой степени отъ благосклоннаго къ нимъ отношенія со стороны правленія банка и его предсѣдателя Лазаря Соломоновича Полякова. Всѣ поэтому искали дружбы съ нимъ; при томъ и личныя качества Лазаря Полякова многихъ къ нему располагали. Онъ въ этомъ отношеніи не походилъ на своего старшаго брата — желѣзнодорожнаго «короля» въ Петербургѣ, Самуила Соломоновича. Лазарь Поляковъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ оказать услугу всѣмъ кому могъ, и былъ въ состояніи это дѣлать, благодаря своему положенію въ указанныхъ банкахъ. Передъ ними всѣ заискивали. Однако, за внѣшнимъ расположеніемъ къ Полякову, въ возникшей антисемитской атмосферѣ того времени, создалась глухая вражда, обращенная не лично противъ Полякова, который ея не вызывалъ, а вообще противъ «еврея-Полякова» и отъ еврея-Полякова — на евреевъ вообще. Многихъ раздражало то, что кн. Долгоруковъ цѣнилъ Полякова и поддерживалъ съ нимъ постоянныя отношенія; вызывало неудовольствіе мѣстныхъ дамъ высшаго общества и то, что кн. Долгоруковъ оказывалъ вниманіе семьѣ Полякова и, въ частности, его женѣ. Ходили слухи, будто на одномъ балу во дворцѣ генералъ-губернатора кн. Долгоруковъ шелъ въ первой парѣ въ полонезѣ съ г-жей Поляковой. Кн. Долгорукова упрекали, что онъ слишкомъ поддается вліянію Полякова, хотя никто не осмѣливался говорить, что кн. Долгоруковъ лично матеріально заинтересованъ въ близости своей къ нему. Юдофильство кн. Долгорукова было главнымъ поводомъ къ тому, что ему пришлось оставить Москву. Началось «княженіе» вел. князя Сергѣя въ Москвѣ. Лозунгомъ его было — очистить Москву отъ евреевъ, «обрусить» Первопрестольную столицу. Великій князь, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ надо управлять Москвой, и вдохновителемъ его сталъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора Истоминъ, вѣрный исполнитель всѣхъ антисемитскихъ предположеній, выработанныхъ въ Петербургѣ. Оберъ-полицеймейстеромъ Москвы назначенъ былъ отличившійся выселеніями евреевъ изъ Риги, бывшій рижскій полицеймейстеръ, полков-

никъ Власовскій, тотъ самый, который сыгралъ такую печальную роль при коронаціи Николая II въ 1896 г. при катастрофѣ на Ходынскомъ полѣ.

Еще до опубликованія Высочайшаго повелѣнія о выселеніи ремесленниковъ и николаевскихъ солдатъ, Власовскимъ разосланъ былъ въ полицейскіе участки циркуляръ о порядкѣ выселенія евреевъ съ распредѣленіемъ ихъ на три категоріи. Каждой категоріи былъ предоставленъ особый срокъ, самый долгій срокъ шестимѣсячный. О готовящемся бѣдствіи никто не зналъ. Безпримѣрное по своей жестокости распоряженіе издано было не въ обычномъ порядкѣ; дѣйствіе прежняго закона отмѣнено было не новымъ закономъ и не Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, а Высочайшимъ повелѣніемъ. И какъ только въ мартѣ это повелѣніе было опубликовано, заранѣе приготовленный аппаратъ выселенія сталъ дѣйствовать полнымъ ходомъ. Быстро стали пустѣть нѣкоторыя части Москвы. Стонъ стоялъ въ Зарядьѣ, — кварталѣ, гдѣ жило большинство евреевъ, и въ особенности въ московскомъ пригородѣ подъ названіемъ Марьина роща.

Къ моменту разгара работы московской полиціи по выселенію евреевъ прибыли въ Петербургъ Веберъ и Кемпстеръ. Они сообщили товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Шишкину, о возложенной на нихъ миссіи и освѣдомились, не встрѣтитъ ли русское правительство препятствій къ тому, чтобы они выполняли эту миссію въ предѣлахъ Россіи. Шишкинъ объяснилъ, что имъ необходимо обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, которому Шишкинъ тотчасъ же послалъ письмо, прося назначить время, для пріема представителей комиссіи по изслѣдованію эмиграціи, Вебера и Кемпстера. Отвѣтъ, однако, заставилъ себя долго ждать, а задерживаться въ Петербургѣ они не могли. Веберъ и Кемпстеръ рѣшились посѣтить нѣкоторыя мѣста въ провинціи, въ особенности тѣ районы, откуда по даннымъ, имѣвшимся въ ихъ распоряженіи еще въ Нью-Іоркѣ, прибывало наибольшее количество евреевъ-эмигрантовъ. Они освѣдомили о предстоящей имъ задачѣ бар. Гинцбурга и просили указать имъ лицо, которое могло бы ознакомить ихъ съ правовымъ положеніемъ евреевъ и сопровождать ихъ

въ поѣздкѣ. Я охотно согласился поѣхать съ Веберомъ и Кемпстеромъ. Кромѣ меня согласился сопровождать ихъ покойный присяжный повѣренный П. Я. Левенсонъ. Это былъ уже не молодой адвокатъ, жившій въ Петербургѣ много лѣтъ; будучи очень состоятельнымъ человѣкомъ, онъ адвокатской практикой не занимался. Онъ вращался въ литературныхъ кругахъ и былъ вездѣ хорошо принятъ. Въ совѣщаніи, съ Веберомъ и Кемпстеромъ, которое состоялось при участіи бар. Гинцбурга, рѣшено было, что мы прежде всего посѣтимъ Москву, гдѣ члены комиссіи могли бы видѣть воочію примѣненіе репрессивныхъ законовъ по отношенію къ евреямъ. Веберъ говорилъ по-нѣмецки, и потому мое неумѣніе говорить по-англійски (хотя я свободно читалъ на этомъ языкѣ) не было препятствіемъ къ тому, чтобы быстро ознакомить Вебера, со сложной сѣтью ограничительныхъ законовъ о евреяхъ; Веберъ сообщаемое ему мною передавалъ Кемпстеру. Но первыя же бесѣды мои съ американцами убѣдили меня, что чѣмъ больше разъясняешь ограничительный законъ объ евреяхъ, тѣмъ менѣе онъ становится понятнымъ гражданамъ свободной страны. Буквальный переводъ статей устава о паспортахъ и др. уставовъ, включающихъ ограничительные для евреевъ законы, сообщенія о существованіи ограниченія въ правѣ передвиженія и проживанія, о выселеніяхъ цѣлыхъ семействъ только потому, что у главы семьи документы недостаточны, вызывали какъ бы недовѣріе у свободныхъ американцевъ. До тѣхъ поръ, пока Веберъ и Кемпстеръ, по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, не увидѣли своими глазами, какъ выселяются евреи, недавній законъ, который не могъ не возмущать американцевъ, не вызывалъ у нихъ все же представленія о всей жестокости такого мѣропріятія.

Но вотъ мы прибыли въ Москву. Мы посѣтили Лазаря Соломоновича Полякова и у него познакомились съ дѣятельностью уже образовавшагося неоффиціальнаго комитета по оказанію помощи выселяемымъ изъ Москвы евреямъ-ремесленникамъ и отставнымъ солдатамъ съ ихъ семьями. Разрѣшеніе на учрежденіе комитета не могло быть получено отъ вел. кн. Сергѣя. Помощь, по ограниченности средствъ, выражалась только въ пріобрѣтеніи билетовъ для проѣзда по желѣзной дорогѣ, во избѣжаніе этапной пересылки, и въ снабженіи съѣстными при-

пасами до ближайшей станціи въ чертѣ осѣдлости, куда направлялись выселяемые.

Самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ этомъ комитетѣ былъ инженеръ Максимъ Исаевичъ Коганъ. Необычайно пылкаго темперамента, предпріимчивый, рѣшительный, самоотверженно смѣлый, онъ былъ горячо преданъ дѣлу помощи выселяемымъ. Онъ такъ былъ захваченъ этой работой, что забросилъ свои личныя дѣла и все свое время посвящалъ дѣлу помощи выселяемымъ; со всей энергіей онъ добивался отсрочекъ высылки для отдѣльныхъ евреевъ, подлежащихъ выселенію, что облегчалось его давними отношеніями съ мѣстной полиціей (онъ былъ строителемъ канализаціи въ Москвѣ и по этимъ работамъ долженъ былъ поддерживать «хорошія» отношенія съ полиціей). Вмѣстѣ съ Коганомъ мы всѣ отправились осматривать тѣ части города, откуда выселена была большая часть евреевъ, и прежде всего Зарядье... Заброшенныя квартиры, съ забитыми дверьми и окнами, запертыя помѣщенія торговыхъ заведеній съ сохранившимися на нихъ вывѣсками, уныло бродящія по улицамъ этихъ кварталовъ одинокія печальныя фигуры евреевъ, евреекъ и дѣтей, изможденныхъ, съ опухшими отъ слезъ глазами... Но ничто не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на насъ, и въ особенности на американцевъ, видъ Марьиной рощи.

Это былъ пригородъ, числившійся по плану за городскими границами Москвы, и находившійся въ вѣдѣніи не оберъ-полицеймейстера, а исправника. Издавна здѣсь селились евреи, главнымъ образомъ мало состоятельные, которые не въ состояніи были пріобрѣтать благосклонность городской полиціи; здѣсь это обходилось дешевле. Марьина роща и была какъ бы спеціальнымъ гетто. Кромѣ евреевъ тамъ почти никто не жилъ; она для евреевъ играла ту же роль, что въ Кіевѣ пригороды Деміевка и Слободка. Мы застали рядъ совершенно пустыхъ улицъ. Было жутко видѣть этотъ вымершій городъ. Домовладѣльцы, московскіе мѣщане, которыхъ мы спрашивали о причинахъ такого запустѣнія, удивлялись нашему невѣдѣнію: «какъ же», — говорили они, — «евреевъ вѣдь выслали».

Послѣ внѣшняго обзора города, Веберъ и Кемпстеръ приступили къ планомѣрному обслѣдованію. Комиссія должна была по окончаніи работъ представить свой до-

кладъ сѣверо-американскому конгрессу и поэтому одними впечатлѣніями и разсказами ограничиться имъ было нельзя. Мы приступили къ допросу разныхъ лицъ, причемъ каждому допросу посвящался протоколъ. Такихъ допросовъ въ Москвѣ было произведено очень много. Передъ нами прошелъ длинный рядъ евреевъ, подлежащихъ выселенію; какъ въ кинематографѣ, отразился весь мартирологъ московскихъ евреевъ за послѣднее время.

Въ каждый протоколъ заносилось имя дающаго показаніе, сообщалась его краткая біографія, изображалась его экономическая дѣятельность въ Москвѣ, показанія подкрѣплялись документами. Въ правдивости и точности показаній не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Проходили передъ нами старики, отставные николаевскіе солдаты, которые десятки лѣтъ жизни отдали служенію въ николаевское суровое время и по окончаніи службы поселились въ Москвѣ, обзавелись семьей, здѣсь уже и выросшей. Честной трудовой жизнью они пріобрѣли нѣкоторое благосостояніе, — но теперь, по мановенію оберъ-полицеймейстера, въ трехмѣсячный срокъ ихъ гнѣзда оказались разоренными, и не зная что съ собой дѣлать, они ждали помощи отъ комитета, чтобы получить билетъ на проѣздъ, неизвѣстно куда. Ремесленниковъ уже почти всѣхъ успѣли выслать къ тому времени, но нѣкоторыхъ изъ оставшихся мы допросили. Многіе изъ допрошенныхъ отвѣчали на вопросъ, куда они предполагаютъ дѣться: — «мы пойдемъ туда, гдѣ насъ не преслѣдуютъ, гдѣ, какъ мы слышали, царитъ свобода — мы направимся въ Америку». — Нѣкоторые ссылались при этомъ на друзей, живущихъ уже въ Америкѣ, или на родственниковъ, отъ которыхъ они ждали помощи на первыхъ порахъ. Были и такіе, которые не разсчитывали ни на чью помощь, и, полагаясь лишь на волю Божію, на свою прежнюю трудовую жизнь, на готовность свою и дальше работать, твердо вѣрили, что въ странѣ свободы они сумѣютъ завоевать себѣ новое и достойное человѣка существованіе.

Американцы пожелали убѣдиться въ томъ, что выселеніе изъ Москвы евреевъ, по новымъ узаконеніямъ лишенныхъ права остаться тамъ, производилось этапнымъ порядкомъ, если они, вопреки данной ими такъ называемой «добровольной» подпискѣ, не выѣзжали къ сроку, или если они оказались не имѣющими надлежащаго разрѣше-

нія или документовъ. Этапная пересылка означала отправку подъ стражей, въ общей партіи съ преступными элементами, препровождаемыми въ томъ же направленіи; переотправляли изъ одного города въ другой, гдѣ арестантовъ, въ ожиданіи дальнѣйшей партіи, помѣщали въ тюрьмы. Этапное передвиженіе, напримѣръ, изъ Москвы въ Минскъ могло длиться мѣсяцы, да еще въ Москвѣ приходилось ждать въ тюрьмѣ много недѣль, пока соберется цѣлая партія отправляемыхъ по тому же направленію арестантовъ. И этотъ порядокъ высылки евреевъ примѣнялся безъ суда, а распоряженіемъ полиціи, хотя по закону она, имѣя право высылки, не имѣла права лишать свободы. Высылаемые приравнивались къ «бродягамъ», — единственная категорія людей, которыхъ можно было отправлять этапнымъ порядкомъ. Мало того, въ Москвѣ намъ сообщили, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — и до сихъ поръ для меня неясно, какихъ, но во всякомъ случаѣ многочисленныхъ, — этапно-выселяемые изъ Москвы отправлялись въ наручникахъ, т. е. скованными попарно по рукамъ, за одно съ осужденными за тяжкія преступленія. Убѣдиться въ томъ, что такой порядокъ этапной пересылки существуетъ, и что примѣняются наручники, удалось благодаря Максиму Когану, который какимъ то чудомъ сумѣлъ провести Вебера и Кемпстера въ московскую Бутырскую тюрьму, гдѣ содержались подлежащіе высылкѣ евреи. Тамъ были опрошены заключенные евреи, и само тюремное начальство подтвердило, что эти евреи ни въ чемъ не обвиняются и что они содержатся подъ стражей какъ евреи, подлежащіе выселенію изъ Москвы. Удалось даже снять фотографію съ евреевъ, отправляемыхъ въ наручникахъ подъ стражей на Брестскій вокзалъ, черезъ который по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ евреи выселялись въ черту осѣдлости. Одинъ экземпляръ такихъ наручниковъ Веберъ и Кемпстеръ повезли съ собой въ качествѣ вещественнаго доказательства.

Въ помѣщеніи комитета помощи выселяемымъ, куда многіе обращались, мы въ теченіе двухъ дней опрашивали всѣхъ приходившихъ. Въ иностранной прессѣ было сообщено, какъ фактъ, что въ Москвѣ разрѣшалось проживать еврейкамъ, занимающимся проституціей. Такого правила въ дѣйствительности не существовало, и могли быть только отдѣльные случаи злоупотребленія со стороны по-

лиціи. Веберъ и Кемпстеръ особенно заинтересовались этимъ вопросомъ. Никакихъ фактическихъ данныхъ не оказалось, но одинъ случай показывалъ, какъ твердо вѣрили сами евреи въ возможность остаться въ Москвѣ, для дѣвушки, занимающейся развратомъ. Этотъ случай занесенъ въ протоколъ Вебера. Дѣвушка 18 лѣтъ, Малка Халфинъ, проживала какъ портниха въ Москвѣ въ теченіе 2 или 3 лѣтъ. Изъ заработка своего она посылала по 10 руб. въ мѣсяцъ своей матери, которая жила въ чертѣ осѣдлости. Формальнаго права жительства у нея не было, и поэтому она проживала въ Москвѣ у земляковъ тайно, т. е. безъ прописки въ полиціи. При усилившейся строгости провѣрки правъ на жительство евреевъ, квартирохозяева не могли дольше ее держать у себя. Она очутилась на улицѣ. Нѣсколько ночей она бродила по улицамъ и передъ нею, какъ она думала, предстоялъ выборъ: или получить желтый билетъ, т. е. паспортъ, которымъ снабжались состоящія подъ наблюденіемъ полиціи проститутки, или же вернуться въ черту осѣдлости, гдѣ она не могла разсчитывать на какой-либо заработокъ и не была бы слѣдовательно въ состояніи помогать своей матери. Въ отчаяніи она бросилась въ Москву-рѣку, откуда она была вытащена и приведена въ чувство. Въ больницѣ она объяснила причину покушенія на самоубійство. Дамы-патронессы взяли ее подъ свое покровительство; одна изъ этихъ дамъ, высокопоставленная христіанка, приняла Малку Халфинъ подъ свое попеченіе и, снабдивъ ее нѣкоторыми средствами, доставила ее на родину, — получить для Малки право жительства въ Москвѣ и этой дамѣ не удалось. Мать Малки обратилась къ этой дамѣ съ трогательнымъ письмомъ, оригиналъ котораго былъ переданъ Веберу и Кемпстеру.

Выселенію подвергались и такія законно проживавшія въ Москвѣ лица, которыя сумѣли занять нѣкоторое общественное положеніе, напр., состояли на службѣ въ банкахъ, на отвѣтственныхъ должностяхъ; выселялись и такіе евреи, которые сами честно работали и давали заработокъ многимъ другимъ, даже христіанамъ. Помню фабриканта Неймарка, 55 лѣтъ, который прибывъ въ качествѣ ремесленника въ Москву, впослѣдствіи устроилъ фабрику пуговицъ. У него работало до 60 рабочихъ, которымъ онъ выплачивалъ до 50.000 рублей въ годъ, по-

лучая отъ 4 до 8 тысячъ рублей чистой прибыли. Въ Москвѣ онъ прожилъ 21 годъ, получалъ награды на выставкахъ. Ему предложено было уѣхать изъ Москвы, по максимальной ставкѣ сроковъ, въ іюлѣ 1892 года. У фирмы Морозовыхъ, самыхъ крупныхъ московскихъ мануфактуристовъ, главными агентами по продажѣ товаровъ были около 20 евреевъ. При содѣйствіи ихъ, фирма дѣлала ежегодный оборотъ въ суммѣ свыше 100 милліоновъ рублей. Нѣкоторые изъ этихъ евреевъ состояли на службѣ уже около 20-ти лѣтъ. Выселеніе всѣхъ этихъ агентовъ причиняло фирмѣ Морозовыхъ значительные убытки. Хлопоты представителей фирмы объ оставленіи этихъ агентовъ въ Москвѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Выселеніе евреевъ, пользовавшихся кредитомъ, причиняло убытки фирмамъ, которыя имъ оказывали этотъ кредитъ. Само собой разумѣется, что лицо, которому объявлено было о выселеніи въ шестимѣсячный срокъ, прекращало платежи немедленно. Все это приводило къ тому, что выселеніе евреевъ вызвало крайнее замѣшательство въ торгово-промышленномъ мірѣ Москвы. Торговыя и промышленныя фирмы предпринимали шаги для того, чтобы отмѣнить выселеніе, хотя бы нѣкоторыхъ изъ обреченныхъ. Но генералъ-губернаторъ былъ неумолимъ и ни одно изъ подобныхъ ходатайствъ не имѣло успѣха.

Было много случаевъ выселенія молодыхъ людей, которые родились въ Москвѣ. Одна дѣвушка, родители которой прожили въ Москвѣ 27 лѣтъ, окончила въ Москвѣ курсъ гимназіи и училась въ московской консерваторіи. Родители ея были выселены въ 6-ти мѣсячный срокъ. Просьбы объ оставленіи этой дѣвушки въ Москвѣ для окончанія образованія были отклонены.

Одинъ скорнякъ, по имени Прессъ, прожилъ въ Москвѣ 14 лѣтъ, имѣлъ обширную мастерскую, въ которой работало до 50 рабочихъ. Прессъ былъ одинъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по ремеслу, которое въ Москвѣ имѣло мало представителей. Дѣятельность Пресса была крайне полезна московской промышленности. Обработка мѣховъ, какъ извѣстно, производилась въ Лейпцигѣ, и русскіе мѣха, побывавъ для передѣлки въ Германіи, возвращались обратно въ Россію. Прессъ былъ однимъ изъ первыхъ, занявшихся обработкой мѣховъ въ Москвѣ. Од-

нако, и онъ не избѣгъ выселенія. На допросѣ его Веберомъ, онъ объяснилъ, что онъ твердо рѣшилъ эмигрировать въ Америку и, показавъ фотографію своей 6-ти лѣтней дочери, сказалъ: вотъ этой дѣвочкѣ хочу дать возможность дышать свободнымъ воздухомъ и не подвергаться риску на каждомъ шагу быть встрѣченной, какъ преступница, только потому, что она еврейка.

Въ Марьиной Рощѣ мы видѣли евреекъ, которыя, за неимѣніемъ пристанища и въ ожиданіи возможности отъѣзда, днемъ шатались по улицамъ, а ночевали на кладбищѣ. Но ничего ужаснѣе не было той картины, которая представилась намъ при посѣщеніи Брестскаго вокзала передъ отходомъ поѣздовъ въ направленіи Минска. Брестскій вокзалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имѣлъ видъ лагеря. Вся платформа и залъ Ш класса были буквально переполнены. Цѣлыя семьи съ маленькими дѣтьми валялись на грязномъ каменномъ полу, окруженныя своимъ скарбомъ. Нѣсколько дней проводили они въ такомъ положеніи въ ожиданіи свободнаго мѣста въ поѣздѣ. Изъ комитета помощи имъ ежедневно приносили пищу. Голодные, изможденные, усталые отъ безсонныхъ ночей, — таковы были люди, которые до того спокойно и честно жили, работали, никакого зла никому не чинили...

Веберъ и Кемпстеръ были буквально поражены всѣмъ тѣмъ, что они увидѣли въ Москвѣ. Они убѣдились, что въ газетныхъ сообщеніяхъ не только нѣтъ преувеличенія, но даже недостаточно отражена дѣйствительность. Они снимали копіи со всѣхъ представленныхъ имъ документовъ: съ проходныхъ свидѣтельствъ, выдававшихся взамѣнъ паспорта, со штемпелей на паспортахъ о выѣздѣ въ 24 часа, съ предписаній объ отправкѣ этапнымъ порядкомъ и т. д.

Изъ Москвы мы отправились въ Минскъ, въ самую гущу еврейскихъ поселеній черты осѣдлости.— Въ первый разъ со временъ ранняго дѣтства я очутился въ Литвѣ. То, что мы тамъ наблюдали, было новымъ и для меня, и для моего товарища Левенсона. Мы прежде всего посѣтили тамъ рынки, на которыхъ толпилось множество евреевъ, ищущихъ труда, и нанимавшихся на всякія работы, не исключая самыхъ тяжелыхъ. Мы посѣтили и улицы, гдѣ ютилась бѣднота. Никто изъ насъ не имѣлъ представ-

ленія о той степени нужды, въ которой могутъ жить люди. Множество семействъ заявляло намъ о томъ, что они, кромѣ хлѣба, картофеля, а иногда селедки, другой пищи не видятъ въ теченіе мѣсяца. Жилищныя условія представились въ ужасномъ видѣ. Въ одной каморкѣ ютились иногда до 10 лицъ. Но самымъ удивительнымъ для насъ было то, что за ничтожную плату евреи занимались самыми тяжелыми физическими работами. Достаточно было пройтись по городу Минску, чтобы убѣдиться, насколько ложно представленіе о томъ, что евреи не занимаются и не хотятъ заниматься физическимъ трудомъ. Оказалось, что въ крупныхъ центрахъ съ большимъ еврейскимъ населеніемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ всѣ тяжелыя работы выполняются евреями — начиная съ трубочистовъ и кончая переносчиками тяжестей, — и притомъ, вслѣдствіе конкурренціи, за баснословно малую плату.

Веберъ и Кемпстеръ собрали точныя свѣдѣнія о размѣрахъ заработковъ и выяснили, что максимальный заработокъ, при 12-14 часовомъ рабочемъ днѣ, выражался въ суммѣ 6-7 руб. въ недѣлю. Заработокъ въ 3-4 р. являлся обычнымъ для людей, которые выполняли самыя тяжелыя работы, — вродѣ переносчиковъ тяжестей, ломовыхъ извозчиковъ, каменщиковъ, плотниковъ и т. д. Не больше зарабатывали и мелкіе ремесленники, которые стали испытывать конкурренцію со стороны ремесленниковъ, выселенныхъ изъ внутреннихъ губерній.

Мы посѣтили почти всѣ общественныя и благотворительныя учрежденія, но особенное вниманіе было удѣлено минскому Ремесленному училищу, которое субсидировалось Ремесленнымъ Фондомъ въ Петербургѣ и, наряду съ такимъ же училищемъ въ Двинскѣ, считалось въ то время образцовымъ. И дѣйствительно, училище произвело на насъ прекрасное впечатлѣніе. Въ немъ мальчики 12-17 лѣтъ обучались слесарно-механическому мастерству; въ училищѣ, подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ-учителей, производились работы по заказамъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ на изготовленіе довольно сложныхъ инструментовъ и машинныхъ частей. Въ этомъ училищѣ можно было видѣть, съ какою быстротою еврейскіе мальчики осваиваются съ тяжелымъ трудомъ и съ нелегкими пріемами производства, требующаго тонкихъ и сложныхъ манипуляцій.

Недостатокъ средствъ не давалъ возможности, однако, увеличить число учениковъ; количество желающихъ поступить въ это училище въ значительной мѣрѣ превышало цифру могущихъ быть принятыми. Контингентъ воспитанниковъ составляли преимущественно мальчики изъ окрестныхъ мѣстечекъ, не имѣвшіе родителей въ Минскѣ и проживавшіе здѣсь на общественный счетъ; они размѣщались по разнымъ квартирамъ за плату, которая вносилась изъ благотворительныхъ средствъ; общежитія для воспитанниковъ, при училищѣ не было. Попеченіе объ этихъ дѣтяхъ имѣлъ особый комитетъ изъ мѣстныхъ дамъ-благотворительницъ, которыя отдавали этому дѣлу много сердца и труда.

Главными дѣятелями на поприщѣ общественной благотворительности въ Минскѣ были д-ръ Лунцъ и Г. Сыркинъ, котораго мы тогда въ Минскѣ не застали. Раввиномъ былъ Ханелесъ, имѣвшій уже большія заслуги въ общественномъ поприщѣ въ Минскѣ. Это былъ первый раввинъ, съ которымъ я встрѣтился, не ограничивающійся одной канцелярской работой по регистраціи рожденій, смертей и браковъ, а дѣйствительно руководившій благотворительной и общественной работой въ своей общинѣ.

До сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на насъ толкучимъ рынкомъ въ Минскѣ. Лари и маленькія лавченки, толпа продавцовъ и продавщицъ въ разносъ стараго платья, мелкихъ вещей домашняго обихода; вся стоимость товара не превышала двухъ рублей; въ лучшемъ случаѣ выручка давала ничтожную сумму съ заработкомъ въ нѣсколько десятковъ копеекъ. Тутъ же сотни безработныхъ, ожидающихъ потребителя ихъ труда и пота, взамѣнъ копеечнаго вознагражденія.

Во время пребыванія въ Минскѣ мы посѣтили маленькое мѣстечко «Самохваловичи» въ 12 верстахъ отъ города. По дорогѣ пришлось проѣзжать черезъ деревни, заходить въ корчмы, содержимыя евреями. Почти всѣ содержатели такихъ корчемъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцами, — они арендовали небольшіе участки земли, но вслѣдствіе запрета по закону 3 мая 1882 года заключать контракты, они снимали земли по словеснымъ договорамъ, оплачивая благосклонность полиціи, не пре-

пятствовавшей имъ въ этомъ; вмѣстѣ съ наемными рабочими, цѣлый день въ лѣтнее время они проводили въ полѣ, участвуя въ уборкѣ урожая, въ косьбѣ сѣна и другихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ. Къ этимъ лицамъ мѣстное крестьянское населеніе относилось вполнѣ дружелюбно, никакихъ столкновеній между ними и крестьянами не происходило. Встрѣченные нами крестьяне при опросѣ подтверждали, что они никакого зла отъ евреевъ не видятъ и никакой вражды къ нимъ не питаютъ. Въ маленькомъ мѣстечкѣ, сплошь заселенномъ евреями, избушки содержались въ большомъ порядкѣ и сравнительно чистоплотно, чѣмъ они выгодно отличались отъ крестьянскихъ бѣлорусскихъ жилыхъ помѣщеній, которыя мы посѣтили по дорогѣ. Въ этомъ мѣстечкѣ мы побывали и въ хедерѣ. Въ небольшой комнатѣ человѣкъ десять мальчиковъ сидѣли за столомъ и нараспѣвъ читали Библію, подъ руководствомъ меламеда. Изъ этихъ дѣтей не было ни одного, который не умѣлъ бы и писать по еврейски. Всѣхъ ихъ д-ръ Кемпстеръ заставлялъ записывать въ свою записную книжку свое имя и фамилію на еврейскомъ языкѣ. По русски почти ни одинъ изъ нихъ читать не умѣлъ, и на вопросъ — почему они не умѣютъ читать и писать по русски, учитель меламедъ далъ объясненіе, что онъ самъ не обладаетъ достаточными знаніями русскаго языка, чтобы обучать дѣтей; конечно, можно было бы пригласить какого либо учителя, но по закону въ хедерѣ воспрещено обучать русскому языку и вообще какимъ либо предметамъ, кромѣ еврейскаго языка и еврейскихъ религіозныхъ книгъ, такъ какъ хедеръ считается религіознымъ учебнымъ заведеніемъ.

Изъ Минска мы направились въ Вильну. Еврейскій кварталъ въ Вильнѣ превзошелъ всякое представленіе о степени нужды, въ которой могутъ жить люди. Особенно тяжелое впечатлѣніе вынесли члены комиссіи и мы, сопровождавшіе ихъ, изъ посѣщенія разныхъ мастерскихъ и, въ частности, типографіи, гдѣ работали исключительно евреи. Мы нашли подростковъ 10-12 лѣтъ, которые за неимовѣрно тяжелый трудъ — вертѣть ручной типографскій станокъ, въ теченіе 13-14 часовъ въ день, получали плату по 1 р.-1 р. 20 к. въ недѣлю. Въ знаменитой типографіи братьевъ и вдовы Роммъ, одинъ изъ такихъ мальчиковъ, съ блѣднымъ лицомъ и умными глазами, своей

покорностью судьбѣ и своимъ отношеніемъ къ дѣлу вызвалъ слезы на глазахъ такихъ закаленныхъ людей, какъ полковникъ Веберъ и д-ръ Кемпстеръ. Изъ заработка въ 1 руб. въ недѣлю, онъ 50 коп. отсылалъ своей матери въ ближайшее мѣстечко, а на остальные 50 коп. самъ проживалъ въ теченіе недѣли, не прибѣгая къ благотворительности. На вопросъ: какъ онъ живетъ, — онъ отвѣчалъ, что онъ ежедневно покупаетъ фунтъ или полтора фунта хлѣба, что ему стоитъ около 5 коп. въ день; 15 коп. въ недѣлю онъ платитъ за право ночевать; иногда бываетъ у него и праздникъ — онъ получаетъ бѣлый хлѣбъ, — когда пріѣзжаетъ къ нему его сестра, чтобы его навѣстить.

Въ матеріалы американцевъ занесены были показанія цѣлаго ряда дѣтей и подростковъ, мучениковъ, зарабатывавшихъ съ трудомъ возможность питаться исключительно черным хлѣбомъ и по мѣсяцамъ не видавшихъ иной пищи. Встрѣчалось много стариковъ, которые, не имѣя работы, проживали на средства, которыя они получали отъ своихъ дѣтей, незадолго передъ тѣмъ выѣхавшихъ въ Америку и тамъ начинающихъ пристраиваться. Всѣ эти лица ожидали съ минуты на минуту полученія такъ называемой «припедной» карты, т. е. оплаченнаго билета на проѣздъ въ Америку изъ какого нибудь европейскаго порта. На Америку всѣ смотрѣли, какъ на обѣтованную землю, гдѣ, при полной свободѣ, отсутствіи преслѣдованій и издѣвательства со стороны окружающаго населенія, человѣкъ, занимающійся трудомъ и не боящійся труда, можетъ свободно пристроиться независимо отъ своей національной принадлежности.

Послѣ Вильны, мы посѣтили одну изъ близлежащихъ земледѣльческихъ колоній. Эта колонія была основана въ 50-хъ годахъ въ помѣщичьемъ имѣніи, причемъ евреямъ отведены были участки земли въ весьма небольшомъ размѣрѣ. Почти всѣ семьи, поселившіяся въ колоніи, остались на этой землѣ до послѣдняго времени и жили исключительно земледѣльческимъ трудомъ; если они оказывались въ нуждѣ, то только потому, что они не могли расширить своихъ участковъ, вслѣдствіе запрета, по правиламъ 3 мая, арендовать хотя бы небольшое количество земли. Мы подробно ознакомились съ жизнью евреевъ-земледѣльцевъ. Изъ посѣщенія колоніи члены комиссіи

не могли не вынести убѣжденія, что, несмотря на тяжелыя условія и всякіе законные запреты, евреи, разъ пристроенные къ землѣ, съ нею не разстаются и что на землѣ устроились бы многіе, если бы не существовало легальныхъ къ тому препятствій.

Изъ Вильны мы направились въ Бѣлостокъ. Предметомъ наблюденія въ Бѣлостокѣ были ткачи, работавшіе въ кустарныхъ предпріятіяхъ на нѣсколькихъ станкахъ, а также болѣе или менѣе значительныхъ ткацкихъ фабрикахъ. Въ результатѣ колоссальной конкурренціи и застоя въ торговлѣ, вызванной выселеніемъ изъ Москвы и перерывомъ надлежащихъ коммерческихъ сношеній съ Россіей, вслѣдствіе устраненія изъ коммерческаго оборота многихъ агентовъ, проживавшихъ въ Москвѣ, условія труда были въ этотъ моментъ чрезвычайно тяжелыми. Заработокъ ткачей колебался отъ 4 до 7 руб. въ недѣлю. Веберъ и Кемпстеръ подробно освѣдомились о положеніи рабочихъ и занесли въ соотвѣтственные протоколы много показаній, какъ владѣльцевъ фабрикъ, такъ и самихъ рабочихъ. Мы посѣтили и разныя учрежденія. Особенное впечатлѣніе, не изгладившееся у меня до настоящаго времени, несмотря на прошедшіе 40 лѣтъ, произвело на насъ помѣщеніе, гдѣ хранились заклады, подъ которые выдавались ссуды изъ мѣстнаго «гемилутъ-хеседъ» (кассы безпроцентныхъ ссудъ). Оборотныя средства этой кассы были — до 1000 рублей въ мѣсяцъ, максимальная ссуда составляла десятка два рублей. Ни одна ссуда не выдавалась безъ залога какихъ нибудь вещей. И вотъ надо было видѣть, какія вещи отдавались подъ закладъ, чтобы судить о томъ, до какой степени нужды доходятъ тѣ, кто обращается за этими безпроцентными ссудами. Цѣнныхъ вещей мы тамъ вовсе не нашли. Домашняя утварь, самая малоцѣнная, закладывалась для полученія незначительной ссуды въ 1-2 рубля; закладывались и еврейскія книги, отдѣльные разрозненные томы Талмуда. Среди всего этого хлама насъ поразилъ видъ двухъ серебряныхъ подсвѣчниковъ, стоящихъ одними изъ послѣднихъ въ рядѣ расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, по времени заключенія займа, вещей. На наше удивленіе, какимъ образомъ среди малоцѣннаго хлама попали серебряные подсвѣчники, мы получили чрезвычайно интересное бытовое объясненіе. Оказывается, что подсвѣчники

постепенно передвигаются съ мѣста на мѣсто и постоянно фигурируютъ въ послѣдней недѣлѣ; они являются капиталомъ для существованія семьи, обремененной значительнымъ количествомъ дѣтей. Владѣлецъ этой драгоцѣнности каждое воскресенье утромъ приноситъ эти подсвѣчники и получаетъ подъ нихъ рублей 15 ссуды; въ пятницу, когда кончается его торговый оборотъ, должникъ выкупаетъ подсвѣчники, дабы эти наслѣдственныя реликвіи могли фигурировать на субботнемъ столѣ. По минованію этой надобности, т. е. въ воскресеніе, подсвѣчники опять отдаются въ залогъ съ тѣмъ, чтобы въ ближайшую пятницу быть опять выкупленными, и, такимъ образомъ, они каждую недѣлю занимаютъ мѣсто среди послѣднихъ закладываемыхъ вещей.

Ткачи-евреи большею частью работали дома, получая пряжу отъ предпринимателя и отдавая ему готовый продуктъ. Въ Бѣлостокѣ было всего двѣ-три небольшихъ фабрики съ исключительно еврейскими рабочими; на другихъ фабрикахъ евреи не работали. Христіане не могли работать съ евреями на одной и той же фабрикѣ изъ за несовпаденія праздничныхъ дней, иначе комплекты рабочихъ не были бы полны ни въ воскресеніе, ни въ субботу. Но вообще евреи предпочитали работать дома на собственномъ ткацкомъ станкѣ, нежели въ общей массѣ на фабрикѣ. Никакихъ рабочихъ организацій еще не существовало въ Бѣлостокѣ, если не считать собственнаго молитвеннаго дома, гдѣ молились ткачи. По сравненію съ Минскомъ и Вильной, въ матеріальномъ отношеніи Бѣлостокъ производилъ впечатлѣніе города болѣе благополучнаго.

За Бѣлостокомъ слѣдовало Гродно. Здѣсь мы наблюдали евреевъ-рабочихъ, занимавшихся сплавомъ лѣса по Нѣману, выгружавшихъ получающійся сплавъ, проводя въ теченіе дня не менѣе 10 часовъ по поясъ въ водѣ, и выполнявшихъ тяжелую работу перегрузки и выгрузки изъ баржъ тяжелыхъ бревенъ. Въ Гроднѣ полиція впервые заинтересовалась обслѣдованіемъ Вебера и Кемпстера: ни въ другихъ городахъ черты осѣдлости, ни въ Москвѣ, ни со стороны губернаторовъ, ни со стороны низшихъ органовъ полиціи никакихъ препятствій имъ не чинилось. Въ Гроднѣ же американцевъ пригласили въ полицейскій участокъ. Мы готовились къ тому, чтобы представить надле-

жащія объясненія и доказательства того, что обслѣдованіе Вебера и Кемпстера производится съ вѣдома властей. Оказалось, что приглашеніе въ участокъ имѣло только одну цѣль — выяснить вѣроисповѣданіе Вебера и Кемпстера. Когда Веберъ на вопросъ, какого они вѣроисповѣданія, — ибо въ паспортахъ ихъ не имѣлось указанія на исповѣданіе, — отвѣтилъ, черезъ меня, какъ переводчика, что они американцы, то этимъ обозначеніемъ исповѣданія представители полиціи удовлетворились; мы, — я и Левенсонъ, — слышали, какъ одинъ чинъ объяснялъ другому: видишь ли, американцы вообще религіи не имѣютъ, поэтому достаточно обозначить: «американецъ». Съ этимъ ихъ и отпустили и никакого интереса къ работѣ Вебера и Кемпстера въ участкѣ не проявляли, — очевидно, кромѣ исповѣданія гостей, ничто полицію не интересовало.

Въ Гроднѣ въ то время производилось много строительныхъ работъ; при возведеніи кирпичныхъ зданій работали исключительно евреи. Никакихъ приспособленій къ подъему кирпичей на верхніе этажи не существовало, и носка этихъ кирпичей лежала на малолѣтнихъ дѣтяхъ, не старше 13-14 лѣтъ, получавшихъ за работу въ теченіе 10-11 часовъ въ день не болѣе 2 руб. въ недѣлю.

Ни въ одномъ городѣ еврейское общинное дѣло не было такъ благоустроено, какъ именно въ Гроднѣ. Самымъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ былъ Абрамъ Фрумкинъ, съ которымъ я тогда впервые познакомился и съ которымъ мнѣ потомъ по разнымъ общественнымъ еврейскимъ дѣламъ приходилось неоднократно встрѣчаться до того, какъ онъ, къ несчастью для Гродны, тяжко заболѣлъ. Онъ умеръ въ концѣ 90-хъ годовъ. Богатый человѣкъ, европейски образованный, онъ былъ истиннымъ общиннымъ еврейскимъ работникомъ; съ беззавѣтной преданностью онъ отдавалъ свои средства, свое время, трудъ и свои душевныя качества дѣлу помощи своимъ согражданамъ въ Гроднѣ. Не было ни одного учрежденія, гдѣ бы на первомъ мѣстѣ не фигурировалъ Фрумкинъ или членъ его семьи. Семья Фрумкиныхъ имѣла не мало представителей на еврейской общественной нивѣ. Въ Варшавѣ, куда мы изъ Гродны впослѣдствіи отправились, я имѣлъ случай познакомиться съ братомъ этого Фрумкина, который въ Варшавѣ стоялъ въ центрѣ всѣхъ

еврейскихъ общественныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ начинаній.

Послѣ Гродны мы посѣтили Варшаву. Въ первый разъ мнѣ довелось быть въ Польшѣ, и ознакомленіе съ условіями жизни польскаго еврейства представляло для меня не меньшій интересъ, чѣмъ для Вебера и Кемпстера. Мы посѣтили д-ра Натансона и бывшаго тогда предсѣдателемъ еврейской общины Михаэля Бергсона. Это былъ старикъ, произведшій на насъ впечатлѣніе стараго патриція, патріарха чисто польской культуры. Типичный «полякъ Моисеева Закона». Еврейское общинное управленіе уже тогда было образцовымъ въ смыслѣ организаціи. Но не было въ немъ еврейскаго духа. Ортодоксальныхъ представителей въ немъ тогда не было. Изъ бывшихъ русскихъ евреевъ намъ оказано было содѣйствіе Сигизмундомъ Фрумкинымъ, братомъ того Фрумкина, котораго мы сумѣли оцѣнить въ Гроднѣ. Веберъ и Кемпстеръ имѣли въ своемъ распоряженіи мало времени, и поэтому знакомство съ польскимъ еврействомъ ограничилось одной Варшавой. Но и жизнь въ Варшавѣ позволила съ очевидностью установить причины эмиграціи евреевъ изъ Польши: здѣсь существовали тѣ же условія труда, что и въ чертѣ осѣдлости: перенасыщеніе рынка труда и вытекающая отсюда недостаточность заработной платы. Любопытнымъ явленіемъ было то, что къ этому времени, вслѣдствіе выселенія изъ Москвы, многіе московскіе владѣльцы фабрикъ, не ожидая окончательнаго срока, предоставленнаго имъ для добровольнаго выѣзда, перенесли свои предпріятія въ Варшаву. Нѣкоторые переѣхали въ Лодзь и тамъ возобновили свою прерванную въ Москвѣ фабричную и заводскую дѣятельность. Русскіе евреи, переселившіеся изъ Москвы, впослѣдствіи укрѣпились тамъ, развили свои дѣла, перенося съ собой и свои торговыя связи и знаніе русскаго рынка; такъ создалась серьезная конкурренція Москвѣ съ ихъ стороны, на что впослѣдствіи неоднократно жаловались московскіе купцы. Московская промышленность пожала плоды, посѣянные для пользы ея такимъ дальновиднымъ администраторомъ, какимъ былъ великій князь Сергѣй Александровичъ. Съ другой стороны, переселеніе евреевъ изъ Москвы въ Польшу имѣло и иныя важныя послѣдствія. Въ Варшаву занесена была русская рѣчь, которая стала раз-

даваться громко на улицахъ и даже — къ ужасу поляковъ — въ Саксонскомъ саду. Вмѣстѣ съ языкомъ, русскіе евреи перенесли въ Польшу и часть русской культуры — любовь къ русскимъ писателямъ. Русскіе евреи, поселившіеся въ Польшѣ обнаружили то же, что проявляютъ еврейскіе эмигранты въ Соединенныхъ Штатахъ и по отзывамъ такихъ знатоковъ эмигрантскаго быта, какъ Веберъ и Кемпстеръ, и по словамъ другихъ лицъ, побывавшихъ въ Америкѣ, въ частности, вернувшагося въ 1905 г. изъ Соединенныхъ Штатовъ, послѣ заключенія Портсмутскаго договора съ Японіей графа Витте, — а именно: прочную привязанность къ русскому языку и къ русской литературѣ, — несмотря на то, что они перенесли въ Россіи столько страданій и были вынуждены оставить родной край. Эта любовь къ русскому языку уже тогда вызывала со стороны поляковъ нареканія и постоянныя обвиненія евреевъ въ усиленіи русскаго элемента и въ руссификаторствѣ. Присутствіе въ Варшавѣ русскихъ евреевъ особенно раздражало мѣстныхъ ополяченныхъ евреевъ, проникнутыхъ раболѣпнымъ ассимиляторствомъ. Впослѣдствіи, когда національныя стремленія евреевъ стали особенно выдвигаться и развился сіонизмъ, борьба между ассимиляторской частью еврейства и національно настроенными элементами, составлявшими большинство среди русскихъ и литовскихъ евреевъ, приняла очень острый характеръ, о чемъ, вѣроятно, будетъ не разъ случай упомянуть впослѣдствіи.

На этомъ кончилась миссія Вебера и Кемпстера въ Россіи. Оставшись еще на день-другой для приведенія въ порядокъ, при моемъ содѣйствіи, собраннаго матеріала, они уѣхали. Передъ отъѣздомъ Веберъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что онъ, непосредственно сталкиваясь съ русскими эмигрантами, пріѣзжавшими въ Нью-Іоркъ, былъ въ общихъ чертахъ освѣдомленъ о положеніи евреевъ и не могъ сомнѣваться въ томъ, что именно отношеніе правительства къ еврейству является одной изъ главныхъ причинъ иммиграціи евреевъ въ Америку; если бы изъ разсказовъ, слышанныхъ имъ отъ эмигрантовъ, онъ повѣрилъ хотя бы незначительной части, то и этого было бы достаточно, — но никогда онъ не могъ себѣ представить того, что лично увидѣлъ за свое кратковременное пребываніе въ Россіи. Веберъ заявилъ, что, уѣзжая изъ

Россіи, онъ увозитъ убѣжденіе, что то, что ему разсказывали эмигранты въ Америкѣ, является лишь незначительной долей истины, провѣренной имъ по личнымъ наблюденіямъ и на личномъ опытѣ; д-ръ Кемпстеръ также раздѣляетъ это убѣжденіе, хотя и не можетъ скрыть отъ меня, что онъ отправлялся въ Россію съ предубѣжденіемъ противъ евреевъ: онъ не могъ допустить, что въ цивилизованной странѣ можетъ существовать то, о чемъ постоянно говорили газеты, и былъ увѣренъ, что на мѣстѣ онъ убѣдится въ правильности своего предположенія.

По пріѣздѣ въ Америку, Веберъ и Кемпстеръ, вмѣстѣ со всей комиссіей, представили свой отчетъ конгрессу. Этотъ отчетъ былъ напечатанъ въ матеріалахъ конгресса за 1892 г. Само собой разумѣется, что цензура въ свое время не пропустила въ Россію ту часть отчета, которая касается обслѣдованій Вебера и Кемпстера. Впослѣдствіи отчетъ былъ переведенъ на французскій языкъ и изданъ въ Брюсселѣ особой брошюрой. И эта брошюра, конечно, не была допущена въ Россіи. Только лѣтъ 15 тому назадъ, благодаря любезности Якова Шифа, я получилъ экземпляръ отчета, и мнѣ было чрезвычайно отрадно увидѣть, съ какой точностью и съ какой полнотой Веберъ и Кемпстеръ, съ которыми я сблизился за время путешествія 1891 г. по чертѣ осѣдлости, передали свои впечатлѣнія и какъ обстоятельно они освѣдомили своихъ американскихъ гражданъ, въ лицѣ представителей ихъ на конгрессѣ, о всѣхъ собранныхъ ими данныхъ и документахъ. Я полагаю, что до сего времени не было издано болѣе полнаго и яркаго документа для характеристики политики Александра III по отношенію къ евреямъ, чѣмъ этотъ парламентскій отчетъ. Приходится удивляться, что потомъ, когда еврейскій вопросъ не только не сталъ на путь разрѣшенія, но еще болѣе обострился, европейская пресса такъ мало использовала этотъ отчетъ, и многимъ изслѣдователямъ приходилось заново составлять то, что въ сущности было уже сдѣлано въ отчетѣ Вебера и Кемпстера, какъ представителей комиссіи по обслѣдованію причинъ эмиграціи изъ Европы въ Америку. Къ ихъ отчету приложено было краткое изложеніе всѣхъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ въ Россіи, по отдѣльнымъ категоріямъ: въ отношеніи религіозно-духовномъ, въ отношеніи жительства, торговли, военной службы и т.

д.; даны были статистическія данныя о количествѣ еврейскаго населенія во всѣхъ городахъ черты осѣдлости; изложенъ подробный очеркъ исторіи земледѣльческихъ колоній въ Россіи, словомъ, данъ абсолютно полный матеріалъ для того, чтобы знакомиться и съ положеніемъ евреевъ по законамъ и съ практикой примѣненія этихъ законовъ въ жизни.

Съ большимъ удовлетвореніемъ я просматриваю время отъ времени этотъ отчетъ въ сознаніи того, что не мало моего труда положено было для ознакомленія Вебера и Кемпстера съ положеніемъ дѣла, — что и дало имъ возможность составить такой, можно сказать, рѣдкій по полнотѣ, по точности и по доказательности документъ. Въ отчетѣ содержатся заключенія другихъ членовъ комиссіи, посѣтившихъ другія мѣста Европы; между прочимъ, одного изъ нихъ, который успѣлъ съѣздить въ Одессу, во время пребыванія своего въ Румыніи и Галиціи. И вотъ, лучшее доказательство того, что значитъ непосредственное знакомство съ положеніемъ такой странной на американскій взглядъ проблемы, какъ еврейскій вопросъ: этотъ членъ комиссіи, не наблюдая и не изучая ни законодательства, ни примѣненія его къ евреямъ, повторяетъ то, съ чѣмъ Кемпстеръ, повидимому, пріѣхалъ въ Россію, — а именно, что положеніе евреевъ въ Россіи изображается въ прессѣ въ преувеличенно сгущенныхъ краскахъ, что вопросъ о чертѣ осѣдлости не имѣетъ значенія, такъ какъ эта черта осѣдлости, обнимая 15 губерній и Польшу, представляетъ собою пространство, на которомъ шестимилліонное населеніе можетъ въ достаточной мѣрѣ развить свою экономическую мощь, что экономическія силы евреи проявляютъ въ достаточной степени, и что сѣтованія, будто бы имъ тѣсно въ чертѣ осѣдлости, лишены всякаго основанія. Этотъ членъ комиссіи не былъ освѣдомленъ, что вся черта осѣдлости сводится къ отдѣльнымъ населеннымъ городскимъ пунктамъ, а отнюдь не къ пространству губерній, что въ селахъ и деревняхъ евреямъ жить нельзя, что евреи оттуда выселяются, что мѣстечки не имѣютъ никакого торгово-промышленнаго значенія, что тамъ люди задыхаются и коснѣютъ въ грязи и невѣжествѣ, что правительство никакихъ заботъ о благосостояніи мѣстечекъ не несетъ, что вся духовная жизнь евреевъ стѣснена и не только не можетъ быть рѣ-

чи о развитіи экономической мощи, а, напротивъ, рѣчь идетъ объ экономическомъ вырожденіи цѣлаго народа, способнаго и къ физическому труду, и къ посреднической торговой работѣ, и къ умственному труду, на пользу не только свою, но и ближнихъ. Этотъ членъ комиссіи, очевидно, ознакомился съ еврейскимъ вопросомъ въ салонахъ богатыхъ евреевъ, куда онъ могъ проникнуть, будучи въ Одессѣ. По внѣшней обстановкѣ богатыхъ одесскихъ евреевъ (такъ же мало освѣдомленныхъ о положеніи евреевъ, какъ и американецъ — членъ комиссіи) и по разсказамъ американскихъ консуловъ, также бывавшихъ только въ этихъ салонахъ, онъ судилъ о положеніи 6 милліоновъ задыхающагося народа.

Что касается лично меня, то поѣздка въ сопровожденіи Вебера и Кемпстера была источникомъ большого воодушевленія въ моей работѣ на пользу моего народа, и я думаю, что для всякаго интеллигентнаго молодого человѣка, который имѣлъ въ виду принять участіе въ народной работѣ, не могло быть лучшей подготовки, какъ совершить поѣздку по чертѣ осѣдлости и на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ тѣхъ, для которыхъ онъ собирался работать. Для меня, выросшаго въ Малороссіи, не въ этой ужасной тѣснотѣ литовскихъ городовъ, было новостью то, съ чѣмъ я встрѣтился теперь. Если я, за свое дѣтство и юность, научился любить еврейство за его высокій традиціонный духъ, то не научился любить самый народъ, не видя его передъ собой въ образѣ страдальца-мученика. И вотъ, послѣ этой поѣздки, я почувствовалъ себя сердцемъ и душой привязаннымъ не только къ духу, который въ теченіе тысячелѣтій держалъ этотъ народъ на поверхности исторіи, но и къ самой той совокупности, которая этимъ духомъ живетъ. И въ теченіе всей моей жизни передъ моими глазами вставали иногда картины, видѣнныя мною въ этой поѣздкѣ: и гродненскіе катальщики бревенъ на Нѣманѣ по поясъ въ водѣ, и блѣднолицые, изможденные, съ умными, живыми глазами мальчики, вертящіе машины въ типографіяхъ Ромма и другихъ въ Вильнѣ; и предметы закладовъ въ Бѣлостокѣ, въ учрежденіи безпроцентныхъ ссудъ, и изгнанники на Брестскомъ вокзалѣ въ Москвѣ. Изъ этой поѣздки я вынесъ какъ бы обѣтъ, данный самому себѣ, — стараться помочь матеріально и морально всѣмъ этимъ категоріямъ евреевъ. Впослѣдствіи, въ разныхъ об-

щественныхъ организацiяхъ, при обсужденiи вопросовъ, касающихся помощи евреямъ, въ тѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, когда они въ ней нуждались, — въ случаѣ ли погромовъ, или экономическихъ кризисовъ или какихъ либо иныхъ бѣдствiй, а потомъ по случаю войны, — мнѣ приходилось не разъ отстаивать необходимость оказывать непосредственную помощь отдѣльнымъ лицамъ — безъ предвзятыхъ тенденцiй, а только во имя облегченiя страданiй отдѣльныхъ людей. Въ эти моменты, когда завязывалась острая борьба противъ меня и тѣхъ, кто раздѣлялъ мое настроенiе, презрительно называемое «благотворительствомъ» — картины человѣческихъ страданiй, наблюденныя мною въ эту поѣздку, ни на минуту меня не оставляли.

Въ отчетѣ своемъ, Веберъ и Кемпстеръ указали на то, что въ ихъ путешествiи по Россiи сопровождали ихъ два лица, имѣя въ виду меня и П. Я. Левенсона, о которомъ я говорилъ раньше; но по соображенiямъ личной нашей безопасности, опасаясь воздѣйствiя правительства, послѣ опубликованiя ихъ отчета въ Вашингтонѣ, они эти имена не назвали.

Передъ отъѣздомъ Веберъ и Кемпстеръ высказали убѣжденiе, что положенiе евреевъ въ Россiи на очень долгое время представляется безнадежнымъ, что иммиграцiя евреевъ — дѣло неизбѣжное, и что принятiе американскимъ правительствомъ законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ эту иммиграцiю, представлялось бы несправедливымъ, такъ какъ Америка всегда держалась принципа допускать изъ Европы тѣхъ, кто подвергается религiознымъ или политическимъ преслѣдованiямъ; по отношенiю къ этой категорiи никогда не примѣнялись требованiя, предъявляемыя къ иммиграцiи лицъ, переѣзжающихъ съ намѣренiемъ скрыть свое прошлое, — либо потому, что они замѣшаны въ какихъ нибудь преступныхъ дѣлахъ въ Европѣ, либо потому, что, являясь честными людьми, они принуждены обращаться къ общественной благотворительности.

Веберъ и Кемпстеръ очень настаивали на томъ, чтобы я самъ эмигрировалъ въ Америку, убѣждая меня, что я сумѣю быть тамъ полезнымъ своимъ единовѣрцамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освободясь отъ того гнета, въ которомъ живутъ евреи и, въ числѣ другихъ, лично я. Они знали, что я

не могъ слѣдовать своей естественной склонности къ научнымъ занятіямъ только потому, что я еврей. И въ теченіе дальнѣйшей моей жизни, въ тяжелыя минуты, когда атмосфера сгущалась, и борьба принимала острый характеръ, безъ надежды на побѣду, я неоднократно вспоминалъ соблазнительное предложеніе Вебера и Кемпстера. Но и тогда и впослѣдствіи, въ эти тяжелыя минуты во мнѣ въ концѣ концовъ побѣждало чувство любви къ Россіи, и несмотря на все пережитое и на то, что быть можетъ еще предстоитъ тамъ переживать, я не доходилъ до слабости жалѣть о томъ, что остался въ Россіи. Я всю жизнь чувствовалъ бы себя дезертиромъ, оставившимъ за собою моихъ страдающихъ братьевъ...

ГЛАВА XX.

Реформа земскихъ учрежденій 1890 г. — Новое Городовое Положеніе 1892 г. — Ограниченіе избирательныхъ правъ евреевъ по инициативѣ одесскаго градоначальника Зеленаго. — Записка, содержавшая матеріалы по вопросу объ участіи евреевъ въ городскомъ самоуправленіи.

Конецъ 1891 года и начало 1892 года выдвинули новую область вопросовъ... Реакція постепенно налагала свою руку на великія реформы Александра II. За уничтоженіемъ въ 1889 г. мировыхъ судей, выборныхъ отъ населенія, въ лицѣ земскихъ и городскихъ самоуправленій, и введеніемъ земскихъ начальниковъ, послѣдовало измѣненіе законовъ объ этихъ самоуправленіяхъ. Въ 1890 г. положеніе объ земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. было замѣнено новымъ, которое измѣнило многое изъ того, что дано было прежнимъ царствованіемъ и что справедливо считалось одной изъ великихъ реформъ, наряду съ освобожденіемъ крестьянъ и созданіемъ новыхъ судовъ. Эпоха конца 60-хъ и 70-хъ годовъ являлась блестящей эпохой развитія русской самодѣятельности въ области управленія. Земскія учрежденія сгруппировали въ себѣ всѣ интеллектуальныя силы страны; постепенно создался интеллигентный «третій элементъ», который быстро пріобрѣталъ вліяніе, какъ источникъ активной на пользу народа работы и восполнялъ собою недостатки избирательныхъ цензовыхъ началъ самоуправленія. Въ земствѣ сближались помѣщики, интеллигенты и крестьяне. Въ земской работѣ проявлялась самодѣятельность народа, не встрѣчая въ правилахъ земскаго положенія серьезныхъ преградъ со стороны правительственныхъ органовъ, имѣвшихъ по закону надзоръ

за дѣятельностью земства. Безсильная бюрократія не могла бы справиться съ новыми потребностями жизни, вызванными освобожденіемъ крестьянъ. Земская сфера была первымъ опытомъ самоуправленія. И опытъ оказался блестящимъ. Но тѣмъ меньше онъ согласовался съ реакціоннымъ настроеніемъ правительства царствованія Александра III. Цѣлый рядъ столкновеній губернской высшей бюрократіи съ земскими органами привлекъ вниманіе правительства, рѣшившаго, что земству дано слишкомъ много свободы.

Работавшая въ теченіе многихъ лѣтъ комиссія по реформѣ мѣстнаго управленія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Каханова, не довела своего дѣла до конца. Сенаторскія ревизіи, предшествовавшія началу работъ этой комиссіи и матеріалы, собранные комиссіей, дали ясную картину несоотвѣтствія между всѣмъ мѣстнымъ административнымъ строемъ и новыми условіями жизни. Но отвергая мысль о реформѣ бюрократическаго строя, реакція, главнымъ представителемъ коей былъ К. П. Побѣдоносцевъ, признала нужнымъ приспособить земское самоуправленіе къ недостаткамъ бюрократіи, вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, улучшить бюрократическій административный строй въ соотвѣтствіи съ земскими потребностями. Работы Кахановской комиссіи были сданы въ архивъ и министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, съ ограниченіемъ правъ земства и подчиненіемъ всей его работы не только контролю губернаторовъ, но и непосредственному руководству губернскихъ предводителей дворянства, поставленныхъ во главу всѣхъ земскихъ учрежденій.

За земскимъ самоуправленіемъ наступилъ чередъ и городского. Городовое положеніе 1870 года, по своему характеру, соотвѣтствовало земскому. Оно было далеко отъ предоставленія населенію общаго избирательнаго права. Но и въ немъ, какъ и въ земскомъ положеніи 1864 г., не было смѣшенія надзора правительственной власти съ опекой надъ дѣятельностью самоуправленія. По положенію 1870 г. активное избирательное право не было поставлено въ зависимость отъ вѣроисповѣданія избирателей. Для городовъ черты осѣдлости, гдѣ еврейское населеніе количественно доминировало, во избѣжаніе еврейскаго большинства представителей избираемыхъ въ городскія думы,

такъ называемыхъ гласныхъ, установленъ былъ положеніемъ 1870 г. максимумъ числа евреевъ-гласныхъ, а именно не больше одной трети общаго числа гласныхъ въ каждомъ изъ трехъ разрядовъ, по которымъ избирались гласные и которые различались по размѣру ценза. Въ земскомъ положеніи 1864 г. никакихъ ограниченій для евреевъ не было установлено. Это объясняется не только болѣе либеральной политикой начала 60-хъ годовъ въ сравненіи съ концомъ этого десятилѣтія, но и тѣмъ, что земскія учрежденія дѣйствовали не повсемѣстно; ихъ вовсе не было ни въ девяти юго-западныхъ, сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, ни въ Польшѣ. Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ они были введены въ дѣйствіе, землевладѣльческій еврейскій элементъ почти отсутствовалъ и поэтому не могло образоваться не только еврейское большинство, но и сколько нибудь значительное число евреевъ земскихъ гласныхъ. Дѣйствительно, въ земской работѣ евреи фигурировали только въ составѣ такъ называемаго третьяго элемента, но ихъ почти не было въ составѣ гласныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1890 году, при измѣненіи положенія о земствахъ, безъ всякой надобности включено было правило, безъ котораго не обходился почти ни одинъ законодательный актъ царствованія Александра III; «впредь до пересмотра закона о евреяхъ», они не пользуются правомъ участвовать въ избирательныхъ по земству собраніяхъ, т. е. лишены какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права. Это новое ограниченіе не имѣло практическаго значенія и поэтому не обратило на себя вниманія тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей. Однако, въ положеніи 1890 г. таилась возможность и другого ограниченія, которымъ потомъ правительственная власть широко пользовалась во вредъ евреямъ. Земскіе служащіе, въ томъ числѣ и земскіе врачи, избиравшіеся самимъ земствомъ, должны были быть въ своихъ должностяхъ утверждаемы губернаторами. Съ конца прошлаго столѣтія евреи за рѣдкими исключеніями на земскую службу не назначались.

Новое городовое положеніе, получившее утвержденіе въ 1892 г., имѣло уже готовый образецъ въ земскомъ положеніи 1890 года, и формула «впредь до пересмотра законовъ о евреяхъ» нашла себѣ мѣсто и въ этомъ законѣ, — съ той разницей, что ограниченія евреевъ въ этой обла-

сти были однимъ изъ самыхъ тяжкихъ ударовъ для еврейства. Этотъ ударъ не ощущался, правда, въ первое время, но за то сталъ впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ еврейскаго вопроса. Это ограниченіе, послѣ временныхъ правилъ 3 мая 1882 г. и установленія нормы для учебныхъ заведеній, былъ самымъ тяжкимъ ударомъ для еврейской экономической жизни въ самой чертѣ осѣдлости.

Роль евреевъ въ городскомъ самоуправленіи была активною. Въ чертѣ осѣдлости, еврейское населеніе въ большинствѣ городовъ широко пользовалось правомъ участія въ городскомъ самоуправленіи и дорожило своимъ представительствомъ въ городскихъ думахъ. Евреи не могли быть избираемы въ городскіе головы, но могли избираться въ члены городскихъ управъ въ числѣ, однако, не превышающемъ одной трети состава членовъ управъ. Во многихъ городахъ и этимъ правомъ евреи фактически пользовались. Причины, вызвавшія измѣненіе прежняго городового положенія, лежали не въ той плоскости, въ которой могъ бы возбуждаться еврейскій вопросъ. Тѣмъ не менѣе, составители проекта новаго положенія посвятили ему не мало вниманія. Главнымъ иниціаторомъ возбужденія этого вопроса въ отношеніи городского самоуправленія былъ одесскій градоначальникъ адміралъ Зеленый.

Дѣятельность этого градоправителя была особенной, и въ Одессѣ она памятна. Вся эпоха его градоправительства окрашена его именемъ. Интернаціональный составъ одесскаго населенія давалъ широкую почву для проявленія обрусительной политики и насажденія началъ православія и народности. Зеленый и былъ ярымъ проводителемъ этихъ началъ, и, конечно, прежде всего, въ ущербъ евреямъ, составлявшимъ около трети одесскаго населенія. Дѣятельность Зеленаго въ Одессѣ очень напоминаетъ дѣятельность ген. Бобрикова въ роли финляндскаго генералъ-губернатора въ началѣ XX столѣтія. Ни въ одномъ городѣ городское хозяйство не стояло на такой высотѣ, какъ въ Одессѣ. Оно стояло выше московскаго, а въ особенности петербургскаго. Одесское благоустройство было образцовымъ, и не даромъ въ этомъ отношеніи Одессу сравнивали съ лучшими городами Европы, сравнивали даже съ Вѣной. Казалось бы, если возможно было обосновать необходимость реформы городского самоуправленія, то

не Одесса могла дать такое обоснованіе. Однако, Зеленый, въ цѣломъ рядѣ представленій министерству внутреннихъ дѣлъ, выражалъ неудовольствіе одесской думой. Онъ не терпѣлъ самостоятельности ея хозяйственныхъ распоряженій и можно было думать, что именно мѣропріятія, приводившія къ поднятію благоустройства, раздражали его больше, чѣмъ способны были бы его раздражать бездѣятельность самоуправленія и городское неблагоустройство. Извѣстно, что и Бобрикова приводило въ раздраженіе благоустройство Финляндіи и порядокъ, господствовавшій тамъ, по сравненію съ порядками въ Россіи. Мнѣ извѣстно, что, пріѣзжая въ Петербургъ изъ Гельсингфорса, Бобриковъ чуть ли не съ пѣной у рта говорилъ о чудныхъ дорогахъ въ Финляндіи, о финляндской трезвости, о блестящемъ положеніи народнаго образованія и т. д., приписывая всѣ эти преимущества не тому, что русское правительство не мѣшало мѣстной автономіи, а тому, что Финляндія живетъ за счетъ Россіи. Очевидно, тотъ же источникъ раздраженія противъ одесскаго городского самоуправленія существовалъ и у Зеленаго. И понятно, дальше, что причиной усматриваемаго нежелательнаго настроенія одесской городской думы выставлялось участіе евреевъ въ веденіи городского хозяйства. Въ Одессѣ въ четырехлѣтіе 1885-1889 г. г. было изъ 72 гласныхъ 23 еврея гласныхъ и одинъ еврей членъ управы — г. Хари. По мнѣнію Зеленаго, «русскій» городъ Одесса не могъ быть представленъ такимъ числомъ евреевъ; Зеленый находилъ, что вліяніе евреевъ избирателей въ избирательныхъ собраніяхъ слишкомъ велико, и что, если число гласныхъ-евреевъ ограничено законнымъ максимумомъ, то евреи оказываютъ рѣшительное вліяніе на избраніе гласныхъ не-евреевъ и проводятъ въ думу желательныхъ имъ кандидатовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ пошло навстрѣчу настояніямъ Зеленаго и признало нужнымъ изъять еврейское населеніе изъ избирательнаго оборота для городского представительства. Однако оно не нашло возможнымъ совершенно устранить евреевъ изъ городского управленія, и включило въ проектъ суррогатъ представительства, а именно назначеніе губернаторомъ гласныхъ изъ числа евреевъ въ нормѣ, не превышающей 10% общаго числа гласныхъ данной городской думы. Въ проектѣ городового положенія 1892 г., такимъ образомъ, наряду съ формулой земскаго положенія 1890 г.,

появилось право губернаторовъ назначать евреевъ гласныхъ по ихъ, губернаторовъ, усмотрѣнію, въ городахъ губерній черты осѣдлости. Во внутреннихъ же губерніяхъ евреи въ составъ, какъ избирателей, такъ и гласныхъ, вовсе не допускались. А затѣмъ, ограничено было право евреевъ на службу въ разныхъ отвѣтственныхъ должностяхъ по городскому самоуправленію.

Въ періодъ разработки проекта въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, со стороны евреевъ не сдѣлано было никакой попытки убѣдить правительство въ нежелательности и въ несправедливости фактическаго устраненія евреевъ отъ веденія городского хозяйства. И только по внесеніи законопроекта въ Гос. Совѣтъ, со стороны бар. Гинцбурга предприняты были шаги къ тому, чтобы въ кругахъ Гос. Совѣта предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ встрѣтили противодѣйствіе. Это послужило поводомъ къ одной изъ моихъ первыхъ работъ (послѣ вопроса о земледѣльческихъ колоніяхъ), направленныхъ на разработку статистическаго матеріала, въ цѣляхъ доказательства неправильности правительственной точки зрѣнія. Въ спѣшномъ порядкѣ мною разработанъ былъ планъ анкеты по городскому самоуправленію въ чертѣ осѣдлости, разосланы были въ наиболѣе крупные губернскіе и уѣздные города вопросные листы съ просьбой сообщенія свѣдѣній о количествѣ евреевъ избирателей по разрядамъ, о числѣ еврейскихъ домовладѣній, о числѣ гласныхъ, о разныхъ данныхъ бюджетнаго свойства, о разныхъ статьяхъ городскихъ доходовъ и о данныхъ, характеризующихъ ростъ городского благоустройства, о случаяхъ злоупотребленій и т. д. Кромѣ того, мною затребованы были имѣющіеся отчеты по городскому самоуправленію. Къ сожалѣнію, по недостатку ли времени, — дѣло было спѣшное, — или по отсутствію охотниковъ сообщать требуемыя данныя, — это представлялось дѣйствительно дѣломъ сложнымъ, — отвѣтовъ получено было изъ провинціи сравнительно немного, но богатый матеріалъ оказался въ присланныхъ мнѣ печатныхъ отчетахъ по цѣлому ряду наиболѣе крупныхъ городовъ, а именно: Вильнѣ, Одессѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Житоміру, Чернигову, Минску и Полтавѣ. Результатъ обработки матеріала, такимъ образомъ собраннаго, мною изложенъ былъ въ особой запискѣ, составлявшей довольно объемистую брошюру. Я считаю полезнымъ воспроизве-

сти нѣкоторыя данныя изъ этой моей работы, разосланной тогда всѣмъ членамъ Гос. Совѣта и министрамъ. Полезнымъ, — ибо, такимъ образомъ, будетъ охарактеризована роль евреевъ въ городскомъ самоуправленіи и въ жизни наиболѣе крупныхъ городовъ черты осѣдлости, — что представляетъ не только бытовой, но и историческій интересъ.

Для надобностей Высшей комиссіи, подъ предсѣдательствомъ гр. Палена, собранъ былъ статистическій матеріалъ въ книгѣ Аленицына «Еврейское населеніе и землевладѣніе» 1884 г. По даннымъ, приведеннымъ въ этой книгѣ, въ 15 губерніяхъ еврейской осѣдлости, имѣлось 151 губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, съ общимъ числомъ въ нихъ еврейскаго населенія (эти данныя относятся къ 1881 г.) — въ 1.194.165 человѣкъ. Въ 67 городахъ, т. е. около двухъ пятыхъ общаго ихъ числа, число евреевъ составляетъ больше половины городского населенія; больше, чѣмъ въ половинѣ городовъ число евреевъ превышаетъ 30% общаго количества населенія, и только около 1,1% городовъ даетъ еврейское населеніе ниже 30%. Между тѣмъ, въ названныхъ восьми болѣе крупныхъ городахъ, число избирателей, имѣвшихъ право, по городовому положенію 1870 г., участвовать въ городскихъ выборахъ, составляетъ въ среднемъ всего 42,3%, причемъ, домовладѣльцевъ всего 37%. Характерны цифры для нѣкоторыхъ городовъ: въ Вильнѣ избирателей евреевъ 52%, а домовладѣльцевъ 40%; въ Одессѣ — избирателей всего 21%, домовладѣльцевъ евреевъ — 12%; въ Ковнѣ домовладѣльцевъ евреевъ 67%, въ Гроднѣ 66%, въ Минскѣ 51%. Между тѣмъ, по даннымъ, содержащимся въ книгѣ Субботина «Въ чертѣ еврейской осѣдлости», о которой я упоминалъ выше, — въ Вильнѣ процентъ еврейскаго населенія равенъ 60%, въ Гроднѣ — 75%, въ Минскѣ — 70%, въ Житомірѣ — 40%, въ Одессѣ — 25%.

Еще любопытнѣе данныя о процентномъ отношеніи евреевъ торговцевъ въ тѣхъ же городахъ, а именно: въ Вильнѣ торговцевъ евреевъ 68%, въ Гроднѣ — 92%, въ Минскѣ — 78%, въ Житомірѣ — 71%, а въ Одессѣ — 55%. Купцовъ первой гильдіи имѣлось въ Вильнѣ въ 1891 г. всего 24, изъ нихъ 18 евреевъ, т. е. 75%; въ Гроднѣ изъ 5 купцовъ первой гильдіи не было ни одного не-еврея; въ Ковнѣ изъ 19 всего 2 не-еврея, въ Минскѣ 13 купцовъ первой гиль-

діи и ни одного не-еврея; въ Одессѣ изъ 107 такихъ купцовъ не-евреевъ было 57; въ Черниговѣ изъ 4-хъ — всего 1. Эти цифры требуютъ нѣкотораго объясненія. На первый взглядъ онѣ какъ бы являются показателемъ значительнаго участія евреевъ въ крупной торговлѣ, требующей выборки первогильдейскихъ свидѣтельствъ. Однако, изъ экономическихъ обслѣдованій того времени явствуетъ, что при преобладаніи въ городахъ черты осѣдлости еврейской мелкой и средней торговли, крупная торговля, напротивъ, сосредоточена была въ не-еврейскихъ рукахъ. Число же купцовъ первой гильдіи евреевъ объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что первогильдейскія свидѣтельства были необходимы для полученія подрядовъ во внутреннихъ губерніяхъ, что было доступно по закону для евреевъ подрядчиковъ, съ условіемъ, чтобы завѣдующими этими подрядами были не евреи; во вторыхъ, еврей, который по размѣрамъ торговли могъ бы удовольствоваться второй гильдіей, платилъ усиленные налоги для того, чтобы по истеченіи пяти лѣтъ состоянія въ первой гильдіи, вырваться изъ предѣловъ черты осѣдлости, перечислиться въ первую гильдію купечества внутреннихъ губерній и стать, такимъ образомъ, свободнымъ въ правѣ передвиженія.

Приведенныя цифры не могли не убѣждать въ томъ, что участіе евреевъ въ числѣ городскихъ цензовыхъ избирателей было меньше, нежели ихъ удѣльный вѣсъ въ городскомъ населеніи, въ домовладѣніи и въ торговомъ классѣ. Эти же данныя показали, что городскіе плательщики, т. е. лица, уплачивающія въ пользу города оцѣночный сборъ по домовладѣнію и по торговлѣ, во всѣхъ городахъ, за исключеніемъ Одессы и Полтавы, вносятъ болѣе трехъ четвертей общей суммы городскихъ доходовъ. Раздѣленіе избирателей на три разряда, по Положенію 1870 г., давало возможность точно опредѣлить, сколько въ общей городской доходной смѣтѣ имѣется суммъ, вносимыхъ евреями. Избиратели дѣлились на разряды слѣдующимъ образомъ: въ спискѣ избирателей они шли въ порядкѣ значительности суммъ уплачиваемыхъ ими налоговъ, причемъ первый разрядъ заканчивался на томъ избирателѣ, который своимъ взносомъ пополнялъ первую треть городскихъ доходовъ; такимъ же образомъ опредѣлялся составъ второго разряда, остальные относились къ третьему разряду. Въ Вильнѣ число избирателей перваго разряда было 74, изъ

нихъ 31 еврей и 43 не-еврея, т. е. процентъ евреевъ — 42. Во второмъ разрядѣ — 235 плательщиковъ, изъ нихъ 92 еврея и 143 не-еврея, въ третьемъ разрядѣ 2155, изъ нихъ евреевъ 1046, т. е. 49%. Итакъ, въ Вильнѣ евреи уплачивали 42% первой трети доходовъ, 39% — второй и 49% — третьей трети городскихъ сборовъ, т. е. 42,5% всѣхъ городскихъ сборовъ. По такому расчету, мною составленному, оказалось, что въ Гроднѣ изъ всѣхъ городскихъ сборовъ евреи уплачиваютъ 73%, въ Житомірѣ 44%, въ Черниговѣ 29%. Во всѣхъ перечисленныхъ городахъ въ составѣ городскихъ управъ имѣлось по одному еврею.

Въ запискѣ мною приведены были данныя о времени пребыванія въ должности членовъ управъ каждаго изъ евреевъ.

Данныя, содержащіяся въ отчетахъ, предоставили мнѣ возможность сгруппировать цифры городскихъ доходовъ по разнымъ источникамъ ихъ. Въ результатѣ оказалось, что во всѣхъ городахъ, гдѣ евреи принимаютъ участіе въ городскомъ управленіи и представлены даже въ управахъ, городскіе доходы безпрерывно росли и въ ихъ общей суммѣ и по отдѣльнымъ категоріямъ. Неизмѣнно возрастали и доходы съ городскихъ имуществъ, что объяснялось въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что евреи съ 3 мая 1882 г. лишены были возможности конкуррировать относительно полученія въ пользованіе недвижимаго имущества за городской чертой, а потому оказалось больше конкуррентовъ на имущество въ предѣлахъ черты города, а это вызвало повышеніе цѣнъ за аренду, сдаваемую съ торговъ. Поднялся вездѣ и оцѣночный сборъ съ городскихъ имуществъ. Въ отличіе отъ другихъ домовладѣльцевъ, евреи въ большинствѣ случаевъ были заинтересованы въ повышеніи оцѣнки домовъ, такъ какъ залоговыя свидѣтельства на дома принимались въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ и, слѣдовательно, евреи больше другихъ были заинтересованы въ максимальной оцѣнкѣ, хотя бы съ этимъ было сопряжено увеличеніе платежей городского сбора. Эти данныя позволили обосновать совершенно непреложный выводъ, что въ названныхъ городахъ съ активнымъ участіемъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи это участіе отнюдь не влекло за собой уменьшенія городскихъ доходовъ и, слѣдовательно, соотвѣтственнаго облегченія плательщиковъ,

большинство коихъ были евреи; словомъ, — что участіе евреевъ вовсе не приводило къ тенденціи отклонить бремя сборовъ отъ еврейскаго населенія.

Наконецъ, разработаны были данныя, касающіяся городскихъ расходовъ, характеризующихъ городское благосостояніе и заботу самоуправленія объ увеличеніи благоустройства. Самый непроизводительный расходъ — содержаніе городского самоуправленія — оказывался во всѣхъ обслѣдованныхъ городахъ незначительнымъ. Въ Вильнѣ, за 10 лѣтъ, въ среднемъ, падало на этотъ расходъ 14% бюджета, въ Одессѣ онъ составлялъ всего 6,6%, въ Гроднѣ — 12%, въ Житомірѣ — 9,9%, въ Минскѣ 9,4%, въ Полтавѣ 11%, въ Черниговѣ 9,8%, въ Ковнѣ 11%.

По закону, изъ городскихъ суммъ производились обязательные расходы — по содержанію полиціи и пожарныхъ командъ, по расквартированію войскъ и т. д. Эти расходы поглощали значительную часть городского бюджета. Такъ, въ Вильнѣ они составляли 69%, въ Одессѣ 35%, въ Гроднѣ — 74%, въ Житомірѣ — 67%, въ Минскѣ — 67%, въ Полтавѣ — 57%, въ Черниговѣ — 47% и въ Ковнѣ — 72%. На общеполезныя учрежденія — по народному образованію, санитаріи и общественному призрѣнію — оставалось въ большинствѣ городовъ меньше половины бюджета. Характерно при этомъ, что расходуя городскія средства, поступающія отъ плательщиковъ, въ большинствѣ евреевъ, города, даже съ значительнымъ еврейскимъ представительствомъ, не тратили ни копейки на еврейское народное образованіе; городскими школами евреи почти не пользовались. Въ названныхъ городахъ евреи обладали училищами, содержаніе которыхъ обезпечивалось средствами изъ коробочнаго и свѣчного сбора. Въ Одессѣ, напримѣръ, евреи содержали на свои спеціальныя средства 10 училищъ, требовавшихъ расхода въ 86.000 рублей изъ этихъ сборовъ, не считая добровольныхъ пожертвованій. Во всѣхъ народныхъ училищахъ Одессы обучалось въ 1890 г. 3746 дѣтей, изъ нихъ евреевъ всего 263. Въ городскомъ сиротскомъ домѣ изъ 229 человѣкъ не было ни одного ребенка еврейскаго исповѣданія, такъ какъ у евреевъ былъ свой сиротскій домъ, не пользовавшійся пособіемъ отъ города. Въ дѣвичьемъ училищѣ было 159 ученицъ, изъ нихъ только 23 еврейки. Городъ отпускалъ значительныя суммы на содержаніе

среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ число евреевъ было ограничено 10%. Евреи не пользовались въ Одессѣ богоугодными заведеніями: больницами, богадѣльнями, пріютами. Въ городѣ существовала еврейская больница, на которую отпускались средства изъ коробочнаго сбора и дѣлались добровольныя пожертвованія, — кстати сказать, въ эту больницу всегда принимались въ большомъ числѣ христіане. По свидѣтельству Субботина, основательно ознакомившагося съ городскимъ хозяйствомъ въ Одессѣ, городская управа съ ея комиссіями работала дружно и не покладая рукъ. «Ея живая дѣятельность, — говоритъ Субботинъ, — служитъ живымъ упрекомъ столичнымъ думамъ, которыя такъ мало заботятся объ ускореніи неотлагательныхъ дѣлъ. Въ отношеніи выборовъ и здѣсь не обходится безъ грѣха, но нѣтъ тѣхъ безцеремонныхъ подкуповъ и подвоховъ, какіе вошли въ обычай въ сферѣ городского самоуправленія С. Петербурга и Москвы. Нѣтъ такихъ рѣзкихъ выборныхъ пріемовъ, какъ тамъ. Между тѣмъ, здѣсь въ числѣ гласныхъ и выборщиковъ не менѣе одной четверти евреевъ, тогда, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ подавляющее большинство православнаго исповѣданія. Такой черной сотни, какая въ столицахъ является орудіемъ ловкихъ главарей, въ Одессѣ не могло образоваться по самому составу ея жителей и по болѣе высокой ихъ культурности». «Собираемыя городомъ большія средства, — говоритъ дальше Субботинъ, — расходуются щедро на разнообразныя потребности общественнаго обихода, а иногда съ излишней щедростью на предметы роскоши». «Благодаря энергичной дѣятельности одесской муниципіи, городъ по благоустройству можетъ считаться первымъ въ Имперіи, оставляя за собой С.-Петербургъ, Варшаву, Ригу и др. Уже съ 1856 года городъ освѣщается 2136 газовыми фонарями; съ 1873 г. устроенъ грандіозный водопроводъ, доставляющій хорошую воду изъ Днѣстра на далекомъ разстояніи. Съ 1880 г. дѣйствуетъ конно-желѣзная дорога, проходящая отъ главныхъ частей города по всѣмъ окраинамъ въ дачные и фабричные районы. Есть городская почта, телефонная сѣть. Болѣе 20 улицъ города обладаютъ гранитными мостовыми, какихъ нѣтъ нигдѣ въ Россіи, да и въ западной Европѣ не многіе города могутъ похвалиться таковыми». («Въ чертѣ осѣдлости», вып. II, стр. 202-203).

Въ «Запискѣ» мною было указано, какія сооруженія произведены въ Одессѣ съ 1885 по 1891 г.: скотобойни, театръ, электрическая станція, казармы для войскъ, торговыя помѣщенія на базарахъ, инвалидный домъ, городская прачешная, церкви, городскія столовыя, ночлежный пріютъ, пріютъ въ память событія на Боркахъ 17 октября, лечебница на Хаджибейскомъ Лиманѣ, народная читальня и т. д., и т. д. На всѣ эти сооруженія израсходовано изъ городскихъ средствъ 2.275.000 руб.

Ростъ городского благоустройства замѣтенъ и по отчетамъ другихъ городовъ. Въ Вильнѣ, въ Гроднѣ, въ Минскѣ и въ Черниговѣ устроены водопроводы; вездѣ устроены городскія скотобойни и т. д.

Заканчивалась «Записка» слѣдующимъ образомъ:

«Таково положеніе городского самоуправленія въ Россіи въ довольно большихъ городахъ черты осѣдлости. Располагая незначительнымъ матеріаломъ, собраннымъ частнымъ образомъ, хотя и безусловно вѣрнымъ, мы не можемъ представить полную картину городского самоуправленія и не въ состояніи указать на частности, несомнѣнно могущія характеризовать дѣятельность городскихъ думъ. Но приведенными выше данными, казалось бы, опровергается существующее мнѣніе о вредномъ вліяніи на городскія дѣла участія евреевъ въ городскомъ самоуправленіи. Наврядъ ли городскія дѣла тѣхъ городовъ, въ управленіи которыми евреи не принимаютъ участія, въ мѣстахъ для жительства евреевъ не дозволенныхъ, находятся въ лучшемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, приведенныя нами данныя указываютъ, что вопросъ о вліяніи евреевъ на ходъ городскихъ дѣлъ можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи сравнительныхъ данныхъ о положеніи городовъ черты осѣдлости съ городами за этой чертой. Можно, конечно, находить дѣятельность городского самоуправленія, созданнаго городовымъ Положеніемъ 1870 г., недостаточной или неудовлетворительной или вообще не согласной съ видами, намѣченными высшимъ правительствомъ, и поэтому стремиться къ улучшенію городского дѣла. Но евреи тутъ не при чемъ, такъ какъ города, въ управленіи которыми принимаютъ участіе евреи, если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, не хуже городовъ безъ евреевъ ведутъ свои дѣла. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ изслѣдованныхъ нами городахъ не бы-

ло никакихъ случаевъ столкновенія городского самоуправленія съ органами правительственной власти, никакихъ случаевъ злоупотребленія, никакихъ банковыхъ краховъ и вообще ничего такого, что хотя на первый взглядъ оправдывало бы недовѣріе къ участію евреевъ въ городскомъ самоуправленіи».

«Опубликованные мотивы къ проекту новаго городового Положенія приводятъ мнѣнія различныхъ высшихъ властей о вліяніи евреевъ на городскія дѣла. Мнѣнія эти крайне пессимистическаго свойства. Въ подтвержденіе ихъ не приведено мотивами никакихъ данныхъ, что подаетъ поводъ предполагать, что положеніе городовъ черты осѣдлости, если не безнадежно плохо, то значительно хуже положенія городовъ внѣ черты осѣдлости, и что при равныхъ условіяхъ дѣятельности самоуправленія тѣхъ и другихъ, причины печальнаго положенія первыхъ нельзя не видѣть въ участіи и преобладающемъ будто бы вліяніи евреевъ. При данной же поверхностной провѣркѣ, насколько она возможна на основаніи скуднаго матеріала, оказывается, что положеніе этихъ городовъ вовсе не плохо. Понятно, что и заключеніе о вредномъ вліяніи евреевъ оказывается неправильнымъ».

«Евреямъ, коимъ, какъ видно изъ печатавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» лѣтомъ 1891 г. мотивовъ къ проекту новаго городового Положенія, одесскій градоначальникъ приписываетъ преимущественное вліяніе въ городскихъ дѣлахъ, Одесса обязана весьма многимъ, и если это вліяніе дѣйствительно такъ велико, то непонятно, въ чемъ можетъ заключаться основаніе къ признанію необходимости ограничить участіе евреевъ въ городскомъ управленіи или даже ихъ вовсе отъ него устранить».

Всѣ эти соображенія, однако, не привели къ измѣненію предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ: по новому городовому Положенію 1892 г. ограниченіе избирательныхъ правъ евреевъ получило силу закона, и въ городскомъ самоуправленіи въ чертѣ осѣдлости евреи принимали отнынѣ участіе лишь въ качествѣ депутатовъ отъ еврейскаго населенія, назначаемыхъ губернаторами, и то въ количествѣ менѣе допускаемаго циркулярными разъясненіями министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно — 10% общаго числа гласныхъ. Быть можетъ, если бы этимъ вопросомъ занялись раньше, и соображенія о несправед-

ливости ограниченія евреевъ въ отношеніи городового самоуправленія были бы представлены еще въ періодъ изготовленія законопроекта въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — удалось бы добиться нѣкотораго компромисса, который далъ бы возможность евреямъ принимать участіе въ городскомъ самоуправленіи не въ такой окончательно изуродованной формѣ, какъ назначеніе гласныхъ губернаторами. Къ сожалѣнію, однако, приведенная записка была разослана въ послѣдней стадіи разсмотрѣнія въ Гос. Совѣтѣ представленія министерства внутреннихъ дѣлъ, и результатовъ ожидать отъ нея было тогда уже трудно.

ГЛАВА XXI.

Ешиботы и хедеры. — Выработка закона о хедерахъ и агитацiя ортодоксальныхъ евреевъ. — Законъ о хедерахъ 1893 г. и Правила его дополнявшiя. — Преподаванiе русскаго языка въ хедерахъ, дѣло бѣлостокскихъ меламедовъ въ Сенатѣ. — Процентная норма для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiй. — Экстерничество. — Вредное влiянiе процентной нормы. — Ходатайства въ августѣ и сентябрѣ каждаго года. — Учрежденiе Коммерческихъ училищъ. — Частныя среднiя и высшiя школы.

Въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ ортодоксальное еврейство переживало большiя волненiя. Возобновились преслѣдованiя противъ ешиботовъ и противъ хедеровъ.

Ешиботы не подходили ни подъ одинъ изъ обычныхъ школьныхъ типовъ. Во многихъ мѣстахъ они функцiонировали подъ видомъ хедеровъ. Болѣе же крупные ешиботы не имѣли какъ бы никакого формальнаго патента на существованiе, и имъ отъ времени до времени угрожала опасность. Такому ешиботу, какъ въ Лидѣ, пришлось принять видъ учебнаго заведенiя съ обязательнымъ прохожденiемъ общеобразовательныхъ предметовъ и съ приглашенiемъ преподавателей, имѣющихъ учительскiй цензъ. Примѣръ раввина Райнеса, стоявшаго во главѣ Лидскаго ешибота, не вызвалъ, однако, подражанiя; напротивъ того, Райнесъ подвергся осужденiю и преслѣдованiю со стороны ортодоксальныхъ раввиновъ Литвы. Воложинскiй ешиботъ, самый крупный и если не ошибаюсь, самый старый, пережилъ цѣлый мартирологъ на протяженiи XIX столѣтiя.

Въ началѣ 90-хъ годовъ приходилось еще неоднократно прибѣгать къ защитѣ центральной власти противъ мѣстнаго учебнаго начальства, въ лицѣ виленскаго попечителя

учебнаго округа. Особенно волновало еврейство преслѣдованіе хедеровъ. Правительственная политика въ вопросѣ еврейскаго образованія еще не ясно намѣтилась; еще живы были отклики такъ называемаго Уваровскаго времени и Пироговскихъ стремленій взамѣнъ хедеровъ создать сѣть еврейскихъ, такъ называемыхъ, казенныхъ училищъ, не имѣвшихъ, какъ извѣстно, успѣха. Къ тому времени давно уже закрыты были раввинскія училища и изъ всѣхъ попытокъ подчинить еврейское образованіе казеннымъ формамъ сохранилось лишь одно учрежденіе, а именно Виленскій учительскій институтъ, совершенно изолированный отъ еврейской духовной жизни, влачившій никому не нужное существованіе. Открытіе новыхъ казенныхъ училищъ давно прекратилось. На содержаніе ихъ изъ правительственнаго бюджета не ассигновывалось никакихъ суммъ, а на суммы свѣчного сбора, давно превратившагося въ дополнительный къ коробочному раскладочный налогъ, нельзя было не только открывать новыхъ училищъ, но и содержать остатки прежнихъ. О поощреніи общаго образованія среди евреевъ путемъ облегченія доступа юношеству въ общія учебныя заведенія не могло быть и рѣчи, напротивъ того, съ большей и большей энергіей стала примѣняться ограничительная процентная норма. Сохранившійся въ Сводѣ Законовъ спеціальный законъ о томъ, что обученіе дѣтей евреевъ купцовъ и почетныхъ гражданъ должно обязательно производиться въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, давно превратился въ мертвую букву, и къ этой мертвой буквѣ впослѣдствіи прибавили убійственное примѣчаніе о томъ, что въ учебныя заведенія еврейскія дѣти принимаются лишь въ размѣрахъ опредѣленной нормы.

Казалось бы, что при такомъ отношеніи правительства хедера должны были получить поощреніе. Въ дѣйствительности, однако, вопросъ о хедерахъ крайне обострился. Къ его обостренію внѣшнимъ поводомъ послужили работы и заключеніе комиссіи графа Палена. Случилось такъ, что всѣ благопріятныя для евреевъ предложенія комиссіи оставлены были въ сторонѣ, а всѣ отрицательныя заключенія обратили на себя вниманіе. Устраненіе отрицательныхъ, по мнѣнію Комиссіи, явленій пытались, однако, осуществить не мѣрами, предположенными комиссіей, а общими репрессіями.

Въ числѣ вопросовъ, выдвинутыхъ Комиссіей графа Палена, былъ и вопросъ о меламедахъ и хедерахъ. Министерство народнаго просвѣщенія приступило къ разсмотрѣнію этого вопроса. Предполагалось превратить хедера въ учебныя заведенія съ опредѣленными программами, лишивъ ихъ характера чисто религіозныхъ школъ. Авторомъ этихъ предположеній считали бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа, а потомъ члена Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія Георгіевскаго, о которомъ я имѣлъ случай упоминать выше. До этого времени дѣйствовалъ порядокъ, по которому меламедамъ, названнымъ въ законѣ «домашними учителями», выдавались свидѣтельства на право содержанія хедера. Препятствіемъ къ выдачѣ свидѣтельства могло служить лишь замѣченное особое проявленіе фанатизма. Порядокъ выдачи свидѣтельствъ установленъ былъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія министромъ гр. Уваровымъ. Правила о меламедскихъ свидѣтельствахъ должны были дѣйствовать всего 10 лѣтъ, по истеченіи же этого времени предполагалось сохранить свидѣтельства лишь у прежнихъ меламедовъ, а новымъ таковыхъ уже не выдавать, разрѣшая производить обученіе дѣтей только тѣмъ, которые прошли курсъ либо раввинскихъ училищъ, либо общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 1855 г. изданъ былъ указъ, по которому домашнее обученіе евреевъ черезъ 20 лѣтъ, т. е. начиная съ 1875 г., должно было быть поручено исключительно евреямъ, обучавшимся въ указанныхъ заведеніяхъ. Приведеніе въ исполненіе этого закона въ отношеніи меламедовъ фактически откладывалось и только въ началѣ 90-хъ г. г. подъ вліяніемъ указаній Паленской Комиссіи, и по распоряженію министра гр. Делянова въ министерствѣ занялись выработкой правилъ о меламедахъ. Само собою разумѣется, что осуществленіе мысли, выраженной въ законѣ 1855 г., о предоставленіи права содержать учебныя заведенія только такимъ меламедамъ, которые окончили курсъ либо въ раввинскихъ училищахъ, давно уже закрытыхъ, либо въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведніяхъ, гдѣ ни о какомъ религіозномъ обученіи евреевъ не могло быть рѣчи, — равносильно было бы закрытію всѣхъ хедеровъ и полному воспрещенію обученія евреевъ въ традиціонномъ духѣ.

Слухъ о предполагаемыхъ стѣсненіяхъ въ хедерномъ вопросѣ всколыхнулъ ортодоксальное еврейство. Въ министерство сталъ направляться потокъ всякихъ ходатайствъ и докладныхъ записокъ, въ которыхъ доказывалось, что всякія стѣснительныя по отношенію къ меламедамъ и хедерамъ мѣры нарушали бы принципъ вѣротерпимости, дѣйствующій по отношенію къ еврейской религіи. Въ Петербургъ стали пріѣзжать провинціальные представители, которые изыскивали пути и средства къ тому, чтобы вопросъ о меламедахъ разрѣшенъ былъ болѣе или менѣе благополучно. Во главѣ движенія стоялъ кіевскій дѣятель, упомянутый мною выше, Ниссонъ Каценельсонъ, проявлявшій большую энергію и поставившій себѣ непремѣнной задачей добиться благопріятнаго рѣшенія этого волновавшаго все еврейство вопроса. Изъ провинціи посыпался рядъ прошеній съ сотнями и тысячами подписей. Мнѣ самому пришлось не мало поработать надъ всякаго рода историческими справками и изложеніемъ разныхъ соображеній о томъ, что насиліе надъ еврейской традиціей, будучи само по себѣ несправедливо, привело бы къ обратнымъ результатамъ, ибо запрещеніе обученія дѣтей въ хедерахъ повлекло бы за собой возникновеніе тайныхъ хедеровъ, съ устраненіемъ какой бы то ни было возможности вліять на улучшеніе состоянія ихъ и на поднятіе педагогическаго уровня меламедовъ. Они были бы загнаны въ подполье, но никакой законъ не могъ бы уничтожить хедеръ и меламедство, усвоенное еврействомъ въ теченіе тысячелѣтій. Такая мѣра только причинила бы моральныя страданія еврейской массѣ и закрыла бы доступъ къ какому бы то ни было обученію еврейской бѣднотѣ, не могущей оплачивать учителей, удовлетворяющихъ образовательному цензу. Въ этихъ запискахъ о еврейской школѣ мною излагалось то, что въ новѣйшее время охватывается терминомъ «національной школьной автономіи». Я не скрывалъ того обстоятельства, что хедерное обученіе, которое я самъ прошелъ, не удовлетворяетъ никакимъ педагогическимъ требованіямъ. Санитарное положеніе хедеровъ было дѣйствительно ужаснымъ и нельзя было скрыть того, что хедерное обученіе отзывается вредно на здоровьи еврейской молодежи. Но не репрессивными запретительными мѣрами можно было бы бороться противъ дурныхъ сторонъ хедера. Только постепенное проникновеніе лучей

общаго просвѣщенія, только проявленіе еврейской самодѣятельности могло и должно было постепенно улучшать хедеръ, не соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ педагогіи и гигіены.

Проф. Бакстъ, бывшій тогда уже членомъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія, содѣйствовалъ тому, что къ вопросу о меламедахъ министерство отнеслось съ достаточной осторожностью; постепенно удалось склонить къ такому отношенію и предсѣдателя этого комитета Георгіевскаго, въ рукахъ котораго, главнымъ образомъ, находилась судьба еврейской школы. Кстати скажу, что Георгіевскій, одинъ изъ столповъ классицизма въ русской школѣ, какъ я сравнительно недавно узналъ, былъ евреемъ, принявшимъ въ молодые годы православіе и тогда же перемѣнившимъ свою фамилію.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ борьбѣ за сохраненіе хедера интеллигентные круги евреевъ и еврейская печать не приняли никакого участія. Одинъ только я и проф. Бакстъ приложили свои усилія къ тому, чтобы надъ евреями не было учинено насилія, посягающаго на духовную жизнь еврейскаго населенія.

Упорная борьба противъ департаментскихъ предположеній объ обще-образовательномъ цензѣ для меламдовъ закончилась побѣдой хедера. Признано было, что никакихъ цензовъ для меламдовъ устанавливать не слѣдуетъ. Изданъ былъ законъ 1 марта 1893 года, въ силу котораго каждый еврей, желающій заниматься обученіемъ еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры, а равно чтенію и письму по еврейски, въ частныхъ школахъ и въ частныхъ домахъ, либо на собственной квартирѣ, долженъ былъ получить особое свидѣтельство на званіе меламда, которое выдается на одинъ годъ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ — безъ того, чтобы подвергать желающаго получить званіе меламда какимъ-либо экзаменамъ; учебное начальство можетъ лишь удостовѣриться, черезъ гражданское начальство, въ благонадежности просителя. Министру народнаго просвѣщенія предоставлено было право, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, опредѣлить ближайшимъ образомъ порядокъ надзора за меламдами и подробности относительно устройства хедеровъ и веденія ими преподаванія. Такія правила изданы были 5 сентября 1893 года; они, однако, не содержали никакихъ

руководящихъ началъ для надзора за хедерами и въ сущности оставили хедеръ безъ всякой регламентаціи. Въ одномъ изъ параграфовъ этихъ правилъ установлено было, что въ хедерахъ еврейскія дѣти обучаются исключительно закону ихъ вѣры и начальной еврейской грамотѣ. Этотъ параграфъ послужилъ основаніемъ для возбужденія одного дѣла, которое я не могу не отмѣтить, какъ характерное для настроенія бюрократіи въ эпоху обостренія офиціальнаго антисемитизма. Еще до изданія закона 1 марта 1893 г. девять бѣлостокскихъ меламдовъ обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой разрѣшить имъ преподаваніе въ содержимыхъ ими хедерахъ начальной русской грамоты особо приглашенными учителями, имѣющими право преподаванія. Возбужденіе этого ходатайства имѣло цѣлью обратить вниманіе учебныхъ властей на то, что сами меламды стремятся къ пріобщенію учениковъ хедеровъ къ общему образованію. Ходатайство меламдовъ было отклонено. На это распоряженіе министерства была подана въ 1894 г. жалоба въ Сенатъ. Мною, въ качествѣ повѣреннаго жалобщиковъ, представлены были Сенату объясненія, въ которыхъ я между прочимъ указывалъ, что въ текстѣ закона слово «хедеръ» вовсе не упоминается, и что фактъ обученія меламдомъ въ хедерѣ, какъ въ частномъ домѣ, еврейскому закону, чтенію и письму не можетъ обусловить запрещеніе въ томъ же частномъ домѣ обучать русскому языку при посредствѣ преподавателей, имѣющихъ право быть домашними учителями. Правилами, утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія, имѣлось въ виду воспретить самимъ меламдамъ преподаваніе русскаго языка, такъ какъ у нихъ не имѣется педагогическаго образовательнаго ценза. Приводя разныя юридическія соображенія, я, между прочимъ, писалъ: «десятки тысячъ еврейскихъ дѣтей въ чертѣ еврейской осѣдлости остаются внѣ школъ и училищъ, число коихъ крайне недостаточно. Ни матеріальныя средства массы еврейскаго населенія, ни бытовыя условія не дозволяютъ ожидать въ близкомъ будущемъ устраненія столь существеннаго зла, какъ недостатокъ школъ. Разсчитывать поэтому на распространеніе русской грамоты и знанія русскаго языка среди еврейскаго населенія путемъ обученія дѣтей въ правильно организованныхъ школахъ нѣтъ никакой возможности. Казалось бы, что пробудившееся

въ средѣ массы еврейскаго населенія, еще недавно совершенно чуждаго общей культурѣ, сознаніе необходимости усвоить отечественный языкъ и черезъ него пріобщиться къ просвѣщенію, — должно встрѣтить всякое сочувствіе, а не препятствія на пути своего осуществленія. При теперешнемъ положеніи вещей, когда громадное большинство еврейскаго юношества остается внѣ общихъ школъ и училищъ, и когда, вслѣдствіе экономическаго своего состоянія, евреи могутъ лишь сравнительно короткое время содержать дѣтей въ хедерахъ, только это время можетъ быть употреблено на усвоеніе дѣтьми русской грамоты, параллельно съ обученіемъ закону вѣры. Приглашеніе учителя, снабженнаго правомъ преподаванія русскаго языка, есть самый дешевый способъ обученія, доступный еврейской массѣ». «Жалоба бѣлостокскихъ меламдовъ, — писалъ я дальше, — есть покорнѣйшее прошеніе русскихъ евреевъ передъ Сенатомъ благосклонно разрѣшить имъ итти навстрѣчу мѣропріятіямъ правительства, направленнымъ къ пріобщенію евреевъ къ общей культурѣ».

Дѣло по жалобѣ этихъ меламдовъ — Абрамскаго, Либермана и др., — Сенатомъ разсмотрѣно было въ 1895 г. Одинъ лишь сенаторъ (Г. А. Евреиновъ) высказался за отмѣну распоряженія министра народнаго просвѣщенія, остальные же, уклоняясь отъ разрѣшенія вопроса по существу, нашли, что вопросъ, возбуждаемый жалобой, на основаніи закона 1 марта 1893 г., принадлежитъ компетенціи министра народнаго просвѣщенія, и правильность рѣшенія министра не подлежитъ провѣркѣ со стороны Сената. Сенатъ не имѣлъ мужества сказать, что обученіе дѣтей русскому языку воспрещается, но и не имѣлъ мужества заявить, что запретительная мѣра, по отношенію къ евреямъ, и неправильна, и не цѣлесообразна. Въ эту эпоху все дальше и дальше уходило преданіе о Сенатѣ, какъ блюстителѣ законности...

Такъ и остался до послѣдняго времени запретъ обучать дѣтей русской грамотѣ въ хедерахъ. Этотъ запретъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что въ Царствѣ Польскомъ дѣйствовало не отмѣненное старое правило объ обязательномъ обученіи дѣтей въ хедерахъ русскому языку и грамотѣ, — правило, имѣвшее конечно цѣлью вытѣсненіе польскаго языка. Въ чертѣ осѣдлости меламды должны были оплачивать снисходительное отношеніе властей къ

тому, что въ хедерахъ русскій языкъ преподавался, а въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго такіе же меламды должны были откупаться отъ требованія, чтобы этотъ языкъ былъ предметомъ преподаванія.

Процентная норма пріема дѣтей евреевъ въ учебныя заведенія дѣлала свое ужасное дѣло. Стремленіе евреевъ отдавать дѣтей въ учебныя заведенія становилось все болѣе и болѣе всеобщимъ. Будущему историку еврейской культуры въ Россіи предстоитъ трудная задача объяснить это явленіе; несомнѣнно, однако, что причинъ было много. Лично я придаю большое значеніе прежде всего причинамъ экономическимъ. Чѣмъ больше суживалась сфера экономической дѣятельности для евреевъ, тѣмъ сильнѣе становилось стремленіе вооружить дѣтей для борьбы за существованіе дѣйствительнымъ оружіемъ, а именно — образованіемъ. Ремесленный трудъ не находилъ уже для себя свободнаго мѣста. Торговая дѣятельность, запертая въ границахъ городовъ и мѣстечекъ, не имѣла необходимаго простора. Запасъ энергіи и способностей направился поэтому на свободныя профессіи. Этимъ объясняется фактъ, что въ общія учебныя заведенія стремились тѣ слои еврейскаго населенія, которые экономически были наиболѣе слабыми. Не удивительно, что ограничительная процентная норма больно отзывалась не только на исключительныхъ категоріяхъ евреевъ, но и на всей еврейской массѣ. Образованіе среднее и высшее у евреевъ демократизовалось, въ отличіе отъ другихъ частей населенія, у которыхъ среднее, а тѣмъ болѣе высшее образованіе было удѣломъ болѣе состоятельныхъ, буржуазныхъ классовъ и дворянства. Эта же демократизація вызывала противодѣйствіе со стороны правительства и придавала ему особую энергію въ борьбѣ противъ еврейскаго образованія. Впослѣдствіи эта борьба обосновывалась уже вполнѣ опредѣленной формулой, а именно — революціоннымъ настроеніемъ еврейской молодежи.

Норма установлена была для пріема въ среднія учебныя заведенія; кромѣ того, особая норма существовала для поступленія въ университеты и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Между тѣмъ, тяжесть этой нормы каждый разъ ложилась одинаково какъ на тѣхъ, которые поступали въ гимназіи и реальныя училища, такъ и на тѣхъ, которые, имѣя аттестаты среднихъ учебныхъ

заведеній, стремились поступить въ высшія. На первый взглядъ это явленіе представляется необъяснимымъ. Если въ гимназіи и реальныя училища евреи попадали лишь въ количествѣ 10% общаго числа поступающихъ и такимъ образомъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи не могло быть евреевъ больше 10%, то какимъ образомъ окончившіе эти учебныя заведенія не могли попасть въ университеты, гдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, примѣнялась та же 10% норма. Это явленіе объясняется, однако, тѣмъ, что евреи преодолѣвшіе неимовѣрныя трудности при поступленіи въ гимназіи, полностью кончали курсъ, тогда какъ не-евреи часто не доучивались и выходили изъ числа воспитанниковъ. Вслѣдствіе этого, если въ низшихъ классахъ число евреевъ не превышало 10% учениковъ, въ высшихъ классахъ это число всегда было болѣе 10% и такимъ образомъ, среди оканчивающихъ курсъ оказывалось евреевъ пропорціонально, больше нежели не-евреевъ. Для этого излишка доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ закрытъ. Съ другой стороны, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше мѣстъ освобождалось для евреевъ, вновь поступающихъ въ гимназіи, такъ какъ процентъ исчислялся примѣнительно къ общему числу евреевъ во всѣхъ классахъ даннаго учебнаго заведенія. Еврей дважды отбывалъ муки нормы: при поступленіи въ среднее учебное заведеніе, а затѣмъ и при поступленіи въ высшее.

Трудность поступленія въ среднія учебныя заведенія породила въ еврейской средѣ новое явленіе, незнакомое другимъ частямъ населенія Россіи, а именно «экстерничество». Экстернами назывались тѣ, которые, не проходя курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, допускались къ экзаменамъ для полученія аттестата зрѣлости при гимназіяхъ или же полученія свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ. Въ отношеніи допущенія къ такого рода экзаменамъ нормы до 1910 года не существовало. Обычнымъ стало явленіе, что при гимназіяхъ черты осѣдлости, а иногда и внѣ ея, десятки молодыхъ евреевъ подвергались испытаніямъ и получали соотвѣтственные аттестаты, дающіе имъ право на поступленіе въ высшія учебныя заведенія. Эти, такъ называемые экстерны, конкуррировали съ окончившими курсъ воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній при поступленіи въ университеты и спеціальные институты. Число экстерновъ все

увеличивалось. Жизнь выталкивала молодыхъ людей изъ обычныхъ профессіональныхъ занятій; все большее и большее количество молодыхъ людей видѣли свое благополучіе въ полученіи аттестата. Создался большой классъ молодыхъ людей экстерновъ, готовящихся къ экзаменамъ и такихъ, которые получивъ аттестаты, не попали все же въ университеты. Сотнями, а потомъ и тысячами они, перенося неимовѣрныя лишенія, проникали въ иностранные университеты, гдѣ, терпя крайнюю нужду, коекакъ проходили курсъ. Многіе изъ нихъ потомъ образовали новую категорію заграничныхъ докторовъ, инженеровъ, юристовъ, державшихъ въ качествѣ экстерновъ экзамены при университетахъ и спеціальныхъ институтахъ для полученія русскихъ дипломовъ.

Процентная норма въ школахъ сдѣлалась постоянной зіяющей раной на организмѣ русскаго еврейства. Затрудненія не угашали стремленія въ школы. Могу утверждать, напротивъ, что чѣмъ больше создавалось такихъ затрудненій, тѣмъ сильнѣе становилось это стремленіе и оно замѣчалось не только у родителей, желавшихъ дать своимъ дѣтямъ общее образованіе, но у самихъ дѣтей. Можно легко себѣ представить, какой осадокъ въ дѣтской душѣ оставляло сознаніе, что только принадлежность къ еврейству мѣшаетъ поступленію въ учебныя заведенія. Но особенно тяжка была конкурренція среди еврейскихъ дѣтей. Дѣти наперерывъ стремились получить на вступительныхъ экзаменахъ лучшія отмѣтки, но и среди этихъ лучшихъ надо было производить отборъ, и очень часто выборъ выпадалъ на болѣе состоятельныхъ, — потому ли, что состоятельные классы были болѣе вліятельны, или потому, что болѣе состоятельные родители могли приглашать въ учителя къ своимъ дѣтямъ преподавателей учебныхъ заведеній. Протекція рѣшала судьбы дѣтей, — и не мала доля классоваго озлобленія среди еврейской молодежи, заложенная процентной нормой въ школахъ. Изъ году въ годъ толпы еврейскихъ мальчиковъ (для женскихъ учебныхъ заведеній норма сперва не дѣйствовала и была введена лишь лѣтъ черезъ 15 послѣ введенія нормы для мужскихъ учебныхъ заведеній), собирались у двери школы и уныло отходили отъ нея, послѣ того, какъ дверь эта плотно закрывалась. Попытки проникнуть внутрь возобновлялись изъ года въ годъ.

Трудно было попасть и въ высшее учебное заведеніе. Для евреевъ установилась обязательность полученія золотой медали, которая давалась оканчивающимъ гимназіи съ наилучшими успѣхами. Расходъ на медали для евреевъ былъ столь великъ, что, за бѣдностью русскихъ финансовъ, медали присуждались, но не выдавались, а лишь дѣлалось соотвѣтствующее обозначеніе на аттестатахъ. Медалистовъ оказалось такъ много, что и они не могли всѣ попасть въ университеты. Опять протекція, ходатайства, обиваніе пороговъ и озлобленіе. Полученіе лучшихъ отмѣтокъ евреями стало такимъ обычнымъ явленіемъ, что ученики не-евреи къ тому вовсе и не стремились. Процентная норма искусственно содѣйствовала школьнымъ успѣхамъ учениковъ-евреевъ, и не даромъ сложился анекдотъ о томъ, какъ христіанскій мальчикъ, получившій дурныя отмѣтки, наказанный за это своимъ отцомъ, горько жаловался на несправедливость: «Вѣдь я не еврей, чтобы хорошо учиться».

Процентная норма, вызывая душевное разложеніе еврейской молодежи, гибельно дѣйствовала и на русское юношество. Искусственно устранено было соревнованіе, этотъ рычагъ правильнаго воспитанія. И въ школѣ, какъ и въ жизни, для православныхъ очистили дорогу отъ конкуррентовъ, ввели въ жизнь протекціонистскую систему. Надо ли удивляться, что, какъ среди дворянства, считавшагося привилегированнымъ сословіемъ, мало создавалось выдающихся силъ, такъ потомъ для православныхъ вообще отпала необходимость, а, слѣдовательно, безконечно уменьшилась и возможнсоть проявленія великихъ силъ. Никогда монополія промышленности не ведетъ къ ея улучшенію. Такъ и въ области духовнаго творчества...

Среди всѣхъ еврейскихъ бѣдствій, которыя въ описываемую эпоху обуславливали мою общественную работу, школьное бѣдствіе было однимъ изъ худшихъ. Сохранившаяся въ моемъ архивѣ обширная корреспонденція за много лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, которое для еврейства имѣла норма. Августъ и сентябрь были самыми тяжелыми мѣсяцами въ еврейскомъ мартирологическомъ календарѣ. Это мѣсяцы поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія. Пріемныя и переднія министерства народнаго просвѣщенія буквально переполнялись толпами евреевъ и еврeекъ, привозящихъ свои моль-

бы къ высшему начальству и жаждущими отъ него милости. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Деляновъ былъ въ то время уже очень старъ. Типичный чиновникъ-вельможа Александровскаго времени, армянинъ, обладавшій большой служебной ловкостью, онъ постепенно дошелъ до должности товарища министра при министрѣ гр. Толстомъ и когда Толстой уходилъ, гр. Деляновъ считался убѣжденнымъ послѣдователемъ его системы.

Послѣ нѣкотораго колебанія, въ началѣ 80-хъ г. г., когда сочли нужнымъ вернуться къ укрѣпленію этой системы, Деляновъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ и авторомъ идеи объ «освобожденіи школы отъ улицы», отъ «кухаркиныхъ дѣтей» — идеи громко провозглашенной «Московскими Вѣдомостями» и ея редакторомъ, «пророкомъ Тверского бульвара». Получивъ право, по Высочайшему повелѣнію 1886 г., установить процентную норму и введя ее циркуляромъ по министерству, самъ Деляновъ, по природѣ добрый старикъ, не устоялъ противъ натиска жизни, и, во многихъ случаяхъ уступая мольбамъ плачущихъ матерей, дѣлалъ распоряженія о принятіи дѣтей въ школу сверхъ нормы. Въ августѣ и сентябрѣ еврейская провинція занималась исканіемъ протекціи къ гр. Делянову. Тысячи телеграммъ и писемъ съ просьбой поддержать ходатайства родителей получались и на имя бар. Гинцбурга и на мое имя. Всѣ просители указывали на необычайные таланты оставшихся за дверьми школы дѣтей.

Болѣе ловкіе просители находили доступъ въ кабинетъ министра. Большимъ счастьемъ считалось получить протекцію камердинера гр. Делянова, который, какъ оказалось, имѣлъ большое вліяніе на министра, умѣлъ задѣвать его сердечныя струны. Услуживая своему патрону, камердинеръ могъ шепнуть ему объ отчаяніи того или другого еврея или еврейки, не могущихъ добиться пріема ихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Онъ зналъ въ какой моментъ и въ какихъ выраженіяхъ надо обращаться къ графу, и министръ не оставался глухъ къ этимъ просьбамъ.

Легче было проникнуть въ учебное заведеніе внѣ черты осѣдлости, гдѣ евреевъ было меньше и поэтому процентная норма не была заполнена. Болѣе состоятельные евреи могли отправить дѣтей во внутреннія губерніи, по-

мѣстить ихъ въ какіе-либо пансіоны и дать имъ затѣмъ возможность поступить въ гимназію. Долго этотъ «обходъ» терпѣлся и не вызывалъ недоразумѣній. Лишь впослѣдствіи, начиная съ Курской губерніи, вопросъ обострился, — и было приступлено къ изгнанію дѣтей учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, не располагающихъ правомъ жительства внѣ черты осѣдлости.

Процентная норма породила и другое зло въ еврействѣ: почти массовое ренегатство. Участились случаи принятія христіанства съ цѣлью поступленія въ учебныя заведенія, въ особенности въ высшія. Число такихъ ново-обращенныхъ быстро увеличивалось. Еврейская молодежь была деморализована и надо было имѣть мужество и большія традиціонныя національныя связи, чтобы устоять противъ соблазна. Ренегаты вербовались изъ контингента тѣхъ, кто потерялъ стыдъ и могъ прямо смотрѣть въ глаза своимъ обездоленнымъ товарищемъ. Такихъ было много въ университетахъ, а потомъ и въ адвокатурѣ, куда съ принятіемъ христіанства открывался доступъ. Ничего не пріобрѣтало христіанство отъ этихъ ново-обращенныхъ, но я былъ всегда того мнѣнія, что и еврейство ничего не теряло отъ ухода этихъ элементовъ. Массовое обращеніе въ христіанство впослѣдствіи выдвинуло формулу «еврейскаго происхожденія», вмѣсто «еврея» въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла объ ограниченіи правъ.

Затрудненіе доступа въ казенныя учебныя заведенія вызвало къ жизни новое, до того въ Россіи не существовавшее явленіе, — а именно учрежденіе коммерческихъ училищъ, содержащихся за счетъ купечества. Въ качествѣ заведеній общественныхъ, эти училища не подчинены были нормѣ, и притомъ они находились въ вѣдѣніи не министерства народнаго просвѣщенія, а министерства финансовъ, а послѣ преобразованія его — министерства торговли и промышленности. Ограничительныя тенденціи правительства отразились и на народномъ просвѣщеніи, вызвавъ ненормальное явленіе распредѣленія просвѣщенія по разнымъ департаментамъ, съ совершенно различной политикой и съ различнымъ отношеніемъ къ задачамъ воспитанія юношества. Первыя коммерческія училища, въ сущности, содержались на еврейскія деньги, т. к. въ чертѣ осѣдлости большинство купцовъ были евреи и спеціальный налогъ на содержаніе коммерческихъ училищъ вносился

почти исключительно евреями. Вскорѣ, однако, и при учрежденіи коммерческихъ училищъ стали включать оговорку объ ограниченіи нормой доступа въ нихъ евреевъ; правда, эта норма была довольно значительной — 50% или 30%. Но такъ какъ въ коммерческія училища не евреи не поступали, не ощущая никакой потребности въ спеціальномъ коммерческомъ образованіи, а минимальное стремленіе къ просвѣщенію городского не-еврейскаго населенія не привилегированныхъ классовъ довольствовалось городскими начальными училищами, — то въ коммерческихъ училищахъ не хватало учениковъ для того, чтобы при соблюденіи нормы, евреи могли заполнить всѣ доступныя имъ вакансіи. На югѣ, поэтому, стало довольно обычнымъ бытовымъ явленіемъ, что состоятельные евреи, желающіе помѣстить своихъ дѣтей въ коммерческія училища, должны были заботиться о томъ, чтобы въ эти училища, кромѣ ихъ дѣтей, поступали и христіанскія дѣти, т. е. брать на свой счетъ обученіе этихъ дѣтей и даже обезпечивать ихъ содержаніе.

Процентная норма создала новый родъ промышленности для предпріимчивыхъ интеллигентовъ. Появились десятки, а потомъ и сотни частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, и если предприниматель былъ достаточно ловокъ и могъ получить для своего училища права казенныхъ учебныхъ заведеній, то его школа быстро наполнялась воспитанниками евреями. Само собою разумѣется, плата за обученіе устанавливалась высокая и такимъ образомъ ограниченіе еврейскихъ правъ служило къ обогащенію такихъ предпринимателей. За средними учебными заведеніями слѣдовали и такъ называемыя высшія, существовавшія, главнымъ образомъ, благодаря процентной нормѣ. Такъ создался коммерческій институтъ въ Кіевѣ, возникъ такъ называемый психо-неврологическій институтъ въ Петроградѣ, развившійся до ранга университета съ юридическимъ и медицинскимъ факультетами.

Ограниченіе различныхъ правъ евреевъ въ области экономической жизни вызвало въ Россіи необычайное, не соотвѣтствующее дѣйствительнымъ потребностямъ развитіе акціонерныхъ предпріятій. Ограниченіе доступа евреевъ въ учебныя заведенія обусловило развитіе частной иниціативы въ области образованія.

ГЛАВА XXII.

Еврейское Колонизаціонное Общество. — Меморандумъ объ учрежденіи его. — Центральный Комитетъ въ С.-Петербургѣ и Правила для его дѣятельности. — Д. Ѳ. Фейнбергъ. — Наборъ первыхъ партій колонистовъ для отправки въ Аргентину. — Работа ЕКО въ Россіи. — Содѣйствіе земледѣльческому и ремесленному образованію. — Дубровенская фабрика. — Дешевыя гигіеническія квартиры въ Вильнѣ. — Мелкій кооперативный кредитъ.

Возвращаюсь къ Еврейскому Колонизаціонному Обществу, учрежденному барономъ Гиршемъ, и Центральному Комитету его въ С. Петербургѣ. Въ экономической жизни евреевъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія ЕКО имѣло большое значеніе, — настолько, что безъ подробнаго ознакомленія съ его дѣятельностью въ исторіи русскаго еврейства остался бы пробѣлъ — отсутствовало бы объясненіе, какъ еврейство могло перенести эту тяжелую эпоху, не испытавъ окончательнаго экономическаго крушенія. Между тѣмъ, за періодъ болѣе 25 лѣтъ до революціи, въ Россіи не появилось ни одного труда на русскомъ языкѣ, который съ достаточной полнотой освѣтилъ бы эту дѣятельность и ея значеніе.

Это обстоятельство объясняется отчасти тѣмъ, что дѣятельность ЕКО всегда встрѣчала критику и вызывала неудовольствіе въ интеллигентныхъ массахъ еврейскаго населенія, — не потому, впрочемъ, что самая работа ЕКО оправдывала серьезную критику, а потому, что Еврейское Колонизаціонное Общество признавалось учрежденіемъ какъ бы бюрократическимъ и работа его не руководилась тѣмъ лозунгомъ, который становился въ началѣ 90-хъ годовъ все болѣе и болѣе распространеннымъ, — лозунгомъ «демократизма».

Я близко стоялъ къ работѣ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества съ самаго начала его дѣятельности въ Россіи, — правда, не въ руководящей роли, къ которой, какъ я объясню дальше, почему-то не допускался никто, кто не имѣлъ званія банкира и милліонера. Но мое тѣсное сотрудничество съ барономъ Г. О. Гинцбургомъ было связано съ необходимостью стоять близко къ дѣламъ ЕКО.

Учрежденіе ЕКО было безпримѣрнымъ въ исторіи еврейства актомъ разумной благотворительности покойнаго Морица фонъ Гирша (полный титулъ его: Морицъ фонъ Гиршъ де Герейтъ), австрійскаго милліонера, строителя желѣзныхъ дорогъ на Балканскомъ полуостровѣ. Этотъ актъ былъ безпримѣренъ не только по размаху, — по размѣру суммы, пожертвованной барономъ Гиршемъ, а главнымъ образомъ по тому замыслу, который имѣлъ въ виду осуществить жертвователь. Самая форма, въ которую баронъ Гиршъ облекъ осуществленіе своего замысла, была оригинальной. У барона Гирша было не только желаніе помочь евреямъ, его современникамъ, находящимся въ нуждѣ, преслѣдуемымъ и гонимымъ; въ его планъ входило обезпеченіе дальнѣйшихъ поколѣній еврейства на новыхъ экономическихъ началахъ. Онъ былъ далекъ отъ мысли создать для евреевъ, «правоохраненное убѣжище» — мысли, которая потомъ легла въ основу дѣятельности Теодора Герцля и основанной имъ сіонистской организаціи. Баронъ Гиршъ имѣлъ лишь въ виду создать для евреевъ такое положеніе, при которомъ они, не выдѣляясь въ особое государство, сдѣлались бы важнымъ и здоровымъ экономическимъ элементомъ въ государственной жизни той страны, гдѣ онъ намѣревался ихъ поселить, и притомъ важнымъ въ смыслѣ первоисточника государственной жизни, а именно въ земледѣльческомъ трудѣ.

Евреи начали свою исторію, какъ народъ земледѣльческій и только историческія судьбы ихъ отъ этого отклонили; настоящее положеніе евреевъ, являясь послѣдствіемъ этого отклоненія, и вызываетъ враждебное отношеніе къ нимъ европейскихъ народовъ, среди которыхъ они живутъ, и служитъ источникомъ новаго тогда, но быстро развивающагося чувства, получившаго имя антисемитизма. Вернуть хотя бы часть еврейства къ исходной точкѣ его исторіи — вотъ идея, которую преслѣдовалъ баронъ

Гиршъ. Но въ Европѣ не было уже мѣста, гдѣ бы колесо еврейской исторіи могло свободно повернуться, и поэтому мысли Гирша были обращены на заокеанскія страны. Избравъ именно Аргентину для обширнаго разселенія евреевъ, баронъ Гиршъ руководился не политическими видами, а только тѣмъ, что въ этой странѣ имѣлись свободныя пространства земли, гдѣ главнымъ промысломъ было скотоводство, а сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ было въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Кромѣ того, климатъ этой страны, болѣе или менѣе сносный, не представлялъ угрозы для новыхъ поселенцевъ. Во всякомъ случаѣ, въ намѣреніяхъ барона Гирша было отвести волну эмиграціи отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и главнымъ образомъ отъ Нью-Іорка и другихъ крупныхъ городовъ Америки.

Съ положеніемъ иммигрантовъ въ Сѣверную Америку баронъ Гиршъ былъ обстоятельно знакомъ и еще въ 1891 г. онъ по иниціативѣ д-ра Юліуса Гольдмана, уже тогда извѣстнаго адвоката и сотрудника Якова Шиффа (впослѣдствіи я вошелъ въ близкія сношенія съ Гольдманомъ и съ большою радостью числю его среди моихъ лучшихъ друзей), образовалъ Американскій Фондъ барона Гирша, **«American Hirsch Fund»**, на средства котораго много иммигрантовъ, оказавшихся въ Нью-Іоркѣ, устроены были въ западныхъ штатахъ въ качествѣ фермеровъ. Огромный приливъ эмигрантовъ въ Сѣверную Америку вызывалъ тогда, какъ я указалъ въ одной изъ предшествующихъ главъ, много неудовольствій и создавалась опасность развитія антисемитизма на почвѣ экономической конкурренціи.

Задумавъ въ широкомъ масштабѣ колонизацію евреевъ въ Аргентинѣ, Гиршъ счелъ нужнымъ привлечь къ этому дѣлу активныя силы еврейства, и притомъ силы разнородныя и даже интернаціональныя. Онъ не убоялся нареканій, столь тогда модныхъ, по поводу мифа о еврейскомъ кагалѣ, и призналъ, что привлеченіе международнаго еврейства, т. е. еврейства разныхъ государствъ къ дѣлу, которое онъ задумалъ, обезпечитъ наибольшій успѣхъ и устранитъ возможность появленія въ дѣятельности создаваемаго имъ учрежденія какого-нибудь тенденціознаго національно-политическаго элемента. Онъ понималъ, что пере-

дача дѣла одной еврейской организаціи въ какой-либо странѣ можетъ повлечь за собою спеціальную политическую окраску, что могло бы быть иногда неизбѣжнымъ для данной организаціи. Несомнѣнно, что Alliance Israélite Universelle не могло бы не проявлять французскія тенденціи, подобно тому какъ учрежденный къ тому времени Hilfsverein den Deutschen Juden проводилъ бы политику германскую. Между тѣмъ, еврейское дѣло баронъ Гиршъ хотѣлъ видѣть осуществляющимся въ интересахъ только еврейскихъ, а не въ интересахъ той или другой государственной политики. Поэтому онъ и создалъ такую форму для начатаго имъ дѣла, которая служила единой цѣли средствами и способами чисто дѣловыми, далекими отъ проведенія какихъ-либо государственно - политическихъ тенденцій, форму, въ которой различныя вліянія оказались бы нейтрализованными. Онъ образовалъ акціонерное общество и распредѣлилъ акціи, имъ оплаченныя, между различными учрежденіями, въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и въ Германіи. Въ 1891 г. парламентскимъ актомъ утверждены были статуты Еврейской Колонизаціонной Ассоціаціи. Цѣль этой Ассоціаціи объяснена въ приложенномъ къ статутамъ меморандумѣ, какъ это требуется англійскими законами.

Въ русско-еврейской печати, насколько мнѣ извѣстно, меморандумъ, составленный при учрежденіи ЕКО, никогда не былъ опубликованъ. Въ виду историческаго значенія акта барона Гирша, я считаю небезынтереснымъ дать почти полный переводъ этого меморандума. Впослѣдствіи, въ 1903 г., особымъ парламентскимъ актомъ онъ былъ нѣсколько дополненъ. Первоначальный же меморандумъ гласилъ слѣдующее:

1. Имя компаніи Jewich Colonization Association.

2. Зарегистрированная резиденція Компаніи будетъ находиться въ Англіи.

3. Задачи, для которыхъ Ассоціація или Компанія учреждается, составляютъ:

а) Оказывать помощь и содѣйствіе эмиграціи евреевъ изъ какой бы то ни было части Европы или Азіи и главнымъ образомъ изъ странъ, въ которыхъ въ данное время они подвержены спеціальнымъ налогамъ, политическому и всякому иному неравноправію, политическимъ

или всякаго рода инымъ ограниченіямъ, въ другія страны міра съ цѣлью образовать тамъ и устроить колоніи въ различныхъ частяхъ Сѣверной и Южной Америки и въ другихъ странахъ, для занятій земледѣліемъ, торговлей и для подобныхъ иныхъ цѣлей.

б) Для покупки и пріобрѣтенія путемъ даренія или иными путями, отъ правительствъ, государствъ, муниципальныхъ или мѣстныхъ властей, корпорацій, фирмъ или частныхъ лицъ — территорій, земель и другой собственности во всѣхъ частяхъ свѣта, для пріобрѣтенія концессій, полномочій и привилегій, которыя необходимы или были бы полезны для развитія природныхъ богатствъ этихъ земель и для того, чтобы сдѣлать ихъ подходящими для цѣлей колонизаціи.

в) Принимать даренія, пожертвованія и приношенія деньгами или другимъ имуществомъ на условіяхъ употребленія этихъ суммъ или имуществъ для одной какой-нибудь или для всѣхъ вышеуказанныхъ цѣлей Компаніи, или вообще на условіяхъ, которыя могли бы соотвѣтствовать задачамъ и цѣлямъ, преслѣдуемымъ Компаніей.

г) Устройство коммерческихъ, земледѣльческихъ и другихъ заведеній на территоріи или на участкахъ, пріобрѣтенныхъ Компаніей, кромѣ Европы, для развитія ихъ путемъ превращенія ихъ въ пригодные для эксплоатаціи, осушки отъ болотъ, корчеванія, развитія насажденій и всякимъ другимъ путемъ.

д) Строить, устраивать, поддерживать и развивать, помогать матеріально или иначе при постройкѣ, устройствѣ, сохраненіи и развитіи путей сообщеній: желѣзнодорожныхъ, шоссейныхъ, трамвайныхъ, при устройствѣ мостовъ, плотинъ, водоемовъ, водопроводовъ, гаваней, запрудъ, телеграфовъ, телефоновъ, мельницъ, заводовъ, лавокъ, синагогъ и всякихъ другихъ мѣстъ для богослуженія, бань, прачешныхъ, мѣстъ для рекреаціи или отдохновенія и всякихъ другихъ сооруженій, публичнаго и частнаго характера, которыя признаны будутъ содѣйствующими матеріальному и моральному благосостоянію колоній или заведеній, которыя время отъ времени будутъ учреждаться или предполагаться къ учрежденію.

е) Учреждать и субсидировать всякого рода институты, клубы и ассоціаціи, направленныя ко благу колони-

стовъ и способные удовлетворить ихъ религіозныя, санитарныя и воспитательныя потребности, и предоставлять необходимыя деньги для этихъ или подобныхъ надобностей.

ж) Получать всякіе акты, парламентскіе декреты, хартіи или разрѣшенія правительствъ, государствъ, городскихъ управленій или мѣстныхъ властей, съ цѣлью укрѣпленія и развитія полномочій Компаніи и доставленія Компаніи возможности быть регистрированной или инкорпорированной въ иностранныхъ государствахъ или колоніяхъ подъ собственнымъ именемъ или подъ другимъ подходящимъ именемъ, съ цѣлью облегченія операцій Компаніи — входить въ соглашенія, давать гарантіи такого рода правительствамъ, государствамъ или властямъ, которыя признаны будутъ соотвѣтственными для развитія и осуществленія задачъ Компаніи.

з) Покупать, продавать, экспортировать и совершать сдѣлки въ отношеніи всякаго рода товаровъ, всякаго рода торговли, и производить различныя операціи, которыя были бы полезны, какъ ведущія къ успѣшному ходу эмиграціи и колоніальнымъ устройствамъ.

и) Содѣйствовать, образовывать и оказывать помощь при образованіи во всѣхъ странахъ міра субсидіарныхъ компаній и ассоціацій для осуществленія задачъ Компаніи, передавать части имуществъ Компаніи подобнымъ учрежденіямъ, компаніямъ или ассоціаціямъ, съ необходимыми для того гарантіями, для надобностей и по соображеніямъ, которыя будутъ вытекать изъ общаго хода операцій Компаніи.

к) Пріобрѣтать, владѣть и передавать на имя лицъ или одного лица, или юридическихъ лицъ всякаго рода земли и собственности, которыя будутъ пріобрѣтены и которыми будетъ владѣть Компанія.

л) Учреждать эмиграціонныя агентства въ разныхъ странахъ Европы, Азіи и въ другихъ частяхъ міра, строить, нанимать, законтрактовывать, экипировать пароходы и всякаго рода суда для транспорта колонистовъ и имѣть заботу о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ для облегченія эмиграціи колонистовъ.

м) Доставлять или заботиться о доставленіи участковъ земли, концессій на нѣдра земли, и всякаго рода дру-

гихъ правъ или привилегій колонистамъ, на условіяхъ и въ цѣляхъ, которыя время отъ времени будутъ устанавливаемы постановленіями Компаніи, полномочія колонистамъ пріобрѣтать строительный матеріалъ, живой и мертвый инвентарь, всякія строительныя машины и все, что необходимо для того, чтобы они могли быть въ состояніи начать земледѣльческія или другія операціи, выдавать имъ денежные авансы для постройки, для пріобрѣтенія участковъ и для всякихъ другихъ надобностей.

н) Покупать, принимать въ пользованіе или вообще пріобрѣтать всякую реальную или персональную собственность, права и привилегіи.

о) Помѣщать и производить операціи деньгами Компаніи, которыя не нужны непосредственно на расходы или на производство операцій Компаніи, во всякаго рода имѣющія обращеніе акціи, фонды, гарантированные англійскимъ, французскимъ, бельгійскимъ, нидерландскимъ или голландскимъ и нѣмецкимъ правительствами или правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, всѣми ими или каждымъ въ отдѣльности.

п) Вести законную торговлю и производить всякаго рода операціи, промышленныя и другія, которыя разсчитаны на облегченіе осуществленія главныхъ задачъ Компаніи.

р) Получать отъ эмигрантовъ деньги, употреблять таковыя для ихъ пользы и вообще вести всякаго рода дѣла агентства по эмиграціи.

Слѣдующіе три пункта содержатъ обычное исчисленіе функцій акціонерныхъ обществъ по совершенію актовъ, сдѣлокъ и т. п.

§ 4. ... Созданному обществу разрѣшено къ своему названію не прибавлять, какъ это обычно дѣлается для акціонерныхъ обществъ, — «съ ограниченной отвѣтственностью» (limited).

§ 5. Номинальный капиталъ Компаніи составляетъ: 2.000.000 фунтовъ стерлинговъ, раздѣленныхъ на 20.000 акцій по 100 фунтовъ каждая.

§ 6. Доходы и собственность Компаніи, откуда бы они ни произошли, должны быть употребляемы исключительно для содѣйствія осуществленію задачъ Компаніи, изложенныхъ въ этомъ меморандумѣ, и ни одна часть изъ нихъ

не должна быть выплачена или передана непосредственно или косвенно въ видѣ дивидендовъ, бонусовъ, или инымъ какимъ-нибудь способомъ, въ пользу членовъ Компаніи, всѣхъ или части ихъ. При этомъ имѣется въ виду, что ничто не должно препятствовать производству платежей по доброй совѣсти въ качествѣ вознагражденія директоровъ, управляющихъ, служащихъ или прислуги Компаніи, какому-нибудь члену Компаніи или другимъ лицамъ въ возмѣщеніе за услуги, фактически оказанныя Компаніи.

§ 7. Если съ прекращеніемъ дѣятельности или ликвидаціей Компаніи послѣ удовлетворенія всѣхъ долговъ и обязательствъ останется какая бы то ни было собственность, принадлежащая Компаніи, то она не должна быть выплачена или раздѣлена между членами Компаніи, но должна быть употреблена согласно § 50 прилагаемыхъ статутовъ, и посколько окажется осуществимымъ, должна быть передана другой какой-нибудь еврейской организаціи или организаціямъ, имѣющимъ задачи, подобныя задачамъ Компаніи въ моментъ ликвидаціи или прекращенія дѣятельности общества, а если такого выбора не послѣдуетъ, то этотъ выборъ производится тѣмъ судьей высшаго судебнаго мѣста, который, согласно установленнымъ правиламъ для ликвидаціи или по спеціальному постановленію самой Компаніи или членовъ ея, будетъ имѣть юрисдикцію въ отношеніи этого общества.

§ 8 посвященъ опредѣленію порядка отчетности и составленія баланса.

§ 9. Въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ послѣ образованія Компаніи большинство держателей акцій можетъ измѣнить, добавить или отмѣнить параграфы устава Ассоціаціи, включая и § 50, замѣнить эти параграфы другими по усмотрѣнію Компаніи съ условіемъ соотвѣтствія новыхъ постановленій пункту 6-му этого меморандума и задачамъ Компаніи, приведеннымъ въ этомъ меморандумѣ. По истеченіи же 5 лѣтъ ни одинъ изъ существующихъ параграфовъ (за исключеніемъ того случая, когда послѣднее общее собраніе акціонеровъ Компаніи состоится раньше истеченія 5 лѣтъ, и въ этомъ общемъ собраніи акціонеры большинствомъ 3/4 голосовъ по акціямъ постановятъ иначе) не можетъ быть отмѣненъ, видоизмѣненъ, и никакихъ добавленій къ нему не можетъ быть сдѣлано безъ пись-

меннаго согласія всѣхъ правоспособныхъ владѣльцевъ акцій Компаніи.

Мы, нижеподписавшіеся — говорится дальше въ меморандумѣ — всѣ желаемъ объединиться въ видѣ компаніи для осуществленія указанныхъ въ этомъ меморандумѣ задачъ и мы распредѣляемъ между собою акціи по капиталу Компаніи согласно слѣдующему списку.

Подписанъ меморандумъ: Морицемъ фонъ-Гиршемъ, оставившимъ за собою 19.990 акцій, Ротшильдомъ, взявшимъ 1 акцію, Юліаномъ Гольдшмидъ — 1 акцію, Эрнестомъ Іозефъ Кассель — 1 акцію, Ф. Д. Мокатта — 1 акцію, С. Н. Гольдшмидтъ изъ Парижа, взявшимъ 1 акцію, Соломономъ Рейнакъ, завѣдывающимъ музеями, — 1 акцію и Бенжаменомъ Луи Когенъ — 1 акцію.

Меморандумъ датированъ: 24-мъ августа 1891 г.

Вслѣдъ за утвержденіемъ устава Колонизаціоннаго Общества бар. Гиршъ особымъ дарственнымъ актомъ отъ 26 августа 1892 года предоставилъ основанному имъ обществу разныя бумаги и фонды на сумму, по оцѣнкѣ того времени, свыше 300 милліоновъ франковъ. Въ этомъ актѣ было выговорено, прежде всего, что капиталъ этотъ остается неприкосновеннымъ и предназначается для облегченія положенія русскихъ евреевъ. До смерти дарителя доходы съ него остаются въ распоряженіи самого бар. Гирша, хотя собственность на этотъ капиталъ принадлежитъ обществу съ момента совершенія акта. Послѣ его смерти доходы должны быть употребляемы согласно назначенію, т. е., какъ сказано, на облегченіе положенія русскихъ евреевъ. Такимъ образомъ, въ общемъ изъ своихъ средствъ бар. Гиршъ предоставилъ для Колонизаціоннаго Общества капиталъ по тогдашней оцѣнкѣ около 350 милліоновъ франковъ. Такого пожертвованія до бар. Гирша на національныя благотворительныя надобности не было въ исторіи. Особымъ актомъ акціи, оставленныя за собою бар. Гиршемъ, въ количествѣ 19.900 шт., были раздѣлены между **Alliance Israélite Universelle, Anglo-Jewish Association** и общинами городовъ: Брюсселя, Берлина и Франкфурта. Эти учрежденія представляются на общихъ собраніяхъ и въ совѣтѣ Общества лицами общиннаго управленія, особо на то уполномоченными. Предсѣдателемъ совѣта былъ бар. Гиршъ; товарищемъ его

былъ Нарцисъ Левенъ, предсѣдатель «Alliance Israélite Universelle». Въ 1893 г. Ассоціаціи, какъ указано выше, предоставлено было русскимъ правительствомъ производить операціи въ Россіи по правиламъ, утвержденнымъ Комитетомъ министровъ и согласно инструкціи, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ для дѣятельности центральнаго комитета Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества въ Петербургѣ. Основныя положенія правилъ заключаются въ слѣдующемъ: центральный комитетъ находится въ Петербургѣ и состоитъ изъ членовъ, назначаемыхъ совѣтомъ Колонизаціоннаго Общества, т. е. главнымъ его управленіемъ, въ числѣ не превышающемъ 12. О лицахъ, назначенныхъ членами центральнаго комитета, сообщается правительству, которое имѣетъ право отвода, т. е. возраженія противъ тѣхъ лицъ, которыя были назначены. Скажу тутъ же, что не было случая за все время дѣятельности Колонизаціоннаго Общества, чтобы правительство воспользовалось этимъ правомъ. Центральный комитетъ можетъ назначить своихъ уполномоченныхъ или образовать особые комитеты въ провинціи, каждый разъ по утвержденію губернатора, при чемъ о лицахъ уполномоченныхъ или избранныхъ въ члены мѣстныхъ отдѣленій, сообщается губернатору, который пользуется тѣмъ же правомъ, какимъ пользуется и министерство внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи утвержденія членовъ центральнаго комитета. Задача центральнаго комитета по «правиламъ» заключалась въ облегченіи и содѣйствіи эмиграціи евреевъ для колонизаціи земель въ Аргентинѣ. Такимъ образомъ дѣятельность центральнаго комитета съ самаго начала была поставлена въ очень тѣсныя рамки, исчерпывающіяся эмиграціей; ни о какой дѣятельности центральнаго комитета въ видѣ содѣйствія развитію какихъ-нибудь промысловъ или вообще учрежденій въ самой Россіи въ правилахъ не упомянуто. Что касается самой эмиграціи, то въ правилахъ предусматривается, что эмигрировать могутъ цѣлыя семьи, не исключая членовъ семьи призывного возраста, если они оставляютъ Россію вмѣстѣ со своимъ семействомъ въ качествѣ эмигрантовъ подъ попеченіемъ центральнаго комитета. Для свободнаго выхода изъ Россіи дается не заграничный паспортъ, а особый выпускной листъ по установленной формѣ. Списки эмигрантовъ

представляются черезъ центральный комитетъ министерству внутреннихъ дѣлъ, и если нѣтъ препятствій, то эти листы утверждаются и служатъ доказательствомъ, во-первыхъ, того, что данный эмигрантъ можетъ свободно выѣхать изъ Россіи съ семьей, а во-вторыхъ, что онъ вышелъ изъ русскаго подданства. Въ правилахъ оговорено, что обратный прiѣздъ эмигрирующаго въ Россію не допускается. Правилами создавалось, такимъ образомъ, положеніе, невѣдомое до тѣхъ поръ въ области международнаго права: съ момента выѣзда изъ Россіи данный еврей и члены его семьи выходятъ изъ русскаго подданства, но иного подданства еще не пріобрѣтаютъ, — ибо нѣтъ страны, въ которой можно было бы перейти въ подданство, не проживъ тамъ нѣкоторое время. То же самое правило дѣйствовало въ отношеніи Аргентины: еврей-колонистъ, уже поселенный въ колоніи на мѣстѣ въ Аргентинской республикѣ, этимъ самымъ еще не становится аргентинскимъ гражданиномъ, и такимъ образомъ до урегулированія его положенія тамъ онъ остается внѣ всякаго подданства, — изъ русскаго подданства онъ вышелъ, а къ другому подданству не причисленъ. Вскорѣ опытъ показалъ полное неудобство такого положенія для тѣхъ лицъ, которыя не могли акклиматизироваться въ Аргентинѣ и по семейнымъ обстоятельствамъ или по особымъ какимъ-нибудь условіямъ должны были возвратиться въ Россію. Они оказались внѣ покровительства какихъ бы то ни было законовъ, и русскій консулъ въ Аргентинской республикѣ имѣлъ основаніе не интересоваться лицами, которыя уже вышли изъ русскаго подданства. И только благодаря особымъ настояніямъ на Буэносъ-Айресѣ и въ Петербургѣ русскій консулъ принималъ на себя заботу объ этихъ лицахъ. Впрочемъ, такіе случаи не были многочисленны.

На такихъ основаніяхъ центральный комитетъ началъ дѣйствовать въ Россіи. Составъ центральнаго комитета, назначенный совѣтомъ Колонизаціоннаго Общества, былъ слѣдующій: предсѣдателемъ былъ бар. Г. О. Гинцбургъ, товарищемъ предсѣдателя — Лазарь Соломоновичъ Поляковъ; въ члены совѣта вошли: Маркъ Абрамовичъ Варшавскій, Ипполитъ Андреевичъ Вавельбергъ, А. И. Закъ, Александръ Яковлевичъ Пассоверъ, д-ръ Каценельсонъ, Исаакъ Давидовичъ Красносельскій.

Связующимъ звеномъ между центральнымъ комитетомъ въ этомъ составѣ и парижскимъ совѣтомъ или, точнѣе, самимъ бар. Гиршемъ до его кончины въ 1896 г., былъ Давидъ Фаддѣевичъ Фейнбергъ, поступившій на службу Колонизаціоннаго Общества въ должности генеральнаго секретаря центральнаго комитета. Фейнбергъ былъ единственнымъ источникомъ для справокъ и свѣдѣній, касающихся Россіи и тѣхъ лицъ, которыя имѣли руководящую роль въ русскомъ еврействѣ. Фейнбергъ вліялъ и на образованіе состава Комитета, въ которомъ было мало активныхъ силъ, кромѣ барона Г. О. Гинцбурга. Хочу тутъ же сказать, что А. Я. Пассоверъ, аккуратно посѣщая засѣданія Комитета, не проявилъ ни иниціативы, ни особаго интереса къ той дѣятельности, которая была отмежевана правилами о центральномъ комитетѣ. Никакого вліянія на ходъ дѣлъ не имѣлъ и д-ръ Каценельсонъ. Какъ названные члены Комитета, такъ и другіе не могли проявлять энтузіазма къ дѣлу, которое сводилось къ поставкѣ колонизаціоннаго элемента для аргентинской колоніи. Фактически наборъ колонистовъ производился исключительно Фейнбергомъ, который разъѣзжалъ по югу Россіи для этой цѣли. И роль центральнаго комитета сводилась только къ сношеніямъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, къ составленію списка эмигрантовъ и полученію для нихъ выходныхъ свидѣтельствъ. И въ интеллигентскихъ кругахъ петербургскаго еврейства особаго интереса дѣятельность центральнаго комитета тогда не вызывала. Было много противниковъ этой дѣятельности, которая, въ сущности, сводилась къ осуществленію правительственной политики, — по возможности избавиться отъ значительнаго числа евреевъ, политикѣ, которая характеризована была быв. министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Игнатьевымъ его заявленіями объ «открытіи западныхъ границъ для евреевъ». Были и ревностные противники работы ЕКО въ этомъ направленіи. Среди нихъ были проф. Бакстъ и Я. М. Гальпернъ. И пока дѣятельность цетральнаго комитета ограничивалась, какъ я выше сказалъ, поставкой эмигрантовъ для колонизаціи, единственнымъ почти работникомъ, посвятившимъ свою дѣятельность этой задачѣ, былъ Фейнбергъ.

Но тѣмъ не менѣе, необходимо было организовать

работу центральнаго комитета, наладить его внутреннюю канцелярскую организацію, и по желанію бар. Гинцбурга, эту работу выполнилъ я. Но не могло быть и рѣчи, чтобы я посвятилъ все свое время работѣ въ Колонизаціонномъ Обществѣ. Я не сочувствовалъ задачамъ центральнаго комитета и меньше всего желалъ быть какъ бы ширмой для дѣятельности Д. Ф. Фейнберга, который предпочиталъ имѣть непосредственныя сношенія съ бар. Гиршемъ, нежели съ центральнымъ комитетомъ въ Петербургѣ. Необходимо было измѣнить это положеніе, и въ качествѣ завѣдующаго дѣлами Комитета былъ приглашенъ В. Л. Берманъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, когда говорилъ о студенческомъ времени. Берманъ былъ популярный уже въ Петербургѣ молодой адвокатъ, занявшій въ адвокатурѣ видное положеніе, какъ помощникъ князя Урусова, одного изъ самыхъ блестящихъ криминалистовъ. Передъ нимъ открывалась перспектива большой адвокатской карьеры, онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ своихъ товарищей и былъ избранъ секретаремъ Комиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. организаціи, вѣдавшей молодыми стажіерами и замѣнявшей собою для нихъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Трудно было найти болѣе подходящаго работника для центральнаго комитета, работу котораго нужно было оживить и одухотворить. Берманъ умѣлъ налаживать отношенія съ людьми, онъ былъ способенъ примирять разныя мнѣнія и разныя настроенія и нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ онъ получилъ бы большое вліяніе на ходъ дѣятельности ЕКО въ Россіи и полезнымъ образомъ дополнилъ бы посредничество Фейнберга, который былъ превосходнымъ исполнителемъ, но всегда находился подъ вліяніемъ импонировавшихъ ему своимъ положеніемъ дѣятелей ЕКО въ Парижѣ. Къ несчастью, Берманъ вскорѣ послѣ вступленія своего въ исполненіе обязанностей секретаря и завѣдующаго дѣлами центральнаго комитета тяжко заболѣлъ и вынужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга, куда онъ уже больше не возвратился, закончивъ свои дни въ Египтѣ.

Вербовка первыхъ эмигрантовъ-колонистовъ, какъ я сказалъ, была цѣликомъ въ рукахъ Фейнберга. Это было дѣло не легкое, такъ какъ необходимо было найти подходящіе элементы; притомъ рискъ былъ слишкомъ великъ.

Неудачный составъ первыхъ партій могъ бы повліять на дальнѣйшій ходъ колонизаціи въ Аргентинѣ; притомъ необходимо было отобрать такіе элементы, которые давали бы гарантію, что отправившись въ Аргентину по выходнымъ свидѣтельствамъ и будучи лишены права вернуться въ Россію, они въ Аргентинѣ приспособятся къ новымъ условіямъ жизни. Работа Фейнберга затруднялась и тѣмъ, что ко времени отправки первыхъ партій колонистовъ будущія отношенія ихъ съ администраціей Колонизаціоннаго Общества въ Аргентинѣ не были достаточно выяснены и, въ сущности, люди отправлялись, полагаясь на добрую волю этой мѣстной администраціи.

Ближайшій опытъ показалъ, что эти отношенія часто обострялись. Мѣстными администраторами баронъ Гиршъ назначилъ людей, пользовавшихся его довѣріемъ, но совершенно чуждыхъ прибывшимъ колонистамъ и по языку и по своимъ манерамъ; колонистамъ было очень нелегко съ ними сговориться. Трудности на мѣстахъ были огромныя, какъ въ вопросѣ выбора мѣстности для поселенія данной группы колонистовъ, такъ и въ вопросѣ выработки договоровъ между колонистами и мѣстной администраціей ЕКО. Въ основѣ договоровъ лежалъ принципъ возмѣщенія колонистами черезъ опредѣленное время всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ для даннаго колониста по отводу ему земли, по возведенію дома для жилья и снабженію инвентаремъ. Легко себѣ представить, что всѣ пункты этихъ договоровъ, устанавливающіе обязательства колонистовъ, возбуждали длительные переговоры и неудовольствіе. Подписавшіе договоры считали, что они таковые подписали по принужденію, такъ какъ для нихъ выбора не было. Это обостряло еще больше отношенія между колонистами и мѣстной администраціей.

Къ сожалѣнію, центральный комитетъ ничего не могъ предпринять для улаженія недоразумѣній, такъ какъ его дѣятельность ограничивалась лишь отсылкой колонистовъ и никакого вліянія на мѣстѣ, въ Аргентинѣ, центральный комитетъ оказать не могъ. У него даже не было представителя въ Аргентинѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія баронъ Гиршъ рѣшилъ пригласить въ мѣстную администрацію представителя русскихъ евреевъ. Выборъ остановился на Биркенгеймѣ, извѣстномъ уже тогда въ Москвѣ химикѣ,

и вслѣдъ за нимъ приглашенъ былъ въ качествѣ главнаго администратора инженеръ Максимъ Исаевичъ Коганъ, о которомъ я уже упоминалъ по поводу посѣщенія Москвы комиссіей по эмиграціи подъ предсѣдательствомъ Вебера въ 1891 г. Служба Когана продолжалась, однако, недолго. Близкіе къ Гиршу люди не допускали вліянія на него со стороны Когана и послѣдній принужденъ былъ оставить свою службу въ Аргентинѣ.

Организовавъ канцелярію центральнаго комитета, я, однако, первое время не принималъ никакого участія въ его дѣятельности. Я не счелъ для себя возможнымъ принять участіе въ наборѣ партіи для аргентинской колонизаціи и все дѣло сосредоточено было въ рукахъ одного Фейнберга. Уже въ 1894 г. пришлось, впрочемъ, пріостановить дальнѣйшую отправку колонистовъ. Первыя извѣстія, которыя получались въ Россіи отъ эмигрантовъ, были довольно неблагопріятны и охотниковъ отправляться въ Аргентину становилось все меньше и меньше. Аргентинская колонизація не получила доброй репутаціи среди русскихъ евреевъ. Кромѣ того, пока прибывшія уже партіи не были устроены, мѣстная администрація не могла бы справиться съ новыми партіями. Къ этому времени уже оформленъ былъ даръ барона Гирша, о которомъ сказано выше, и средства Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества были уже настолько велики, что можно было затратить часть ихъ на улучшеніе положенія евреевъ въ самой Россіи. Соотвѣтственно были дополнены статьи меморандума и устава Колонизаціоннаго Общества и рѣшено было начать работу въ этой области.

Было бы безнадежно возбуждать ходатайство передъ русскимъ правительствомъ объ измѣненіи правилъ дѣятельности Центральнаго комитета. Это было время максимальнаго развитія правовыхъ ограниченій для евреевъ, и на измѣненіе правилъ въ томъ смыслѣ, чтобы Центральный комитетъ могъ работать въ самой Россіи надъ улучшеніемъ положенія евреевъ, расчитывать было нельзя, такъ какъ это противорѣчило бы главному мотиву, побудившему въ свое время Комитетъ министровъ согласиться на разрѣшеніе производства операцій ЕКО въ Россіи. Предсѣдатель центральнаго комитета баронъ Гинцбургъ пользовался, однако, такимъ довѣріемъ правительства,

что въ сущности никакого контроля надъ дѣятельностью Центральнаго комитета со стороны правительственныхъ органовъ не было, и чтобы получить согласіе на измѣненіе дѣятельности Центральнаго комитета бар. Гинцбургу достаточно было объяснить подлежащимъ властямъ, что Колонизаціонное Общество можетъ выполнять свою задачу лишь при условіи, если въ самой Россіи, до переселенія въ Аргентину, будутъ обезпечены кадры, надлежащимъ образомъ подготовленные къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ.

Первой задачей Центральнаго комитета было устроить земледѣльческія фермы для подготовки молодыхъ людей къ сельскохозяйственной работѣ. Правила 3 мая 1882 г. не давали возможности пріобрѣсти или получить въ аренду участки земли, необходимые для устройства фермъ. Возможность учрежденія фермы оказалась въ городѣ Минскѣ, гдѣ въ составѣ выгонныхъ земель, прилегающихъ къ городу и поэтому не подчиненныхъ Правиламъ 3 мая, можно было пріобрѣсти около 100 десятинъ свободной земли. Дѣятельность Центральнаго комитета направилась также на улучшеніе положенія еврейскихъ колоній въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ. Въ городѣ Могилевѣ издавна существовала школа садоводства, которая и поступила въ вѣдѣніе Центральнаго комитета. Основано было учрежденіе для подготовки садоводовъ въ городѣ Сороки, Бессарабской губерніи. Центральный комитетъ приглашалъ спеціалистовъ агрономовъ, которые выполняли съ полнымъ успѣхомъ всѣ его заданія, получавшія одобреніе со стороны Совѣта Колонизаціоннаго Общества въ Парижѣ. Такимъ образомъ, для Центральнаго комитета открылось новое поприще работы. Но составъ Центральнаго комитета не могъ справиться со своей задачей безъ содѣйствія лицъ, знакомыхъ съ техническими условіями новой работы, и постепенно образовался кружокъ лицъ изъ преданныхъ еврейскому дѣлу интеллигентовъ, которые образовали Совѣщательное бюро при Центральномъ комитетѣ. Къ тому времени должность главнаго секретаря, послѣ покойнаго Бермана, занялъ энергичный и полный иниціативы Леонтій Моисеевичъ Брамсонъ, оставившій службу въ Обществѣ распространенія просвѣщенія среди евреевъ, какъ завѣдующій еврейскимъ училищемъ въ С.-

Петербургѣ. Брамсонъ проявилъ энергію именно на этомъ посту. Благодаря его иниціативѣ, знанію и работѣ еврейское училище, вмѣстѣ съ ремесленнымъ его отдѣленіемъ, стало образцовымъ.

Съ этого времени въ работѣ Центральнаго комитета стали принимать участіе общественные интеллигентные элементы, и благодаря вниманію къ нимъ предсѣдателя Центральнаго комитета барона Гинцбурга, въ Петербургѣ стала проявляться большая иниціатива; работа, можно сказать, кипѣла. Приходилось преодолѣть значительныя трудности раньше, чѣмъ добиться отъ Совѣта ЕКО соотвѣтственныхъ ассигнованій. Въ составѣ Совѣта и среди фактически управлявшихъ дѣломъ Колонизаціоннаго Общества директоровъ не было никого, кто былъ бы знакомъ съ русскими условіями и въ частности съ потребностями евреевъ. Только съ того момента, когда однимъ изъ директоровъ былъ назначенъ Эмиль Борисовичъ Меерсонъ, нынѣ столь справедливо признаваемый однимъ изъ первыхъ философовъ, заявленія и требованія ассигнованій со стороны Центральнаго комитета стали вызывать больше вниманія къ себѣ въ средѣ Совѣта. Меерсонъ, хотя и жившій долгое время въ Парижѣ, не терялъ связи съ Россіей и въ особенности съ Польшей, и могъ поэтому легче разбираться въ вопросахъ, касавшихся мѣропріятій для улучшенія разныхъ сторонъ экономической жизни евреевъ въ Россіи.

Новая эра дѣятельности Центральнаго комитета началась съ обслѣдованія положенія евреевъ, предпринятаго въ 1898 г. Результаты этого обслѣдованія составляютъ 2 тома Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Статистическій матеріалъ далъ основаніе для составленія обширной программы помощи евреямъ въ Россіи со стороны ЕКО. Вокругъ Центральнаго комитета, кромѣ Совѣщательнаго бюро, сгруппировались общественные работники, образовавшіе 6 секцій. Дѣятельность ЕКО въ области поощренія земледѣльческаго труда выразилась въ развитіи сельскохозяйственнаго образованія и помощи существующимъ колоніямъ. Приглашенные на службу Центральнаго комитета спеціалисты агрономы занялись инструктированіемъ и указаніями на мѣстахъ съ цѣлью улучшенія формъ хозяйства колонистовъ и введе-

нія механическихъ орудій производства, для пріобрѣтенія которыхъ выдавались ссуды.

Въ области развитія профессіональнаго образованія Центральный комитетъ получалъ ассигнованія отъ Совѣта ЕКО на субсидированіе разныхъ профессіональныхъ школъ и мастерскихъ, въ особенности на устройство внѣшкольныхъ учрежденій для улучшенія еврейскаго ремесла. Были основаны инструкторскіе курсы и вечерніе курсы для взрослыхъ ремесленниковъ. Особенное развитіе получили курсы въ Вильнѣ, гдѣ поощрялось въ частности столярное ремесло. Результаты этихъ вечернихъ курсовъ для взрослыхъ ремесленниковъ были блестящіе. Виленскіе столяры при содѣйствіи Центральнаго комитета могли изготовлять мебель, находившую себѣ рынокъ даже въ столицѣ. Особое поощреніе получали, въ видѣ ссудъ и субсидій, ткачи въ Бѣлостокѣ.

Въ Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ Дубровнѣ издавна почти все населеніе занималось ткачествомъ, изготовляя главнымъ образомъ «талейсимъ». Сокращеніе сбыта этого предмета религіознаго обихода вызвало безработицу въ мѣстечкѣ Дубровнѣ, гдѣ сотни семействъ впали въ крайнюю нужду. По иниціативѣ Центральнаго комитета Совѣтъ ЕКО согласился на учрежденіе въ Дубровнѣ бумагопрядильной и ткацкой фабрики, предназначенной исключительно для евреевъ рабочихъ, занимавшихся раньше кустарнымъ производствомъ «талейсимъ». Фабрика была устроена и учреждено было Акціонерное Общество Днѣпровской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. Основной капиталъ Общества составлялъ 1.200.000 рублей; изъ нихъ 800.000 было ассигновано ЕКО для покупки акцій этого Общества, остальные 400 тысячъ были внесены барономъ Гинцбургомъ, Л. С. Поляковымъ, Д. В. Высоцкимъ и И. А. Вавельбергомъ. Акціонерное Общество предоставило работу тысячамъ евреевъ ткачей въ Дубровнѣ. Техническая часть фабрики, руководимая инженеромъ Розенблюмомъ, была весьма удовлетворительна, но, къ сожалѣнію, коммерческая часть (т. е. сбытъ производства), которую взяли на себя нѣкоторые спеціалисты мануфактурщики въ Москвѣ, вслѣдствіе ошибокъ и даже нѣкотораго пренебреженія къ интересамъ Общества, была очень плохо поставлена, и фабрика вопреки

первоначальнымъ расчетамъ давала постоянный убытокъ.

Въ 1898 г. въ интересахъ виленскаго еврейскаго населенія, особенно страдавшаго вслѣдствіе отсутствія дешевыхъ квартиръ, образовано было Общество для постройки дешевыхъ гигіеническихъ квартиръ въ Вильнѣ. Обществомъ пріобрѣтенъ былъ въ предѣлахъ города участокъ земли и на немъ возведено было большое зданіе, заключавшее болѣе сотни квартиръ, которыя сдавались евреямъ, главнымъ образомъ ремесленникамъ, за дешевую цѣну. При домѣ находились общія для квартирантовъ учрежденія, вродѣ пекарни, бани и т. д. Выстроенный домъ однако, не сразу былъ занятъ квартирантами, такъ какъ опытъ показалъ, что сосредоточеніе въ одномъ домѣ массы ремесленниковъ и вообще бѣднаго люда встрѣчаетъ большія практическія неудобства. Капиталъ Общества, затраченный на постройку, въ значительной части былъ ассигнованъ ЕКО. Кромѣ Вильны, дома съ дешевыми квартирами были устроены въ Бобруйскѣ, гдѣ послѣ большого пожара евреи - домовладѣльцы оказались не въ состояніи отстроить свои дома заново; только благодаря содѣйствію Акціонернаго Общества дешевыхъ квартиръ, отпускавшаго ссуды для построекъ, огромная потребность въ новыхъ квартирахъ была болѣе или менѣе удовлетворена. Въ началѣ этого столѣтія главное вниманіе Центральнаго комитета было обращено на организацію дешеваго кредита для евреевъ, главнымъ образомъ, для ремесленниковъ. ЕКО отпускало вновь образованнымъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ кредиты для оборотныхъ средствъ. Для техническаго веденія этихъ операцій Центральнаго комитета созданъ былъ на имя одного изъ членовъ особый Банкирскій Домъ. Предоставленіе дешеваго кредита оказалось наиболѣе соотвѣтствующимъ средствомъ для поднятія благосостоянія еврейскаго населенія въ городахъ и мѣстечкахъ.

Сдѣланы были попытки организовать при ссудо-сберегательныхъ товариществахъ склады ремесленныхъ издѣлій. Эти попытки, однако, не дали благопріятныхъ результатовъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей организаціи сбыта предметовъ производства и вслѣдствіе трудности согласовать работу ремесленниковъ съ потребностями рынка.

Наряду съ этими экономическими мѣропріятіями Центральный комитетъ содѣйствовалъ улучшенію положенія эмигрантовъ, движеніе которыхъ въ заокеанскія страны не ослабѣвало. Для этого образовано было спеціальное отдѣленіе Центральнаго комитета и учреждено было информаціонное бюро, имѣвшее много отдѣленій въ провинціи.

Отношеніе правительства къ новой формѣ дѣятельности Колонизаціоннаго Общества было болѣе или менѣе благопріятно. Какъ я уже упоминалъ, правительство не контролировало фактически работу Ц. К.; лишь изрѣдка барону Гинцбургу, какъ пресѣдателю Комитета, приходилось давать объясненія министру внутреннихъ дѣлъ и директору департамента полиціи, а впослѣдствіи директору департамента общихъ дѣлъ. Правительство всегда удовлетворялось заявленіями барона Гинцбурга; и Ц.К., благодаря довѣрію къ своему предсѣдателю, могъ спокойно продолжать свою работу.

Помимо улучшенія положенія евреевъ, достигнутаго ЕКО, Центральный комитетъ положилъ начало общественной работѣ широкихъ круговъ интеллигенціи, которые группировались вокругъ Центральнаго комитета въ его совѣщательномъ бюро и различныхъ секціяхъ. Въ общественную работу были втянуты наиболѣе дѣятельные элементы еврейской молодежи, при чемъ работа этихъ круговъ сглаживала организаціонный дефектъ Комитета: до послѣдняго времени составъ его пополнялся исключительно элементами, соотвѣтствующими первоначальному его составу, т. е. богатыми людьми, которымъ званіе члена Центральнаго комитета преподносилось, какъ оказательство почета.

Послѣ смерти барона Горація Осиповича, послѣдовавшей въ 1909 г., предсѣдательство въ Комитетѣ перешло къ Марку Абрамовичу Варшавскому.

ГЛАВА XXIII.

Раввинская Комиссія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. — Созывъ Комиссіи 1893-94 г. — Г. М. Барацъ. — Рабби Гилель Мстиславскій. — Записка Предсѣдателю Комитета Министровъ Н. Х. Бунге.

Въ царствованіе Николая I учреждена была при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Раввинская Комиссія. По закону, дѣйствовавшему до послѣдняго времени, эта комиссія являлась постояннымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ ежегодныя сессіи продолжительностью въ два мѣсяца. Она состояла изъ предсѣдателя и 6 членовъ. Всѣ члены Комиссіи, равно какъ и предсѣдатель, назначались министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ списка, который представлялся генералъ-губернаторами и состоялъ изъ лицъ, избираемыхъ самимъ еврейскимъ обществомъ въ лицѣ купцовъ, почетныхъ гражданъ и вообще почетныхъ евреевъ. Кругъ избирателей въ законѣ точно не былъ опредѣленъ. Фактически, однако, Раввинская Комиссія созывалась министромъ внутреннихъ дѣлъ не періодически, а съ промежуткомъ въ десятокъ и даже два десятка лѣтъ, при чемъ члены Комиссіи назначались по спискамъ, каждый разъ составляемымъ спеціально для данной созываемой Раввинской Комиссіи. Кругъ вѣдомства Комиссіи былъ точно опредѣленъ въ законѣ. Она должна была разрѣшать вопросы, связанные съ религіозными предписаніями, главнымъ образомъ по возникающимъ сомнѣніямъ относительно признанія браковъ дѣйствительными, расторженія браковъ и вообще по всѣмъ вопросамъ религіознаго быта евреевъ, которые предложены будутъ на разрѣшеніе данной Комиссіи министерствомъ. Послѣдняя Комиссія до 90-хъ годовъ была созвана въ 1879 г. Среди членовъ ея не было духовныхъ рав-

виновъ; между прочимъ, членомъ ея состоялъ баронъ Г. О. Гинцбургъ. Съ тѣхъ поръ и до 1893 г. Комиссія не созывалась. Этой Комиссіи, въ работахъ которой я принималъ дѣятельное участіе, было предложено на разсмотрѣніе 27 дѣлъ. Предсѣдателемъ Комиссіи былъ назначенъ Гиршъ Рабиновичъ, сынъ рабби Ицхокъ Эльхонона; въ составъ ея входили, далѣе, духовный раввинъ бѣлостоцкій Самуилъ Могилеверъ (первый сіонистъ среди духовныхъ раввиновъ); присяжный повѣренный Германъ Барацъ, Гилель Милейковскій, мстиславскій раввинъ, купецъ Яковъ Готтесманъ, купецъ Самуилъ Симховичъ, и общественный раввинъ Кишинева Катловкеръ.

Рѣдкій созывъ Раввинской Комиссіи могъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ неохотно допускало представительство евреевъ, хотя бы даже въ цѣляхъ разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Другое объясненіе можетъ быть найдено въ томъ, что содержаніе Комиссіи и сопряженные съ работой ея расходы по проѣздамъ, оплата канцеляріи и т. д., относились на счетъ коробочнаго сбора или, вѣрнѣе, остатковъ коробочнаго сбора, которые находились въ безконтрольномъ распоряженіи губернскихъ правленій и министерства. Расходованіе суммъ изъ этихъ остатковъ, какъ я уже упоминалъ, было произвольнымъ и меньше всего эти суммы шли на еврейскія спеціальныя надобности. Естественно было, что созывы Раввинской Комиссіи происходили рѣдко и такимъ образомъ остатки коробочныхъ сборовъ не расходовались для этой цѣли.

Съ самаго начала пребыванія Раввинской Комиссіи въ Петербургѣ въ 1893 г. я оказывалъ всякое содѣйствіе этой Комиссіи по составленію соотвѣтственныхъ журналовъ и принималъ негласное, но активное участіе въ разрѣшеніи подлежавшихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Кромѣ меня, время отъ времени принималъ участіе въ работахъ Комиссіи Михаилъ Игнатьевичъ Кулишеръ.

Изъ членовъ Комиссіи, кромѣ предсѣдателя Рабиновича, особаго вниманія заслуживали Германъ Марковичъ Барацъ и мстиславскій раввинъ рабби Гилель.

Барацъ, тогда уже старикъ (кстати, укажу, что онъ состоялъ членомъ Комиссіи, созванной въ 1857 г.), кіевскій присяжный повѣренный, въ теченіе многихъ десятковъ

лѣтъ состоялъ ученымъ евреемъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ и до перехода его въ присяжную адвокатуру былъ главнымъ цензоромъ еврейскихъ книгъ. Глубокій знатокъ еврейской письменности, онъ еще съ молодыхъ лѣтъ проявлялъ себя серьезнымъ знатокомъ русскихъ древностей, въ частности, памятниковъ исторіи русскаго права. Длинный рядъ его ученыхъ трудовъ былъ посвященъ анализу и толкованію этихъ древнихъ памятниковъ.

Въ ученыхъ своихъ трудахъ Барацъ стремился доказать, что извѣстные институты права у славянъ въ кіевскій періодъ были заимствованы изъ еврейскаго права, и это онъ склоненъ былъ объяснять вліяніемъ тѣхъ евреевъ, которые жили на югѣ Россіи въ древнія времена и даже имѣли такое значеніе, что передъ принятіемъ христіанства, какъ гласитъ преданіе, Владиміръ Святой вызвалъ къ себѣ еврейскихъ ученыхъ и ознакомился съ основами еврейской религіи. Среди монаховъ Печерской Лавры въ Кіевѣ, какъ доказано было Барацемъ, находились крещеные евреи, которые внесли въ древнюю письменность много еврейскаго элемента. Почвой для такихъ научныхъ гипотезъ могло служить и то, что, какъ извѣстно, у хазаръ было распространено еврейское вѣроученіе, а на жизнь южныхъ славянъ, и въ частности въ Кіевской области, хазары имѣли большое историческое вліяніе.

Въ первый разъ я встрѣтился съ Барацемъ при участіи его въ Раввинской Комиссіи. Удивительно скромный, спокойный старикъ, онъ производилъ впечатлѣніе нѣсколько педантичнаго, кропотливаго и медлительнаго работника. Онъ не былъ практическимъ дѣятелемъ, и поэтому, несмотря на абсолютное уваженіе, которымъ онъ пользовался въ Кіевѣ среди всѣхъ знавшихъ его, и на большой научный и спеціально еврейскій научный авторитетъ, онъ никакого вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ въ Кіевѣ не имѣлъ, даже въ тѣ періоды, когда еврейская общественная жизнь въ Кіевѣ оживлялась подъ воздѣйствіемъ разныхъ событій, въ особенности послѣ погрома 1881 года. Кабинетный ученый, онъ углублялся въ свои научныя занятія, не взирая на суету уличной жизни и шумъ, поднимавшійся вокругъ еврейскихъ вопросовъ. Онъ былъ мало вхожъ къ кіевскимъ богачамъ и верховодителямъ еврейскихъ судебъ въ Кіевѣ — Бродскимъ; онъ въ нихъ не за-

искивалъ и къ нему они не обращались; не обращались они даже къ нему, какъ къ адвокату, несмотря на то, что въ области юриспруденціи Барацъ занималъ видное мѣсто.

Въ дальнѣйшемъ мои встрѣчи съ Барацемъ рѣдко вызывались дѣловыми надобностями и даже надобностями общественнаго характера, такъ какъ онъ фактически стоялъ въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, но свиданія эти всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе, въ особенности послѣ дѣловой сутолоки, въ которой приходилось бывать при моихъ пріѣздахъ въ Кіевъ, очень участившихся, начиная со второй половины 90-хъ годовъ. Я проводилъ съ нимъ время въ бесѣдахъ о Талмудѣ, о еврейской культурѣ, объ отдѣльныхъ эпизодахъ еврейской исторіи, имѣвшихъ вліяніе на судьбу еврейскаго народа, и т. д. И въ этой тихой, медлительной бесѣдѣ съ Барацемъ душа отдыхала. Онъ мнѣ всегда представлялся однимъ изъ послѣднихъ могиканъ еврейской старой культуры. Онъ былъ нѣсколько старше Маргулиса и относился къ нему съ большой любовью и уваженіемъ. Вообще Барацъ представлялъ собою свидѣтеля еврейской старины даже для времени моихъ съ нимъ встрѣчъ.

Самымъ типичнымъ лицомъ въ составѣ Раввинской Комиссіи 1894 года былъ рабби Гилель Мстиславскій. Онъ имѣлъ импозантную наружность еврейскаго патріарха. Внѣшній видъ его годился бы для гримировки Натана Мудраго. Невысокаго роста, съ красивымъ старческимъ лицомъ, обрамленнымъ большой, окладистой, бѣлой, какъ лунь, бородой, съ тихой походкой и медлительными движеніями мудреца, онъ производилъ впечатлѣніе святого мужа. По-русски говорить онъ, конечно, не умѣлъ, — приходилось ему все переводить. Но изъ духовныхъ раввиновъ, съ которыми я потомъ встрѣчался, я ни съ кѣмъ не могу сравнить его по совершенной непоколебимости его религіозныхъ взглядовъ. Это была гранитная скала, которую сдвинуть съ мѣста было невозможно, — объ нее разбивалось все, что съ ней сталкивалось; никакія убѣжденія не могли бы сдвинуть его съ тѣхъ позицій, которыя онъ всю жизнь занималъ. Ни въ какіе компромиссы для отдѣльныхъ случаевъ онъ не входилъ, и поэтому онъ при разрѣшеніи вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію Раввинской Комиссіи, былъ часто въ меньшинствѣ, такъ

какъ эти дѣла были обыкновенно таковы, что они требовали, сообразно съ духомъ времени, примѣненія нѣкоторыхъ какъ бы компромиссныхъ соображеній, хотя, конечно, никогда не было и мысли о томъ, чтобы со стороны Раввинской Комиссіи было уклоненіе отъ строгихъ религіозныхъ предписаній Шулханъ-Аруха и Ебнъ Гоэзеръ. До встрѣчи со мной, въ Петербургѣ, онъ никогда не бесѣдовалъ съ еврейскими интеллигентами и искренно представлялъ себѣ, что еврей, не соблюдающій обрядовъ и доходящій въ своемъ вольнодумствѣ до того, чтобы брить бороду, не есть еврей. Мысль о такомъ евреѣ его какъ бы пугала. Послѣ того, какъ пришлось съ нимъ сблизиться на почвѣ работы, когда по окончаніи занятій Комиссіи у бар. Гинцбурга было устроено какъ бы прощальное собраніе, онъ, прощаясь со мной и благословляя меня, заявилъ, что онъ благодаритъ Бога, который сподобилъ его дожить до того, чтобы видѣть еврея, который не придерживается ритуальныхъ правилъ, даже, какъ онъ подозрѣвалъ, не молится ежедневно трижды, а, быть можетъ, и отступаетъ отъ правилъ кошера для пищи и — horribile dictu — даже бреетъ бороду (я тогда брилъ бороду), — но у котораго бьется горячее еврейское сердце, который такъ душевно преданъ интересамъ еврейскаго народа и даже радѣетъ о еврейскихъ религіозныхъ интересахъ. Я былъ тронутъ, когда этотъ святой мужъ изъявилъ мнѣ увѣренность, что Богъ проститъ мнѣ всѣ мои прегрѣшенія, прежнія, настоящія и даже будущія, за мою готовность помогать угнетеннымъ собратьямъ.

Къ участію въ работахъ Раввинской Комиссіи приходилось привлекать и Михаила Игнатьевича Кулишера, друга Бараца, съ которымъ онъ сблизился, еще когда Кулишеръ былъ въ Кіевѣ. Раввинская Комиссія передъ окончаніемъ занятій рѣшила, по иниціативѣ бар. Гинцбурга, представить предсѣдателю комитета министровъ, которымъ былъ тогда Н. Х. Бунге, докладную записку о положеніи евреевъ и о необходимости приступить къ облегченію этого положенія. Записка эта, составленная мною, подверглась тщательному обсужденію въ Раввинской Комиссіи при участіи М. И. Кулишера. Каждое слово въ ней было строго взвѣшено. Окончательная редакція ея было дѣломъ труднымъ, какъ это всегда бываетъ, когда нужно составлять записки отъ имени совокупности лицъ. Опытъ

мнѣ показалъ, что самымъ труднымъ дѣломъ является всегда составленіе бумагъ при участіи представителей духовныхъ раввиновъ. Къ такого рода документамъ они относятся, по усвоенной ими при изученіи Талмуда привычкѣ, съ точки зрѣнія тѣхъ возможныхъ толкованій, которыя читатель можетъ придать тому или другому слову, той или другой фразѣ, тому или другому обороту мысли, при чемъ этотъ читатель ими воображается такимъ же «пилпулистомъ» - толкователемъ, какимъ они сами являются по отношенію къ тексту Талмуда. И составленіе такихъ бумагъ, что случалось не рѣдко въ теченіе моей дѣятельности, мнѣ причиняло всегда массу хлопотъ и отнимало много времени, несмотря на то, что при составленіи записокъ, которыя должны были подаваться отъ имени духовныхъ раввиновъ, я всегда считался съ ихъ умонастроеніемъ.

Записка, поданная Бунге, бывшему министру финансовъ, характерна, и теперь, просматривая ее, я вижу, что она такъ вѣрно передаетъ и еврейскія настроенія и объективное положеніе евреевъ, что я не могу не привести ее здѣсь цѣликомъ.

«Мы нижеподписавшіеся, пріемлемъ смѣлость обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ мольбою о правдѣ и справедливости. Мы надѣемся на милостивое и благосклонное вниманіе, подобающее какъ началу справедливости, во имя которой мы приносимъ просьбу, такъ и важности и значенію того дѣла, въ защиту котораго мы осмѣливаемся молвить слово предъ Вами, — дѣла о возможности существованія нѣсколькихъ милліоновъ вѣрноподданныхъ Нашего Государя Императора. Ваша просвѣщенная дѣятельность на поприщѣ безпристрастной и всегда справедливой науки, многолѣтній опытъ на поприщѣ высшей государственной дѣятельности, даютъ Вашему Высокопревосходительству возможность взять подъ свое покровительство всякое дѣло справедливости и предоставили Вамъ рѣдкій и высокій удѣлъ — быть въ состояніи словомъ и дѣломъ воспособлять господству правды; съ другой стороны, — онѣ же и объясняютъ, почему мы осмѣлились обратиться къ Вамъ, — наше дѣло и достойно и нуждается въ такомъ покровительствѣ, которое Вы ему оказать можете.

«Мы просимъ за еврейское населеніе Россіи, поставленное нынѣ въ безвыходное положеніе, обрекающее его на крайнія матеріальныя и нравственныя бѣдствія. Не намъ указывать Вашему Высокопревосходительству на то, что жизненный интересъ нѣсколькихъ милліоновъ подданныхъ — не есть одинъ только частный интересъ части населенія, а есть вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ общегосударственный, что при разрѣшеніи еврейскаго вопроса приходится не уничтожать интересы части населенія для торжества высшихъ государственныхъ потребностей, не разрушать одно во имя созиданія другого, болѣе важнаго, а согласовать, приводить въ соотвѣтствіе потребности, хотя и различныя, но одинаково государственныя. Здѣсь поэтому несправедливость разрушенія, уничтожающей силы — не можетъ быть уравновѣшена справедливостью самой цѣли. Наоборотъ, несправедливость средствъ согласованія сталкивающихся будто интересовъ не можетъ не привести къ цѣли, противоположной справедливости, влечетъ не согласованіе ихъ, а еще большее ихъ отдаленіе. Поэтому при разрѣшеніи еврейскаго вопроса является возможность и необходимость входить въ оцѣнку потребностей, дѣлать сопоставленіе ихъ и прежде всего спросить, существуетъ - ли вообще то несоотвѣтствіе, то несправедливое положеніе ихъ, которыя вызываютъ надобность примѣненія тѣхъ средствъ, которыя употребляются для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе другъ съ другомъ, — и пригодны-ли эти средства.

«Рѣчь идетъ объ интересахъ экономическихъ. Ни на религіозной, ни на политической почвѣ немыслимо столкновеніе интересовъ коренного христіанскаго населенія съ интересами коренного же еврейскаго населенія. Экономическія же потребности поддаются оцѣнкѣ, доступны сравненію, могутъ имѣть количественное выраженіе и могутъ, наконецъ, подлежать обсужденію со стороны каждаго, знакомаго съ экономическимъ положеніемъ мѣстности, занимаемой тою или другою частью населенія. На почвѣ экономической возможно и необходимо дѣйствовать съ разсчетомъ, и рѣшающее значеніе имѣютъ не административныя соображенія, основанныя на личномъ мнѣніи, а знаніе дѣла, умѣніе его знать и матеріалъ, доступный знанію. Кто же лучше Вашего Высокопревосходительства можетъ быть судьею правильности оцѣнки экономическихъ интересовъ, кто авторитетнѣе Васъ, одинаково вооружен-

наго какъ научными способами познанія экономическихъ явленій и оцѣнки ихъ, такъ и долголѣтнимъ государственнымъ опытомъ, необходимымъ для правильнаго разрѣшенія вопросовъ государственной важности. Да будетъ намъ поэтому дозволено обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на положеніе, въ которомъ оказываются нынѣ нѣсколько милліоновъ евреевъ.

«Если бы мы могли призвать на Вашъ безпристрастный судъ обвинителей евреевъ во вредномъ ихъ вліяніи на экономическое положеніе населенія, мы могли бы защищаться однимъ вопросомъ о доказательствахъ, на который имъ необходимо было бы дать отвѣтъ болѣе подробный, чѣмъ ссылка на мнѣнія и соображенія представителей мѣстной администраціи; на судѣ передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ такая ссылка по многимъ причинамъ не имѣла бы доказательственной силы. Для надлежащаго отвѣта потребовалось бы представить точныя данныя. Не преминули бы назвать существующій будто к а г а л ъ, направляющій дѣятельность евреевъ къ экономическому порабощенію христіанскаго населенія. Но если имѣется увѣренность въ существованіи всесильнаго кагала, то пусть принимаются мѣры къ его уничтоженію, а не систематически уничтожаютъ возможность существованія огромной массы людей, часть которой заражена будто кагальной организаціей, — не раціональнѣе-ли лѣчить болѣзнь, чѣмъ убивать больной организмъ. И гдѣ тотъ кагалъ, наличность котораго вызываетъ потребность столь радикальной мѣры. Неужели сообразно съ государственною мудростью бороться съ явленіемъ, неизвѣстно гдѣ, у кого существующимъ, и, по неизвѣстности, въ какомъ мѣстѣ свила себѣ гнѣздо болѣзнь, изрѣзать весь организмъ. И приличествуетъ-ли административной прозорливости, усмотрѣвшей невидимый кагалъ, признать себя неспособной усмотрѣть видимые признаки его, предметное осуществленіе его, — разъ она утверждаетъ, что кагалъ есть реальное явленіе, требующее мѣръ борьбы противъ него. Пусть заглянутъ въ любой городъ черты осѣдлости евреевъ и убѣдятся, что поѣдающая сила конкурренціи евреевъ направлена противъ евреевъ же, что за фактическою невозможностью существовать мирно другъ возлѣ друга — евреи борются между собою изъ-за куска хлѣба съ ожесточеніемъ, несвойственнымъ организованной силѣ, спло-

тившейся для борьбы съ другими элементами населенія; что заработки массы евреевъ доведены до изумительнаго минимума, едва дающаго имъ возможность пропитаться; что еврей даже въ деревнѣ, т. е. тамъ, гдѣ онъ представляется, по мнѣнію администраціи, наиболѣе вреднымъ, — не есть органъ всепожирающаго кагала, а закрѣпощенный правилами 3-го мая 1882 года къ своему мѣсту жительства предметъ вымогательства всякаго, желающаго пользоваться его положеніемъ, такъ какъ все его существованіе зависитъ отъ произвола низшихъ органовъ полиціи, могущей во всякое время безъ суда и слѣдствія подвергнуть его выселенію, т. е. выбросить его вмѣстѣ съ семьею навстрѣчу нищетѣ, поджидающей его въ городѣ.

«Послѣ кагала, — несомнѣнно, привели бы ссылку на практикуемый евреями обходъ закона. Не нарушеніе закона, а именно обходъ, т. е. употребленіе тѣхъ путей, кои закономъ оставлены открытыми, для достиженія цѣли, несогласной будто съ видами правительства. Не есть ли такое обвиненіе—обвиненіе человѣка, которому одинъ дыхательный путь закрытъ, въ томъ, что онъ не задыхается по предписанію начальства, а пользуется другимъ незакрытымъ дыхательнымъ путемъ для того, чтобы вдохнуть въ себя необходимое количество воздуха. Что дѣлалъ бы нееврей, поставленный въ такое положеніе, въ которомъ онъ прямымъ путемъ, намѣченнымъ видами правительства, не можетъ снискивать себѣ средства пропитанія, и вынужденъ поэтому, напримѣръ, арендовать, подвергаясь риску терять свой трудъ и сбереженія, землю на чужое имя за существующимъ запрещеніемъ арендовать ее отъ своего имени. Гдѣ основаніе въ признаніи вредности еврейской торговли только потому, что въ силу существующихъ ограниченій, еврей внѣ черты осѣдлости можетъ торговать только отъ имени купца 1-й гильдіи и поэтому вынужденъ вести торговлю подъименную. И возможно-ли во имя какой либо справедливости требовать отъ еврея, чтобы онъ воздержался отъ занятія, не воспрещеннаго самого по себѣ закономъ, подвергъ себя голодной смерти, ради торжества видовъ правительства, которые къ тому же и не могутъ вовсе имѣть предметомъ своимъ голодную смерть еврея. Такое требованіе мыслимо было-бы еще при наличности для евреевъ другихъ способовъ и средствъ къ зара-

ботку, — но если бы они существовали, кто сталъ бы прибѣгать къ «обходу» закона, всегда рискованному въ имущественномъ смыслѣ.

«Наконецъ, сдѣлана была-бы ссылка на извѣстную будто всѣмъ и каждому эксплоатацію евреевъ, влекущую будто къ печальному положенію мѣстнаго населенія, особенно же крестьянскаго. Но чѣмъ возможно было бы подтвердить это положеніе, и чѣмъ возможно было бы доказать, что положеніе крестьянскаго населенія въ чертѣ еврейской осѣдлости ниже положенія крестьянъ внутреннихъ губерній. Никогда такое сравненіе не предпринималось, не смотря на то, что только этимъ путемъ возможно-бы придти къ правильному заключенію о вліяніи евреевъ на экономическое положеніе коренного населенія. Въ дѣйствительности же легкое прикосновеніе къ цифрамъ и фактамъ прямо опровергаетъ мнѣніе о худшемъ положеніи крестьянскаго населенія черты осѣдлости. Недоимокъ за крестьянами меньше въ губерніяхъ, входящихъ въ черту осѣдлости евреевъ, чѣмъ во внутреннихъ, даже сосѣднихъ съ первыми; переселенческое движеніе тамъ меньше, — если не считать эмиграцію умирающихъ съ голоду евреевъ; приростъ населенія выше, продовольственная часть лучше, грамотность больше, пьянство — при большемъ потребленіи — менѣе раззорительно и не влечетъ такихъ бѣдствій, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, цѣны на предметы необходимости ниже; дѣятельность Крестьянскаго Поземельнаго Банка болѣе развита и крестьянами пріобрѣтается больше земли, наконецъ, — послѣдній годъ доказалъ и лучшее санитарное положеніе губерній внутри черты осѣдлости. Откуда-же берется убѣжденіе во вредномъ экономическомъ воздѣйствіи евреевъ на благосостояніе крестьянскаго населенія?

«Гдѣ-же послѣ этого указанія на необходимость приведенія въ соотвѣтствіе пришедшихъ будто въ столкновеніе интересовъ еврейскаго населенія съ интересами коренного христіанскаго? То, что принимается, какъ фактъ положительный, окажется при провѣркѣ вовсе не существующимъ и, во всякомъ случаѣ, недоказаннымъ.

«И какія средства употребляются для согласованія указанныхъ интересовъ? Ваше Высокопревосходительство! Если-бы положеніе евреевъ, какимъ оно создано за послѣд-

ній десятокъ лѣтъ, возможно было изложить въ видѣ положительныхъ ясныхъ нормъ, собранныхъ въ одинъ кодексъ правъ евреевъ, — то получился бы такой кодексъ безправія, отъ котораго не могло бы не дрогнуть сердце даже самаго ожесточеннаго врага еврейства, если только забытое слово «человѣколюбіе» не потеряло еще для него какой-либо смыслъ. Жестокость послѣдствій разбросанныхъ по времени и по мѣсту разныхъ ограничительныхъ законовъ и распоряженій административной власти ускользаетъ отъ вниманія посторонняго наблюдателя, который, замѣчая ограничиваемое сегодня одно право, обыкновенно не принимаетъ во вниманіе то, что это право, быть можетъ, одно изъ послѣднихъ оставшихся еще неограниченными правъ. Но всѣ эти удары наносятся по одному тѣлу, оно чувствуетъ ихъ всѣ, какъ только наболѣвшимъ и изувѣченнымъ органамъ его наносится новый ударъ.

«Право жительства дано нынѣ евреямъ не въ 15-ти губерніяхъ, а только въ опредѣленномъ числѣ точекъ этого большого пространства, — только въ городскихъ поселеніяхъ, переполненныхъ и переполняющихся не только вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, но и вслѣдствіе принудительнаго поселенія въ нихъ тѣхъ евреевъ, которые раньше жили въ деревняхъ и за прекращеніемъ договоровъ на недвижимое имущество внѣ городовъ и мѣстечекъ выселяются изъ сельскихъ мѣстностей. Выселеніе изъ деревень производится не только на основаніи закона, но и по административному произволу, въ нарушеніе закона. Только произволомъ можно назвать разореніе 5-ти тысячъ семействъ, выселенныхъ изъ одной Волынской губерніи за послѣдніе годы и лишенныхъ имущественныхъ правъ своихъ не по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, а по распоряженію бывшаго волынскаго губернатора. Количество опредѣленныхъ точекъ дозволеннаго жительства для евреевъ тѣмъ же административнымъ произволомъ все уменьшается. Во многихъ губерніяхъ уже раздается нынѣ стонъ многихъ евреевъ, выселенныхъ изъ мѣстечекъ, вслѣдствіе того, что губернскія власти усмотрѣли ошибочность наименованія ихъ такимъ образомъ и превращаютъ ихъ, въ отношеніи примѣненія временныхъ правилъ 3 мая 1882 года, въ села, — возлагая отвѣтственность за неправильную оффиціальную терминологію на евреевъ, которые, довѣряя ей, поселились тамъ послѣ 1882 года.

Тысячами притекаютъ къ тѣмъ же точкамъ евреи, выселяемые изъ Москвы, Московской и другихъ губерній внутреннихъ и даже Сибири — незаконно, но съ вѣдома мѣстной полиціи проживавшіе тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и тѣ, которые законно, на основаніи принадлежавшихъ имъ правъ, тамъ поселились. Наступилъ моментъ, когда городамъ физически невозможно болѣе вмѣстить переселяемыхъ евреевъ, — некуда дѣться. Обѣднѣвшіе вслѣдствіе выселенія евреи только подрываютъ возможность малѣйшаго заработка, ограниченнаго, вслѣдствіе воспрещенія арендовать земли и оброчныя статьи внѣ городовъ, однимъ занятіемъ — торговлею. Наступилъ моментъ, когда и ѣсть нечего. Тысячи голодныхъ семействъ, валяющихся въ жалкомъ состояніи на площадяхъ, вокзалахъ и пристаняхъ Европы, — въ ожиданіи благотворительности заграничныхъ собратьевъ и милосердыхъ христіанъ — лучшее выраженіе того отчаяннаго положенія, когда въ родномъ краю ѣсть нечего. Нѣтъ ни одной стороны человѣческаго существованія, которая не оказалась бы ограниченною для евреевъ или закономъ, или административнымъ усмотрѣніемъ. Обучать дѣтей — негдѣ и воспрещается; общее образованіе ограничено процентнымъ учетомъ; сподобившіеся его — остаются безъ хлѣба. Доступъ на государственную службу — хотя бы въ низшихъ должностяхъ — совершенно закрытъ. Евреи лишены права участія въ городскихъ выборахъ, хотя они во многихъ городахъ представляютъ значительную часть населенія и большинство плательщиковъ городскихъ налоговъ и сборовъ. Евреи представляютъ собою контингентъ лицъ, въ отношеніи которыхъ перестаетъ дѣйствовать основной принципъ законодательства — что законъ обратной силы не имѣетъ, и долголѣтнею царскою службою пріобрѣтенное право жительства отбирается и пользовавшіеся имъ подвергаются разоренію и высылкѣ. Евреи не всегда могутъ пользоваться человѣческимъ правомъ быть на старости лѣтъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми — достигшій совершеннолѣтія, не пріобрѣтшій права жительства внѣ черты осѣдлости, изгоняется изъ родительскаго дома и направляется въ черту осѣдлости.

«Наконецъ, самая большая и горькая обида, нанесенная евреямъ — разрѣшеніе, которое, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, у насъ нерѣдко понимает-

ся въ смыслѣ приказанія, — организовать массовое переселеніе евреевъ изъ Россіи, вслѣдствіе чего евреи признаны какъ бы внѣ покровительства общихъ законовъ, лишены кредита, — на нихъ смотрятъ какъ на людей, отъ которыхъ Правительство всѣми мѣрами желало бы избавиться. Евреи лишились права называть страну, въ которой они родились, въ которой покоится прахъ ихъ предковъ, — своимъ отечествомъ.

«Сдѣланъ и послѣдній шагъ — евреи стѣсняются и въ религіозной своей жизни. Синагоги и молитвенные дома во внутреннихъ губерніяхъ закрываются, мѣстною администраціею не дозволяется евреямъ собираться для молитвы даже въ дни ихъ праздниковъ.

«Кромѣ этихъ видимыхъ, прямыхъ ограниченій, существуютъ тысячи невидимыхъ, — однако, не менѣе гибельныхъ. Общественное мнѣніе, питаемое господствующимъ правительственнымъ направленіемъ, молодежь — будущая сила Россіи, воспитывается на убѣжденіи въ безправности евреевъ, въ неуваженіи къ ихъ самымъ элементарнымъ человѣческимъ правамъ...

«И з а ч т о все это гоненіе, за что всѣ эти бѣдствія для населенія, доставившаго около полумилліона сыновъ на защиту отечества и службу Царю, платящихъ налоги и повинности?

«И д л я ч е г о все это? Нужно ли намъ указывать на то, что отъ колебанія гражданскихъ правъ части населенія теряется уваженіе къ закону вообще, что обнищаніе милліоновъ жителей влечетъ дурныя послѣдствія и для остального населенія, что промышленность и торговля не выигрываютъ отъ жертвъ, приносимыхъ ограничительными законами для евреевъ.

«Ваше Высокопревосходительство! Ваша ученая и государственная дѣятельность оставила не мало свѣтлыхъ слѣдовъ. Пусть свѣтомъ Вашей любви къ правдѣ и справедливости, Вашимъ человѣколюбіемъ озарится и эта сторона государственнаго дѣла, та темная и мрачная область, которая зовется еврейскимъ вопросомъ. Вашему Высокопревосходительству выпалъ удѣлъ быть совѣтникомъ нашего Милостиваго и Правдолюбиваго Монарха, — пусть черезъ Васъ представлено будетъ на Его милостивое возрѣніе судьба милліоновъ братьевъ нашихъ, крайняя необходимость безпристрастнаго изслѣдованія нашего по-

ложенія — нашей вины и мѣры взысканія за нее, и пусть тогда свершится Его Воля».

Слѣдующая Раввинская Комиссія была созвана въ 1910 году. Одновременно съ нею министромъ внутреннихъ дѣлъ созванъ былъ и съѣздъ раввиновъ для разрѣшенія общихъ вопросовъ. Въ свое время мнѣ придется посвятить не мало воспоминаній работамъ въ этой раввинской комиссіи и въ особенности на съѣздѣ.

ГЛАВА XXIV.

Переименованіе мѣстечекъ въ села. — Отсутствіе въ законѣ правилъ объ учрежденіи новыхъ городскихъ поселеній. — Новыя поселенія съ значительнымъ населеніемъ и городскимъ характеромъ. — Юзовка. — Феодальная власть владѣльца Юзовки, Новороссійскаго Общества. — Переименованіе Юзовки въ сельское поселеніе. — Обжалованіе постановленія Губернскаго Правленія въ Сенатъ. — Убытки при холерныхъ безпорядкахъ въ Юзовкѣ. — Пріобрѣтеніе земли для устройства кладбищъ. — Затрудненія при устройствѣ молитвенныхъ домовъ.

Для характеристики эпохи, заканчивающейся смертью Александра III въ 1894 году, я еще долженъ упомянуть о томъ бѣдствіи, которое разразилось надъ еврействомъ, въ видѣ переименованія мѣстечекъ въ села съ примѣненіемъ къ жительству въ нихъ правилъ 3-го мая 1882 года.

Терминъ «мѣстечко» былъ неизвѣстенъ въ русскомъ законодательномъ обиходѣ до присоединенія къ Россіи западныхъ губерній, бѣлорусскихъ и южныхъ. «Мѣстечко» есть продуктъ чисто польскаго уклада жизни. Населенные пункты начинали именоваться «мѣстечками» по волѣ землевладѣльцевъ. Въ этихъ населенныхъ пунктахъ устраивались базары; владѣльцы взимали пошлины за привозимые, взвѣшиваемые и продаваемые на базарахъ товары; затѣмъ, въ мѣстечкахъ осуществлялось такъ называемое пропинаціонное право. Каждый владѣлецъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть «мѣстечко» и поэтому число ихъ было довольно велико, хотя отдѣльные пункты населены были слабо и, по укладу жизни въ нихъ, не отличались отъ селъ и деревень. Въ мѣстечкахъ, кромѣ сельскаго населенія, селились мѣщане и въ большинствѣ изъ нихъ устраивались мѣщанскія управленія, а

такъ какъ, пріобрѣтая постепенно характеръ городской, они включали городское населеніе Польши, т. е. главнымъ образомъ евреевъ, то въ этихъ мѣстечкахъ имѣлись въ большинствѣ случаевъ особыя мѣщанскія еврейскія управленія. Таковы были мѣстечки бывшихъ литовскихъ областей и Юго-Западнаго края. Особыхъ учредительныхъ актовъ эти мѣстечки обычно не имѣли и именовались «мѣстечками» по традиціи. Съ теченіемъ времени мѣстечками стали называться и такіе населенные пункты, которые не имѣли мѣщанскихъ управленій, но которые соотвѣтствовали по внѣшнему торговому обиходу типу прежнихъ мѣстечекъ. «Мѣстечко» соотвѣтствовало тому понятію, которое въ великороссійскихъ губерніяхъ обнималось словомъ «посадъ», гдѣ жили «мѣщанскіе люди» и производился торгъ. Новыя мѣстечки, не имѣвшія учредительныхъ актовъ, причислялись къ этой категоріи населенныхъ мѣстъ по неизвѣстнымъ причинамъ и по традиціи.

Въ 1891 году кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ возбудилъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся примѣненія правилъ 3-го мая 1882 года. Его очень безпокоило то, что Сенатъ по одному дѣлу высказался за то, что выгонныя земли, если онѣ непосредственно прилегаютъ къ городу, включаются въ городскую черту, что поэтому евреи имѣютъ право тамъ селиться, и что вообще къ этимъ городскимъ землямъ правила 3-го мая не примѣняются. Гр. Игнатьевъ усмотрѣлъ въ этомъ большую опасность для устойчивости практики правилъ 3-го мая и настаивалъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на томъ, чтобы тамъ, гдѣ невозможно составленіе городского плана или гдѣ таковые раньше не существовали, было прямо указано, что на выгонныхъ земляхъ, внѣ площади городского и мѣстечковаго поселенія, евреи жить не имѣютъ права. Министръ внутреннихъ дѣлъ этимъ усиленнымъ заботамъ гр. Игнатьева не внялъ, и дѣло не получило движенія, но зато началась провѣрка правильности именованія разныхъ поселеній мѣстечками, въ тѣхъ случаяхъ, когда не существовало опредѣленныхъ актовъ, имѣющихъ обязательную силу: Высочайшихъ повелѣній или другихъ какихъ-нибудь учредительныхъ памятниковъ. Иначе говоря, началось переименованіе мѣстечекъ въ сельскія мѣстности, а такъ какъ такого рода постановленія губернскихъ правленій имѣли тотъ смыслъ, что данная мѣ-

стность никогда вовсе не была городскимъ поселеніемъ, то поэтому въ такихъ мѣстностяхъ началась провѣрка времени поселенія въ нихъ евреевъ, и по отношенію къ тѣмъ евреямъ, о которыхъ полиція не удостовѣряла, что ей точно извѣстно, что они жили до мая 1882 года, дѣлались постановленія о немедленномъ ихъ выселеніи. Первая полоса такихъ переименованій прошла черезъ Полтавскую губернію; за нею потянулись другія губерніи, и начался рядъ изгнаній изъ мѣстечковыхъ мѣстъ.

Для поясненія я долженъ указать на то, что въ нашемъ законодательствѣ не заключалось никакихъ точныхъ правилъ о томъ, какъ учреждаются новыя городскія поселенія. Въ городовомъ положеніи 1870 года никакихъ указаній на это не имѣлось; не включены были такія указанія и въ новое городовое положеніе 1892 г. Только въ одномъ мѣстѣ, во всемъ нашемъ обширномъ Сводѣ Законовъ, упоминается въ видѣ примѣчанія, что учрежденіе городовъ можетъ имѣть мѣсто по приговорамъ сельскихъ обществъ и съ утвержденія центральной власти въ лицѣ комитета министровъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Результатомъ отсутствія въ законѣ указаній по такому важному предмету, имѣвшему большое значеніе, въ особенности послѣ развитія желѣзнодорожныхъ путей, — было то, что вызванные экономическими явленіями къ жизни бойкіе торговые и весьма густо населенные пункты, въ особенности при узловыхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, оказались безъ всякой регламентаціи. Никакіе законы къ нимъ не подходили. Къ разряду сельскихъ мѣстностей ихъ нельзя было отнести по составу населенія, такъ какъ эти поселенія обыкновенно располагались на владѣльческихъ земляхъ, а не на крестьянскихъ, какъ, напримѣръ, Лозовая, Юзовка и т. д., и крестьяне тамъ не селились. Тамъ осѣдали торговцы, возникали промышленныя заведенія, и все это управлялось неизвѣстно кѣмъ, кромѣ ближайшаго урядника и вообще сельскихъ властей, которыя не имѣли никакихъ директивъ и никакихъ указаній въ законѣ, какъ имъ управлять чисто городскимъ населеніемъ, вновь появившимся на территоріи, принадлежащей ихъ компетенціи.

Особенно запутаны были въ такихъ поселеніяхъ земельныя отношенія. Выстраивались каменныя зданія, иногда довольно цѣнныя, на земляхъ, арендованныхъ на ко-

роткій срокъ у владѣльца имѣнія, въ чертѣ котораго выростало такое поселеніе. По окончаніи аренднаго контракта домовладѣлецъ оказывался полностью во власти землевладѣльца, который при нежеланіи возобновлять договоръ могъ подвергнуть разоренію своего контрагента, если послѣдній не согласенъ былъ подчиняться самымъ несправедливымъ и утѣснительнымъ требованіямъ владѣльца указанной земли. Такія поселенія выростали прямо какъ грибы въ мѣстностяхъ, гдѣ начинали развиваться чисто американскимъ темпомъ новыя отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, горная промышленность въ Донецкомъ бассейнѣ, въ Екатеринославской губерніи, въ Криворожскомъ районѣ.

Лучшимъ примѣромъ можетъ служить городъ, тогда уже, къ началу 90-хъ годовъ, имѣвшій болѣе 10 тысячъ населенія, — Юзовка. Это поселеніе выросло вокругъ завода Новороссійскаго акціонернаго общества, владѣльцами котораго были акціонеры-англичане. Всѣ почти акціи принадлежали извѣстному горнопромышленнику Юзу, нажившему въ Россіи колоссальное состояніе. За смертью его акціи перешли къ его наслѣдникамъ. Правленіе этого общества находилось въ Лондонѣ. Говорили — и я имѣлъ основаніе вѣрить этому, — что часть акцій принадлежала одному изъ русскихъ Великихъ Князей, и поэтому Новороссійское общество съ колоссальнымъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ въ образовавшемся поселкѣ, носившемъ названіе, въ честь основателя общества, Юза, — Юзовки (Екатеринославской губ. Бахмутскаго уѣзда), пользовалось особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. Поселокъ къ тому времени, къ которому относится мой разсказъ, былъ уже расположенъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ десятинъ земли; на заводѣ Юзовки работало около 8 тысячъ рабочихъ; по сосѣдству открылись угольныя копи съ очень богатыми залежами, на которыхъ работали также тысячи рабочихъ. Мѣстность быстро оживилась и получила характеръ селенія, невиданнаго до того въ Россіи. Въ Юзовкѣ учреждались отдѣленія самыхъ крупныхъ банковъ, вслѣдствіе крупныхъ фискальныхъ оборотовъ въ Юзовкѣ было даже основано отдѣленіе Государственнаго банка и казначейства, не говоря уже о почтовой станціи и телеграфѣ. Въ Юзовкѣ помѣщалась камера мирового судьи, а впослѣдствіи земскаго началь-

ника; былъ и податной инспекторъ, — вообще всѣ аттрибуты города съ его чиновничествомъ были на-лицо. Однако, не существовало никакого акта, которымъ бы устанавливалась наличность такого городского поселенія, и Юзовка, дѣлающая обороты, исчислявшіеся сотнями миллiоновъ, — одинъ изъ самыхъ видныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ на югѣ Россіи, — оффиціально не существовала, а существовало лишь имѣніе Новороссійскаго акціонернаго общества, бывшее свѣтлѣйшаго князя Ливена, у котораго Новороссійское общество пріобрѣло это имѣніе, составлявшее, если не ошибаюсь, 7 тысячъ десятинъ, среди которыхъ были и рудныя мѣстности и угольныя копи.

Англичане Юзы создали изъ Юзовки типъ феодальнаго владѣнія. Хозяиномъ и распорядителемъ судебъ всего населенія было правленіе акціонернаго общества въ лицѣ его предсѣдателя Ив. Ив. Юза. Участки земли съ высокой посаженной платой отдавались въ аренду на 12 лѣтъ съ условіемъ, что если по истеченіи 12 лѣтъ договоръ не будетъ возобновленъ (при чемъ обязательства такого возобновленія для владѣльцевъ не существовало), то участокъ долженъ быть очищенъ, и постройки, какой бы цѣнности онѣ ни были, переходятъ безвозмездно къ владѣльцу земли, т. е. къ акціонерному обществу. Открытіе лавки возможно было лишь съ письменнаго разрѣшенія администраціи поселка, при чемъ, чтобы избѣжать конкурренціи, желающій открыть лавку платилъ крупную сумму, взамѣнъ чего получалъ отъ управленія поселкомъ обязательство не разрѣшать болѣе никому открывать подобную торговлю по сосѣдству. Аренда помѣщеній на базарной площади оплачивалась неимовѣрно высоко. Безъ разрѣшенія поселковаго управленія не разрѣшалось открывать никакихъ заведеній. Установлено было, несмотря на отсутствіе соотвѣтствующаго закона, пропинаціонное право владѣльцевъ путемъ контрактовъ. Въ этихъ контрактахъ имѣлся пунктъ, что открывать питейную торговлю можно только съ разрѣшенія владѣльцевъ. Даже актеки были изъяты изъ общихъ правилъ, существующихъ для аптекъ, и въ порядкѣ частныхъ контрактовъ подчинены были регламентаціи со стороны представителей Юза. За аренду аптеки платились колоссальныя суммы съ тѣмъ, что открытіе новой аптеки уже не разрѣша-

лось; въ результатѣ многотысячное населеніе должно было довольствоваться сначала одной, а потомъ двумя аптеками, которыя должны были обслуживать десятки тысячъ людей — и мѣстечковое населеніе, и рабочихъ окружающихъ заводовъ и копей. По окончаніи контрактовъ цѣны повышались неимовѣрно. Мною сдѣланъ былъ подсчетъ, изъ котораго видно, что за десятину земли владѣльцы Юзовки получали арендную плату свыше 20.000 рублей въ годъ. Общій законъ о городскомъ благоустройствѣ, о чистотѣ улицъ, объ освѣщеніи и замощеніи, о санитарномъ положеніи — все это замѣнялось своего рода обязательными постановленіями управленія поселкомъ, безъ всякаго участія властей. Юзовка была самостоятельнымъ княжествомъ, гдѣ общероссійскіе законы примѣнялись лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было выйти съ какими-нибудь правовыми отношеніями за предѣлы поселка или мѣстечка; внутри же поселка господствовалъ одинъ законъ: воля Юза.

Въ 1892 году надъ Юзовкой разразилось бѣдствіе. Это было время холерныхъ эпидемій, послѣдовавшихъ за неурожайнымъ 1891 годомъ. Вслѣдствіе слабости надзора за заводами Юза, рабочее населеніе жило въ антисанитарныхъ условіяхъ и въ большой бѣдности, такъ какъ англичане не стѣснялись въ отношеніи русскихъ рабочихъ. Неудивительно, что здѣсь возникъ опасный очагъ холерныхъ заболѣваній, и мѣстныя врачебныя власти вынуждены были принять экстренныя санитарныя мѣры. Началось броженіе среди темнаго люда, которое вылилось въ, такъ называемые, холерные безпорядки; начались поджоги и разгромъ имущества. Тогда, наконецъ, власти обратили вниманіе на новую Калифорнію: на вновь открытую Юзовку, и, какъ это всегда бывало, прежде всего это отразилось на евреяхъ, — тѣмъ, что губернское правленіе стало доискиваться: а почему Юзовка называется мѣстечкомъ. Неоднократно, въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ населеніе Юзовки посылало привѣтственныя и поздравительныя телеграммы на Высочайшее имя и получало благодарности, которыя адресовались жителямъ мѣстечка Юзовки. Получивъ такіе отвѣты, мѣстное населеніе было увѣрено, что оно Высочайшей властью узаконено въ качествѣ жителей мѣстечка. Но губернское правленіе въ такомъ способѣ адресованія отвѣтовъ и благодар-

ственныхъ телеграммъ, конечно, не могло усмотрѣть никакого правооснованія и вышло изъ труднаго положенія, признавъ, что Юзовка вовсе не мѣстечко.

Въ Юзовкѣ жило не менѣе 6-7 тысячъ евреевъ, и можно себѣ представить, какъ такое мудрое постановленіе Екатеринославскаго губернскаго правленія отозвалось на еврейскомъ населеніи и на интересахъ самихъ владѣльцевъ этого мѣстечка. Полиція начала работать надъ разрѣшеніемъ трудной задачи: кто поселился до 1882 г.? Въ виду того, что до 1882 г. Юзовка была маленькимъ пунктомъ и дошла до состоянія большого города за послѣднія 10 лѣтъ, то на провѣрку выходило, что выселенію подлежатъ почти всѣ евреи. Юзовское бѣдствіе было угрожающимъ, и мнѣ пришлось выѣхать въ Екатеринославъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Вышеуказанныя подробности для меня стали ясны послѣ переговоровъ съ мѣстными людьми, и я началъ хлопоты въ двоякомъ направленіи: во-первыхъ, съ цѣлью добиться признанія со стороны центральныхъ властей или Сената, что Юзовка не относится къ сельскимъ мѣстностямъ, хотя и не имѣетъ надлежащаго учредительнаго акта для именованія мѣстечкомъ, а во-вторыхъ, съ цѣлью признанія Юзовки городомъ и учрежденія въ ней какого-нибудь общественнаго, городского управленія для того, чтобы освободить мѣстное населеніе отъ ленной феодальной зависимости Юзовъ. Мои бесѣды съ екатеринославскимъ губернаторомъ Мартыновымъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Съ большимъ трудомъ я добился нѣкоторой отсрочки выселенія евреевъ и только впослѣдствіи мнѣ удалось получить указъ Сената о пріостановленіи приведенія въ исполненіе постановленія екатеринославскаго губернскаго правленія о признаніи Юзовки сельской мѣстностью, и этимъ самымъ о пріостановленіи примѣненія къ Юзовкѣ вообще правилъ 3-го мая 1882 г.

Быть можетъ, если бы рѣчь шла только объ одномъ выселеніи евреевъ, то Юзы оказали бы содѣйствіе къ тому, чтобы признаніе Юзовки сельской мѣстностью не повлекло за собой изгнанія изъ ихъ владѣній евреевъ-арендаторовъ, весьма полезныхъ, весьма сговорчивыхъ и никогда не возстававшихъ противъ непомѣрнаго роста арендной платы и противъ обремененія населенія всякими другими налоговыми повинностями. Но правленіе акціо-

нернаго общества понимало, что если Юзовка не будетъ признана сельской мѣстностью, то надо будетъ причислить ее къ городскимъ поселеніямъ, и что можетъ быть дѣйствительно введено, какъ я объ этомъ возбуждалъ ходатайство, городское и общественное управленіе съ принудительнымъ отчужденіемъ земельной площади для города, что лишило бы акціонерное общество колоссальныхъ доходовъ. Въ борьбѣ съ правленіемъ Новороссійскаго общества передъ мѣстными властями я оказался безсильнымъ.

Тогда мною подана была обстоятельная обширная записка въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этой запискѣ я изобразилъ положеніе Юзовки и находилъ совершенно недопустимымъ, чтобы въ концѣ XIX столѣтія въ предѣлахъ Россійской Имперіи существовало совершенно независимое, феодальное княжество, какимъ въ сущности являлась Юзовка; тѣмъ болѣе находилъ я это недопустимымъ, что хозяиномъ города является иностранное акціонерное общество. Я привелъ данныя не только относительно еврейскаго, но и христіанскаго населенія, изъ коихъ было видно, что рука владѣльца имѣнія давила неимовѣрно, и что было рѣшительно несовмѣстимо съ достоинствомъ русскаго правительства существованіе такого положенія вещей, когда поселеніе съ десяткомъ тысячъ жителей находится внѣ круга дѣйствія общихъ законовъ, когда обязательныя постановленія издаются не законными властями, а властно диктуются путемъ вынужденныхъ контрактовъ, владѣльцемъ имѣнія, отъ котораго зависитъ судьба, имущество и источникъ существованія такого значительнаго числа жителей.

Губернаторъ получилъ запросъ по поводу моей записки, но дальше дѣло не двинулось. Связи Юза имѣли силу, и вредное для него направленіе дѣла было всякими способами предотвращено. Въ Сенатѣ дѣло о выселеніи евреевъ изъ мѣстечка Юзовки возбудило оживленные толки и вызвало разногласія. Съ большимъ трудомъ — и то только въ общемъ собраніи Сената, удалось, наконецъ, отстоять то положеніе, что Юзовка по характеру своему является городскимъ поселеніемъ, а потому правила 3-го мая къ нему не примѣнимы. Евреи въ Юзовкѣ были спасены.

Борьба противъ переименованія мѣстечекъ въ села въ разныхъ губерніяхъ была ожесточенной. Однимъ по-

становленіемъ губернскаго правленія рѣшалась судьба сотенъ семействъ. Сенатъ разъяснилъ, наконецъ, что признаками мѣстечка являются, во-первыхъ, взиманіе раскладочнаго налога, установленнаго въ 1872 году, и затѣмъ спеціальное мѣстечковое управленіе въ видѣ мѣщанскихъ управъ, при этомъ требовалось, чтобы оба признака совпадали, — одна наличность мѣщанской управы безъ примѣченія закона 1872 года для городскихъ налоговъ была недостаточна, и обратно. Получилось положеніе, при которомъ евреи городскіе жители должны были умолять министерство финансовъ обложить ихъ городскимъ сборомъ, — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда само населеніе проситъ о разрѣшеніи ему подойти подъ налоговое ярмо. Но это было дѣломъ нелегкимъ, такъ какъ городской сборъ по закону 1872 года исчислялся центральной властью въ общей суммѣ для всей Имперіи и распредѣлялся по всѣмъ губерніямъ, а внутри губерній раскладкой на разныя городскія поселенія завѣдывала казенная палата вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ, т. е. губернскія учрежденія. Въ губернскихъ же учрежденіяхъ было трудно добиться перераскладки, во-первыхъ, потому, что это сопрягалось съ работой, а во-вторыхъ потому, что это клонилось, въ концѣ концовъ, къ тому, чтобы изъять нѣкоторыя мѣстности изъ дѣйствій правилъ 3-го мая, къ чему губернскія власти въ большинствѣ случаевъ не проявляли охоты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не удавалось отстоять титула «мѣстечко» для даннаго поселенія, приходилось просить министерство внутреннихъ дѣлъ оставить на жительство тѣхъ, кто поселился до переименованія. И опять-таки въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ оказывалось возможнымъ добиться того, чего никакъ нельзя было достигнуть на мѣстахъ. Въ моемъ архивѣ сохранились документы, относящіеся къ большому числу такого рода населенныхъ пунктовъ, — переписка съ властями, мѣстными и центральными, образовалась колоссальная; такъ дѣло тянулось до 1903 года, когда изданъ былъ, уже министрѣ внутреннихъ дѣлъ Плеве, знаменитый законъ о 101 поселкѣ, изъятомъ изъ дѣйствія правилъ 3-го мая. Этотъ законъ и явился послѣдствіемъ многолѣтней борьбы противъ переименованія мѣстечекъ въ села; всѣ тѣ пункты, о которыхъ говорится въ этомъ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета минист-

ровъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ вопросамъ, по которымъ мнѣ приходилось вести переписку, хлопотать, приносить жалобы и т. д.

Не могу не упомянуть, по поводу Юзовки, о рядѣ дѣлъ совсѣмъ иного порядка, относящихся къ моей общей адвокатской дѣятельности. Если я о нихъ вспоминаю здѣсь, то только потому, что они имѣли принципіальное значеніе для будущаго. Во время холерныхъ безпорядковъ въ Юзовкѣ въ 1902 году множество недвижимыхъ имуществъ и лавокъ съ товарами пострадало отъ поджоговъ, учиненныхъ буйствовавшей толпой; всѣ эти имущества и товары были застрахованы въ русскихъ страховыхъ обществахъ. Въ уставахъ всѣхъ обществъ содержался пунктъ о томъ, что общества освобождаются отъ отвѣтственности за пожарные убытки, если пожаръ произошелъ въ народной смутѣ или въ гражданской войнѣ. Страховыя общества отказались платить страховое вознагражденіе, ссылаясь на этотъ пунктъ и подводя холерные безпорядки, бывшіе въ Юзовкѣ, подъ возмущеніе, гражданскую смуту и гражданскую войну. Тогда отъ имени цѣлаго ряда страхователей, я предъявилъ иски къ разнымъ страховымъ обществамъ въ петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, которымъ пришлось опредѣлить, какой характеръ носили Юзовскіе безпорядки. Отвѣтчики въ лицѣ повѣренныхъ страховыхъ обществъ, представили приговоръ военнаго суда, которому преданы были участники безпорядковъ въ Юзовкѣ, причемъ это преданіе суду основывалось на законѣ объ усиленной охранѣ по распоряженію административной власти. Въ приговорѣ подробно описывались обстоятельства, при которыхъ поджоги произошли, и рисовалась обычная картина время отъ времени возникавшихъ въ Россіи, такъ называемыхъ, голодныхъ и холерныхъ бунтовъ. Я въ своей бумагѣ указывалъ суду на то, что юзовскіе безпорядки не представляютъ собою возстанія противъ власти верховной, что это не были политическіе безпорядки, что здѣсь не было оттѣнка гражданской войны, не было политической борьбы, а былъ массовый непорядокъ и массовые поджоги, которые въ Россіи не представляются необычными; путемъ сложнаго толкованія того параграфа устава, на который ссылались страховыя общества, я приходилъ къ заключенію, что на случай такихъ поджоговъ общество не освобождено отъ от-

вѣтственности. Эти дѣла были мною проиграны. Я ихъ довелъ до Сената, и Сенатъ окончательно укрѣпилъ практику примѣненія правила объ освобожденіи обществъ отъ отвѣтственности за пожарные убытки въ подобныхъ случаяхъ. Такіе иски послѣ этого возникали неоднократно, въ особенности послѣ аграрныхъ безпорядковъ въ началѣ XX столѣтія и еще больше, послѣ аграрныхъ безпорядковъ 1905-1906 гг. Сенатъ остался неизмѣнно вѣренъ практикѣ, начатой имъ по поводу юзовскихъ пожаровъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о примѣненіи временныхъ правилъ 3-го мая въ этотъ періодъ, надо упомянуть еще о дѣлахъ довольно обычныхъ, доходившихъ до Сената, о воспрещеніи евреямъ занимать нѣкоторые небольшіе участки земли въ селахъ и деревняхъ, для устройства еврейскихъ кладбищъ. Оказалось, что по правиламъ 3-го мая, по толкованію мѣстной администраціи, еврею въ деревнѣ не только нельзя жить, но и умирать. Бывали случаи, что изъ отдаленной деревни или села, даже во время эпидемій, приходилось увозить трупы евреевъ за 40 и больше верстъ въ ближайшій городъ или мѣстечко для того, чтобы найти, наконецъ, успокоеніе тѣлу умершаго. Губернскія правленія находили, что не слѣдуетъ допускать аренду земли даже для устройства кладбищъ, т. е. не для надобности эксплоатаціи сельско-хозяйственной или промышленной. Съ большимъ трудомъ, не безъ сопротивленія министерства внутреннихъ дѣлъ, удалось въ началѣ 90-хъ годовъ добиться отъ Сената нѣсколькихъ разъясненій, согласно которымъ признано было, что по правиламъ 3-го мая воспрещается евреямъ владѣніе недвижимой собственностью для надобностей экономическихъ или промышленныхъ; для того, однако, чтобы хоронить умершихъ, евреи, составляя какъ бы общества или товарищества, могутъ арендовать соотвѣтственные участки какъ на крестьянскихъ земляхъ, такъ и на владѣльческихъ; такимъ образомъ кладбищенскій вопросъ былъ благополучно улаженъ.

Подобнаго рода помѣхи представлялись въ отношеніи устройства молитвенныхъ домовъ, для которыхъ приходилось прибѣгать къ арендѣ. Здѣсь возникали затрудненія другого свойства: въ какихъ случаяхъ разрѣшается устройство новыхъ молитвенныхъ домовъ? Законъ, помѣ-

щенный въ уставѣ инославныхъ исповѣданій, гласилъ что евреи могутъ устраивать новые молитвенные дома на каждые 30 семействъ, а синагоги — для 80 семействъ. Если же имѣлось меньше 30 семействъ, то мѣстная администрація вообще отказывала въ разрѣшеніи открыть молитвенный домъ. Приходилось доказывать передъ Сенатомъ, что упомянутый законъ относится къ устройству новыхъ синагогъ, т. е. при наличіи уже одного молитвеннаго дома, второй молитвенный домъ, можетъ быть открытъ, если имѣется 30 семействъ, желающихъ его устроить, а что религіозныя потребности евреевъ, которыя не могутъ зависѣть отъ того, набралось ли 30 семействъ, должны быть удовлетворены на основаніи общаго принципа вѣротерпимости. Къ счастью, Сенатъ раздѣлилъ этотъ взглядъ, и, такимъ образомъ, оказалось возможнымъ устраивать молитвенные дома въ селахъ и деревняхъ при наличіи десяти взрослыхъ евреевъ, т. е. числа, предписываемаго, какъ минимальное, еврейскимъ религіознымъ закономъ (допущено было даже облегченіе, чтобы счетъ производился не по семействамъ, а по лицамъ).

ГЛАВА XXV

Директоръ Департамента Полиціи П. Н. Дурново. — Предположеніе о причисленіи Курляндской и Лифляндской губерній къ чертѣ осѣдлости. — Окраинная политика со второй половины XIX столѣтія. — Докладъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго военнаго генералъ-губернатора князя Васильчикова министру внутреннихъ дѣлъ 1863 г. и предположеніе его объ измѣненіи законовъ о евреяхъ. — Отношеніе правительства къ евреямъ въ Царствѣ Польскомъ. — Законъ 11 іюня 1891 г. — Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ пасторовъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 1893 году директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново внезапно и неожиданно для всѣхъ оставилъ свой постъ и оказался, какъ тогда говорили, «погребеннымъ на сенатскомъ кладбищѣ». Это событіе всѣхъ удивило, такъ какъ трудно было себѣ представить государственную полицію безъ ея истиннаго главы въ лицѣ Дурново. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити политическаго розыска; онъ былъ лучшимъ знатокомъ революціоннаго движенія, усилившагося за послѣдніе годы, и съ неуклонной послѣдовательностью проводилъ идею «искорененія крамолы». Уходъ его отнюдь не былъ связанъ съ предположеніями о слабости со стороны Дурново въ борьбѣ съ послѣдней, а явился результатомъ вполнѣ случайнаго обстоятельства, совершенно личнаго свойства: Дурново уличенъ былъ въ томъ, что онъ, пользуясь своей властью, перлюстрировалъ переписку съ однимъ дипломатическимъ агентомъ иностранной державы. Дѣло было почти семейнаго свойства. Свѣдѣнія объ этомъ дошли до царя, и послѣдовала далеко не милостивая, грубая резолюція Александра III. Но еще до этого, — какъ я уже

имѣлъ случай однажды упомянуть, — Дурново запасся указомъ о назначенiи его въ Сенатъ, и увольненiе его отъ должности директора департамента полицiи, послѣдовавшее безъ его ходатайства, автоматически перевело его на сенатское поприще, подъ крышу Правительствующаго Сената. Для практики примѣненiя законовъ о евреяхъ это событiе далеко не осталось безразличнымъ. Какъ я уже упоминалъ, Дурново при всей своей тогдашней репутацiи реакцiоннаго сановника, неукоснительно боровшагося противъ всякаго проявленiя политической свободы въ Россiи, репутацiи вполнѣ оправданной и особенно подтвердившейся уже въ освободительный перiодъ 1905-го и слѣдующихъ годовъ, когда въ первомъ кабинетѣ министровъ конституцiонной Россiи, послѣ 17 октября 1905 года, Дурново оказался министромъ внутреннихъ дѣлъ, — былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать всей нелѣпости съ общеполитической точки зрѣнiя, не говоря о другихъ сторонахъ дѣла, практики примѣненiя законовъ, установившейся на мѣстахъ и встрѣчавшей покровительство въ самыхъ высокихъ сферахъ, откуда грязная лужа антисемитизма разливалась по всей оффицiальной Россiи. Не проявляя никакой мягкости, которая вообще не была свойственна этому дѣятелю, Дурново находилъ пути и способы не доводить въ экстренныхъ случаяхъ примѣненiя законовъ и въ особенности правилъ 3-го мая 1882 года до абсурдныхъ, безполезныхъ и раззорительныхъ послѣдствiй. И какъ это ни странно звучитъ, департаментъ полицiи въ то время былъ мѣстомъ, гдѣ часто евреи, гонимые изъ селъ и деревень и изъ внутреннихъ губернiй, находили какъ бы защиту. Послѣ ухода Дурново, въ теченiе короткаго времени директоромъ департамента былъ прежнiй вице-директоръ Сабуровъ. Онъ продолжалъ политику Дурново въ отношенiи еврейскаго вопроса, и его кратковременное пребыванiе на посту директора департамента полицiи я отмѣчаю только потому, что при немъ возникла мысль о томъ, чтобы причислить къ мѣстностямъ черты осѣдлости Курляндiю и Лифляндiю. Какъ я уже имѣлъ случай раньше вкратцѣ упомянуть, мысль эта не осуществилась на практикѣ, — она встрѣтила противодѣйствiе со стороны мѣстныхъ нѣмецкихъ круговъ, — но самое возникновенiе ее представляется характернымъ. Я не думаю, чтобы директоръ департамента сталъ вы-

двигать такую мысль безъ соотвѣтствующей санкціи свыше, по крайней мѣрѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и я не могу не поставить эту мысль въ связь съ общей политикой русскаго правительства въ отношеніи окраинъ, гдѣ наряду съ борьбой противъ еврейства, правительство затѣвало борьбу и съ мѣстными національностями, какъ это было и въ Польшѣ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ въ концѣ царствованія Александра III, руссификація стала примѣнять рѣшительныя мѣры въ борьбѣ съ нѣмцами.

Говоря объ окраинной политикѣ правительства временъ Александра III, я не могу не процитировать нѣкоторые документы, которые характеризуютъ эту политику. Я уже имѣлъ случай бѣгло упомянуть о томъ, что со стороны центральной власти въ отношеніи евреевъ Польши соблюдалась нѣкоторая видимая благосклонность, цѣлью которой было ослабить польскія политическія теченія. Въ моемъ архивѣ сохранился любопытный документъ, а именно, копія отношенія кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 25 ноября 1863 г. № 6047, документъ относящійся, слѣдовательно, ко времени польскаго мятежа 1863 года. Тогдашній генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, въ указанномъ отношеніи писалъ: «Польская національность, такъ явно высказавшаяся въ новѣйшее время своими политическими тенденціями, не оставила безъ вниманія еврейскаго элемента. Вполнѣ оцѣнивая важность огромнаго еврейскаго населенія, въ рукахъ котораго сосредотачивается, за небольшими исключеніями, вся торговая и промышленная дѣятельность страны, поляки усердно начали заискивать благорасположенія сего многочисленнаго племени. И искательства эти, скажу откровенно, нашли у евреевъ, вслѣдствіе особенно сложившихся обстоятельствъ, нѣкоторое сочувствіе. Еврейское племя, для преобразованія котораго во все царствованіе Императора Николая предпринято было столько усиленныхъ мѣръ, нынѣ раздѣляется на двѣ другъ другу враждебныя партіи. Одни, сочувствуя общему стремленію къ лучшему и вполнѣ сознавая всю громадную пользу образованія, охотно воспользовались мѣропріятіями правительства и вмѣстѣ съ одеждою стараются во всемъ усвоить себѣ гражданское образованіе и современный

взглядъ на вещи. Другіе, коснѣя въ невѣжествѣ и враждуя всякому нововведенію, остались доселѣ вѣрными дѣдовскимъ преданіямъ и религіознымъ стремленіямъ, несмотря ни на какія предписанія и принудительныя мѣры правительства. Но обѣ сіи партіи, при всемъ внутреннемъ разладѣ, имѣютъ одно между собою общее: и та, и другая одинаково недовольны настоящимъ порядкомъ вещей.

«Приверженцы старины недовольны и внутренно огорчены стѣсненіемъ религіознаго ихъ чувства, совѣсть ихъ тревожится въ особенности строгостью цензуры богослужебныхъ и религіозно-законодательныхъ книгъ, изъ которыхъ исключаются отдѣльныя мѣста и выраженія, молитвенныя формулы и гимны, и, нерѣдко, цѣлыя пѣсни и статьи, безъ которыхъ священныя книги представляются имъ неполными и искаженными рукою иновѣрнаго правительства.

«Съ другой стороны, евреи, получившіе образованіе, чувствуютъ себя обиженными въ гражданскомъ отношеніи. Отложивъ многіе изъ еврейскихъ обычаевъ, сблизившись съ главнымъ населеніемъ въ одеждѣ и въ образѣ жизни, они по прежнему на поприщѣ гражданственности встрѣчаютъ тѣ же ограниченія, какія стѣсняютъ дѣятельность евреевъ, находящихся подъ вліяніемъ однихъ религіозныхъ убѣжденій и отцовскихъ вѣрованій.

«Исторія евреевъ доказываетъ, что съ распространеніемъ между ними гражданской образованности, они всегда и вездѣ дѣлались требовательнѣе и съ энергіей и запальчивостью нерѣдко предавались увлеченіямъ и патріотическимъ страстямъ. Вспомнимъ отчаянныя ихъ дѣйствія въ 1848 году на баррикадахъ Парижа, Вѣны, Лемберга, Пресбурга и др. И нынѣ, во время безпорядковъ въ Варшавѣ, нѣкоторые лучшіе люди и авторитеты еврейскіе торжественно объявляли себя, какъ извѣстно, въ пользу польской національности и всенародно принимали самое горячее участіе во всѣхъ патріотическихъ манифестаціяхъ. Языкъ польскій становится тамъ для евреевъ языкомъ литературнымъ и священнымъ. Недавно начала издаваться въ Варшавѣ еврейская газета на польскомъ языкѣ, на который переведены и еврейскія молитвы, подъ весьма страннымъ названіемъ: Молитвы для полекъ Моисеева исповѣданія, — и проповѣдь, эта столь важная часть

еврейскаго богослуженія, въ Царствѣ произносится, въ главныхъ синагогахъ, на польскомъ языкѣ.

«И во ввѣренномъ мнѣ краѣ, въ главныхъ городахъ еврейскаго населенія, нельзя не замѣтить слѣдовъ польской пропаганды, которая стремится увлечь ихъ въ свои сѣти, расчитывая найти такимъ образомъ важную для себя поддержку въ значительныхъ капиталахъ, находящихся въ рукахъ евреевъ. Многіе изъ евреевъ, увлеченные громкими обѣщаніями поляковъ, находящихся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, не чужды надежды на лучшія времена при торжествѣ польской стороны.

«И въ самомъ дѣлѣ, положеніе евреевъ въ краѣ исключительное. Не говоря о тягостной подушной подати, которая по причинѣ скудости средствъ городскихъ жителей къ пропитанію, остается обыкновенно на цѣломъ мѣщанскомъ сословіи въ государствѣ огромною неоплатною недоимкою, избавленіе отъ которой оно находитъ развѣ въ Всемилостивѣйшихъ манифестахъ, евреи обложены другими налогами, христіанскому мѣщанству большею частью неизвѣстными.

«Еврейскія общества платятъ весьма обременительный свѣчной сборъ для устройства и содержанія еврейскихъ училищъ, сборъ на содержаніе синагогъ, кладбищъ, духовныхъ лицъ, больницъ, богадѣленъ, на раздачу бѣднымъ (коихъ въ еврействѣ такъ много отъ разныхъ причинъ, главное же отъ накопленія ихъ въ однихъ городахъ и мѣстечкахъ, такъ какъ селиться имъ въ деревняхъ запрещено) пищи, дровъ, нерѣдко и одежды и проч., и все это безъ всякаго участія или вспомоществованія со стороны правительства. При томъ еврей платитъ акцизъ съ говядины, предмета первой потребности, платитъ акцизъ съ еврейскихъ книгъ, необходимыхъ ему для молитвы и грамотности, такъ что, если сложить все то, что евреи платятъ казенными и общественными повинностями, то окажется, что каждый мѣщанскій плательщикъ, которыхъ въ еврейскихъ обществахъ очень мало, платитъ 20, 30, 50 и болѣе руб. серебромъ въ годъ, — суммы весьма обременительныя даже для зажиточнаго городского жителя. Нѣкоторыя злоупотребленія еврейскихъ урядниковъ, а иногда и мѣстныхъ властей довершаютъ остальное. Почему цѣлыя семейства, въ особенности въ малыхъ промышленныхъ городахъ и мѣстечкахъ, уходятъ куда попало, безъ пись-

менныхъ видовъ, оставивъ своимъ обществамъ бремя — платить за нихъ повинности.

«Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что сближеніе поляковъ съ евреями заслуживаетъ серьезнаго и сосредоточеннаго вниманія правительства. Для предупрежденія этого столь вреднаго союза правительство могло бы, казалось, преградивъ всѣ доступы къ гражданскому образованію, отодвинуть евреевъ на первоначальную религіозную почву. Находясь подъ вліяніемъ одной религіи, евреи бываютъ сговорчивѣе, такъ какъ съ религіозной точки зрѣнія всякое гоненіе, притѣсненіе, ограниченіе правъ они считаютъ слѣдствіемъ гнѣва Божія. Но этотъ путь, недостойный нашего правительства и несогласный съ современнымъ направленіемъ, представляетъ, кромѣ того, неодолимыя затрудненія. Поэтому вѣрное рѣшеніе этой многотрудной задачи — воспользоваться положеніемъ дѣлъ для блага цѣлой страны. Продолжая начатое дѣло образованія, правительство могло бы вполнѣ расположить къ себѣ евреевъ, такъ горячо симпатизировавшихъ русскому правительству въ царствованіе Екатерины II и Александра I, если только оно, вмѣстѣ съ образованіемъ, сниметъ съ нихъ нѣкоторыя ограниченія. Въ еврействѣ, многочисленномъ, образованномъ и освобожденномъ отъ тягостныхъ ограниченій, правительство могло бы найти противодѣйствующую силу противъ бурнаго польскаго элемента. Польская національность, крѣпкая въ странѣ не своею численностью, а своимъ образованіемъ, своими родовыми преимуществами и, главное, ограниченностью правъ другихъ сословій, не можетъ быть нейтрализирована и уравновѣшена одною физическою силою, дѣйствіе которой продолжается до тѣхъ только поръ, пока продолжается самая сила. Вся тайна заключается въ сообщеніи перевѣса другому, повидимому, незначительному еврейскому элементу, который, однако-жъ, содержитъ въ себѣ столько задатковъ жизненной силы, чтобы легко возрасти и окрѣпнуть на счетъ другой стихіи, правительству враждебной. Если ограниченіе правъ одной какой нибудь народности вездѣ неминуемо обращается во вредъ цѣлаго государства, лишая его значительныхъ силъ, необходимыхъ для стройнаго и совмѣстнаго стремленія къ предназначенной цѣли, то ограниченіе правъ евреевъ здѣсь, вслѣдствіе особенности края, должно преимуще-

ственно вредно влiять на благосостоянiе страны въ политическомъ отношенiи. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ стѣсненномъ состоянiи евреевъ и низкомъ уровнѣ гражданскихъ ихъ правъ, возможно-ли, справедливо-ли расчитывать на непоколебимую преданность ихъ въ числѣ болѣе 600.000 человѣкъ въ однихъ ввѣренныхъ мнѣ трехъ губернiяхъ, если бы польскiй классъ населенiя устремился интригами и обѣщанiями увлечь ихъ въ свои политическiе замыслы?

«Въ многолѣтнюю мою службу въ этомъ краѣ, зорко слѣдя за всѣми явленiями жизни ввѣреннаго мнѣ населенiя, я имѣлъ возможность убѣдиться, что край этотъ можетъ много выиграть отъ улучшенiя быта евреевъ. Еврейство по врожденному ему трудолюбiю, трезвости и смѣтливости способно, при благопрiятныхъ для нихъ узаконенiяхъ, прiобрѣсть извѣстную твердость и явиться, такимъ образомъ, равнодѣйствующей силою противъ козней польскихъ. Здраво понимая окружающую ихъ дѣйствительность, евреи не могутъ не знать поляковъ и ихъ спѣси и непостоянства. Если правительство благовременно окажетъ вниманiе къ интересамъ еврейскаго народа, то сей послѣднiй, отвергнувъ всѣ происки поляковъ, станетъ на сторонѣ правительства естественнымъ оплотомъ. И это тѣмъ вѣрнѣе, что евреи, изъ коихъ многiе посѣщаютъ казенныя учебныя заведенiя, находятся нынѣ на пути къ усвоенiю себѣ русскаго языка, русскихъ обычаевъ и русскаго образа жизни.

«Принявъ все вышесказанное въ соображенiе, я старался разными путями изучить какiя именно ограниченiя наиболѣе стѣсняютъ евреевъ въ настоящее время и которыя безъ вреда для христiанскаго населенiя могли бы быть съ нихъ сняты».

Результатомъ наблюденiй кн. Васильчикова было выраженное имъ въ этой бумагѣ убѣжденiе въ необходимости предоставить евреямъ право быть избранными на должности городскихъ головъ. — «Евреи, писалъ генералъ-губернаторъ, на сторонѣ которыхъ нерѣдко бываетъ перевѣсъ и въ численномъ большинствѣ, и въ количествѣ капиталовъ, и въ степени образованности, часто претерпѣваютъ обиду, ибо мнѣнiе ихъ для христiанскихъ головъ, избираемыхъ одними христiанами, не имѣетъ никакого значенiя, хотя общественное мнѣнiе есть единствен-

но желательное начало во всякой службѣ по выборамъ. Отъ такого положенія дѣлъ необходимо теряетъ городское хозяйство, которое лишено контроля большей и нерѣдко лучшей части населенія; теряетъ городское управленіе, оно находится часто въ рукахъ какого-нибудь невѣжественнаго ремесленника, какъ сіе, къ несчастію, часто встрѣчается въ краѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ городахъ почти все купечество состоитъ изъ евреевъ; теряютъ евреи, которые, составляя въ Западномъ краѣ главное населеніе городовъ, наиболѣе платятъ повинностей». Доставленіе евреямъ права участія въ выборѣ городскихъ головъ, активнаго и пассивнаго, кн. Васильчиковъ полагаетъ тѣмъ настоятельнѣе, что «во многихъ городахъ выборъ головъ падаетъ на поляковъ, которые, находясь во главѣ городского населенія, могутъ въ рѣшительную минуту увлечь за собою и населеніе, во вредъ существующему порядку».

Для осуществленія этихъ предположеній кн. Васильчиковъ полагалъ выборы кандидатовъ на всѣ общественныя въ городахъ и мѣстечкахъ должности производить въ общихъ куріяхъ христіанъ и евреевъ, причемъ изъ числа евреевъ допускать къ выборамъ, для устраненія значительнаго численнаго перевѣса, только купцовъ, осѣдлыхъ хозяевъ и имѣющихъ аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ казенныхъ училищахъ; затѣмъ выборы кандидатовъ производить между евреями и неевреями съ такимъ расчетомъ, чтобы выбранный голова, если онъ будетъ еврей, вмѣстѣ со своими еврейскими товарищами въ коллегіи составлялъ всегда меньшинство. Пассивное избирательное право выборовъ въ городскія головы предоставить почетнѣйшимъ лицамъ изъ евреевъ, извѣстныхъ губернскому начальству своимъ образованіемъ, равно и имѣющимъ аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ибо — писалъ генералъ-губернаторъ — «лица, получившія образованіе, способнѣе въ дѣлахъ общественныхъ руководствоваться однимъ долгомъ службы, безъ пристрастія и предубѣжденія».

Затѣмъ кн. Васильчиковъ предлагалъ предоставить евреямъ право переходить въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина на одинаковыхъ основаніяхъ съ христіанами. «Сравненіе еврейскихъ купцовъ въ этомъ отношеніи съ христіанскими, — указывалъ генералъ-губер-

наторъ — могло бы произвести на нихъ самое благопріятное впечатлѣніе. Эта мѣра доставила бы правительству возможность дѣйствовать черезъ почетныхъ гражданъ на массу еврейскаго народа». Не забылъ генералъ-губернаторъ и о томъ, что эта мѣра привела бы къ умноженію дохода казны, увеличивая число купцовъ высшихъ гильдій и, что всего важнѣе, по его мнѣнію, образовала бы въ средѣ евреевъ высшій классъ, который могъ бы въ извѣстной степени уравновѣсить высшій классъ польскій. Полезно было бы, по его мнѣнію, лицамъ, получающимъ званіе почетныхъ гражданъ, вмѣнить въ обязанность вносить въ казну единовременно извѣстныя въ опредѣленномъ размѣрѣ денежныя пожертвованія на устройство и содержаніе еврейскихъ больницъ и другихъ богоугодныхъ заведеній въ сихъ обществахъ.

Засимъ кн. Васильчиковъ находилъ, что въ городахъ Западнаго края переполненныхъ евреями, скопилось большое количество мастеровыхъ, которые вслѣдствіе излишней и, такъ сказать, ненормальной конкурренціи образуютъ классъ праздношатающихся. Разрѣшеніе еврейскимъ мастеровымъ, имѣющимъ установленное свидѣтельство о своемъ званіи, селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и заниматься ремеслами, приписавшись къ тамошнимъ обществамъ въ томъ размѣрѣ и на тѣхъ основаніяхъ, какія правительство сочтетъ возможнымъ, освободило бы общества еврейскія отъ тягостнаго бремени при уплатѣ податей, доставило бы рабочія руки тому, кто наиблѣе въ нихъ нуждается, удовлетворило бы главному экономическому правилу, что право работать должно быть свободно предоставлено всѣмъ членамъ государства, и, главное, лишило бы польскую пропаганду возможности, посредствомъ денегъ и льстивыхъ обѣщаній, дѣйствовать на праздную толпу. Право повсемѣстнаго жительства, полагалъ генералъ-губернаторъ, слѣдовало предоставить и евреямъ, окончившимъ курсъ въ казенныхъ училищахъ. «Въ этомъ предстоитъ, — указывалъ генералъ-губернаторъ, — самая неотразимая необходимость. Молодые люди, выходя изъ заведеній, видятъ себя совершенно оторванными отъ еврейскихъ обществъ и по костюму и по образу мыслей. Не находя среди своихъ обществъ занятій, сообразныхъ съ полученнымъ ими образованіемъ, они привыкаютъ къ праздности и нерѣдко роняютъ въ

глазахъ общества образованіе, коего они являются недостойными представителями. Мало того, разочарованное во всѣхъ своихъ предположеніяхъ и надеждахъ это молодое поколѣніе готово пойти за первымъ сумасброднымъ провозвѣстникомъ новыхъ ученій и новыхъ порядковъ. Между тѣмъ какъ, получивъ большій просторъ для своей дѣятельности, молодые люди могли бы легко отыскивать для себя кругъ дѣйствій, болѣе соотвѣтствующій ихъ новому образу мыслей, сдѣлавшись истинно честными и вѣрными гражданами. Такая обстановка съ преобразованіемъ еврейскаго быта, въ свою очередь, могла бы служить вящимъ побужденіемъ и къ большему сочувствію интересамъ нашего правительства».

Любопытенъ и дальнѣйшій ходъ мыслей кн. Васильчикова. «Въ особенности — писалъ онъ — заслуживаетъ сосредоточеннаго вниманія судьба воспитанниковъ раввинскихъ училищъ. Получивъ спеціальное образованіе, преимущественно направленное къ занятію раввинскихъ мѣстъ, эти воспитанники вступаютъ въ жизнь съ полною готовностью служить дѣлу преобразованія евреевъ и ихъ преуспѣванію. Но общества, большею частью слѣдуя доселѣ рутинѣ, смотрятъ на нихъ недовѣрчиво. Право же выбора исключительно предоставлено однимъ обществамъ. Ясно, что, несмотря на всѣ предпринимаемыя начальствомъ мѣры, весьма немногія общества имѣютъ нынѣ среди себя раввиновъ, кончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ, да и эти немногіе раввины, не обезпеченные отъ обществъ никакимъ опредѣленнымъ жалованіемъ, подвергаются каждые три года новымъ выборамъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ вліяніе раввиновъ, всецѣло зависящихъ отъ произвола и даже каприза обществъ, должно быть безконечно мало*). По-

*) Не могу не указать на то, что взглядъ генералъ-губернатора на положеніе раввиновъ и на значеніе раввинскаго вопроса оказался схожимъ со взглядомъ, выраженнымъ въ имѣющейся у меня копіи одного документа. Любопытный документъ датированъ 29 января 1857 г. Этотъ документъ — записка, представленная евреемъ, прослужившимъ долго въ учебномъ вѣдомствѣ и многократно дѣлавшимъ всякія представленія генералъ-губернаторамъ, какъ онъ самъ указываетъ въ этой запискѣ. Вся эта записка не лишена извѣстнаго историческаго значенія. Она озаглавлена: «Записка о состояніи евреевъ въ Россіи и устройствѣ ихъ быта». Между прочимъ, въ этой за-

этому — полагалъ генералъ-губернаторъ — было бы полезнымъ какъ въ дѣлѣ преобразованія евреевъ, такъ и въ политическомъ отношеніи края, указанныхъ молодыхъ раввиновъ, около коихъ группируется обыкновенно весь образованный еврейскій классъ, возвысить въ глазахъ еврейскаго общества и сообщить имъ въ извѣстной степени самостоятельность» — для чего кн. Васильчиковъ считалъ желательнымъ установить службу раввиновъ безсрочной, опредѣлить имъ постоянное жалованіе отъ 200 до 500 руб. серебромъ отъ обществъ, образовать еврейскіе приходы, — о чемъ генералъ-губернаторъ уже дѣлалъ представленіе въ 1859 г., — предоставить этимъ раввинамъ знаки отличія или преимущества, какъ, напримѣръ, считать ихъ съ семействами во время службы въ

пискѣ авторъ говоритъ слѣдующее: «Что же касается до настоящаго поколѣнія сего народа, т. е. евреевъ, то правительство, понимая трудность преобразовать умы взрослыхъ людей и перерождать ихъ образъ мыслей, намѣревалось дѣйствовать на нихъ черезъ духовенство. Поэтому обращено было особенное вниманіе на то, чтобы раввины опредѣляемы были изъ лицъ болѣе благонадежныхъ, которые подчинялись бы сколько возможно болѣе власти начальства. Для приготовленія же болѣе образованныхъ раввиновъ и законоучителей, учреждены (въ Вильнѣ и Житомірѣ) заведенія, вродѣ духовныхъ семинарій или раввинскіе педагогическіе институты. Но надобно признаться откровенно, что цѣль правительства въ семъ отношеніи мало достигнута сими мѣрами. Съ одной стороны потому, что вліяніе духовенства на евреевъ имѣетъ особый характеръ, котораго правительство легко могло не имѣть въ виду; евреи получаютъ, всѣ безъ изъятія, какъ выше изложено, родъ богословскаго воспитанія; поэтому довѣріе ихъ къ раввинамъ распространяется до извѣстныхъ только предѣловъ или, яснѣе сказать: еврей полагается на раввина только дотолѣ, доколѣ таковой, такъ сказать, ободряетъ, укрѣпляетъ и удерживаетъ его узами своей религіи; но коль скоро раввинъ вздумаетъ толковать и проповѣдывать, хотя о малѣйшемъ предметѣ, касающемся преобразованія евреевъ, и проч., тогда онъ вдругъ потеряетъ въ глазахъ публики большую часть своего достоинства и вѣса, довѣріе къ нему ослабляется, и онъ уже не можетъ имѣть на нихъ никакого вліянія. Разные факты въ еврейской литературѣ доказываютъ намъ ясно справедливость этой истины. Многія постановленія, введенныя вовсе незначительными раввинами, приняты евреями свято, вслѣдствіе направленія ихъ къ болѣе строгому соблюденію какого либо догмата, ограниченію и огражденію преступленія какого либо изъ древнихъ постановленій и проч., — между тѣмъ, какъ многія, напротивъ, того, мнѣнія самыхъ знаменитѣйшихъ раввиновъ остались безъ вни-

званіи почетнаго гражданства съ утвержденіемъ ихъ въ семъ званіи по истеченіи 15-тилѣтней службы. Затѣмъ евреевъ, окончившихъ курсъ наукъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, освободить отъ тѣлесныхъ наказаній, наравнѣ съ такими же лицами изъ христіанъ, предоставить этимъ воспитанникамъ права службы на желѣзныхъ дорогахъ, на телеграфныхъ станціяхъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, на кои могутъ поступать люди податного состоянія, съ правомъ выслуги, а евреямъ, кончившимъ высшія учебныя заведенія, предоставить право службы, по крайней мѣрѣ, ученой и учебной.

«Кромѣ пріобрѣтенія — писалъ генералъ-губернаторъ — новыхъ дѣятелей на пользу государственной службы, правительство допущеніемъ образованнѣйшихъ евреевъ къ участію въ гражданской жизни преградить путь

манія и послѣдователей, коль скоро имѣли духъ реформы съ цѣлью облегчить или искоренить сколько нибудь какой-либо старый обычай и проч. Съ другой стороны, правительство при всей благонамѣренности своей цѣли подчинило, такъ сказать, раввиновъ обществамъ, а не общества раввинамъ, т. е. раввины определяются по силѣ законовъ гражданскихъ (т. IX ст. 1273-1274) по выбору общества и получаютъ отъ него жалованіе по его усмотрѣнію. Словомъ, они зависятъ вполнѣ отъ ввѣренныхъ имъ общинъ. Поэтому, если даже кто изъ нихъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ просвѣщенный образъ мысли, здравыя идеи, то онъ принужденъ, дабы не потерять должности и не лишиться средствъ къ пропитанію, притворствовать, ханжить и лицемѣрить поневолѣ. Короче сказать, примѣняясь во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ къ духу общества, ему ввѣреннаго, онъ никогда не можетъ рискнуть покушаться примѣнить духъ общины къ своимъ мнѣніямъ, въ опасеніи погибнуть въ случаѣ неудачи.

«Не говорю даже о неправильности исполненія сей мѣры, о выборѣ мнимыхъ раввиновъ для одной формальности, о существованіи стороннихъ раввиновъ, начальству не подвѣдомственныхъ, о чемъ донесено было уже изъ разныхъ сторонъ и мною подробно изложено въ особой запискѣ генералъ-губернатору Бѣлорусскаго края 27-го марта 1854 г. № 7. Относительно же образованныхъ раввиновъ, воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, хотя нельзя еще судить о нихъ положительно, ибо нѣкоторые окончившіе курсъ сихъ заведеній употреблены для другихъ надобностей, т. е. опредѣлены учителями въ самыхъ раввинскихъ училищахъ, назначены при г. г. генералъ-губернаторахъ и ни одному изъ нихъ не довѣрено еще завѣдываніе общиной, но полагать надобно, что евреи мало будутъ имѣть довѣрія и питать уваженія къ молодымъ германизированнымъ раввинамъ, и дѣйствовать черезъ нихъ на еврейскій народъ мало надежды».

полякамъ завлекать въ свои сѣти образованныхъ молодыхъ евреевъ, доселе остававшихся праздными искателями приключеній безъ всякаго опредѣленнаго круга дѣйствій».

Далѣе, генералъ-губернаторъ полагалъ полезнымъ предоставить евреямъ право пріобрѣтать земли. Дѣйствовавшій запретъ въ особенности не соотвѣтствуетъ, по мнѣнію генералъ-губернатора, видамъ правительства по отношенію къ юго-западному краю. «Для обузданія страстей польскихъ патріотовъ, писалъ онъ, необходимо прибѣгнуть не къ физической силѣ дѣйствія, которая ненадежна и не продолжительна, а къ посредству другой преданной правительству народности, которая бы могла, мало по малу, парализовать дѣйствія поляковъ и ихъ замыслы. Къ этому могло бы, по моему мнѣнію, много содѣйствовать позволеніе евреямъ пріобрѣтать въ этомъ краѣ земли. Во всей ввѣренной мнѣ странѣ очень многіе помѣщики находятся въ долгахъ у евреевъ. Можно почти навѣрное предполагать, что, вслѣдствіе огромнаго количества сихъ долговъ на польскихъ помѣщикахъ, по истеченіи немногихъ лѣтъ значительная часть свободной отъ надѣла крестьянъ земли перейдетъ въ руки евреевъ. А это нанесло бы сильный ударъ враждебному польскому элементу и при томъ мирно, незамѣтно и самопроизвольно. Дворяне-поляки, лишившись значительныхъ участковъ своего дѣдовскаго наслѣдія, были бы выведены изъ того обаятельнаго вліянія, которое они теперь имѣютъ на населеніе, какъ богатые землевладѣльцы. Интересы же поселенныхъ на сихъ земляхъ хлѣбопашцевъ, какъ думаю я, не пострадаютъ, ибо еврей не можетъ, подобно владѣльцу дворянину, расчитывать на сословныя связи и поддержку, зная, что при отступленіи отъ принятаго порядка, онъ подвергнется взысканію по законамъ».

Право пріобрѣтенія земель генералъ-губернаторъ полагалъ нужнымъ, однако, предоставить евреямъ съ нѣкоторыми ограниченіями, а именно: не дозволять евреямъ пріобрѣтать земли, входящія въ составъ крестьянскаго надѣла по уставной грамотѣ; не дозволять евреямъ покупать земли менѣе 25 десятинъ, дабы они своей конкуренціей не способствовали повышенію цѣнъ на малые участки земель, которые могутъ быть пріобрѣтаемы крестьянами, и, наконецъ, запретить евреямъ пріобрѣтенныя по-

купкою земли перепродавать другимъ евреямъ или христіанамъ до истеченія 5 лѣтъ со времени покупки, дабы тѣмъ оградить земледѣліе отъ пагубныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ частаго перехода земель изъ рукъ въ руки, въ силу разныхъ промышленныхъ соображеній. «Исходя, вѣроятно, — писалъ далѣе генералъ-губернаторъ, — изъ той же политической комбинаціи, Пруссія успѣла большую половину присоединенныхъ польскихъ земель передать въ руки нѣмцевъ и евреевъ, всячески содѣйствуя и открытымъ для помѣщиковъ кредитомъ и моральнымъ своимъ вліяніемъ къ пріобрѣтенію нѣмцами и евреями польскихъ земель въ Герцогствѣ Познанскомъ».

Останавливаясь затѣмъ на отбывающихъ воинскую повинность евреяхъ и указывая на причины уклоненія евреевъ отъ поступленія въ рекруты, онъ, между прочимъ, рисовалъ такую любопытную бытовую картину: «Во время набора цѣлые города и мѣстечки пустѣютъ, вся торговая, промышленная и общественная дѣятельность прекращается, по улицамъ шныряютъ одни отдатчики, отовсюду слышатся вопли женъ, матерей о захваченномъ мужѣ, сынѣ; населеніе составляютъ одни старики, увѣчные и женщины, способные къ военной службѣ уходятъ заграницу или скрываются въ разныхъ мѣстахъ. Мнѣ по опыту извѣстно, что когда получается Высочайшій манифестъ о рекрутскомъ наборѣ и евреи успѣваютъ провѣдать о немъ, то прежде, чѣмъ манифестъ обнародуется установленнымъ порядкомъ, всѣ члены еврейскихъ семействъ, годные къ военной службѣ, разбѣгаются изъ своихъ жилищъ въ разныя стороны. Потому губернское начальство вынуждено въ тайнѣ сохранять манифестъ и спѣшить посылать по эстафетѣ въ уѣздные города распоряженія по набору, а полиція и отдатчики стараются въ день полученія распоряженія задержать евреевъ, состоящихъ на очереди». Все это объясняется генералъ-губернаторомъ тѣмъ, что военная служба — дѣло новое и тяжелое для евреевъ (она введена въ 1828 году), большая часть ихъ физически слаба, вслѣдствіе ранней женитьбы, въ силу разныхъ религіозныхъ предписаній относительно ѣды и вслѣдствіе изнурительнаго труда съ самой молодости для пропитанія многочисленныхъ семействъ. Требованія вѣры, обряды коей неудобоисполнимы во время военной службѣ; презрѣніе низшаго класса христіанъ къ

евреямъ и, слѣдовательно, отсутствіе товарищества и вѣчная обособленность еврейскаго солдата; законъ, по которому солдаты-евреи не могутъ быть произведены даже въ 1-й офицерскій чинъ, не смотря ни на какія военныя заслуги, равно и законъ, въ силу коего отставные солдаты евреи, за время службы совершенно отвыкшіе отъ еврейскаго образа жизни, должны непремѣнно вернуться къ проживанію среди евреевъ западныхъ губерній, — все это имѣло неминуемымъ слѣдствіемъ то, что военная служба представлялась для евреевъ самою грозною, самою раззорительною и самою тягостною изъ всѣхъ повинностей. Въ виду этого, кн. Васильчиковъ полагалъ бы правильнымъ уравнять въ правахъ евреевъ-солдатъ съ солдатами христіанами или же предоставить еврейскимъ обществамъ возможность, взамѣнъ натуральной воинской повинности уплачивать соотвѣтственныя суммы. Засимъ онъ предлагалъ отмѣнить коробочный и свѣчной сборъ. При этомъ имъ былъ произведенъ любопытный расчетъ, сколько фунтовъ мяса потребляетъ еврейское населеніе и какой налогъ на мясо могъ бы быть установленъ взамѣнъ свѣчного и коробочного сборовъ.

Таковы были предположенія генералъ-губернатора князя Васильчикова. Заканчивалъ онъ свое представленіе слѣдующимъ образомъ: «Сообщая изложенныя соображенія и предположенія мои на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь присовокупить, что сими мѣрами въ пользу евреевъ правительство могло бы расположить къ себѣ всѣ классы еврейскаго народа. Крестьянство и еврейство, какъ два сословія, въ рукахъ коихъ сосредоточивается земледѣліе и торговля, достаточно сильны для того, чтобы ограничить, ослабить и современемъ, быть можетъ, совершенно уничтожить тотъ враждебный элементъ польской національности, который доселе не переставалъ и не перестаетъ революціонными своми тенденціями тревожить населеніе и благосостояніе края».

Какъ реагировалъ министръ внутреннихъ дѣлъ на предложеніе кн. Васильчикова, мнѣ неизвѣстно, но это время совпало съ тенденціей расширить права евреевъ и съ запросомъ, обращеннымъ къ мѣстнымъ властямъ, въ связи съ запиской, поданной Евзелемъ Гавриловичемъ Гинцбургомъ. На этотъ запросъ большинство мѣстныхъ властей

отвѣтило въ смыслѣ болѣе или менѣе благопріятномъ для постепеннаго уравненія евреевъ въ правахъ. У меня нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, но я уже имѣлъ случай сказать, что по отношенію къ евреямъ Царства Польскаго никакихъ специфическихъ ограничительныхъ мѣръ не принималось, начиная съ 1862 года, когда, по представленію маркиза Велепольскаго, послѣдовало почти полное уравненіе евреевъ въ правахъ. Въ дальнѣйшемъ, до 11 іюня 1891 года, не было ни одного спеціальнаго ограничительнаго постановленія по отношенію къ польскимъ евреямъ. Лишь въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 11 іюня 1891 года «О порядкѣ отчужденія и отдачи въ аренду, наемъ, либо въ заставное владѣніе, крестьянскихъ усадебъ и земель въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно о дробленіи сихъ имуществъ», — каковой законъ имѣлъ въ виду предотвратить отходъ земельныхъ владѣній крестьянъ къ другимъ сословіямъ, — въ пунктѣ 5-мъ содержалось постановленіе о томъ, что «лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія воспрещается пріобрѣтеніе въ собственность крестьянскихъ усадебъ и земель, содержаніе таковыхъ въ арендѣ, заставное владѣніе оными и всякое иное, отдѣльное отъ права собственности, владѣніе и пользованіе означенными имуществами, въ какой бы то ни было формѣ и на какихъ бы то ни было, допускаемыхъ общими или мѣстными законами, основаніяхъ, а равно завѣдываніе тѣми же имуществами въ качествѣ повѣренныхъ или управляющихъ». Правила 3-го мая 1882 года о жительствѣ въ селахъ и деревняхъ и о пріобрѣтеніи недвижимой собственности на Царство Польское не распространялись. Я уже имѣлъ случай разсказать о томъ, что сдѣланная въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, попытка распространить правила 3-го мая на Царство Польское не получила дальнѣйшаго движенія.

У меня нѣтъ данныхъ судить, какія директивы имѣли генералъ-губернаторы варшавскіе въ отношеніи политики ихъ къ евреямъ — но сами генералъ-губернаторы, сперва Гурко, затѣмъ, отчасти, кн. Имеретинскій, стали проявлять по отношенію къ евреямъ обычное антисемитское настроеніе. Несомнѣнно, это настроеніе поощрялъ не столько Петербургъ, сколько мѣстныя, ставшія уже обостря-

ющимися, отношенія между поляками и евреями. Мои личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Варшаву, также позволяютъ мнѣ думать, что Петербургъ не вліялъ въ этомъ смыслѣ на мѣстную высшую власть. Генералъ-губернаторы были окружены мѣстной аристократіей, генералъ-губернаторскій дворецъ, вѣроятно, по традиціямъ, сохранившимся отъ намѣстничества, являлся дворомъ маленькаго владѣтельнаго князя со всѣми присущими ему особенностями; не смотря на понятную ненависть поляковъ къ представителямъ русской власти, аристократическая молодежь стремилась, однако, попасть въ чиновники особыхъ порученій и вообще вертѣлась вокругъ дворца генералъ-губернатора. Общій языкъ, который могъ быть у царскаго генералъ-губернатора съ мѣстными представителями аристократіи, несомнѣнно былъ языкъ антисемитскій. Этимъ я и объясняю себѣ, почему въ 90-хъ годахъ варшавскіе генералъ-губернаторы стали проявлять антисемитскія настроенія.

Упомянутымъ пунктомъ 5-мъ закона 1891 года мѣстныя власти воспользовались для того, чтобы фактически ввести въ дѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ правила 3-го мая 1882 года. Комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, на которыхъ возложенъ былъ надзоръ за исполненіемъ закона 1891 года, стали предъявлять иски о признаніи недѣйствительными арендныхъ договоровъ евреевъ, жившихъ въ крестьянскихъ усадьбахъ, въ разсчетѣ, путемъ лишенія помѣщенія для жилья, лишить ихъ возможности оставаться на жительствѣ въ данной деревнѣ. По одному такому дѣлу была подана кассаціонная жалоба въ Сенатъ, по гражданскому кассаціонному департаменту. Мнѣ была выслана довѣренность, и въ обширномъ объясненіи, которое я представилъ Сенату какъ письменно, такъ и словесно, я доказывалъ непримѣнимость 5-го пункта къ договорамъ о наймѣ квартиръ для жилья въ крестьянскихъ усадьбахъ, — иное толкованіе привело бы къ распространенію на евреевъ Царства Польскаго ограниченія, установленнаго для евреевъ черты осѣдлости, чего законодатель не имѣлъ въ виду. Вопросъ о примѣнимости 5-го пункта закона 1891 года переданъ былъ для принципіальнаго разрѣшенія общему собранію кассаціоннаго и 1-го департаментовъ Сената. Въ 1896 году вопросъ разрѣшенъ былъ въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ, и дѣла о

выселеніи евреевъ изъ крестьянскихъ усадебъ Царства Польскаго, къ неудовольствію генералъ-губернаторовъ, прекратились.

Варшавскій генералъ-губернаторъ, свѣтлѣйшій князь Имеретинскій въ 1897 году вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ, въ которомъ, выражая крайнее неудовольствіе по поводу сенатскаго постановленія 1896 года, доказывалъ необходимость дополненія закона 11 іюня 1891 года указаніемъ на то, что евреямъ воспрещается наемъ крестьянскихъ домовъ для жительства. Послѣдовало сношеніе съ Привислянскими губернаторами, и вопросъ былъ впослѣдствіи переданъ на разсмотрѣніе образованной, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ бар. Икскуль-фонъ-Гильдебрандтъ, комиссіи по пересмотру правилъ 3-го мая 1882 года, — о коей я буду говорить послѣ. Однако, этотъ вопросъ о специальномъ пунктѣ, равно какъ и вопросъ о пересмотрѣ правилъ 3-го мая, не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Отношеніе власти къ другой окраинѣ — къ Прибалтійскимъ губерніямъ получило въ царствованіе Александра III весьма ясную окраску. Орудіемъ для борьбы противъ нѣмецкаго элемента было здѣсь не крестьянское и не еврейское населеніе, а городское самоуправленіе, законъ о которомъ былъ распространенъ на Прибалтійскій край. Отношеній между помѣщиками-баронами, съ одной стороны, и латышами и эстонцами-крестьянами съ другой — политика правительства Александра III не касалась. Борясь съ нѣмецкимъ вліяніемъ, правительство, очевидно, не могло все же стать на путь улучшенія положенія крестьянъ, освобожденія ихъ отъ баронской опеки, такъ какъ это могло бы подать поводъ къ опаснымъ вожделѣніямъ и въ отношеніи русскихъ крестьянъ. Не смотря на всю ненормальность положенія крестьянъ-батраковъ, ни однимъ законодательнымъ актомъ, ни въ царствованіе Александра III, ни въ царствованіе Николая II, зависимость крестьянъ отъ бароновъ не была ослаблена, — очевидно, вліяніе бароновъ было слишкомъ велико. Но зато тенденція нажима на окраины нашла выходъ въ борьбѣ съ городскимъ самоуправленіемъ и въ стремленіи руссифицировать его.

Характернымъ представителемъ этой политики былъ

эстляндскій губернаторъ князь Шаховской. Я имѣлъ уже случай упоминать объ этомъ губернаторѣ въ связи съ изложеннымъ мною дѣломъ по Ревельскимъ Gottes Kasten. Въ моемъ архивѣ сохранился весьма характерный документъ, который показываетъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгалъ губернаторъ въ осуществленіи задачи руссифицированія окраины. Еще въ 1888 году (12 января, № 18) кн. Шаховской конфиденціально писалъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу передачи въ 1878 г. ревельскимъ магистратомъ 11 домовъ, принадлежащихъ кассѣ общественнаго призрѣнія, «Gottes Kasten» въ собственность 4-мъ евангелическо-лютеранскимъ церквамъ. Эта передача состоялась, по мнѣнію губернатора, при помощи будто-бы служебнаго подлога, открытаго, что также характерно, губернскимъ прокуроромъ Деппомъ (православный нѣмецъ). Вотъ что пишетъ губернаторъ: «Усматривая, что давность сего учиненнаго магистратомъ преступленія истекла 24 августа 1884 г., губернскій прокуроръ находитъ, что нынѣ уголовное преслѣдованіе не можетъ быть противъ виновныхъ возбуждено. Но принимая при этомъ во вниманіе, что сими преступными дѣйствіями магистрата нанесенъ значительный имущественный ущербъ городскому достоянію, надворный совѣтникъ Деппъ обстоятельства этого дѣла передалъ на зависящее мое распоряженіе». Представляя сообщеніе прокурора, губернаторъ проситъ дать ему по этому дѣлу надлежащія указанія и присовокупляетъ: «это дѣло по существу имѣетъ тѣсную связь съ получившимъ столь широкую извѣстность дѣломъ о незаконномъ выдѣлѣ магистратомъ въ 1877 г. изъ состава городского имущества въ пользу городскихъ лютеранскихъ церквей имѣній Іоганнисгофъ и Каутель и капитала въ 48.000 руб. (входившихъ также въ составъ «Gottes Kasten»). Послѣднее было обнаружено въ 1878 г. хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, между тѣмъ какъ незаконныя дѣйствія магистрата, о коихъ нынѣ идетъ рѣчь, содержались въ такомъ секретѣ, что оставались неизвѣстными до послѣдняго времени, когда эстляндскому губернскому прокурору удалось, и то совершенно случайно, ихъ обнаружить».

«Одинаковый характеръ обоихъ этихъ дѣлъ, т. е. обогащеніе лютеранскихъ церквей чужимъ, не принадлежа-

щимъ имъ имуществомъ, совершенное притомъ при помощи ряда незаконныхъ дѣйствій и подлоговъ со стороны цѣлыхъ учрежденій, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что судьба нынѣ обнаруженнаго дѣла, въ случаѣ направленія его тѣмъ же порядокмъ, какимъ было направлено первое, будетъ такая же, какъ и перваго.

«Дѣло о городскихъ имѣніяхъ Іоганнисгофъ и Каутель обнаружило, что лютеране Прибалтійскаго края ставятъ матеріальные интересы своей церкви выше интересовъ нравственныхъ, и что такой примѣръ подается имъ самою же мѣстною лютеранскою церковью. Съ такимъ принципомъ невозможно правительству бороться тѣми установленными закономъ средствами, которыя въ своемъ основаніи имѣютъ принципъ діаметрально противоположный.

«Дѣйствительно, въ установленномъ порядкѣ я долженъ былъ бы предложить думѣ войти въ разсмотрѣніе этого вопроса и предъявить къ ревельскимъ лютеранскимъ церквамъ (или къ магистрату) искъ за незаконное владѣніе (или незаконную передачу) городскимъ имуществомъ. Но 23/24 общаго состава гласныхъ ревельской городской думы принадлежатъ къ лютеранской церкви и въ ихъ числѣ находятся и тѣ члены магистрата, которые сей подлогъ совершили. При такихъ условіяхъ всѣ старанія думы будутъ направлены, въ чемъ я не сомнѣваюсь, къ тому, чтобы выгородить лицъ, учинившихъ подлогъ, заявить полную съ ними солидарность и оставить въ обладаніи лютеранскихъ церквей тайнымъ и подложнымъ образомъ доставшееся имъ имущество. Своимъ постановленіемъ дума узаконитъ преступное дѣяніе магистрата и, какъ это уже было въ дѣлѣ Іоганнисгофа и Каутеля, сознательно нанесетъ ущербъ ввѣренному ея управленію городскому достоянію ради обогащенія лютеранскихъ церквей. Я вынужденъ буду черезъ присутствіе по городскимъ дѣламъ отмѣнить такое постановленіе, и это дѣло перейдетъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Но и это высшее правительствующее учрежденіе, какъ усматривается изъ дѣла Іоганнисгофа и Каутеля, не имѣетъ возможности дать этому дѣлу такое направленіе, которое устранило бы отъ участія въ немъ думу. Это дѣло неминуемо должно будетъ снова поступить на обсужденіе думы, и послѣдняя еще разъ получитъ возможность высказать въ немъ свое

узко-партійное направленіе, столь мало имѣющее общаго съ законностью и справедливостью.

«Я долженъ откровенно сознаться, что крайне сожалѣю о томъ, что возбудилъ дѣло о Іоганнисгофѣ и Каутелѣ. Хотя оно и не можетъ еще считаться окончательно разрѣшеннымъ, но тѣмъ не менѣе оно очутилось нынѣ, благодаря указу Правительствующаго Сената отъ 12 марта 1887 года за № 3094 (этимъ указомъ отмѣнено распоряженіе присутствія по городскимъ дѣламъ, несогласное съ постановленіемъ думы), въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ было въ моментъ его возбужденія мною. Тогда лютеранскія церкви непосредственно пользовались этимъ имуществомъ, записаннымъ за ними въ ипотечныхъ книгахъ, нынѣ онѣ продолжаютъ имъ пользоваться, но уже черезъ посредство городского общественнаго управленія, которое вслѣдствіе сего, получило характеръ учрежденія конфессіональнаго.

«Между тѣмъ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, чтобы произвести давленіе въ нужномъ имъ смыслѣ на общественное мнѣніе и на высшія правительственныя учрежденія, въ коихъ это дѣло разсматривалось, представили его въ совершенно превратномъ видѣ. Въ пространныхъ корреспонденціяхъ изъ Ревеля, помѣщавшихся въ различныхъ періодическихъ заграничныхъ изданіяхъ и главнымъ образомъ въ «Neue Preussische Zeitung», извѣстной болѣе подъ названіемъ «Крестовой газеты», дѣло Іоганнисгофа и Каутеля было выставлено, какъ первый шагъ къ осуществленію намѣреній правительства отобрать въ казну все имущество лютеранскихъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ. Цѣль была достигнута: общественное мнѣніе мѣстныхъ нѣмецкихъ группъ было сильно возбуждено; нужное давленіе на Правительствующій Сенатъ произведено. Я счелъ себя вынужденнымъ для возстановленія истины напечатать въ номерѣ 13 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1887 годъ подробное и документальное изложеніе всего этого дѣла, но эта мѣра намѣченной цѣли не достигла, такъ какъ эта статья не была перепечатана не только въ заграничныхъ, но даже и въ мѣстныхъ газетахъ. Указъ Правительствующаго Сената отъ 12-го марта 1887 года за № 3094 удовлетворилъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ судьбою этого дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ухудшилъ положеніе самого дѣла, какъ я имѣлъ

честь подробно доложить Вашему Сіятельству въ представленіи отъ 12-го августа 1887 года за № 3422 (министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда гр. Толстой).

«Въ виду всего изложеннаго я находилъ бы совершенно безцѣльнымъ возбуждать нынѣ въ установленномъ порядкѣ вопросъ о тайной передачѣ магистратомъ путемъ подлога 11 городскихъ домовъ лютеранскимъ церквамъ, ибо возстановить въ упомянутомъ порядкѣ въ этомъ преступномъ дѣлѣ правду и законность, помимо участія думы нельзя. Если сама лютеранская церковь считаетъ возможнымъ и для себя не постыднымъ пользоваться такимъ путемъ добытою чужою собственностью, то возможно ли ожидать иного болѣе нравственнаго отношенія къ этому дѣлу отдѣльныхъ членовъ этой церкви и притомъ такихъ, которые сами же содѣйствовали этому преступленію и лично принимали въ подлогѣ участіе. Мнѣ кажется, что при существующемъ мѣстномъ строѣ лучше вовсе не возбуждать этого дѣла въ установленномъ порядкѣ, чтобы не обнаружить безсилія правительства въ возстановленіи законности и правды. Но, такъ какъ совѣсть и служебный долгъ не могутъ мириться съ мыслью о безсиліи самодержавнаго правительства въ борьбѣ съ беззаконіемъ и неправдой, имѣющими притомъ въ данномъ случаѣ значеніе явленія не единоличнаго и частнаго, а общественнаго и принципіальнаго, то въ виду исключительности этого дѣла я полагалъ бы необходимымъ и дать ему особое, исключительное направленіе, а именно: исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на возстановленіе истекшаго 24-го августа 1884 года срока давности сего преступленія и предложить затѣмъ эстляндскому губернскому прокурору возбудить уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи сего служебнаго подлога».

Такимъ образомъ, кн. Шаховской называетъ подлогомъ предоставленіе въ пользу церквей доходовъ отъ капиталовъ и имуществъ, пожертвованныхъ еще въ XVI столѣтіи католическимъ церквамъ и перешедшихъ при реформаціи къ лютеранской церкви. Если имѣть въ виду, что это былъ комплексъ имуществъ, предназначенныхъ для богоугодныхъ цѣлей, осуществленіемъ которыхъ вѣдала церковь, а отчасти и непосредственно для нуждъ самыхъ церквей, — то станетъ ясно, къ какимъ пріемамъ

прибѣгала мѣстная власть въ осуществленіи политики, предуказанной свыше.

Я не могу не поставить въ связь приведенный документъ съ тѣми гоненіями, которымъ стали подвергаться впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая II, лютеранскіе пасторы, которые привлекались къ уголовному суду за совершеніе религіозныхъ требъ надъ лицами, яко-бы принадлежащими къ православной церкви. Пасторскія дѣла имѣли все тотъ же источникъ, а именно: политику борьбы противъ нѣмецкаго элемента, но борьбы не откровенной, какъ это было въ отношеніи Польши, гдѣ открыто поддерживали крестьянское населеніе для того, чтобы парализовать вліяніе польской аристократіи и шляхты, а скрытой, осуществляемой въ порядкѣ мнимой защиты интересовъ православія, отъ чуждыхъ въ дѣйствительности лютеранской церкви прозелитскихъ поползновеній по отношенію къ православному населенію. Пасторскія дѣла въ серединѣ 90-хъ годовъ раскрыли не мало картинъ, изображающихъ способы пріобщенія къ православію латышей и эстовъ.

ГЛАВА XXVI.

Проекты, выработанные Совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ Плеве. — Работы по статистикѣ Ивана Станиславовича Бліоха. — Бюро прессы. — Докладъ Александру III министра финансовъ Вышнеградскаго. — Отношеніе къ проектамъ Плеве министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново и директора Департамента Полиціи П. Н. Дурново.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ закрытія Паленской Комиссіи, ни пресса, ни вообще политическіе круги, интересовавшіеся еврейскимъ вопросомъ, ничего не знали о работахъ Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ тов. министра В. К. Плеве, коему переданы были всѣ матеріалы Паленской Комиссіи для разработки законопроектовъ о евреяхъ. Къ 1891 г. работы Совѣщанія закончились. Имъ выработаны были законодательныя предположенія, подлежавшія внесенію въ Государственный Совѣтъ. Эти предположенія стали мнѣ извѣстны, и я имѣлъ случай ознакомиться и съ ихъ мотивами, формулированными Совѣщаніемъ.

Совѣщаніе не использовало ни въ какой мѣрѣ тѣ обширные матеріалы, которые были собраны авторитетными лицами для Паленской Комиссіи. Не было упоминанія и объ общемъ журналѣ, содержавшемъ заключенія Паленской Комиссіи, сводившіяся къ тому, чтобы признать цѣлесообразнымъ постепенное расширеніе правъ евреевъ. Не только ни о какомъ расширеніи не было рѣчи въ предположеніяхъ Плевенскаго Совѣщанія, но, напротивъ того, оно предполагало отмѣнить и тѣ льготы, которыя были даны разнымъ категоріямъ евреевъ ранѣе, въ царствованіе Александра II. Высочайшій Указъ, отмѣнившій въ 1891 г. права ремесленниковъ и отставныхъ николаевскихъ солдатъ въ отношеніи Москвы и московской губерніи, былъ

лишь сколкомъ съ общаго предположенія, которое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Плеве выработало для всей Имперіи. Что касается вопроса о Правилахъ 3 мая 1882 г., то по проекту Плеве предполагалось не только не допускать новыхъ евреевъ къ поселенію внѣ городовъ и мѣстечекъ, но и приступить къ постепенной очисткѣ деревень и селъ отъ евреевъ, которые тамъ издавна жили. Предполагалось всѣхъ молодыхъ евреевъ, достигшихъ совершеннолѣтія, хотя бы они родились въ данной сельской мѣстности, выселить изъ деревень. Предполагалось всѣхъ, хотя бы на нѣкоторое время удалившихся изъ деревень, считать выбывшими оттуда и не допускать ихъ возвращенія. Дочь, вышедшая замужъ за еврея, не живущаго въ деревнѣ или селѣ, лишалась права хотя бы и временнаго посѣщенія своихъ родителей, оставшихся на жительствѣ внѣ города.

Словомъ, предположены были мѣры постепенной эвакуаціи съ жестокимъ примѣненіемъ выселенія. За всякое нарушеніе запретовъ, установленныхъ по закону въ отношеніи жительства въ деревнѣ и права на аренду, предполагалось установить серьезныя уголовныя кары по суду. Выработана была особая сѣть мѣръ борьбы противъ аренды по словеснымъ контрактамъ или иначе, т. наз. «подъименной» аренды, т. е. аренды на чужое имя. Но если предположенія, выработанныя въ совѣщаніи Плеве, были ужасны по своей жестокости, то мотивы и соображенія, сопровождавшіе эти законопроекты и положенные въ основаніе ихъ, были еще ужаснѣе. Эти предположенія, экземпляръ которыхъ у меня сохранился, являются образцомъ средневѣковой злобы по отношенію къ цѣлому народу. Нѣтъ тѣхъ черныхъ красокъ, которыми составители законопроектовъ не воспользовались бы, чтобы сдѣлать возможно мрачнѣе картину воображаемой еврейской эксплоатаціи. Съ какой-то особой мстительностью и, можно сказать, садизмомъ, составители законопроекта обрушивались на евреевъ за то, что, будучи стѣсненными въ пользованіи самыми элементарными гражданскими и человѣческими правами, они пытались не задохнуться и обходить запреты, прибѣгая къ неформальнымъ сдѣлкамъ, которыя сами по себѣ не представляются противозаконными, хотя и маскируютъ то, что имѣли въ виду предупредить запретительные о евреяхъ законы.

Арендованіе земли по словесному договору вслѣдствіе запрета совершать письменные договоры по правиламъ 3 мая, серьезно трактовалось, какъ преступленіе, и притомъ не преступленіе со стороны того помѣщика, который, зная объ этомъ запретѣ, нарушалъ его изъ-за своихъ личныхъ выгодъ и предоставлялъ въ пользованіе земельный участокъ еврею, а какъ преступленіе со стороны еврея, который, не желая добровольно умереть съ голода, въ стремленіи изыскать источникъ существованія, прибѣгалъ къ такому необычному и невѣрному способу фиксированія отношеній, какъ словесные договоры. Въ самомъ дѣлѣ, въ любой моментъ недобросовѣстный помѣщикъ, прикрываясь патріотическимъ желаніемъ содѣйствовать видамъ правительства, имѣлъ возможность выдать еврея и присвоить его инвентарь, который не могъ числиться за евреемъ, лишеннымъ права имѣть арендное касательство къ землѣ; въ этомъ случаѣ арендатора, безсильнаго защищаться противъ ограбленія, ждало неминуемо разореніе. Въ мотивахъ законопроектовъ рисовалась картина еврейскаго засилья, облегченнаго будто бы тѣмъ, что питейная торговля находится въ рукахъ евреевъ; но не было въ этихъ соображеніяхъ ни одного слова осужденія тѣмъ богатымъ помѣщикамъ, русскимъ землевладѣльцамъ, получившимъ на льготныхъ условіяхъ конфискованныя польскія имѣнія, которые свое пропинаціонное право, т. е. право спаивать народъ, эксплоатировали въ своихъ интересахъ черезъ евреевъ, отдавая имъ въ аренду корчмы или питейныя заведенія. Много говорилось о еврейскомъ ростовщичествѣ, но не приводилось никакихъ ни статистическихъ, ни иныхъ доказательствъ. Между тѣмъ впослѣдствіи, въ началѣ 90-хъ годовъ, изъ обслѣдованія вопроса о сельскомъ ростовщичествѣ, предпринятаго департаментомъ окладныхъ сборовъ министерства финансовъ, — по оффиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ тогда, видно, что размѣръ процентовъ по займамъ въ сельскихъ мѣстностяхъ въ чертѣ осѣдлости, былъ значительно ниже той процентной ставки, которая была принята въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ въ селахъ и деревняхъ евреевъ вовсе не было. Изъ этого обслѣдованія мною въ свое время почерпнуты были и особенно характерныя черты: самое крупное ростовщичество, оказывается, проявляло сельское духовенство; объ этомъ въ указанномъ изда-

ніи департамента окладныхъ сборовъ имѣются неопровержимыя статистическія данныя.

Говорилось также объ экономическомъ засильѣ евреевъ въ видѣ преимущественной роли ихъ въ торговлѣ, однако, не приводилось никакихъ сравненій между экономическимъ положеніемъ крестьянъ въ чертѣ осѣдлости, гдѣ имѣются евреи и гдѣ они проявляютъ свою экономическую работу, и положеніемъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ при отсутствіи конкурренціи полновластными хозяевами рынка являются православные кулаки-міроѣды. Не приводилось никакихъ данныхъ о томъ, что цѣны на предметы первой необходимости въ чертѣ осѣдлости гораздо ниже, нежели цѣны на тѣ же предметы во внутреннихъ губерніяхъ. Не говорилось и о томъ, что сельское населеніе внутреннихъ губерній лишено предметовъ ремесленной промышленности, что нѣтъ кузнецовъ, нѣтъ производителей телѣгъ, негдѣ чинить плуговъ, и что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи еще обречены на работу сохой, тогда какъ въ чертѣ осѣдлости въ каждомъ селѣ и во многихъ деревняхъ имѣется одинъ-другой еврей-кузнецъ, который обслуживаетъ мѣстное населеніе и, зарабатывая себѣ скудныя средства, приноситъ пользу всей округѣ. И эти кузнецы-работники, телѣжники, шорники и т. п., снабжающіе за ничтожную плату сельское населеніе предметами своего производства, зачислялись также въ участники экономическаго засилья и изображались виновниками эксплоатаціи крестьянъ евреями.

Въ отношеніи еврейской торговли не приводилось также никакихъ сравнительныхъ данныхъ, не указывалось, что уже согласно матеріаламъ Паленской комиссіи, средній заработокъ въ процентахъ отъ торговли еврея въ чертѣ осѣдлости значительно ниже, чѣмъ прибыль, которую получаетъ на оборотный капиталъ торговецъ во внутреннихъ губерніяхъ, что сила еврейскаго участія въ торговой жизни заключается не въ увеличеніи процента прибыли, а въ ускореніи циркуляціи незначительнаго оборотнаго капитала. Авторамъ законопроекта Плеве не были извѣстны случаи, когда оборотный капиталъ еврея-торговца составлялъ 50 рублей, и эти 50 руб., оборачиваясь у него каждую недѣлю и отбрасывая ему 6%, давали возможность существовать семьѣ, правда, существовать лишь на сухой

хлѣбъ и селедку въ теченіе недѣли, съ пріобрѣтеніемъ курицы на субботній день.

Предположенія Плеве клонились къ тому, чтобы объединить черту осѣдлости и Царство Польское въ отношеніи узаконеній о евреяхъ. Съ евреевъ Плеве думалъ начать окончательное объединеніе Польши съ Россіей; предполагалось уничтожить фактически существовавшее въ Польшѣ почти полное равноправіе евреевъ, въ частности въ отношеніи владѣнія недвижимой собственностью, и примѣнить къ Царству Польскому Правила 3 мая въ ихъ усиленномъ видѣ. Впервые правовому положенію польскихъ евреевъ стало угрожать примѣненіе политики, преслѣдуемой въ еврейскомъ вопросѣ въ самой Россіи. Это обстоятельство побудило одного изъ самыхъ заслуженныхъ дѣятелей въ области еврейскаго вопроса, хотя и не еврея, Ивана Станиславовича Бліоха, предпринять трудъ, раскрывшій глаза всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть и кто желалъ изучить роль евреевъ въ экономической жизни страны, именно, трудъ экономическаго статистическаго обслѣдованія роли евреевъ въ разныхъ областяхъ русской торговли и промышленности.

Это была колоссальная работа. Оффиціальныхъ источниковъ статистическихъ данныхъ почти не существовало, — тѣ данныя, которыя появлялись въ правительственныхъ изданіяхъ, не содержали никакихъ цифръ по исповѣданіямъ или національностямъ. Въ департаментѣ торговли и промышленности, входившемъ тогда въ министерство финансовъ, какъ и во всемъ вѣдомствѣ министерства финансовъ, не исключая и департамента окладныхъ сборовъ, не было статистическихъ данныхъ о числѣ купцовъ разныхъ гильдій евреевъ и не евреевъ. Не было статистики относительно фабричной и заводской промышленности. Только по отдѣльнымъ отраслямъ, бывшимъ на особомъ учетѣ акцизнаго вѣдомства, какъ, напр., сахарные заводы, соляные промыслы и т. п., имѣлись точныя статистическія данныя, но опять-таки безъ подробностей, которыя могла бы дать статистика распредѣленія этихъ промышленныхъ заведеній по владѣльцамъ, различаемымъ по вѣроисповѣданію или національности. Не было, наконецъ, статистики, касающейся благосостоянія сельскаго населенія. Вообще отсутствіе статистики было вѣчнымъ источникомъ недоразумѣній въ Россіи каждый разъ, ког-

да приходилось составлять какія-нибудь законодательныя предположенія.

Съ колоссальной энергіей и большими матеріальными затратами И. С. Бліохъ приступилъ къ собиранію точныхъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, касающихся экономическаго положенія и экономической роли евреевъ въ чертѣ осѣдлости. Онъ пригласилъ для этой цѣли штатъ сотрудниковъ, которые въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ напримѣръ, въ казенныхъ палатахъ, дѣлали соотвѣтственныя выписки и обрабатывали получаемый матеріалъ. Изъ этихъ сотрудниковъ нельзя не упомянуть прежде всего объ А. П. Субботинѣ, авторѣ вышедшей тогда книги объ экономическомъ положеніи евреевъ въ чертѣ осѣдлости. Онъ имѣлъ богатый опытъ въ области экономическаго обслѣдованія и считался очень заслуженнымъ писателемъ въ области экономическихъ вопросовъ вообще. Занимался также задуманнымъ Бліохомъ дѣломъ и покойный Леонидъ Полонскій, вѣдавшій какъ бы литературной частью работы Бліоха. Имъ были собраны данныя изъ желѣзнодорожной статистики, характеризующія товарообмѣнъ между отдѣльными частями Россіи, онъ собралъ даже точныя данныя о вліяніи евреевъ на пьянство и предпринялъ обслѣдованіе матеріальнаго положенія крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ выбраны были для сравненія губерніи въ чертѣ осѣдлости и внутреннія губерніи, имѣющія аналогичныя условія экономической жизни и, въ частности, одинаковыя сельско-хозяйственныя условія. Цифры показывали, что недоимочныхъ крестьянъ въ чертѣ осѣдлости меньше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ; цѣны на сельскіе продукты въ чертѣ осѣдлости выше, а цѣны на предметы ремесленнаго производства, необходимые въ крестьянскомъ обиходѣ, ниже; что покупка крестьянами земли въ чертѣ осѣдлости чаще и значительнѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Результаты этихъ обширныхъ трудовъ, изложенные въ пяти томахъ, были напечатаны, но цензура ихъ задержала. Вопросъ о выпускѣ книги поступилъ по тогдашнимъ правиламъ въ комитетъ министровъ, и комитетъ министровъ призналъ, что это изданіе подлежитъ уничтоженію. Только случайно въ типографіи, гдѣ оно печаталось, а именно въ типографіи Эфрона, уцѣлѣло нѣсколько экземпляровъ, составлявшихъ и тогда библі-

ографическую рѣдкость, а въ настоящее время совершенно недоступныхъ чьему-либо взору. Я въ свое время знакомился съ этимъ трудомъ по мѣрѣ печатанія его, и долженъ сказать, — въ этомъ отношеніи, впрочемъ, сходились всѣ тѣ, кто имѣлъ случай ознакомиться съ работой Бліоха, — что болѣе детальнаго, добросовѣстнаго, основательнаго статистическаго обслѣдованія положенія евреевъ и ихъ экономической роли въ общемъ обиходѣ торговопромышленной Россіи еще не было. Ни одно оффиціальное изданіе не могло конкуррировать по точности и богатству съ матеріаломъ, собраннымъ иждивеніемъ и личнымъ трудомъ Бліоха. Онъ такъ увлеченъ былъ своей работой, что часто, отправляясь въ Петербургъ, бралъ съ собою въ дорогу статистическій матеріалъ, касающійся еврейскаго вопроса, и въ вагонѣ работалъ надъ нимъ; во время своего пребыванія въ Петербургѣ, въ свободныя отъ различныхъ посѣщеній минуты, онъ также отдавался обработкѣ этого матеріала.

Я былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ при его пріѣздахъ въ Петербургъ и поэтому могъ наблюдать, какъ близко этотъ богатый желѣзнодорожный и банкирскій дѣятель принималъ къ сердцу то дѣло, которому онъ посвятилъ столько вниманія. И. С. Бліохъ поддерживалъ близкія сношенія съ Н. И. Бакстомъ, — черезъ послѣдняго я и познакомился съ Бліохомъ. У Бліоха явилась мысль, къ которой мы, уже едва-ли не черезъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, вернулись — и осуществили — въ Петербургѣ. Убѣдившись, что въ прессѣ, даже той, которая принципіально не враждебна еврейскому вопросу, отсутствуютъ самыя элементарныя знанія данныхъ, относящихся къ этому вопросу, Бліохъ выдвинулъ мысль, что слѣдовало бы организовать нѣчто вродѣ «бюро печати», въ которомъ обрабатывались бы время отъ времени разные матеріалы по еврейскому вопросу и давалось бы надлежащее освѣщеніе тѣмъ или другимъ фактамъ, имѣющимъ значеніе въ соображеніяхъ и мотивахъ разныхъ правительственныхъ законопроектовъ и предположеній въ этой области. Онъ полагалъ, что было бы полезно имѣть въ распоряженіи для этого дѣла нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ видныхъ публицистовъ, которыя могли бы заготовлять статьи для газетъ и журналовъ; статьи эти отсылались бы въ тѣ органы печати, которые по ихъ направленію могли бы заин-

тересоваться даннымъ вопросомъ. Главнымъ редакторомъ этого бюро былъ приглашенъ Леонидъ Полонскій. Въ число сотрудниковъ, обрабатывавшихъ матеріалъ и писавшихъ статьи, былъ приглашенъ и я. Изготовлено было нѣсколько десятковъ статей по вопросамъ о примѣненіи Правилъ 3-го мая, о воинской повинности, о питейной торговлѣ и т. п., но, къ сожалѣнію, помѣщать подобныя статьи въ газетахъ оказалось труднѣе, чѣмъ это себѣ представлялъ самъ Бліохъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда выяснилась безплодность этого предпріятія, пришлось отъ него отказаться.

Законопроекты Плеве, къ счастью для евреевъ, оказались обреченными. Выработанные законопроекты и записки къ нимъ были препровождены на заключеніе вѣдомствъ, между прочимъ, на заключеніе министерства финансовъ. Это было въ концѣ 1892 года. Россія переживала финансово - экономическій кризисъ. Современникамъ памятны эти ужасные годы: 1891-1892 г. г., когда въ Россіи разразился небывалый голодъ, при чемъ голодающими оказались какъ разъ тѣ губерніи, — все Приволжье, — которыя снабжали хлѣбомъ не только Россію, но и иностранныя государства. Потребовалась энергичная помощь со стороны правительства, всколыхнулось и общественное мнѣніе. Мнѣ здѣсь нѣтъ надобности вспоминать о той борьбѣ, которая началась вокругъ голода между земствами и правительствомъ. Этотъ общій вопросъ нашелъ достаточный откликъ въ русской публицистикѣ и даже въ литературѣ. Мало того, даже въ началѣ этого столѣтія ему были посвящены воспоминанія В. Г. Короленко, указавшаго на Анненскаго, какъ на земскаго статистика, который первымъ забилъ въ набатъ, дабы привлечь вниманіе къ судьбѣ нижегородскаго населенія, потерпѣвшаго отъ неурожая, чего сначала не признавали административныя власти приволжскихъ губерній во главѣ съ нижегородскимъ губернаторомъ Барановымъ.

Сельско-хозяйственный кризисъ немедленно же отозвался на общемъ экономическомъ положеніи Россіи: сбытъ товаровъ сильно уменьшился, кредитъ пошатнулся, чему содѣйствовало московское мѣропріятіе по отношенію къ евреямъ; курсъ русскаго рубля изо дня въ день падалъ; носилась въ воздухѣ даже мысль о девальваціи

рубля; необходимо было прибѣгнуть къ иностранному кредиту.

Во главѣ финансоваго вѣдомства стоялъ тогда И. А. Вышнеградскій, бывшій профессоръ Технологическаго Института, предсѣдатель правленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, человѣкъ съ обширными знаніями и сильнымъ характеромъ, знавшій лучше, чѣмъ бывшіе до него министры, всѣ язвы нашего экономическаго быта. Его предшественникъ, Бунге, послѣ ухода своего изъ министерства финансовъ назначенный предсѣдателемъ комитета министровъ, былъ слишкомъ кабинетный работникъ и, будучи человѣкомъ абсолютной чистоты въ своихъ стремленіяхъ ко благу Россіи, не раздѣлялъ политики, усвоенной Александромъ III и расцвѣтшей вполнѣ къ концу 80-хъ г.г.; онъ не могъ не понимать, что это полититика экономической изоляціи Россіи. Замѣнившій его Вышнеградскій, раздѣляя основные принципы своего предшественника, былъ человѣкомъ какъ бы взятымъ изъ жизни. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ и со смѣлостью, необычной для нашихъ министровъ, могъ отстаивать положенія передъ Александромъ III, передъ которымъ трудно было устоять министрамъ съ менѣе сильнымъ характеромъ. Александръ III не любилъ возраженій. На министровъ онъ смотрѣлъ не какъ на совѣтниковъ, а какъ на исполнителей своей воли. Онъ вѣрилъ въ то, что его воля есть выраженіе воли Провидѣнія и что поэтому измѣнить то или другое его рѣшеніе представляется отступленіемъ отъ внушенной Богомъ мысли. Съ его точки зрѣнія министры не должны были приводить никакихъ доводовъ и соображеній, и поэтому ему и не приводили никакихъ соображеній, противныхъ его собственнымъ предначертаніямъ. Вышнеградскій зналъ настроеніе Александра III въ области еврейскаго вопроса, а съ другой стороны онъ понималъ, что осуществленіе предположеній Плеве нанесетъ ударъ непосредственно экономическому благосостоянію Россіи, а главное, навсегда, или во всякомъ случаѣ, надолго, поставитъ Россію въ невыгодное положеніе при заключеніи иностранныхъ займовъ.

И вотъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ въ началѣ 1893 г., Вышнеградскій объясняетъ Александру III причины, почему онъ полагаетъ, что разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ предположеній Плеве

явилось бы несвоевременнымъ. Съ очень большой осторожностью, зная предубѣжденіе Александра III, онъ подходитъ къ вопросу по существу, выражая сомнѣніе въ цѣлесообразности мѣръ, предположенныхъ въ законопроектахъ Совѣщанія Плеве. Съ такой же осторожностью онъ указываетъ, что не всѣ черты еврейской экономической дѣятельности, какъ онъ выражается, являются безусловно вредными, — онъ усматриваетъ и нѣкоторыя полезныя стороны дѣятельности евреевъ на экономическомъ поприщѣ. Но каковы бы ни были результаты этой дѣятельности, нельзя, по мнѣнію Вышнеградскаго, стать въ такое рѣзкое противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, въ которомъ евреи, по его убѣжденію, играютъ роль, въ такой моментъ, когда Россія нуждается въ расположеніи финансовыхъ заграничныхъ сферъ для реализаціи займа, безъ котораго дальнѣйшее сведеніе бюджета представляется невозможнымъ. Вышнеградскій указываетъ на обстоятельства реализаціи предшествовавшаго займа, когда вслѣдствіе принятыхъ по отношенію къ евреямъ мѣръ, еврейскіе финансовые круги, во главѣ съ Ротшильдомъ въ Парижѣ, воздержались отъ участія въ реализаціи. Возникли серьезныя затрудненія, и условія, при которыхъ реализація была осуществлена, при содѣйствіи однихъ только христіанскихъ банкировъ, оказались очень тяжелыми. Вышнеградскій рекомендуетъ воздержаться въ настоящее время отъ одобренія законопроекта Плеве.

Большого сочувствія законопроектъ Плеве не вызвалъ и у министра внутреннихъ дѣлъ, каковымъ тогда былъ Иванъ Николаевичъ Дурново, бывшій товарищъ министра при Толстомъ, и послѣ ухода Толстого занявшій постъ министра. И. Н. Дурново, бывшій екатеринославскій предводитель дворянства, а потомъ и губернаторъ, не отличался ни особыми административными дарованіями, ни силой своего характера и вообще представлялся человѣкомъ довольно зауряднымъ. Карьерой своей онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ тому, что до перехода въ министерство внутр. дѣлъ имѣлъ высокую отвѣтственную должность въ вѣдомствѣ императрицы Маріи и, повидимому, именно въ качествѣ придворнаго человѣка, заслужилъ симпатію и императрицы и самого Александра III. Выборъ министровъ Александромъ III вообще основывался отнюдь не на подаваемыхъ кандидатами надеждахъ на проявленіе

большой административной инициативы; напротивъ того, Александръ III не терпѣлъ возраженій и поэтому людей податливыхъ, преданныхъ исполнителей своей воли, онъ цѣнилъ больше, чѣмъ самостоятельное проявленіе энергіи, столь необходимой на посту министра.

Дурново отличался обаятельными манерами, былъ человѣкомъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не имѣлъ никакихъ твердыхъ и рѣзкихъ убѣжденій, словомъ, принадлежалъ къ сорту людей, которые умѣли приспосабливаться ко всякому курсу и, приспособившись, сами не проявляли рѣзкихъ, непріятныхъ чертъ даннаго курса и уже своей пріятной манерой сглаживали создававшіяся затрудненія. И въ области еврейскаго вопроса И. Н. Дурново не проявлялъ никакого озлобленія. Онъ шелъ по теченію; никакой антисемитской инициативы онъ не проявлялъ, и даже бывали случаи, когда напротивъ того, онъ смягчалъ посколько могъ, примѣненіе тѣхъ или другихъ мѣръ, предначертанныхъ свыше. Еврейскими дѣлами вѣдалъ тогда департаментъ полиціи. Между директоромъ департамента полиціи и самимъ министромъ, въ области рѣшенія дѣлъ, связанныхъ съ еврейскимъ вопросомъ, никакой сильной инстанціи не было: товарищъ министра не имѣлъ никакого вліянія какъ разъ на эту категорію дѣлъ. Такимъ образомъ, фактическимъ вершителемъ еврейскихъ дѣлъ являлся директоръ департамента полиціи, которымъ былъ Петръ Николаевичъ Дурново, бывшій товарищъ прокурора судебной палаты въ Петербургѣ, одновременно съ Плеве, послѣ катастрофы 1 марта, перешедшій на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и съ уходомъ Плеве въ товарищи министра занявшій освободившееся мѣсто директора департамента. Этотъ Дурново, въ отличіе отъ министра Ивана Николаевича Дурново, былъ человѣкомъ большой инициативы. Онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи. О немъ мнѣ придется вспоминать неоднократно впослѣдствіи, какъ о сенаторѣ, какъ о товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ и потомъ какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ уже въ кабинетѣ, образованномъ Витте послѣ 17 октября 1905 г.

П. Н. Дурново, какъ абсолютно умный человѣкъ, понималъ всю нелѣпость политики въ области еврейскаго вопроса; онъ не вѣрилъ въ спасительность ограничитель-

ныхъ мѣръ, но, конечно, его положеніе не позволяло ему возвысить голосъ за отмѣну тѣхъ или другихъ ограниченій. Подчиняясь требованіямъ политическаго курса, онъ, какъ директоръ департамента, твердо держался предуказанныхъ началъ и никакихъ послабленій не допускалъ. Однако, онъ всегда былъ доступенъ резонамъ, и я по совѣсти долженъ сказать, что если примѣненіе того или другого ограничительнаго правила являлось крайне несправедливымъ и находилось въ явномъ противорѣчіи съ гуманностью, то отъ директора департамента всегда можно было ожидать и вниманія и благосклоннаго къ дѣлу отношенія. Проекты Плеве отнюдь не вызвали симпатій Дурново, а отъ него въ значительной степени могло зависѣть дать имъ ускоренное движеніе или же, наоборотъ, не торопиться съ представленіемъ ихъ въ Государственный Совѣтъ, — не потому, что онъ, какъ директоръ департамента, могъ осилить товарища министра Плеве, а потому, что по условіямъ бюрократическаго производства дѣлъ, ему легко было чинить всякія препятствія и задержки въ движеніи законодательныхъ предположеній. Эти проекты не сдвинулись съ мѣста, пока Плеве оставался въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, — они дремали въ нѣдрахъ разныхъ канцелярій до того момента, когда Плеве былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ и никакого интереса уже къ этимъ законопроектамъ проявлять не могъ. Такъ они и остались въ канцелярскихъ архивахъ, къ счастью для евреевъ, а, можетъ быть, и для Россіи, не поступивъ даже въ Государственный Совѣтъ.

Фактическимъ распорядителемъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ то время былъ директоръ департамента общихъ дѣлъ Заика. Говорили, что онъ ставленникъ Побѣдоносцева, и что черезъ него Побѣдоносцевъ проводилъ всѣ свои тенденціи въ области внутренней политики. Самымъ вліятельнымъ лицомъ въ сферѣ бюрократіи былъ, разумѣется, именно Побѣдоносцевъ. Будучи фактически какъ бы премьеръ-министромъ, онъ, однако, не проявлялъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла другихъ вѣдомствъ. Но всѣмъ было извѣстно, что ни одинъ важный политическій вопросъ, къ какой бы области государственной жизни онъ ни относился, не обходился безъ вліянія Побѣдоносцева на Александра III. А съ другой стороны, ни одно вѣдомство не предпринимало въ важ-

нѣйшихъ вопросахъ никакихъ шаговъ, не освѣдомившись заранѣе о настроеніи Константина Петровича Побѣдоносцева по отношенію къ этому вопросу. Если Александръ III былъ антисемитъ, какъ бы сказать, природный, по инстинкту, и находился подъ вліяніемъ впечатлѣній, внушенныхъ ему еще во время командованія арміей на Балканскомъ полуостровѣ, какъ я объ этомъ говорилъ раньше, — то Побѣдоносцевъ являлся идеологомъ антисемитизма, и тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ исходилъ не изъ точки зрѣнія вреда отъ дѣятельности евреевъ, а изъ идеи трудности для окружающаго населенія конкуррировать съ евреями, выше его стоящими въ культурномъ отношеніи. Заика, на посту директора департамента общихъ дѣлъ, былъ отголоскомъ того, что думалъ и какъ рѣшалъ въ своемъ умѣ тотъ или другой вопросъ Побѣдоносцевъ. Возможно, что если бы удалось убѣдить Заику и черезъ него Побѣдоносцева въ необходимости перемѣны курса по отношенію къ евреямъ или, по крайней мѣрѣ, ослабленія этого курса, то положеніе евреевъ было бы облегчено. Но никакихъ путей къ этому не было, и, слѣдовательно, вся сила воздѣйствія доступнаго намъ тогда въ борьбѣ противъ бушующей бури, должна была быть направлена на департаментъ полиціи и на Дурново. Онъ не былъ доступенъ какому бы то ни было воздѣйствію нелегальному или предосудительному. Рѣшительно невозможно указать ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что Дурново желалъ воспользоваться своимъ властнымъ положеніемъ, въ области дѣлъ еврейскихъ и еврейской политики вообще, для извлеченія какихъ-нибудь личныхъ выгодъ. И если упомянутый мною выше Быховскій всегда вертѣлся вокругъ дѣлъ, производившихся въ департаментѣ полиціи, то его связи не доходили до самого директора департамента, — онъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ болѣе низкихъ по рангу чиновниковъ, и въ особенности бывшаго секретаря по департаменту полиціи, добраго малаго, любившаго пожить и нуждавшагося поэтому въ нѣкоторыхъ средствахъ. Роль этого секретаря сводилась, конечно, главнымъ образомъ къ освѣдомленію, но и въ этомъ отношеніи услуги его были неоцѣнимы, такъ какъ, благодаря освѣдомленію, удавалось убѣдить директора департамента, а потомъ и министра въ разрѣшеніи того или другого вопроса, если не совсѣмъ

въ благопріятную сторону, то во всякомъ случаѣ съ меньшимъ вредомъ.

А въ губерніяхъ, благодаря Высочайшимъ отмѣткамъ на всеподданнѣйшихъ докладахъ губернаторовъ, благодаря чуткости къ дувшему изъ Петербурга вѣтру и нажиму, который изъ центра съ большой силой передавался на периферію, антисемитизмъ въ административной сферѣ свирѣпствовалъ во-всю; прежде всего онъ сказался на окраинахъ и въ нѣдрахъ самой черты осѣдлости.

ГЛАВА XXVII.

Отмѣна Маковскаго циркуляра 1880 г. — Высочайшее повелѣніе 23 іюля 1893 г. — Права евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губ. — Преслѣдованія со стороны рижскаго полицеймейстера Власовскаго. — Статья 1171 Уложенія о наказаніяхъ. — Отказъ въ утвержденіи меня присяжнымъ повѣреннымъ.

1893 годъ былъ особенно тяжелымъ.

Какъ я уже неоднократно упоминалъ, циркуляромъ отъ 3 апрѣля 1880 г. № 30, изданнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Маковымъ, сдѣлано было распоряженіе объ оставленіи на жительствѣ, впредь до имѣющаго послѣдовать особаго распоряженія, всѣхъ тѣхъ, кто до этого времени поселился безъ законныхъ основаній во внутреннихъ губерніяхъ или, поселившись на законномъ основаніи, потерялъ таковое къ этому сроку. Я уже отмѣчалъ спасительное значеніе этого циркуляра, которымъ, надо сказать правду, пользовались и въ дальнѣйшемъ евреи, селившіеся во внутреннихъ губерніяхъ послѣ изданія циркуляра и признаваемые мѣстной полиціей водворившимися до 3 апрѣля 1880 г.

Маковскій циркуляръ, какъ его звали, сдѣлался какъ бы хартіей вольностей евреевъ, переселявшихся во внутреннія губерніи, и со временемъ еврейское населеніе за чертой осѣдлости твердо увѣровало въ незыблемость этого документа, начало считать его равносильнымъ закону; никому не приходило въ голову, что этотъ документъ можетъ быть отмѣненъ и что можетъ наступить тотъ срокъ, который опредѣленъ былъ его содержаніемъ, т. е. особое распоряженіе правительства.

Я всегда опасался, что этотъ циркуляръ, если закон-

ность его будетъ провѣрена, можетъ быть уничтоженъ, такъ какъ, въ дѣйствительности, содержаніе его превышало полномочія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ текстѣ его не было даже указанія на Высочайшее соизволеніе, котораго требовало изданіе подобнаго рода циркуляровъ; онъ даже не былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе ни въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», ни въ Собраніи Узаконеній. Его, поэтому, не надо было трогать и было опасно ссылаться на этотъ циркуляръ въ жалобахъ, обращенныхъ къ Правительствующему Сенату по дѣламъ о выселеніяхъ.

Случилось, однако, что въ 1893 г. Сенатъ разсматривалъ дѣло еврея, выселяемаго изъ г. Риги и обжаловавшаго постановленіе мѣстной власти, ссылаясь на принадлежащее ему право жительства на основаніи Маковскаго циркуляра. Сенатъ затребовалъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія объ этомъ циркулярѣ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Сената, министерство отмѣнило дѣйствіе этого циркуляра и по докладу Государю рѣшено было въ короткій срокъ выселить всѣхъ тѣхъ, которые на основаніи циркуляра незаконно проживали во внутреннихъ губерніяхъ. Сбылось то, чего я опасался каждый разъ, когда начиналось дѣло о правѣ жительства евреевъ, основывавшемся на этомъ сомнительномъ по своей дѣйствительности распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ Макова.

Отмѣна Маковскаго циркуляра, какъ громомъ оглушила еврейское населеніе во внутреннихъ губерніяхъ. Подъ дѣйствіе этой отмѣны попало, по моимъ вычисленіямъ, около 70 тысячъ семействъ. Поднялся буквально вопль. Съ 80-го года люди чувствовали себя укоренившимися на новыхъ мѣстахъ поселенія и считали свое положеніе тѣмъ болѣе прочнымъ, что имъ даже выдавались торговые документы на производство торговли. Значительное большинство нынѣ обреченныхъ должны были бы ликвидировать свои торговыя отношенія и этимъ вызвать значительную экономическую пертурбацію. Срокъ на выселеніе былъ данъ 6-тимѣсячный.

За всѣ годы, предшествовавшіе и послѣдующіе, моей работы въ области защиты правъ евреевъ на жительство во внутреннихъ губерніяхъ, я не припомню ни одного болѣе тревожнаго года, нежели этотъ годъ отмѣны Маковскаго циркуляра. Я былъ буквально засыпанъ разными обращеніями съ призывами о помощи. Приходилось неодно-

кратно обращаться въ департаментъ полиціи съ ходатайствами о продленіи сроковъ выселенія. Перспективы такого массоваго выселенія и его экономическихъ послѣдствій тронули, наконецъ, директора департамента, которымъ былъ тогда П. Н. Дурново, и въ концѣ концовъ, удалось добиться высочайшаго повелѣнія, которое было озаглавлено, какъ «опредѣленіе окончательныхъ сроковъ выселенія незаконно проживающихъ во внутреннихъ губерніяхъ евреевъ». Въ этомъ высочайшемъ повелѣніи содержались спасительные пункты, которые предотвратили, въ концѣ концовъ, угрожающее огромное бѣдствіе. Губернаторамъ внутреннихъ губерній предоставлено было возбуждать ходатайства передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ оставленіи на дальнѣйшее жительство тѣхъ евреевъ, выселеніе которыхъ представляется, по мнѣнію губернаторовъ, нежелательнымъ по соображеніямъ экономическимъ. Такія ходатайства должны были быть подтверждаемы заявленіемъ губернатора о пользѣ, приносимой даннымъ евреемъ для мѣстной торговли и промышленности. Въ отношеніи же губерній Прибалтійскихъ было опредѣлено, что проживавшіе до 3 апрѣля 1880 г., продолжаютъ навсегда пользоваться правомъ оставаться на мѣстахъ поселенія.

Началась новая отрасль работы для спасенія евреевъ отъ выселенія; отъ имени сотенъ и тысячъ евреевъ, я сталъ возбуждать ходатайства объ оставленіи на жительствѣ, несмотря на отмѣну Маковскаго циркуляра; ходатайства были адресованы министерству внутреннихъ дѣлъ, но направлялись къ губернатору. Удалось при этомъ установить такой порядокъ: если губернаторъ не встрѣчалъ препятствія къ удовлетворенію даннаго ходатайства, то министерство признавало такое заключеніе губернатора равносильнымъ возбужденію ходатайства самимъ губернаторомъ, какъ это было предусмотрѣно высочайшимъ повелѣніемъ 23 іюля 1893 г. и, за рѣдкими исключеніями, такое ходатайство удовлетворялось министерствомъ. Этимъ путемъ спасены были отъ разоренія тысячи еврейскихъ семействъ. Что же касается Прибалтійскихъ губерній, то указанное высочайшее повелѣніе спасло всѣхъ такъ называемыхъ «восьмидесятниковъ» (Achtziger), т. е. лицъ, жившихъ на основаніи циркуляра 1880 г. При этомъ я считаю полезнымъ отмѣтить, что такая широкая льгота для

евреевъ, поселившихся въ этихъ губерніяхъ, объясняется тѣмъ, что уже въ это время въ департаментѣ полиціи сложилась мысль, къ сожалѣнію, не осуществившаяся, о присоединеніи, въ порядкѣ законодательномъ, Прибалтійскихъ губерній къ мѣстностямъ черты осѣдлости.

Въ Лифляндіи и Курляндіи дѣйствовали въ отношеніи евреевъ особые законы, которые ставили эти губерніи въ положеніе какъ бы промежуточное между чертой осѣдлости и внутренними губерніями. Въ Ригѣ и посадѣ Шлокъ имѣли право постояннаго жительства евреи, числившіеся по ревизіи 1838 г. и ихъ потомки; въ Курляндской губерніи — числившіеся по ревизіи 1836 г. Создалось, поэтому, положеніе, при которомъ возникали сомнѣнія, являются ли Рига, Шлокъ или Курляндская губ. чертой осѣдлости, или же они должны разсматриваться, какъ мѣстности внутреннихъ губерній. Этотъ же вопросъ имѣлъ значеніе и для опредѣленія объема правъ мѣстныхъ евреевъ: евреи, приписанные къ г. Ригѣ, если бы этотъ городъ былъ признанъ находящимися внѣ черты осѣдлости, имѣли бы право проживать во внутреннихъ губерніяхъ, уже не будучи стѣснены ограничительными законами, дѣйствующими для евреевъ, числящихся въ обществахъ черты осѣдлости; если же Курляндія и Рига представлялись какъ бы особой чертой осѣдлости спеціально для этихъ евреевъ, то вопросъ объ ихъ правѣ проживать во внутреннихъ губерніяхъ долженъ былъ быть разрѣшенъ отрицательно, подобно тому, какъ онъ разрѣшался въ отношеніи евреевъ, приписанныхъ къ Виленской и всякой иной губерніи черты еврейской осѣдлости. Но въ этотъ періодъ начался рядъ стѣснительныхъ толкованій, и поэтому курляндскіе евреи, безмятежно проживавшіе, напримѣръ, въ Харьковской губ. и другихъ мѣстностяхъ, признавались не имѣющими права жительства во внутреннихъ губерніяхъ.

Но и въ самой Ригѣ и Курляндіи, въ особенности въ Ригѣ, въ самомъ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ пронесся ураганъ антисемитскихъ мѣропріятій со стороны мѣстнаго губернатора, и въ особенности полицеймейстера, каковымъ былъ упомянутый мною Власовскій. Нельзя привести никакихъ явныхъ причинъ объясняющихъ почему ураганъ антисемитизма свирѣпствовалъ главнымъ образомъ надъ Ригой. Едва ли это зависѣло исключительно отъ личной предпріимчивости полицеймейстера. Рижская

полиція всегда жила въ мирѣ и согласіи съ евреями; Власовскій вовсе не имѣлъ репутаціи непримиримаго блюстителя законовъ, съ которымъ не могло быть надлежащихъ налаженныхъ отношеній, если бы рѣчь шла о личной его инициативѣ. Я былъ всегда убѣжденъ, что главная причина лежала въ воздѣйствіи самихъ нѣмцевъ на мѣстную власть. Въ самомъ дѣлѣ, преслѣдованія евреевъ въ Ригѣ совпали съ началомъ поворота политики Александра III въ отношеніи нѣмцевъ. Въ Эстляндіи князь Шаховской являлся выразителемъ настроеній высшихъ сферъ: Прибалтійскій край стремились обрусить, лишить его тѣхъ исконныхъ особыхъ привилегій, которыми эти губерніи пользовались сравнительно съ другими губерніями. Эстляндское, курляндское и лифляндское дворянство, т. е. бароны, почувствовали, что подъ ними почва начинаетъ колебаться, что тѣ остатки средневѣковаго строя, которые давали имъ привилегіи, близки къ уничтоженію, — не потому, чтобы средневѣковый строй былъ непріятенъ Александру III, а потому, что надо было подчинить и Прибалтійскій край принципамъ самодержавія, православія и народности. И вотъ, невидимая нѣмецкая рука направляла порывы вѣтра на евреевъ, какъ на мѣсто наименьшаго сопротивленія. Рижская биржа, представляемая главнымъ образомъ нѣмцами, ни разу въ ту эпоху не выступила съ цѣлью защитить отъ разоренія евреевъ въ Ригѣ, хотя это разореніе не могло не отразиться бѣдственно на рижской портовой торговлѣ.

Рига занимала въ торговомъ отношеніи особое мѣсто, являясь для сѣверо-западнаго края единственнымъ выходомъ къ морю. Рига не могла не заселяться евреями, которые заносились въ этотъ портъ какъ бы теченіемъ рѣки Двины. Вся заграничная торговля, шедшая черезъ Ригу, была подъ вліяніемъ евреевъ, экспортеровъ и посредниковъ. Весь экспортъ лѣса, шедшій главнымъ образомъ черезъ рижскій портъ, находился въ рукахъ евреевъ. Крупные лѣсопромышленныя фирмы губерній черты осѣдлости имѣли своихъ представителей - евреевъ въ Ригѣ, и вокругъ лѣсного экспорта кормились въ Ригѣ тысячи еврейскихъ семействъ, не принося, конечно, этимъ никакого вреда, а напротивъ того, содѣйствуя улучшенію коммерческаго расчетнаго баланса Россіи въ международной торговлѣ. Заграничныя сношенія евреевъ лѣсопромыш-

ленниковъ содѣйствовали повышенію доходовъ владѣльцевъ лѣсовъ въ губерніяхъ черты осѣдлости, а слѣдовательно, евреи дѣйствовали на пользу и землевладѣльческаго класса. Не было никакихъ государственныхъ интересовъ, которые диктовали бы разореніе этой отрасли экспорта. Едва ли играли здѣсь роль и соображенія конкурренціи, такъ какъ мѣстныя нѣмецкія фирмы мало были заинтересованы въ удаленіи евреевъ изъ Риги. Тѣмъ не менѣе, первые удары антисемитизма въ Ригѣ направились именно на евреевъ, занятыхъ лѣснымъ экспортомъ. До Власовскаго не было надобности въ особыхъ разрѣшеніяхъ со стороны полиціи, — жили съ вѣдома полиціи, но безъ разрѣшенія ея. Если тотъ или другой приставъ предъявлялъ какія-нибудь стѣснительныя требованія, то съ нимъ дѣло улаживалось полюбовно, и не доходило до обостренія. При Власовскомъ положеніе измѣнилось: евреи старались оформить свое право жительства выборкой ремесленныхъ свидѣтельствъ на самыя разнообразныя мастерства. Правда, всѣ эти мастерства были фиктивными и полученныя свидѣтельства имѣли цѣлью не удостовѣрять дѣйствительную принадлежность даннаго еврея къ какой-нибудь ремесленной отрасли, а главнымъ образомъ служить внѣшнимъ обоснованіемъ законнаго пребыванія въ Ригѣ. Таковы были, въ частности, удостовѣренія разныхъ ремесленныхъ управъ и упрощенныхъ ремесленныхъ управленій на званіе браковщиковъ лѣса. Была категорія ремесленниковъ-рогожниковъ, которые будто бы специализировались въ области приготовленія рогожъ и т. п. Но были и ремесленники, имѣвшіе свидѣтельства на обычныя ремесленныя производства, вродѣ портныхъ, заготовщиковъ и т. д., которые, однако, не занимались своимъ ремесломъ, а посвящали себя торговой посреднической дѣятельности или лѣсному дѣлу.

Началась провѣрка правъ этихъ ремесленниковъ на проживаніе во внутреннихъ губерніяхъ и, слѣдовательно, въ городѣ Ригѣ. Власовскій отрицалъ квалификацію ремесленниковъ за бракарями лѣса, отрицалъ ее и за рогожниками. Отъ имени заинтересованныхъ лицъ мною подавались, однако, жалобы на постановленія губернскаго правленія, признавшаго ихъ не ремесленниками, и мнѣ удавалось добиваться указовъ Сената объ отмѣнѣ этихъ постановленій. Полицеймейстеръ принялся и за выселеніе

портныхъ, удостовѣряясь, что данный портной не занимается своимъ дѣломъ. Лицамъ всѣхъ этихъ категорій давался краткій срокъ, въ теченіе котораго они должны были покинуть Ригу и переселиться въ черту осѣдлости. Началась упорная борьба противъ распоряженій Власовскаго.

Особую категорію евреевъ, легализовавшихъ свое пребываніе въ Ригѣ съ того времени, когда легализація оказалась необходимой, составляли, такъ называемые, «циркулярники» или «восьмидесятники», т. е. евреи, которые жили на основаніи Маковскаго циркуляра 3 апрѣля 1880 г. № 30. До 3 апрѣля 1880 г. регистрація евреевъ, пребывавшихъ въ Ригѣ, была, конечно, весьма несовершенна. Но мѣстная полиція скоро приспособилась къ требованіямъ циркуляра, и когда начались выселенія изъ Риги, то многіе евреи, которые не числились по полицейскимъ книгамъ до 3 апрѣля 1880 г., а многіе и изъ такихъ, которые вовсе не проживали до этого времени въ Ригѣ, оказывались записанными въ полицейскихъ книгахъ проживающими съ конца марта 1880 г. Получивъ надлежащую справку изъ полиціи, они ссылались на нее, какъ на документъ, легализующій ихъ дальнѣйшее пребываніе въ Ригѣ впредь до особаго распоряженія правительства. Провѣрка факта пребыванія въ Ригѣ до 3 апрѣля 1880 г. причинила не мало бѣдствій рижскимъ евреямъ. Власовскій требовалъ удостовѣренія, болѣе или менѣе безспорнаго, о поселеніи въ Ригѣ до этого срока. Конторы мѣстныхъ нотаріусовъ переполнились свидѣтелями, приглашаемыми евреями, подлежащими выселенію; эти свидѣтели нотаріально завѣряли фактъ прибытія даннаго еврея до 1880 г. Въ качествѣ свидѣтелей служили главнымъ образомъ мѣстные домовладѣльцы, у которыхъ квартиры были яко-бы наняты издавна. Отъ усмотрѣнія Власовскаго зависѣло признать тѣ или другія свидѣтельскія показанія достаточно достовѣрными, или же отрицать ихъ достовѣрность. На дѣйствія Власовскаго приносились жалобы въ губернское правленіе, но эти жалобы не приводили къ цѣли, и единственнымъ прибѣжищемъ оставалось обращеніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, т. е. въ департаментъ полиціи.

Слѣдующей категоріей, подлежащей выселенію изъ Риги по распоряженію Власовскаго, были, такъ называемые, «усыновленные», т. е. тѣ, которые числились въ составѣ семействъ евреевъ, имѣющихъ право жительства въ

Ригѣ по тому основанію, что они состояли въ спискахъ до 1836 г. или же были отставными николаевскими солдатами, — я уже раньше упоминалъ объ этой категоріи евреевъ.

Какъ указано выше, въ силу Высочайшаго повелѣнія 23 іюля 1893 г., послѣдовавшаго въ отмѣну Маковскаго циркуляра отъ 3 апрѣля 1880 г., лица, поселившіяся въ Ригѣ до 1880 г., были окончательно узаконены въ своемъ правѣ. Имъ предоставлено было впослѣдствіи и право выборки торговыхъ документовъ. Съ этого времени начинаются постоянныя заботы о признаніи за тѣмъ или другимъ евреемъ правъ «восьмидесятниковъ». Циркуляръ 3 апрѣля 1880 г. и, слѣдовательно, Высочайшее повелѣніе 1893 г., касались евреевъ незаконно поселившихся во внутреннихъ губерніяхъ. Но какъ же слѣдовало поступить съ тѣми, которые поселились на законномъ основаніи, напримѣръ, какъ дѣйствительно занимавшіеся ремесломъ, если впослѣдствіи они прекратили первоначальное занятіе и оказались незаконно проживающими? Могли-ли они пользоваться милостью, дарованной «восьмидесятникамъ» въ силу указаннаго Высочайшаго повелѣнія 1893 года?

Такое сомнѣніе привело къ очень оригинальному положенію: всякій еврей, подпавшій подъ подобное сомнѣніе, изъ силъ выбивался, чтобы доказать, что онъ поселился незаконно, что ремесленное его свидѣтельство было негодное, что онъ никогда ремесломъ не занимался. Только такое доказательство незаконности его поведенія могло давать ему основаніе воспользоваться указанной милостью. Безконечный рядъ дѣлъ въ Сенатѣ въ теченіе 90-хъ годовъ по жалобамъ рижскихъ евреевъ имѣлъ источникомъ это оригинальное усиліе евреевъ доказать незаконность своего поселенія.

Таковы были парадоксы жизни, создаваемые еврейскимъ безправіемъ.

Какъ указано выше, за Ригой слѣдовала курляндская губернія. И тамъ вопросъ крайне обострился, въ особенности въ г. Либавѣ. Но въ отличіе отъ Риги, либавскій биржевой комитетъ, въ сознаніи всей разорительности удаленія евреевъ для мѣстной торговли, время отъ времени пытался смягчать антисемитскую политику курляндскаго губернатора и даже дѣлалъ представленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ о необходимости либо предоставленія

отсрочки, либо полнаго прекращенія выселенія изъ Либавы. Рижское и либавское, вообще курляндское выселеніе, характерно именно въ томъ отношеніи, что никто изъ администраторовъ не отрицалъ гибельности этого мѣропріятія для интересовъ русской торговли въ этихъ главныхъ портахъ, черезъ которые Россія связывалась въ торговомъ отношеніи съ Европой. И тѣмъ не менѣе выселенія свирѣпствовали. Считалось патріотическимъ дѣломъ выселять евреевъ, хотя бы это было явно гибельно для интересовъ Россійскаго государства.

Въ Уложеніе о наказаніяхъ, изданное въ 1845 г. попала одна статья, а именно ст. 1171, происхожденія которой мнѣ никогда не удалось выяснить. Эпоха изданія Уложенія не была худшей и вовсе не предполагала особую ретивость въ преслѣдованіи правонарушеній, которыя могли быть связаны съ существовавшими ограниченіями правъ евреевъ. Между тѣмъ, ст. 1171 справедливо можетъ считаться одной изъ самыхъ жестокихъ нормъ уголовнаго Уложенія. Она гласитъ, что «евреи, виновные въ торговлѣ внѣ черты осѣдлости, подвергаются немедленно высылкѣ изъ тѣхъ мѣстъ и конфискаціи товаровъ». Со времени опубликованія Уложенія о наказаніяхъ, изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, касающихся еврейской торговли, въ связи съ узаконеніями о правѣ жительства. Какъ общее правило, и Правительствующимъ Сенатомъ было установлено, что право торговли имѣетъ всякій еврей и во внутреннихъ губерніяхъ, если онъ пользуется правомъ постояннаго жительства въ нихъ. Тѣмъ не менѣе, начиная съ конца 80-хъ годовъ, на основаніи ст. 1171 возникъ цѣлый рядъ дѣлъ по обвиненію евреевъ, пользовавшихся правомъ жительства во внутреннихъ губерніяхъ въ незаконномъ занятіи торговлей. Нигдѣ въ законахъ не содержалось, напримѣръ, указанія, что ремесленникъ, занимаясь своимъ ремесломъ, не имѣетъ права вмѣстѣ съ тѣмъ производить торговлю. Между тѣмъ, суды и затѣмъ уголовный кассаціонный департаментъ признали, что ремесленникъ можетъ продавать лишь такіе товары, которые являются продуктомъ его собственнаго производства. Часовыхъ дѣлъ мастеръ, который продаетъ ключики для часовъ, не имъ изготовленные, признается виновнымъ по ст. 1171; онъ подвергается высылкѣ и конфискаціи имѣющихся у него товаровъ, хотя бы эти товары представляли

большую цѣнность и являлись бы продуктами, произведенными самимъ ремесленникомъ.

Легко себѣ представить, какимъ бѣдствіемъ представлялось для евреевъ примѣненіе ст. 1171, въ особенности при совершенной неясности и сомнительности права жительства нѣкоторыхъ категорій евреевъ, которые фактически допускались мѣстной полиціей къ жительству, но которые при ближайшемъ разсмотрѣніи, а въ особенности судебномъ, могли оказаться не въ состояніи доказать свое право на постоянное жительство и этимъ самымъ свое право на производство торговли. Кромѣ того, самое понятіе производства торговли не опредѣлено въ законѣ, и даже вообще недостаточно выяснено въ юриспруденціи. Является ли, напримѣръ, занятіе комиссіоннымъ дѣломъ торговлей или не торговлей? Между тѣмъ, бывали случаи, когда продажа партіи дровъ, не изъ какого-нибудь торговаго помѣщенія, а изъ лѣса, при чемъ партіи, пріобрѣтенной отъ лѣсовладѣльца, признавалась торговлей, хотя въ сущности это могла быть однократная торговая сдѣлка, не подходящая подъ понятіе торговли. При наличіи во внутреннихъ губерніяхъ большого числа евреевъ, поселившихся тамъ въ качествѣ ремесленниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ производившихъ торговлю, иногда въ обширныхъ размѣрахъ, примѣненіе 1171 ст. явилось для нихъ подлиннымъ бичомъ, — и тѣмъ болѣе сильнымъ, что впослѣдствіи примѣненіе ст. 1171 зависѣло отъ судовъ. Такимъ образомъ, если дѣло было возбуждено, то дальнѣйшее его движеніе не зависѣло уже отъ благоволенія тѣхъ или другихъ административныхъ органовъ; суды должны были руководствоваться формальными данными дѣла и выносить обвинительные приговоры. Эпоха 90-хъ годовъ была богата случаями примѣненія 1171 ст., и мнѣ очень часто приходилось уже въ порядкѣ кассаціонномъ отстаивать интересы евреевъ и защищать ихъ отъ примѣненія этой неумолимой нормы.

Въ концѣ 1893 г. истекъ мой пятилѣтній стажъ въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго и я имѣлъ по закону право быть принятымъ въ присяжные повѣренные. По высочайшему повелѣнію 1889 г. такое принятіе зависѣло отъ разрѣшенія министра юстиціи. Къ этому времени министръ Манасеинъ былъ замѣненъ новымъ министромъ юстиціи Николаемъ Валеріановичемъ Муравь-

евымъ. Муравьевъ меня зналъ по пенитенціарному конгрессу въ С.- Петербургѣ въ 1890 г. и былъ знакомъ съ моими работами, помѣщенными въ разныхъ юридическихъ журналахъ. Къ этому времени я сблизился съ сенаторомъ И. Н. Мѣщаниновымъ, избраннымъ въ предсѣдатели Уголовнаго Отдѣленія въ Юридическомъ Обществѣ. Онъ впослѣдствіи былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при министрѣ генералѣ Ванновскомъ. Мѣщаниновъ принималъ участіе въ дѣлахъ разныхъ комитетовъ, гдѣ предсѣдателемъ былъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. По совѣту Мѣщанинова принцъ поручилъ мнѣ веденіе дѣла «Дома призрѣнія для душевнобольныхъ» возлѣ С.-Петербурга по спору о водопроводѣ, питавшемъ Домъ Призрѣнія водой. Собственники ближайшихъ участковъ и озера, откуда шла вода, требовали неимовѣрно высокую плату за право проведенія воды въ Домъ Призрѣнія и на этомъ основаніи завязался судебный процессъ. Само собою разумѣется, что я велъ этотъ процессъ безъ гонорара *). Сенаторъ Мѣщаниновъ настаивалъ на томъ, чтобы я возбудилъ передъ министромъ Муравьевымъ вопросъ о разрѣшеніи мнѣ стать присяжнымъ повѣреннымъ. Онъ расчитывалъ на поддержку моего ходатайства передъ министромъ со стороны принца Ольденбургскаго. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ постановилъ принять меня въ присяжные повѣренные и сдѣлалъ объ этомъ представленіе министру юстиціи. Принцъ Ольденбургскій написалъ министру письмо, поддерживая мое ходатайство. Оно, однако, не было удовлетворено на томъ основаніи, что въ докладѣ прежняго министра Манасеина, по которому послѣдовало Высочайшее повелѣніе 1889 г., министръ юстиціи, какъ это я, впрочемъ, указалъ уже выше, лишилъ себя права пропускать кого-либо изъ евреевъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ до того момента, когда процентное отношеніе евреевъ къ не-евреямъ въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ не понизится до 10. Муравьевъ, не отрицая въ отвѣтѣ принцу Ольденбургскому того, что я обладаю соотвѣтственными качествами, выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ отступить отъ того, что заявлено было его предшественникомъ. Единственная льгота, ко-

*) За веденіе этого дѣла я былъ награжденъ единственнымъ у меня орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

торую оказалъ мнѣ Муравьевъ, заключалась въ томъ, что онъ разрѣшилъ мнѣ получить свидѣтельство на веденіе чужихъ дѣлъ въ Судебной Палатѣ, каковаго свидѣтельства я раньше не имѣлъ, при чемъ это послабленіе мотивировалось тѣмъ, что я уже обладаю свидѣтельствомъ Окружнаго Суда и, такимъ образомъ, допущеніе меня къ веденію дѣлъ въ Палатѣ не означаетъ увеличенія числа частныхъ повѣренныхъ евреевъ, каковыми оффиціально считались ведущіе дѣла въ судахъ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Впослѣдствіи мнѣ сдѣланы были дальнѣйшія льготы, а именно, когда представилась надобность вести одно крупное дѣло въ кіевскомъ судѣ и въ кіевской Судебной Палатѣ, то министръ предписалъ этимъ судебнымъ учрежденіямъ выдать мнѣ соотвѣтственныя свидѣтельства. То же самое сдѣлано было въ отношеніи и рижскаго Окружнаго Суда. Въ званіи помощника присяжнаго повѣреннаго я оставался до 1904 г., до каковаго срока ни одинъ еврей помощникъ присяжнаго повѣреннаго не былъ допущенъ министромъ юстиціи къ принятію въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Это обстоятельство не повліяло на мою адвокатскую практику, которая къ этому времени уже расширилась; за мной, какъ адвокатомъ, установилась уже нѣкоторая репутація. Въ такомъ же положеніи находились и мои товарищи Винаверъ, Кулишеръ, Грузенбергъ и другіе.

Скажу тутъ же, что разрѣшеніе министра юстиціи къ поступленію въ присяжные повѣренные послѣдовало въ день убійства Плеве 15 іюля 1904 г. и, какъ потомъ оказалось, оно послѣдовало по предложенію самого Плеве, который къ тому времени находилъ, что надо пойти на уступки въ еврейскомъ вопросѣ. До того мнѣ неоднократно приходилось бывать у министра юстиціи Муравьева, и онъ каждый разъ успокаивалъ меня, заявляя, что при первой возможности пропуститъ меня въ присяжные повѣренные.

ГЛАВА XXVIII

Евреи въ С.-Петербургѣ. — Распоряженіе с.-петербургскаго градоначальника Грессера. — Еврейскія имена на вывѣскахъ. — Попытка волынскаго губернатора Янковскаго примѣнять къ нарушеніямъ временныхъ правилъ 3 мая 1882 г. мѣры взысканій по закону объ усиленной охранѣ. — Отмѣна Сенатомъ распоряженій Янковскаго. — Всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора А. П. Игнатьева. — 50-верстная пограничная черта въ волынской губерніи.

Надо-ли говорить, что въ столицѣ борьба противъ поселенія тамъ евреевъ особенно обострилась въ періодъ съ начала 90-хъ годовъ. С.-Петербургъ постепенно пополнялся евреями, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Москва. Здѣсь почти не было лицъ, проживавшихъ на основаніи Маковскаго циркуляра, т. е. было меньше евреевъ, проживающихъ безъ законнаго основанія. Но въ послѣдніе годы царствованія Александра III, въ этотъ періодъ переоцѣнки правъ евреевъ на жительство во внутреннихъ губерніяхъ, обострившееся отношеніе власти къ евреямъ приняло своеобразныя формы, благодаря изобрѣтательности С.-Петербургскаго градоначальника ген. Грессера. Это былъ типичный полицейскій служака, еще сравнительно недавно проходившій службу въ качествѣ исправника въ Волынской губерніи. Я не помню, какія обстоятельства выдвинули его на столь важный постъ С.-Петербургскаго градоначальника. Но и въ этой должности онъ проявилъ полицейскую энергію, свойственную мало культурному охранителю порядка. Онъ былъ строгъ и взыскателенъ къ подчиненнымъ и старался стать грозой для петербургскаго населенія. Многіе находили въ его обращеніи какъ съ подчиненными, такъ и съ петербургскимъ городскимъ населеніемъ

подражаніе бывшему градоначальнику Трепову, память о которомъ долго жила въ Петербургѣ. О Треповѣ говорили, что когда онъ проѣзжалъ по Невскому или по Морской, то люди прятались. Была извѣстна абсолютная неподкупность Трепова. Этого про Грессера не говорили. И дѣйствительно, послѣ смерти Грессера оказалось, что при утвержденіи его духовнаго завѣщанія пришлось взыскать весьма значительную сумму наслѣдственной пошлины съ того имущества, которое было оставлено Грессеромъ, тогда какъ было извѣстно, что при занятіи Грессеромъ должности въ Петербургѣ, онъ богатствомъ отнюдь не обладалъ. Говорили, что объ этомъ обстоятельствѣ было въ свое время доложено и царю.

Петербургская полиція не была лучше провинціальной. Подобно московской полиціи, участки различались по своей доходности. Отличіемъ по службѣ для приставовъ и ихъ помощниковъ считалось назначеніе въ болѣе доходный участокъ. Доходными же участками считались тѣ, въ которыхъ концентрировалось еврейское населеніе. Евреи больше всего проживали въ Спасской части и главнымъ образомъ на Подъяческой и Садовой ул., ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились молитвенные дома. Прежнее еврейское населеніе, когда устраивались молитвенные дома, случайно или по какимъ либо причинамъ, проживало въ этихъ мѣстахъ, можетъ быть, вслѣдствіе близости къ Апраксину рынку, Сѣнной и т. д. Населеніе же, прибывавшее позже, размѣщалось поближе къ уже существующимъ молитвеннымъ домамъ. Въ этой же мѣстности находились и еврейскія кухмистерскія, существовавшія тогда въ Петербургѣ. Доходность этихъ участковъ служила основаніемъ и къ особымъ придиркамъ со стороны полиціи къ проживавшимъ здѣсь евреямъ. Время отъ времени провѣрка правъ возобновлялась и улаживаніе возникавшихъ при этомъ недоразумѣній имѣло слѣдствіемъ увеличеніе доходовъ полиціи. Но съ другой стороны, канцелярія градоначальника вела усиленную борьбу противъ благосклонности участковой полиціи по отношенію къ евреямъ.

Дворцовый антисемитизмъ не могъ, конечно, не отразиться на столицѣ; получилось заданіе, которое Грессеръ старался выполнить: очистить по возможности Петербургъ отъ евреевъ. Вошли въ обычай облавы, т. е. ночныя провѣрки по гостинницамъ и меблированнымъ

комнатамъ всѣхъ проживающихъ тамъ на предметъ обнаруженія прибывшихъ въ столицу и надлежаще не прописанныхъ евреевъ. Облавы въ Петербургѣ ввелъ Грессеръ, а изъ столицы онѣ перекинулись въ другія мѣста: начались облавы въ Москвѣ, а затѣмъ и знаменитыя облавы въ Кіевѣ. Производилась провѣрка паспортовъ евреевъ, приходившихъ обѣдать въ еврейскія кухмистерскія. Обнаруженный безъ права жительства еврей вызывался или препровождался въ участокъ, на его документѣ ставился красными чернилами штемпель съ предписаніемъ о выѣздѣ въ 24 часа. Иногда онъ, въ зависимости отъ настроенія паспортиста или помощника пристава, задерживался или отправлялся этапнымъ порядкомъ. Лишь впослѣдствіи изданъ былъ законъ о новыхъ паспортахъ, по которому обнаруженный безъ права жительства въ данной мѣстности обыватель подлежалъ привлеченію къ отвѣтственности передъ мировымъ судьей, съ назначеніемъ наказанія вплоть до тюремнаго заключенія; законъ этотъ, общій по редакціи для всѣхъ, конечно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ евреевъ. Послѣ изданія этого закона часто случалось, что высланные евреи, по прибытіи на мѣсто, привлекались къ отвѣтственности передъ мировымъ судьей и отбывали наказаніе въ видѣ лишенія свободы на срокъ до 3 мѣсяцевъ.

Въ Петербургѣ лицъ, проживавшихъ на основаніи циркуляра 3 апрѣля 1880 г., было немного. Такъ какъ регистрація прибывающихъ евреевъ была здѣсь всегда болѣе или менѣе тщательной (прописка паспортовъ для Петербурга была издавна обязательной), — за этимъ слѣдили, такъ называемые старшіе дворники, т. е. домовые органы полиціи, — то ссылка на циркуляръ 3 апрѣля 1880 года, какъ на основаніе для проживанія въ столицѣ, была болѣе или менѣе рѣдкостью. Жертвами усиленнаго надзора со стороны канцеляріи градоначальника за законностью пребыванія въ Петербургѣ сдѣлались, главнымъ образомъ, ремесленники. Еврею, имѣющему аттестатъ портного или сапожника, трудно было проживать въ Петербургѣ, не имѣя никакой мастерской. Поэтому ремесленники, обычно обладали мастерскими, и выселеніе ихъ основывалось уже не на томъ, что они не имѣютъ мастерскихъ, а на томъ, что ихъ мастерскія являются фиктивными, и сами они не занимаются ремесломъ.

Установленъ былъ порядокъ, по которому сыскное отдѣленіе при полиціи, ведущее розыскъ преступленій и производство дознаній, напримѣръ, о кражахъ, убійствахъ и т. д., получило новую обязанность: разыскивать преступныхъ ремесленниковъ евреевъ, преступленіе коихъ заключается въ томъ, что они не занимаются своимъ ремесломъ. Былъ сдѣланъ и дальнѣйшій шагъ: эти агенты выслѣживали евреевъ, которые не все время занимались ремесломъ. Достаточно было какому-нибудь тайному сыскному агенту донести, что, прибывъ въ мастерскую такого-то ремесленника, онъ его не засталъ за работой, а, слѣдовательно, еврей этотъ не занимается своимъ ремесломъ, или, кромѣ своего ремесла занимается еще чѣмъ-нибудь инымъ, что, впрочемъ, закономъ не воспрещалось, — чтобы такой еврей подлежалъ выселенію изъ Петербурга въ 24 часа. Охота за такими евреями-ремесленниками продолжалась въ Петербургѣ непрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ. Съ большой тщательностью слѣдила полиція и канцелярія градоначальника за тѣмъ, чтобы евреи, пріѣзжающіе въ Петербургъ по купеческимъ свидѣтельствамъ, по которымъ разрѣшалось пребываніе въ столицѣ по второй гильдіи на 2 мѣсяца и по первой гильдіи на 6 мѣсяцевъ, не оставались лишняго времени.

Затруднялось пребываніе евреевъ въ качествѣ приказчиковъ купцовъ первой гильдіи, которые по закону имѣли право брать съ собою приказчиковъ при перечисленіи во внутреннія губерніи. По одному дѣлу нѣкоего Выдрина, Сенатъ въ свое время разъяснилъ, что купецъ, перешедшій во внутреннія губерніи послѣ отбытія 5 лѣтъ первогильдейскаго стажа въ чертѣ осѣдлости, имѣетъ право сохраненія у себя еврея-приказчика только въ томъ случаѣ, если приказчикъ этотъ взятъ имъ съ собою въ моментъ перечисленія во внутреннія губерніи. Если такой приказчикъ умеръ, то замѣнить его новымъ евреемъ-приказчикомъ купецъ не можетъ. Равнымъ образомъ не можетъ онъ пригласить къ себѣ еврея-приказчика въ томъ случаѣ, если при перечисленіи онъ приказчика не имѣлъ, а затѣмъ въ связи съ развитіемъ его дѣла ему сталъ нуженъ торговый сотрудникъ. Вслѣдствіе этого разъясненія Сената въ Петербургѣ пошла провѣрка правъ всѣхъ тѣхъ евреевъ, у которыхъ были приказчики, съ точнымъ выясненіемъ того, когда поступилъ въ приказчики данный еврей, послѣ

перечисленія въ Петербургъ или при перечисленіи въ петербургское купечество. Грессеромъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, что приказчики могутъ только лично проживать въ Петербургѣ, безъ семейства, хотя приказчикъ отнюдь не пріѣзжалъ на время, а проживалъ здѣсь постоянно. По мнѣнію градоправителя Петербурга, приказчики должны были быть безсемейными или же находиться въ разлукѣ со своей семьей. Были еврейскія фирмы, владѣльцы коихъ проживали не въ Петербургѣ, а либо въ чертѣ осѣдлости, либо въ другомъ какомъ-нибудь городѣ внутреннихъ губерній. А такъ какъ въ законѣ о евреяхъ приказчикахъ было сказано: «брать съ собою», то отсюда канцелярія Грессера дѣлала тотъ выводъ, что приказчикъ, обязанный жить въ разлукѣ со своей семьей, не имѣетъ права разлучиться со своимъ хозяиномъ: куда хозяинъ — туда и приказчикъ. Если хозяинъ не проживалъ въ Петербургѣ, то приказчика надо выселить, хотя какъ разъ вслѣдствіе отсутствія хозяина изъ Петербурга, ему особенно нуженъ здѣсь довѣренный приказчикъ. Установленное въ законѣ право купца взять съ собой приказчика имѣло именно тотъ смыслъ, чтобы купецъ, переѣзжающій на новое мѣсто, могъ устраивать свое торговое дѣло внутри Россіи при содѣйствіи лицъ, знающихъ его дѣло и пользующихся его довѣріемъ, ибо, будучи человѣкомъ новымъ въ новомъ городѣ, такой купецъ былъ бы лишенъ возможности найти подходящаго приказчика среди круга лицъ, ему неизвѣстныхъ.

Само собой разумѣется, полиція оспаривала квалификацію ремесленниковъ въ отношеніи разныхъ категорій этихъ лицъ. Возникъ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ: ремесленники-ли — изготовители чернилъ, ваксодѣлатели, ферментаторы табаку, т. е. спеціалисты, умѣющіе приготовлять листовые табаки до ихъ крошки на фабрикѣ; наконецъ, позднѣе добрались и до наборщиковъ, которые проживали въ Петербургѣ, въ качествѣ ремесленниковъ; это ихъ качество признавалось настолько безспорнымъ, что евреямъ, имѣющимъ удостовѣренія о томъ, что они наборщики, даже дозволялось прежде въ Петербургѣ имѣть свои типографіи.

Грессеровскій періодъ былъ въ Петербургѣ дѣйствительно временемъ фактической травли евреевъ и тогда, какъ разные игорные клубы и всякаго рода подозрительныя

заведенія благополучно процвѣтали въ столицѣ, каждый лишній еврей въ Петербургѣ занималъ особое вниманіе высшихъ чиновъ градоначальства; переписка росла не по днямъ, а по часамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число жалобъ и ходатайствъ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ мѣстомъ прибѣжища всѣхъ обиженныхъ петербургской полиціей. Характеръ абсолютной шиканы имѣли нѣкоторыя общія распоряженія Грессера; въ числѣ такихъ распоряженій, измышленныхъ Грессеромъ и затѣмъ усвоенныхъ въ Москвѣ и даже въ Варшавѣ, — фигурировало обязательное постановленіе объ обозначеніи на вывѣскахъ евреевъ-торговцевъ и ремесленниковъ не только фамиліи, но также имени и отчества владѣльца заведенія.

Въ Петербургѣ издавна существовала цензура вывѣсокъ: рисунокъ вывѣски съ текстомъ на ней долженъ былъ быть представленъ въ участковую полицію и получить разрѣшительную надпись пристава. Цѣль этой цензуры было соблюденіе эстетики. И дѣйствительно, было бы странно, если бы въ Петербургѣ появились вывѣски на подобіе провинціальныхъ, напримѣръ, вывѣска парикмахера съ первобытнымъ рисункомъ длинноволосаго цирульника, пускающаго кровь паціенту, или вывѣска о трактирномъ заведеніи съ сомнительнымъ художественнымъ изображеніемъ чаепитія ломовыхъ извозчиковъ и т. д. Этотъ цензурный порядокъ Грессеръ примѣнилъ къ евреямъ въ томъ смыслѣ, что не только вычеркивалось то, что полиція признавала неумѣстнымъ, но пристава были обязаны включать въ такія вывѣски то, чего хозяинъ торговаго заведенія вовсе не хотѣлъ, а именно, непремѣнное обозначеніе владѣльца этого заведенія по имени, отчеству и фамиліи. Мало сказать: «табачная лавка» или «продажа хорошихъ папиросъ», а нужно непремѣнно сказать, «табачная торговля такого-то» — по имени, отчеству и фамиліи. Если бы еще это распоряженіе носило общій характеръ, то противъ него можно было бы возражать, но во всякомъ случаѣ оно относилось бы къ разряду мѣропріятій благодѣтельной полиціи, и не подлежало бы провѣркѣ, такъ сказать, въ кассаціонномъ порядкѣ со стороны обывателей и со стороны высшихъ инстанцій; но эта мѣра понадобилась Грессеру именно по отношенію къ евреямъ, и касалась не только тѣхъ вывѣсокъ, которыя вновь представлялись

въ цензуру полиціи, но и существовавшихъ издавна. Заработали живописцы вывѣсокъ, разрѣшавшіе трудную задачу: какъ на прежней небольшой вывѣскѣ помѣстить новыя слова, требующіяся для обозначенія имени, отчества и фамиліи. Распоряженіе о вывѣскахъ имѣло, конечно, характеръ шиканы: предполагалось, что это будетъ служить лучшимъ способомъ для проведенія бойкота еврейской торговли и евреевъ-ремесленниковъ. Справедливость требуетъ сказать, что петербургское христіанское населеніе рѣшительно никакого вниманія на эти вывѣски не обращало, и, заходя въ лавки или ремесленныя заведенія, руководилось не тѣмъ, написано-ли на вывѣскѣ: «Иванъ Степановичъ» или «Янкель Мордуховичъ», а соображеніями, вѣроятно, болѣе основательными для рѣшенія вопроса о томъ, стать ли кліентомъ даннаго торговца или ремесленника. На постановленіе градоначальника нѣкимъ Кибальскимъ принесена была жалоба въ Сенатъ, и дѣло доходило до общаго собранія департаментовъ Сената, которое признало, что вводить въ расходъ по изготовленію новой вывѣски торговца или ремесленника, если даже онъ и еврей, градоначальнику закономъ не предоставлено, такъ же, какъ и требовать отъ опредѣленной категоріи торговцевъ и ремесленниковъ исполненія того, что не требуется отъ другихъ.

На почвѣ этихъ «вывѣсочныхъ» стѣсненій происходили и анекдотичные случаи. Не могу не привести двухъ такихъ случаевъ. На Почтамтской улицѣ, д. № 5 была вывѣска о табачной торговлѣ «Нохимовича Кобылянскаго». Прохожіе и я самъ, проходившій часто по этой улицѣ, думали, что владѣлецъ этой вывѣски обладаетъ двойной фамиліей. Зная, что владѣлецъ торговли еврей, я удивлялся, что для него сдѣлано изъятіе, и на вывѣскѣ не обозначены его имя и отчество. По наведеннымъ справкамъ оказалось: — этого Нохимовича-Кобылянскаго обязывали помѣстить на вывѣскѣ все, что требовалось отъ евреевъ, но случай его оказался особеннымъ: въ документахъ онъ вездѣ значился подъ именемъ Исидоръ. Какъ это случилось — неизвѣстно, но и въ метрикѣ, и въ воинскихъ документахъ (онъ былъ отставной солдатъ) онъ значился: Исидоръ Нохимовичъ Кобылянскій. Въ то время въ Петербургѣ митрополитомъ былъ Исидоръ, и когда Кобылянскій, подчиняясь требованіямъ полиціи, представилъ

въ цензуру свою вывѣску съ обозначеніемъ на ней: «Исидоръ Нохимовичъ Кобылянскій», приставъ былъ возмущенъ, какъ смѣетъ Кобылянскій называться Исидоромъ, когда Исидоръ — имя митрополита. Кобылянскій резонно отвѣчалъ, что другого имени у него нѣтъ и что распоряженіе градоначальника не обязываетъ его къ перемѣнѣ имени, отъ рожденія ему даннаго. Этотъ трудный казусъ дошелъ до канцеляріи градоначальника, — допустить ли обозначеніе на еврейской вывѣскѣ «Исидоръ Нохимовичъ»? Градоначальникъ «по-соломоновски» разрѣшилъ этотъ случай: приказалъ оставить отчество и фамилію безъ имени; такимъ образомъ бѣдный Кобылянскій остался на своей вывѣскѣ съ однимъ отчествомъ.

На Сергіевской ул., если не ошибаюсь, въ д. № 18 была вывѣска: «Жестяныхъ дѣлъ мастеръ, еврей Димантъ», — безъ имени и отчества. При провѣркѣ оказалось, что Димантъ долженъ былъ обозначить такъ же, какъ и другіе, имя и отчество, но у него оказалось два имени, и отца его звали двумя именами; на вывѣскѣ, такимъ образомъ, надо было обозначить четыре имени. Но такъ какъ на Сергіевской ул. большихъ вывѣсокъ не бываетъ, и пространство, занимаемое дверью этого жестяника, было небольшое, то четыре имени никакъ нельзя было размѣстить явственными буквами, — что тоже требовалось приказомъ градоначальника о вывѣскахъ! Жестяникъ былъ поставленъ въ необходимость или закрыть мастерскую или придумать выходъ изъ создавшагося положенія. И онъ придумалъ, предложивъ полиціи такую комбинацію: такъ какъ обозначеніе имени и отчества требуется только для того, чтобы прохожіе знали, что этотъ мастеръ еврей, то онъ готовъ помѣстить на вывѣскѣ свое вѣроисповѣданіе, вмѣсто всѣхъ именъ, съ прибавкой фамиліи Диманта, написавъ на вывѣскѣ: «еврей Димантъ». Полиція на это согласилась, и такимъ образомъ создалась эта единственная въ своемъ родѣ вывѣска съ обозначеніемъ, какъ въ паспортѣ, національности и вѣроисповѣданія жестяника.

Вслѣдъ за московской и петербургской администраціей другіе губернаторы начали конкуррировать между собой въ проявленіи антисемитизма. Особенно отличался волынскій губернаторъ Янковскій, избравшій себѣ спеціальностью выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень. Этотъ

губернаторъ придумалъ способъ не только, на точномъ основанiи правилъ 3 мая, не допускать евреевъ къ новому поселенiю внѣ городовъ и мѣстечекъ своей губернiи, но и выживать окольными путями тѣхъ евреевъ, которые на законномъ основанiи имѣли право оставаться на жительствѣ въ селахъ и деревняхъ, какъ поселившiеся до времени изданiя этихъ правилъ. По этимъ правиламъ, евреямъ была запрещена аренда недвижимаго имущества; въ толкованiи губернатора, имъ запрещена была и аренда жилыхъ помѣщенiй. Этотъ запретъ и далъ Янковскому мысль избавлять деревни отъ жительства въ нихъ евреевъ тѣмъ, что евреямъ приказывалось прекратить всякiя отношенiя къ недвижимымъ имуществамъ, въ которыхъ они проживали, — силой полицейскаго распоряженiя уничтожались договоры на наемъ помѣщенiй въ деревняхъ. Несмотря на то, что въ силу закона 27 декабря 1884 года, прекращенiе арендныхъ договоровъ, незаконно заключенныхъ евреями или лицами польской нацiональности, могло имѣть мѣсто только по суду, путемъ иска, предъявляемаго губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ, — Янковскiй полагалъ, что онъ можетъ обойтись безъ суда и прекращать силою административнаго воздѣйствiя не только письменные договоры, но и словесныя соглашенiя о наймѣ квартиры тѣмъ или другимъ евреемъ. Орудiемъ этого воздѣйствiя для Янковскаго служило положенiе объ усиленной охранѣ 1881 года, по которому губернатору предоставлялось высылать административнымъ порядкомъ изъ данной мѣстности лицъ порочнаго поведенiя. Находя, что каждый еврей, не подчинившiйся незаконному распоряженiю о прекращенiи отношенiя къ недвижимой собственности, обнаружилъ порочное поведенiе, губернаторъ по истеченiи опредѣленнаго срока высылалъ такого еврея въ порядкѣ закона объ усиленной охранѣ. Такихъ выселенiй въ волынской губернiи было множество. Конечно, приходилось подчиняться, такъ какъ, въ сущности, жалобъ на распоряженiя губернаторовъ или генералъ-губернаторовъ о выселенiи на основанiи положенiя объ усиленной охранѣ, быть не могло. Судьба того или другого человѣка, почитавшагося губернаторомъ порочнымъ, независимо отъ основанiй для такого признанiя, считалась по закону рѣшенной окончательно и безапеляцiонно.

Только немногiе изъ потерпѣвшихъ евреевъ рѣшались

подавать жалобы въ первый департаментъ Сената. Цѣлый рядъ такихъ дѣлъ былъ разсмотрѣнъ Сенатомъ. Въ результатѣ долгихъ усилій, путемъ предъявленія различныхъ записокъ и въ порядкѣ личныхъ разговоровъ съ сенаторами и составителями докладовъ мнѣ удалось убѣдить Сенатъ, что неподчиненіе незаконному распоряженію губернатора не является признакомъ порочности даннаго лица и что, поэтому, законъ объ усиленной охранѣ не можетъ служить основаніемъ для выселенія евреевъ за то, что они, по мнѣнію губернатора, имѣютъ яко-бы незаконное отношеніе къ данной недвижимой собственности. Но и по существу Сенатъ, къ счастью, разъяснилъ, что еврей, имѣющій право проживать по правиламъ 3 мая въ деревняхъ, не лишенъ права осуществлять свое право проживанія, т. е. имѣть помѣщеніе, въ которомъ онъ могъ бы жить, и что аренда такого помѣщенія не противна вовсе закону 27 декабря 1884 г.

Практика примѣненія закона объ усиленной охранѣ къ случаямъ неподчиненія хотя бы и незаконному распоряженію мѣстной администраціи въ рѣдкихъ случаяхъ распространялась и на не-евреевъ. Одинъ такой случай выселенія нѣкоего Келлера изъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, въ порядкѣ закона объ усиленной охранѣ, дошедшій до Сената, подалъ поводъ къ тому, что быв. кіевскій, волынскій и подольскій ген.-губернаторъ гр. Игнатьевъ, братъ того Игнатьева, который былъ авторомъ правилъ 3 мая 1882 г., вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, что практика Сената, не разрѣшающая примѣнять правила объ усиленной охранѣ къ случаямъ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, ставитъ въ затруднительное положеніе мѣстную администрацію. Игнатьевъ усердно ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы въ законодательномъ порядкѣ было разъяснено, что евреи могутъ высылаться изъ селъ и деревень, хотя бы они и проживали не вопреки временнымъ правиламъ 3 мая 1882 г. Этотъ всеподданнѣйшій докладъ является настолько характернымъ для увѣковѣченія памяти гр. Игнатьева, для запечатлѣнія на будущее время тѣхъ пріемовъ, къ какимъ подобные Игнатьеву сатрапы прибѣгали для того, чтобы вводить въ заблужденіе царя, я считаю полезнымъ привести этотъ докладъ полностью:

«23 октября 1895 г. въ Царскомъ Селѣ я имѣлъ сча-

стіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству записку о необходимости яснаго разграниченія предѣловъ власти Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Правительствующаго Сената въ порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ, возникавшихъ вслѣдствіе примѣненія Положенія объ усиленной охранѣ. Поводомъ къ такому всеподданнѣйшему докладу явилось въ то время разъясненіе Государственнаго Совѣта о томъ, что Правительствующему Сенату принадлежитъ право входить въ разсмотрѣніе по существу жалобъ на примѣненіе означеннаго закона и отмѣнять, основанные на этомъ законѣ, распоряженія административныхъ властей. Всеподданнѣйше докладывая тогда Вашему Императорскому Величеству о несогласованности такого порядка со ст. 2 Положенія объ усиленной охранѣ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, счелъ своимъ долгомъ отмѣтить, что такой порядокъ имѣлъ бы своимъ ближайшимъ весьма нежелательнымъ послѣдствіемъ возвращеніе въ сельскія мѣстности всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, были удалены изъ тѣхъ мѣстностей за предосудительную дѣятельность и за порочное поведеніе.

«Придавая особое значеніе послѣднему обстоятельству и признавая весьма нежелательнымъ, чтобы евреи, удаленные изъ сельскихъ мѣстностей по закону объ усиленной охранѣ, даже въ случаѣ снятія такой мѣры, могли вновь поселяться въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, откуда они были удалены за порочное поведеніе, я полагалъ и нынѣ остаюсь при томъ мнѣніи, что такимъ лицамъ, согласно закону 3 мая 1882 г. (примѣчаніе 4 къ ст. IX Св. Зак., изд. 1890 г.), можетъ быть разрѣшаемо поселеніе только въ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края. Въ виду этого я, въ означенной всеподданнѣйшей запискѣ моей, ходатайствовалъ о томъ, не будетъ ли признано возможнымъ подвергнуть законъ 3 мая 1882 г. пересмотру въ указанномъ мною направленіи.

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было милостиво принять мое всеподданнѣйшее представленіе и изъявить Высочайшую волю Вашу въ воспослѣдовавшемъ 7 декабря 1895 г. Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніи о нѣкоторыхъ, въ видѣ временной мѣры, измѣненіяхъ дѣйствующихъ объ административной высылкѣ постановленій. Въ пунктѣ 2 ст. III означеннаго закона, — между прочимъ, предоставлено Ми-

нистру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе вопроса объ измѣненіи и дополненіи, въ чемъ окажется нужнымъ, Правилъ, изложенныхъ въ примѣч. ст. 959 т. IX (Зак. 3 мая 1882 г.), и предположенія его по симъ предметамъ представить, по сношеніи съ министромъ юстиціи, на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

«Со времени изданія этого закона министръ внутреннихъ дѣлъ, насколько я могу судить изъ теченія дѣлопроизводства, раздѣляя, повидимому, мой взглядъ о необходимости согласованія на практикѣ закона объ охранѣ съ закономъ 3 мая 1882 г., по соглашенію со мною, твердо установилъ порядокъ, въ силу котораго евреи, удаленные изъ сельскихъ мѣстностей за порочное поведеніе, не могутъ впредь ни въ какомъ случаѣ возвращаться на прежнее мѣсто жительства въ селеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія о пересмотрѣ закона 3 мая 1882 г., министерствомъ внутреннихъ дѣлъ затребованы, а мною уже представлены всѣ необходимыя для этого данныя по тремъ губерніямъ ввѣреннаго мнѣ края.

«При такомъ положеніи дѣла казалось бы наиболѣе соотвѣтствующимъ, чтобы, въ ожиданіи имѣющаго воспослѣдовать законодательнымъ порядкомъ согласованія этихъ двухъ законовъ, правильное разрѣшеніе этого вопроса не могло быть предрѣшаемо отдѣльными распоряженіями тѣхъ или другихъ органовъ правительственной власти.

«Между тѣмъ, установленная за послѣднее время практика Правительствующаго Сената заставляетъ меня опасаться, что разрѣшеніе указаннаго мною, весьма важнаго для Юго-Западнаго края, вопроса можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ получить нежелательное направленіе и притомъ совершенно независимо отъ общей законодательной работы, подготовленіе которой, въ силу закона 7 декабря 1895 г., Вашимъ Императорскимъ Величествомъ возложено на министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Разсматривая вопросъ о возвращеніи въ сельскія мѣстности удаленныхъ оттуда евреевъ не какъ послѣдствіе примѣненнаго къ нимъ закона объ охранѣ, а какъ совершенно независимый вопросъ гражданскаго права о свободѣ избранія мѣста жительства, Правительствующій Сенатъ, за послѣднее вре-

мя, принявъ къ своему разсмотрѣнію по существу еврейскія жалобы, въ этой ихъ части, предполагаетъ отмѣнить распоряженія мои, какъ я усматриваю изъ присланнаго мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ проекта опредѣленія Правительствующаго Сената по жалобѣ мѣщанина Тевеля Даена, выселеннаго за порочное поведеніе въ 1893 г. изъ села Ходаки, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи.

Хотя Указы Правительствующаго Сената по отдѣльнымъ дѣламъ не имѣютъ силы закона, но несомнѣнно, что и одного такого указа, разъясняющаго законъ въ смыслѣ облегчительномъ для евреевъ, достаточно для того, чтобы вызвать цѣлый рядъ однородныхъ жалобъ и однородныхъ сенатскихъ рѣшеній по дѣламъ, которыя доселе и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и мною признаются незаслуживающими уваженія.

«Ободряемый увѣренностью, что Ваше Императорское Величество изволите признавать обязательнымъ неуклонное соблюденіе дѣйствующихъ относительно евреевъ ограничительныхъ законовъ, а также необходимость дружнаго взаимодѣйствія въ этомъ отношеніи всѣхъ органовъ Правительственной власти, я почитаю служебнымъ долгомъ встрѣчаемыя мною нынѣ затрудненія повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества въ надеждѣ, что Вашему Величеству благоугодно будетъ признать правильность моего мнѣнія о необходимости прекращенія предварительнаго разрѣшенія Правительствующимъ Сенатомъ указаннаго вопроса, прежде чѣмъ онъ получитъ надлежащее разрѣшеніе въ порядкѣ, намѣченномъ закономъ 7 декабря 1895 г.».

Гр. Игнатьевъ въ приведенномъ докладѣ говорилъ неправду о томъ, будто бы провѣрка Сенатомъ правильности примѣненія закона объ усиленной охранѣ со стороны мѣстной власти можетъ имѣть послѣдствіемъ возвращеніе въ сельскія мѣстности всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ были удалены оттуда за предосудительную дѣятельность и за порочное поведеніе. Сенатъ никогда не отмѣнялъ распоряженія административной власти, сдѣланныя въ порядкѣ примѣненія закона объ усиленной охранѣ, если дѣйствительно констатировано было порочное поведеніе. Рѣчь шла вовсе не о возвращеніи евреевъ, высланныхъ за порочное поведеніе; вопросъ былъ только въ томъ, является ли пороч-

нымъ поведеніемъ неподчиненіе незаконному требованію власти. Игнатьевъ какъ бы дѣлалъ доносъ на Правительствующій Сенатъ, утверждая, что Сенатъ, отмѣняя его распоряженія о незаконной высылкѣ евреевъ, подрываетъ его престижъ и этимъ ставитъ въ опасность край, ввѣренный попеченіямъ Игнатьева, ибо села и деревни окажутся наводнены евреями. Наконецъ, Игнатьевъ, для достиженія своихъ антисемитскихъ цѣлей, прибѣгалъ къ совершенно необычной формѣ всеподданнѣйшаго доклада: въ такомъ тонѣ и съ такими заключеніями обыкновенно писались всеподданнѣйшія просьбы о помилованіи и вообще обращенія подданныхъ, ожидающихъ какой-нибудь царской милости. И это дѣлалось не для того, чтобы соблюсти силу закона, а для того, чтобы прикрыть явно незаконныя распоряженія и этимъ оградить себя отъ непріятности получать указы Сената объ отмѣнѣ этихъ распоряженій.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ не имѣлъ, однако, никакихъ послѣдствій, и Сенатъ, поступая по закону, и послѣ этого доклада признавалъ неправильными и отмѣнялъ распоряженія генералъ - губернатора и волынскаго губернатора о выселеніяхъ въ порядкѣ закона объ усиленной охранѣ, евреевъ за то, что они не устранялись отъ владѣнія помѣщеніями для жилья. Ревностно заботясь о соблюденіи святости Временныхъ Правилъ 3 мая, гр. А. П. Игнатьевъ проявлялъ, однако, слабость по отношенію къ евреямъ, которые жили, хотя и явно вопреки правилъ 3 мая, въ имѣніи его брата, расположенномъ въ предѣлахъ его генералъ-губернаторства. Исправникъ соотвѣтствующаго уѣзда съ ужасомъ обнаружилъ проживаніе такихъ евреевъ-арендаторовъ, по словесному договору, въ имѣніи брата генералъ-губернатора, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, И. П. Игнатьева. Съ испуга онъ донесъ генералъ-губернатору объ ужасномъ открытіи, сдѣланномъ имъ, и спрашивалъ указаній генералъ-губернатора, какъ поступить. На докладѣ генералъ-губернаторъ А. П. Игнатьевъ сдѣлалъ собственноручную отмѣтку: «Въ имѣніи моего брата не можетъ быть евреевъ». Не существовавшіе по резолюціи евреи, такимъ образомъ, благополучно проживали въ имѣніи гр. Игнатьева.

Волынскій губернаторъ Янковскій отличился и на другомъ поприщѣ, а именно, на поприщѣ примѣненія закона о неразрѣшеніи евреямъ жительства въ предѣлахъ

50-тиверстной пограничной черты, если они не поселились тамъ до опредѣленнаго срока — до 1856 года. Извѣстно знаменитое дѣло о гор. Ровно, который сталъ интересовать не географовъ, а полицію, заподозрѣвшую нехватку до 50 вер. въ разстояніи этого города отъ австрійской границы. Начались географическія и топографическія выкладки о томъ, 50-ли верстъ или немного меньше разстояніе между Ровно и границей. Признаніе, что это разстояніе меньше 50 верстъ, ставило евреевъ гор. Ровно въ опасность быть выселенными, если имъ не удастся доказать пребываніе въ этомъ городѣ до 1856 г. Отсюда, изъ волынской губерніи пошли сомнѣнія о томъ, примѣняются ли къ 50-верстной чертѣ Правила 3 мая 1882 г. Сомнѣнія эти дошли до апогея своего развитія и до толкованій чисто талмудическаго свойства въ бессарабской губ., въ особенности непосредственно до и послѣ знаменитаго кишиневскаго погрома 1903 г. Объ этомъ я въ свое время разскажу болѣе подробно.

ГЛАВА XXIX.

Отбыванiе евреями воинской повинности. — Обработка отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, доказывающая переобремененiе евреевъ этой повинностью. — Причины этого переобремененiя. — Прiостановленiе платежей Банкирскимъ Домомъ I. Е. Гинцбургъ. — Администрацiя по дѣламъ Банкирскаго Дома. — Попытка ликвидацiи крымскихъ имѣнiй братьевъ Гинцбургъ. — Вмѣшательство министерства внутреннихъ дѣлъ. — Перiодическая печать въ началѣ 90-хъ годовъ. — Газета «Новости» подъ редакцiей О. К. Нотовича. — «Восходъ» подъ редакцiей А. Л. Ландау.

Начиная съ конца 80-хъ годовъ, особое мѣсто въ ограничительныхъ заботахъ правительства и въ соображенiяхъ, развиваемыхъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ и въ разныхъ законопроектахъ, вырабатываемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, — занималъ вопросъ о выполненiи евреями воинской повинности. Считалось аксiомой, что евреи всячески уклоняются отъ выполненiя воинской повинности и этимъ сами даютъ основанiе разсматривать ихъ не какъ подлинныхъ гражданъ Россiи. Аргументировалось это положенiе тѣми данными, которыя имѣлись будто бы въ распоряженiи министерства внутреннихъ дѣлъ (дѣла о воинской повинности вѣдались земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ), а именно оффицiальными данными о постепенно возрастающемъ числѣ не явившихся къ призыву евреевъ призывного возраста, объ ежегодныхъ недоборахъ призываемыхъ по разверсткѣ на дѣйствительную службу евреевъ и о соотвѣтственной числу неявившихся евреевъ суммѣ штрафовъ, налагаемыхъ на семьи неявившихся въ размѣрѣ 300 руб. Эта сумма дошла къ концу прошлаго столѣтiя до 30 мил. руб. однихъ

недоимокъ: несмотря на усилія полиціи, за все время дѣйствія закона объ этомъ штрафѣ удалось взыскать лишь сумму около 3 мил. руб.

Бар. Гинцбургъ въ безчисленномъ рядѣ докладныхъ записокъ, представляемыхъ министрамъ и другимъ сановникамъ, всегда доказывалъ несправедливость нареканій въ уклоненіи евреевъ отъ выполненія воинской повинности. Онъ какъ бы сдѣлалъ своей спеціальностью борьбу противъ этого крѣпко укоренившагося предубѣжденія.

При отсутствіи оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ даже о точномъ числѣ еврейскаго населенія, а также о рождаемости и т. п., статистика неминуемо должна была строиться на разныхъ предположеніяхъ и потому далеко не всегда была убѣдительна. Будучи однимъ изъ экспертовъ, приглашенныхъ для дачи заключеній Высшей комиссіи, подъ предсѣдательствомъ гр. Палена, бар. Гинцбургъ представилъ комиссіи докладъ съ данными, почерпнутыми изъ публикуемыхъ ежегодно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» краткихъ отчетовъ о выполненіи воинской повинности въ имперіи, а также изъ подробныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, публикуемыхъ обыкновенно годомъ позже появленія краткаго отчета. Въ подробныхъ отчетахъ министерства обычно содержались данныя, не совпадавшія съ цифрами краткихъ отчетовъ, такъ какъ въ нихъ были включены свѣдѣнія, провѣренныя и пополненныя по истеченіи періода призыва. Въ докладѣ бар. Гинцбурга приведены были слѣдующія характерныя данныя. За время съ 1875 по 1886 г. число двадцати-однолѣтокъ въ общемъ числѣ мужского населенія составляетъ для всего населенія въ Россіи — 18,54 на 1000 душъ, для евреевъ же — 24,89 на 1000. Между тѣмъ, изъ общихъ данныхъ о числѣ населенія въ Россіи видно, что число мужчинъ вообще у неевреевъ относительно больше, чѣмъ у евреевъ. Причину этого явленія докладъ усматриваетъ въ томъ, что въ призывныхъ спискахъ ежегодно фигурируетъ множество евреевъ, которые по разнымъ основаніямъ подлежатъ исключенію изъ списковъ, но не исключаются потому, что полученіе удостовѣреній о смерти или о другихъ измѣненіяхъ, послѣдовавшихъ въ семейномъ положеніи, обставлено для евреевъ, въ силу дѣйствующихъ правилъ, почти

непреодолимыми затрудненіями. Для доказательства смерти лица, включеннаго въ призывные списки, обыкновенныхъ метрическихъ свидѣтельствъ не достаточно; необходимо еще по закону представленіе удостовѣренія полиціи. Выдача же этихъ удостовѣреній зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія полицейскихъ чиновъ, и полученіе ихъ обыкновенно сопряжено съ большими денежными затратами, непосильными для семьи умершаго. Затѣмъ, семья умершаго въ дѣтскихъ годахъ не имѣла никакого повода интересоваться судьбою давно умершаго съ точки зрѣнія его воинской повинности; хлопоты о признаніи умершимъ неявившагося къ исполненію воинской повинности кандидата въ солдаты, умершаго много лѣтъ тому назадъ, начинались уже послѣ призыва, въ цѣляхъ освобожденія отъ 300-рублеваго штрафа, который легче было, по бѣдности большинства оштрафованныхъ, не платить, нежели доказывать неправильность его наложенія. Однако, въ силу закона о томъ, что неявившійся къ призыву еврей замѣняется не ближайшимъ по жеребьевой очереди призывнымъ, а ближайшимъ евреемъ, хотя бы онъ былъ и льготный по семейному положенію, — заботы о доказательствѣ смерти давно умершаго и потому неявившагося еврея, предшествовавшаго по жеребьевому номеру, должны были нести принятые взамѣнъ неявившихся евреи, уже послѣ зачисленія ихъ на дѣйствительную службу. Эти хлопоты были чрезвычайно сложны, такъ какъ мѣсто смерти чужого еврейскаго ребенка или юноши было неизвѣстно такому невинно зачисленному въ войска; доказательства смерти было трудно собрать, и до надлежащаго разъясненія вопроса прошли бы всѣ годы дѣйствительной службы неправильно принятаго. Этимъ объясняется, что множество подобныхъ случаевъ включенія въ списки давно умершихъ оставалось неразслѣдованнымъ, и еврейское населеніе несло отвѣтственность за раннія смерти дѣтей и юношей, въ видѣ обремененія воинской повинностью молодыхъ людей евреевъ.

Еврейская пресса того времени, въ періодъ призыва, т. е. съ октября по декабрь, переполнялась корреспонденціями изъ разныхъ мѣстъ о неправильномъ составленіи списковъ призывныхъ. Приводились случаи включенія въ списки женщинъ, вслѣдствіе неправильнаго обозначенія именъ; двойниковъ, образовавшихся вслѣдствіе раз-

дѣленія обозначенія одного еврея, носившаго два имени, на отдѣльныя имена двухъ евреевъ и т. д.

Неизмѣнной заботой бар. Гинцбурга и моею было ежегодно, послѣ опубликованія, обычно въ январѣ или въ началѣ февраля, краткаго отчета въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», подвергнуть обработкѣ публикуемыя цифры и сдѣлать изъ нихъ соотвѣтственные выводы. Эту работу производилъ я въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, каждый разъ по опубликованіи отчета. Полученныя данныя помѣщались мною въ единственно доступной для подобныхъ работъ либеральной газетѣ «Новости», издававшейся подъ редакціей Нотовича. Замѣтки объ исполненіи евреями воинской повинности подписывались мною: присяжный повѣренный Z. Кромѣ того, мною предпринята была обработка всѣхъ предшествующихъ краткихъ отчетовъ, которая дала убѣдительные выводы, не допускавшіе сомнѣній въ томъ, что еврейское населеніе непропорціонально больше обременено было воинской повинностью, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, причемъ причина этого заключалась, — помимо неправильнаго составленія списковъ, въ которыхъ отчасти виновны были присутственныя мѣста, — главнымъ образомъ въ дѣйствовавшемъ законѣ относительно льготныхъ перваго разряда по семейному положенію. Я особо упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ оно имѣло большое значеніе для дальнѣйшей борьбы противъ навѣта въ специфической склонности евреевъ къ уклоненію отъ выполненія воинской повинности и, въ концѣ концовъ, привело, — правда, только въ началѣ перваго десятилѣтія текущаго столѣтія, — къ измѣненію порядка составленія призывныхъ списковъ въ отношеніи льготныхъ перваго разряда, — и это сразу же отозвалось на цифрахъ, касающихся неявившихся и недобора.

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ виду закона о томъ, что вмѣсто неявившагося еврея призывается другой еврей, въ каждомъ призывномъ участкѣ опредѣлялось число подлежащихъ пріему на дѣйствительную службу не-евреевъ и евреевъ. Никакимъ общимъ закономъ распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ числа назначенныхъ къ пріему новобранцевъ не нормировалось. Ежегодно, особымъ закономъ опредѣлялось, сколько призывныхъ по всей Имперіи подлежитъ пріему въ войска. Это общее число распре-

дѣлялось по губерніямъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и военнымъ министерствомъ. Въ губерніи число, падающее на нее, распредѣлялось губернскимъ воинскимъ присутствіемъ по уѣздамъ, соразмѣрно общему числу призывныхъ, безъ различія евреевъ и не-евреевъ. Уѣздныя власти распредѣляли это послѣднее число по призывнымъ участкамъ, каждое соразмѣрно общему количеству призывныхъ. Это и былъ контингентъ для даннаго призывного участка. Сколько въ этомъ числѣ должно быть евреевъ, не указывалось и не могло указываться. Въ призывномъ участкѣ это число также не устанавливалось пропорціонально числу призывныхъ евреевъ и не-евреевъ, такъ какъ, несмотря на двойную, какъ бы, бухгалтерію — еврейскую и не-еврейскую, — призывные списки составлялись общіе; въ нихъ заносились и евреи и не-евреи, въ порядкѣ послѣдовательности, безъ рубрикъ по вѣроисповѣданіямъ. Лишь послѣ жеребьевки число подлежащихъ зачисленію въ войска распадалось на двѣ части — не-евреевъ и евреевъ, по случайному признаку, а именно: по количеству евреевъ и не-евреевъ, оказавшемуся въ числѣ тѣхъ выпавшихъ по жребію номеровъ, которые останавливались на цифрѣ контингента. Такъ, напримѣръ, если изъ даннаго призывного участка подлежало по разверсткѣ зачисленію въ войска сто человѣкъ, и фактическому зачисленію должны были подвергнуться вынувшіе жребій до сотаго, то въ числѣ этихъ ста номеровъ попадались евреи и не евреи, и случайное число не-евреевъ считалось контингентомъ не-еврейскимъ, а число евреевъ — еврейскимъ. Такимъ образомъ, могло сплошь и рядомъ случиться, что, при 20% евреевъ въ числѣ призывныхъ по спискамъ, оказывались, по капризу случая, выразившемуся въ результатахъ жеребьевки, что евреевъ требуется 35%, а не 20%, а не-евреевъ — 65%, а не 80%. Любопытно, что эта игра судьбы всегда оборачивалась противъ евреевъ; не было случая, чтобы жеребьевка дала результаты, выгодные для нихъ. Чѣмъ же это объяснялось? И вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ и далъ мнѣ основаніе разрѣшить проблему недобора евреевъ.

Данныя, разработанныя мною, обнаружили, что, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, не-евреи, льготные перваго разряда по семейному положенію, т. е. единственные сыновья въ семьѣ, вовсе не включались въ

призывные списки и не участвовали въ жеребьевкѣ. Евреи же, которые по закону могли быть зачисляемы въ войска, несмотря на семейное положеніе, дающее право на льготу перваго разряда, въ тѣхъ случаяхъ, когда контингентъ, упадающій на евреевъ, не пополнялся безльготными или льготными второго разряда, включались въ списки и участвовали поэтому въ жеребьевкѣ. Было доказано, что льготныхъ перваго разряда у не-евреевъ вообще больше, чѣмъ у евреевъ, и понятно почему. Многосемейность — всегдашній отличительный признакъ еврейскаго населенія, вслѣдствіе раннихъ браковъ, меньшей смертности дѣтей, благодаря крѣпости семейныхъ узъ и пользованію медицинской помощью и т. д. Количество льготныхъ перваго разряда не-евреевъ превышало 35%; цифры взяты были мною изъ оффиціальныхъ полныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно, если призывные списки по Имперіи включали милліонъ двѣсти тысячъ, то въ это число не входило около полумилліона не-евреевъ льготныхъ перваго разряда. Евреи же, льготные этого разряда, въ количествѣ около 25% включались въ списки и участвовали въ жеребьевкѣ. Очевидно, что въ призывномъ участкѣ, въ этой первичной группѣ, не-евреи тянули жребій въ пропорціонально меньшемъ числѣ, а евреи въ большемъ, чѣмъ это слѣдовало бы по числу призываемыхъ обѣихъ категорій. Если же больше лицъ вынимало жребій, то, само собой разумѣется, большее число евреевъ и попадалось въ первыхъ номерахъ, которые по жребію опредѣлялись, какъ подлежащіе зачисленію на дѣйствительную службу. Въ общихъ цифрахъ это выражалось такъ, что одна треть призывныхъ не-евреевъ, не фигурируя въ призывныхъ спискахъ, и не участвуя въ жеребьевкѣ, уменьшала норму контингента для не-евреевъ, а норма контингента евреевъ искусственно увеличивалась, вслѣдствіе большаго числа участвовавшихъ въ жеребьевкѣ евреевъ. И, дѣйствительно, въ то время, какъ на каждую тысячу призывныхъ не-евреевъ, въ зависимости отъ потребности арміи, норма колебалась за періодъ 80-хъ годовъ между 220 и 280, участіе евреевъ въ контингентѣ выражалось въ цифрѣ отъ 340 до 380 на тысячу.

Это обстоятельство было какъ бы открытіемъ, давшимъ ключъ для уразумѣнія, почему за евреями числился изъ году въ годъ большой недоборъ. Число неявившихся

могло бы объясняться вышеуказанными причинами въ связи съ неправильностями въ составленіи призывныхъ списковъ, недоборъ же былъ до того пунктомъ неразъясненнымъ, такъ какъ, при замѣнѣ неявившихся евреевъ евреями же, этотъ недоборъ представлялся необъяснимымъ.

Детальная разработка данныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, заключавшихъ подробное распредѣленіе призывного населенія по сословіямъ и по другимъ признакамъ, — дала результаты, убѣждавшіе въ томъ, что сословіемъ, наиболѣе уклоняющимся отъ воинской повинности, было россійское степенное купечество, въ лицѣ первой гильдіи купцовъ, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ было много, напримѣръ, въ Москвѣ.

Скажу тутъ же, что, когда была созвана Государственная Дума и когда въ 3-й Думѣ, согласно закону, впервые обсуждался контингентъ подлежащихъ зачисленію на дѣйствительную службу въ войска, — то, само собой разумѣется, правые готовились къ очередному антисемитскому выступленію, съ цѣлью доказать уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности; выступленіе это клонилось къ тому, чтобы исключить евреевъ изъ обще-гражданской обязанности по выполненію этой повинности. Полученныя отъ разработки оффиціальныхъ данныхъ цифры сообщены были мною тогда покойному О. Я. Пергаменту, члену Гос. Думы отъ Одессы, и онъ съ обычнымъ своимъ талантомъ краснорѣчиво доказалъ всю несправедливость навѣта; особый эффектъ вызвали при этомъ цифры, касающіяся отбыванія воинской повинности столь привиллегированнымъ русскимъ купечествомъ. Къ сожалѣнію, засѣданія, въ которыхъ разсматривались контингенты воинской повинности, были закрытыя, и свѣдѣнія о нихъ не попадали въ печать, и потому рѣчь Пергамента осталась неизвѣстной читающей публикѣ, а вмѣстѣ съ нею остались неизвѣстными и тѣ краснорѣчивыя цифры, которыя несомнѣнно не могли не произвести впечатлѣнія.

Собранныя мною въ свое время данныя и выводы, къ которымъ я пришелъ, использованы были въ послѣднее время М. Л. Усовымъ (Тривусомъ), для составленія обширной книги, исчерпывающей всѣ данныя и документы, касающіеся выполненія евреями воинской повинности.

Не могу не подѣлиться здѣсь своими воспоминаніями

о фактахъ, касающихся лично барона Г. О. Гинцбурга. Хотя факты эти являются чисто приватными и на первый взглядъ не имѣютъ существеннаго значенія, но они въ высшей степени рельефно характеризуютъ личность его, цѣликомъ принадлежащую исторіи евреевъ въ Россіи. Продолжая дѣло своего отца, начатое въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ заполнилъ собою цѣлый рядъ страницъ еврейской исторіи въ Россіи, на которыхъ такъ часто вписывалось его имя, его иниціатива, его усилія. Я уже говорилъ объ основаніи Общества распространенія просвѣщенія среди евреевъ. Когда праздновалось въ 1903 г. семидесятилѣтіе Гинцбурга, совпавшее съ 40-лѣтіемъ существованія Общества, его дѣятельность въ этомъ Обществѣ была достаточно охарактеризована; она найдетъ надлежащее мѣсто и въ трудахъ по исторіи Общества, игравшаго столь почетную роль въ исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи.

Но и въ области правового положенія евреевъ Гинцбургъ до начала этого столѣтія игралъ не только видную, но почти исключительную роль. Онъ настолько явно осуществлялъ представительство еврейскихъ интересовъ, что оно признавалось всѣми оффиціальными учрежденіями и всей тогдашней администраціей. Всѣмъ казалось естественнымъ, что по всякому поводу, какъ общему, такъ и частному, Гинцбургъ обращался къ министрамъ и другимъ сановникамъ съ ходатайствами, и никто не спрашивалъ, кѣмъ онъ уполномоченъ. Начавъ свою работу по охранѣ и отстаиванію правъ евреевъ, я первое время дѣйствовалъ именемъ Гинцбурга. Этого было достаточно, чтобы я былъ допущенъ къ представительству интересовъ евреевъ, какъ бы по его передовѣрію. Личная жизнь Гинцбурга такъ переплеталась съ его общественной, я бы даже сказалъ, политической ролью, что и обстоятельства чисто личнаго свойства, касавшіяся его, не могутъ не имѣть существеннаго значенія. Я считаю поэтому умѣстнымъ подѣлиться своими воспоминаніями, относящимися къ 1893 году, когда Гинцбургъ пережилъ потрясеніе, которое всякаго иного человѣка могло бы раздавить и, во всякомъ случаѣ, отвратить отъ общественной работы, — а именно пріостановленіе платежей банкирскимъ Домомъ І. Е. Гинцбургъ, основаннымъ его отцомъ и получившимъ европейскую извѣстность, а вслѣдъ затѣмъ закрытіе Дома и уч-

режденіе администраціи по дѣламъ его и по личнымъ дѣламъ Гинцбурга.

Домъ Гинцбурга не былъ обычнымъ банкирскимъ домомъ и выходилъ изъ ряда подобныхъ учрежденій. Операціи его сосредоточены были на реализаціи желѣзнодорожныхъ займовъ, гарантированныхъ правительствомъ, и на реализаціи облигацій земельныхъ банковъ. Другою спеціальностью Дома была реализація цѣнностей золотопромышленниковъ. Г. О. Гинцбургъ былъ участникомъ почти во всѣхъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятіяхъ и однимъ изъ учредителей крупнѣйшаго изъ нихъ — Ленскаго Золотопромышленнаго Товарищества, владѣвшаго большимъ числомъ пріисковъ, разбросанныхъ на обширныхъ пространствахъ Олекминскаго округа Якутской области. Судьба этихъ золотопромышленныхъ предпріятій, участникомъ коихъ были, вмѣстѣ съ Гинцбургомъ, представители виднѣйшихъ аристократическихъ фамилій въ Россіи (между прочимъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принималъ участіе принцъ Баттенбергскій), была тѣсно связана съ работой банкирскаго Дома, который поэтому по справедливости могъ считаться первымъ и самымъ крупнымъ золотопромышленнымъ банкомъ въ Россіи. И когда банкирскій Домъ прекратилъ свою дѣятельность, то функціи его сталъ выполнять Государственный Банкъ. До того же Банкирскій Домъ Гинцбурга упразднялъ необходимость работы Государственнаго Банка въ этой области и, такимъ образомъ, выполнялъ государственныя финансовыя функціи. Это значеніе Банкирскаго Дома подъ фирмой І. Е. Гинцбургъ, съ признаніемъ государственныхъ заслугъ главы этого Дома, было констатировано министрами финансовъ, въ особенности, С. Ю. Витте, — когда нужно было поддержать передъ Государемъ ходатайство объ изъятіи для Гинцбурга изъ ограничительнаго закона о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать имѣнія въ Юго-Западномъ краѣ.

Банкирскій Домъ имѣлъ въ Парижѣ филіальное отдѣленіе, которымъ завѣдывалъ другой участникъ банкирскаго Дома — братъ Г. О. — Соломонъ Гинцбургъ. Въ результатѣ неосторожныхъ операцій этого отдѣленія, Банкирскій Домъ сталъ ощущать въ концѣ 1892 г. нѣкоторыя затрудненія въ оборотныхъ средствахъ. Не желая обращаться къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, Гинцбургъ

возбудилъ передъ министромъ финансовъ Вышнеградскимъ вопросъ о кредитованіи банкирскаго Дома Государственнымъ Банкомъ въ размѣрѣ до 5 милліоновъ рублей. Вышнеградскій отнесся сочувственно къ этому вопросу и не было основаній сомнѣваться въ томъ, что желаніе Гинцбурга будетъ исполнено, — не только въ интересахъ поддержанія Дома, но и въ интересахъ связанныхъ съ нимъ золотопромышленныхъ дѣлъ. Поэтому, никакихъ другихъ мѣръ для полученія необходимыхъ въ тотъ моментъ банкирскому Дому средствъ не было принято. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гинцбургъ, при томъ положеніи, которое его домъ занималъ на европейскомъ финансовомъ рынкѣ, могъ бы обойтись и безъ Государственнаго Банка. Гинцбургу, однако, хотѣлось получить открытіе кредита именно въ Государственномъ Банкѣ. Дѣло это требовало всеподданнѣйшаго доклада. Таковой былъ сдѣланъ Вышнеградскимъ, но, вопреки ожиданіямъ, самъ Вышнеградскій не поддержалъ ходатайства Гинцбурга, а, напротивъ, далъ отрицательный отзывъ. Что повліяло на Вышнеградскаго, въ смыслѣ измѣненія его намѣреній поддержать ходатайство Гинцбурга, — мнѣ неизвѣстно и осталось неизвѣстнымъ и покойному бар. Гинцбургу.

Въ ходатайствѣ о кредитѣ было отказано, и вслѣдъ за тѣмъ управляющій Домомъ Грубе, участвовавшій въ немъ небольшимъ паемъ, заявилъ на биржѣ о пріостановленіи платежей. Впослѣдствіи было установлено, что Дому не предстояло никакихъ крупныхъ платежей, что въ кассѣ имѣлась наличность въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, что не было случая отказа въ пріемѣ тратъ и векселей банкирскаго Дома, и что вообще ни въ финансовыхъ кругахъ, ни по существу самаго дѣла не было опасеній, что банкирскій домъ окажется не въ состояніи выполнять текущія обязательства.

Съ быстротой молніи по Петербургу разнеслась вѣсть о крахѣ. Финансовые круги заволновались. Градоначальникъ Грессеръ, судя по примѣрамъ предыдущихъ краховъ, опасался, что вкладчики, довѣрившіе банкирскому Дому свои капиталы и цѣнности, придутъ въ волненіе, и что для возстановленія порядка потребуется содѣйствіе полиціи, и поэтому распорядился послать значительный нарядъ полиціи для охраны банкирскаго Дома на Конногвардейскомъ бульварѣ. И велико было его удивленіе, ко-

гда вокругъ помѣщенія банкирскаго Дома все осталось спокойно: ни одинъ вкладчикъ и ни одинъ владѣлецъ депо цѣнныхъ бумагъ не проявилъ ни малѣйшаго безпокойства и не торопился получить свое имущество, будучи увѣренъ, что все окажется цѣлымъ. И дѣйствительно, цѣнности на сумму свыше 30 милліоновъ рублей оказались хранящимися въ тѣхъ пакетахъ, въ коихъ они были сданы банкирскому Дому.

Мнѣ не удалось бы описать душевное состояніе Гинцбурга въ этотъ день. Неоднократно мнѣ приходилось потомъ вспоминать вмѣстѣ съ барономъ о переживаніяхъ этого времени, и я постепенно начиналъ понимать, что долженъ былъ пережить Г. О. въ тотъ моментъ, когда его Домъ какъ бы оказался несостоятельнымъ. Ему была тяжела мысль не о пошатнувшемся его матеріальномъ положеніи, а о томъ, что разрушается зданіе, построенное его отцомъ. Эта мысль его удручала больше всего. Достаточно было знать ту силу піэтета, который питалъ Г. О. къ своему отцу, чтобы понимать его психологическое состояніе. Знавшіе Гинцбурга никогда не приписывали ему особой твердости воли. Будучи человѣкомъ мягкимъ, податливымъ, онъ не производилъ впечатлѣнія сильной волевой натуры. Но я не встрѣчалъ человѣка, который съ большимъ мужествомъ переносилъ бы личныя тяжелыя переживанія, чѣмъ Гинцбургъ. Это обнаружилось въ день пріостановленія платежей банкирскимъ Домомъ, а затѣмъ и къ концу жизни Гинцбурга, когда онъ переносилъ нечеловѣческія страданія.

И въ этотъ тяжелый день своей жизни онъ не забывалъ тѣхъ, къ облегченію участи которыхъ были направлены всѣ его помыслы. Я помню, что въ этотъ же день я имѣлъ бесѣду съ нимъ о текущихъ дѣлахъ по еврейскому вопросу; въ тотъ же день, когда биржа волновалась изъ-за пріостановленія платежей, къ нему пріѣхалъ съ визитомъ бывшій временно въ Петербургѣ виленскій вице-губернаторъ Чепелевскій; Гинцбургъ его принялъ и усердно просилъ его оказать содѣйствіе къ устраненію затрудненій по утвержденію смѣты коробочнаго сбора въ Вильнѣ, о чемъ писали ему незадолго передъ тѣмъ изъ этого города.

По закону, пріостановленіе платежей не могло служить основаніемъ для открытія конкурснаго управленія. Для этого требовалось состояніе неоплатности, т. е. не-

возможность покрыть долги, по отсутствію не только наличныхъ средствъ, но и имущества въ активѣ. Для учрежденія администраціи также требовалось несоотвѣтствіе пассива активу, т. е. такое положеніе дѣла, при которомъ всего имущества не хватаетъ для покрытія всѣхъ обязательствъ. Но такого положенія ни у банкирскаго Дома, ни лично у Гинцбурга не было. Активъ на нѣсколько милліоновъ превышалъ пассивъ. И для того, чтобы сдѣлать возможнымъ учрежденіе администраціи, бухгалтерамъ пришлось много поработать, съ цѣлью составить балансъ, по которому активъ, хотя фиктивно, оказался бы менѣе пассива. Администрація была учреждена, и Гинцбургъ оказался какъ бы подъ опекой администраторовъ, будучи лишенъ возможности распоряжаться своими средствами.

Кстати, я долженъ здѣсь нѣсколько остановиться на характеристикѣ администрацій, учреждавшихся по болѣе или менѣе крупнымъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ. Цѣлью учрежденія администраціи, было, по закону, стремленіе къ возстановленію дѣлъ пошатнувшагося, вслѣдствіе временныхъ затрудненій, промышленнаго или торговаго предпріятія. Администрація учреждалась какъ бы для леченія острой болѣзни предпріятія жизнеспособнаго и могущаго поэтому при надлежащей осторожности и хорошемъ управленіи снова воспрянуть и возстановиться. На дѣлѣ, однако, не было примѣра, чтобы администрація возстановила предпріятіе; напротивъ того, сплошь и рядомъ острая болѣзнь превращалась подъ вліяніемъ администраціи въ хроническую; владѣльцы предпріятія раззорялись и оказывались подъ конкурсомъ, т. е. впадали въ безнадежную несостоятельность. Администрація по закону избиралась изъ среды кредиторовъ предпріятія, т. е. лицъ, заинтересованныхъ въ возстановленіи его, и, съ другой стороны, изъ промышленниковъ и купцовъ, предполагаемыхъ способными совокупными силами лучше управлять предпріятіемъ, чѣмъ владѣльцы, допустившіе его до заболѣванія, — въ особенности при условіи, когда кредиторы должны подчиниться какъ бы принудительному мораторію и пріостановить взысканія по обязательствамъ. Мысль, лежащая въ основѣ законовъ объ администраціи, представляется вполнѣ раціональной и соотвѣтствующей положенію вещей, обычному въ области торговли и промышленности. Но какъ все у насъ въ Россіи, такъ и идея

администраціи превращалась въ жизни въ нѣчто изуродованное. Администраціей стали пользоваться явно несостоятельные владѣльцы предпріятій, а тѣ предпріятія, которыя дѣйствительно могли бы воскреснуть при правильномъ примѣненіи закона объ администраціи, гибли безвозвратно. Русскіе купцы и промышленники не всегда справлялись съ своими собственными предпріятіями, и расчитывать на то, что они совокупными силами приведутъ въ порядокъ чужое предпріятіе, было бы, конечно, почти наивностью. И дѣйствительно, вмѣсто самихъ кредиторовъ, купцовъ и промышленниковъ, долженствующихъ въ роли администраторовъ исцѣлить заболѣвшее коммерческое или промышленное предпріятіе, стали фигурировать ихъ довѣренныя лица: стряпчіе и присяжные повѣренные. Послѣдніе брались быть администраторами всякаго рода дѣлъ — и мануфактуръ, и кредитныхъ учрежденій, и золотопромышленныхъ предпріятій и т. д. Можно было думать, что юридическое образованіе, насколько оно было присуще присяжному повѣренному, даетъ достаточныя знанія во всѣхъ областяхъ торговли и промышленности. Понятно, что избираемые въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ администраторы, въ большинствѣ случаевъ повѣренные, не въ состояніи были направлять предпріятіе на путь оздоровленія; существованіе администраціи тянулось безконечно долго, и предпріятіе въ концѣ концовъ погибало. Въ представленіи дѣловыхъ людей, администрація поэтому сдѣлалась почти равнозначущей конкурсному управленію.

Я всегда удивлялся тому, что Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ Петербургскаго округа, столь чутко реагировавшій на этическія требованія въ отношеніи присяжной адвокатуры и высоко державшій знамя сословной чистоты, не высказался противъ права присяжныхъ повѣренныхъ вступать въ составъ администраціи въ качествѣ администраторовъ и не призналъ, что роль членовъ администраціи ничего общаго не имѣетъ съ юридической помощью и защитою правъ, которая составляетъ задачу адвокатуры, тогда какъ задача администраторовъ — чисто коммерческая и никакихъ юридическихъ элементовъ не содержитъ. Я думаю, что много крупныхъ предпріятій было бы такимъ образомъ спасено отъ окончательнаго разоренія, а репутація сословія только выиграла бы. Лично я ни-

когда членомъ администраціи не былъ и избѣгалъ выступать въ этой роли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ тому представлялась выгодная возможность.

Не обошлось безъ членовъ администраціи изъ адвокатуры и въ администраціи по дѣламъ банкирскаго Дома Гинцбурга. Къ счастью, въ ея составъ вошли уважаемые члены сословія, но и ихъ пребываніе въ составѣ администраціи, во всякомъ случаѣ, пользы дѣлу не принесло.

Въ составъ актива бар. Гинцбурга и двухъ его братьевъ, Соломона и Урія Гинцбурговъ, участниковъ въ банкирскомъ Домѣ, — входили доставшіяся имъ по завѣщанію Е. Г. Гинцбурга, ихъ отца, имѣнія въ Таврической губерніи въ размѣрѣ 50.000 десятинъ земли. Согласно завѣщанію, доходы съ имѣній до смерти послѣдняго изъ наслѣдниковъ названныхъ Горація, Урія и Соломона, должны были обращаться на благотворителныя надобности. Распредѣленіемъ доходовъ долженъ былъ завѣдывать старшій изъ наслѣдниковъ, а по его смерти — слѣдующій за нимъ; лишь послѣ смерти послѣдняго, имѣнія могли быть раздѣлены между тѣми наслѣдниками, которые останутся послѣ братьевъ, и тогда только поступали въ ихъ личное распоряженіе, причемъ въ завѣщаніи было оговорено, что на имѣніе должно быть наложено запрещеніе, ограничивающее распоряженіе этимъ имѣніемъ, въ соотвѣтствіи со смысломъ завѣщанія. Вслѣдствіе не совсѣмъ удачнаго управленія этими имѣніями, доходы съ нихъ ко времени учрежденія администраціи были сравнительно незначительны, не превышая 60-70 тысячъ рублей въ годъ. Благотворительныя потребности не ощущали, однако, на себѣ послѣдствій неудовлетворительнаго управленія, такъ какъ на благотворительныя надобности бар. Гинцбургъ тратилъ отъ 500 до 700 тысячъ рублей въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣнность имѣній была въ то время очень значительна. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій администраціи было рѣшеніе ликвидировать эти имѣнія. Это было кому-то выгодно. Гинцбургъ не въ состояніи былъ бороться противъ намѣреній администраціи; благотворительному фонду, служившему обезпеченіемъ для многихъ учрежденій и лицъ, пользовавшихся пособіями Гинцбурга, на тотъ случай, если бы дѣла его не поправились, стала угрожать опасность. А между тѣмъ, для удовлетворенія долговъ банкирскаго Дома, никакой надобности въ ликвидаціи крым-

скихъ имѣній не представлялось. Какъ ни непріятно было Гинцбургу бороться противъ администраціи по его дѣламъ, мнѣ удалось убѣдить его не оставаться пассивнымъ зрителемъ ликвидаціи имѣній, въ нарушеніе воли его отца, столь мудро позаботившагося передъ своей смертью объ интересахъ близкаго ему дѣла благотворительности. Мнѣ удалось разъяснить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что законъ обязываетъ его, независимо отъ иниціативы ближайшихъ заинтересованныхъ лицъ, оградить цѣлость имущества, имѣющаго хотя бы и временное благотворительное назначеніе, даже въ томъ случаѣ, если распоряженіе имуществомъ находится въ рукахъ наслѣдниковъ, могущихъ располагать имъ въ интересахъ не только общественной, но и частной благотворительности. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшему вслѣдствіе представленнаго юрисконсультомъ заключенія по этому вопросу, губернатору Таврической губерніи предписано было объявить лицу, посланному администраціей съ надлежащими полномочіями, о прекращеніи всякаго отношенія администраціи въ указаннымъ имѣніямъ и лишеніи ея права какого бы то ни было распоряженія ими. Такимъ образомъ, удалось спасти имѣніе отъ ликвидаціи безцѣльной, ненужной для дѣла и предпринятой по соображеніямъ едва ли достаточнымъ. Имѣнія до послѣдняго времени остались во владѣніи наслѣдниковъ умершихъ Горація, Соломона и Урія Осиповичей Гинцбургъ.

Періодическая печать этой эпохи, подъ давленіемъ цензуры, носила отчетливый антисемитскій характеръ. Но возникновеніе органовъ печати въ провинціи, явно погромнаго направленія, было явленіемъ позднѣйшаго времени. Столичная печать занималась еврейскимъ вопросомъ почти непрерывно, причемъ главной темой было экономическое засиліе евреевъ; постепенно сталъ вырисовываться и новый фонъ обвиненій, а именно — участіе еврейской молодежи въ революціонномъ движеніи. Возникавшія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ время отъ времени недоразумѣнія и безпорядки неуклонно объяснялись значительнымъ числомъ учащихся евреевъ и чуть ли не поголовно усвоеннымъ этой частью молодежи революціоннымъ настроеніемъ. Либеральная печать была совершенно придушена. Въ Петербургѣ выходила одна только ли-

беральная газета — «Новости», а въ Москвѣ — «Русскія Вѣдомости». По еврейскому вопросу обѣ эти газеты осуждены были на молчаніе, такъ какъ цензура считала недопустимой критику правительственной политики въ этой области.

Газета «Новости» редактировалась и издавалась О. К. Нотовичемъ. Онъ заслуживаетъ и ждетъ своего біографа. Человѣкъ сравнительно тогда не старый, съ большой иниціативой, несомнѣнно даровитый журналистъ, — онъ, однако, не сумѣлъ стать центромъ либеральныхъ группъ въ столицѣ. Интеллигенція группировалась тѣснѣе вокругъ ежемѣсячныхъ журналовъ, которые въ большинствѣ были либеральнаго направленія. Нотовичъ обладалъ не вполнѣ уживчивымъ характеромъ. Къ этому присоединялось большое самомнѣніе его, которое дѣлало личныя съ нимъ сношенія не совсѣмъ удобными. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ налаживать отношенія съ властью. Начальству было удобнѣе имѣть дѣло съ редакторомъ либеральной газеты въ лицѣ Нотовича и, несмотря на явное желаніе окончательно придушить либеральный голосъ общественнаго мнѣнія, Нотовичъ сумѣлъ сохранить въ цѣлости газету «Новости» и преодолѣвать матеріальныя затрудненія, съ которыми сопряжено было изданіе большой газеты. Онъ создалъ акціонерное общество «Гутенбергъ», но это не привело къ приливу капитала, нужнаго для изданія, и, въ концѣ концовъ, Нотовичъ палъ жертвой финансовыхъ затрудненій, особенно усилившихся въ самомъ началѣ этого столѣтія, когда стали возникать новыя газеты оппозиціоннаго направленія: «Русь», «Россія» и др. Общество «Гутенбергъ» оказалось несостоятельнымъ. Администрація, учрежденная по дѣламъ его, дѣлала всѣ возможныя усилія для того, чтобы сохранить газету; для этого приносилъ личныя жертвы одинъ изъ членовъ администраціи Ю. Б. Бакъ, основатель газеты «Рѣчь». Объ этомъ исключительно симпатичномъ общественномъ дѣятелѣ придется говорить впослѣдствіи. Усилія администраціи не помогли дѣлу, и газета «Новости» прекратила свое существованіе.

Не легко было Нотовичу посвящать въ газетѣ много мѣста и вниманія еврейскому вопросу. Помимо общихъ цензурныхъ условій, Нотовичъ не могъ превратить свой общій политическій органъ въ органъ спеціально еврейскій. Къ чести О. К. Нотовича надо сказать, что онъ не

скрывалъ своего еврейства. Но обстоятельства вынуждали его, въ интересахъ газеты, не превращать ее въ спеціально еврейскій органъ.

Московскія «Русскія Вѣдомости» уже тогда имѣли тотъ характеръ, какимъ эта газета отличалась и впослѣдствіи, а именно чисто академическій. Служа вѣрой и правдой дѣлу обновленія Россіи, она, главнымъ образомъ, ограждала интересы земства и городского самоуправленія и очень рѣдко посвящала свои столбцы такъ называемому инородческому вопросу. Помѣстить статью по еврейскому вопросу въ этой газетѣ было дѣломъ крайне труднымъ. «Московскія Вѣдомости», редактируемыя Катковымъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ и несомнѣнно реакціонномъ направленіи, не были антисемитски настроены. Лично, Катковъ не былъ приверженцемъ политики репрессій и ограниченій по отношенію къ евреямъ. Несомнѣнно, на него въ свое время оказало вліяніе общеніе съ Н. И. Бакстомъ. Поводомъ къ сближенію ихъ послужило то, что Бакстъ, въ качествѣ академика и члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, принадлежалъ къ довольно консервативному лагерю и даже числился поклонникомъ классической системы гр. Толстого, защиту которой Катковъ сдѣлалъ въ свое время какъ бы своей спеціальностью.

Изъ еврейскихъ органовъ печати сохранился лишь одинъ «Восходъ», выходившій подъ предварительной цензурой. Нѣкоторое время просуществовала газета «Будущность», редактируемая д-ромъ С. О. Грузенбергомъ. Она была органомъ національнаго пробужденія, закончившагося созданіемъ сіонистской организаціи. Еженедѣльная газета «Восходъ», съ ежемѣсячнымъ журналомъ, подъ редакціей А. Е. Ландау, стала единственнымъ мѣстомъ, гдѣ свободно могъ раздаваться стонъ, стоявшій на еврейской улицѣ, а, съ другой стороны, гдѣ можно было помѣстить результаты еврейскаго знанія, могущіе служить утѣшеніемъ для многострадальной массы. Ландау преодолѣвалъ матеріальныя трудности и сумѣлъ, при тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ сохранить газету и журналъ до тѣхъ поръ, пока на смѣну ему, уставшему въ долголѣтней борьбѣ, явился кружокъ лицъ, принявшій на себя изданіе и редактированіе газеты. «Восходъ» сыгралъ большую роль въ исторіи еврейскаго самосознанія и заслуги органа и его редактора, несомнѣнно, будутъ оцѣнены историкомъ ев-

рейскаго самосознанія и культуры. Но въ смыслѣ политическомъ «Восходъ» никакой серьезной роли не игралъ. Вліянія на не-еврейское общественное мнѣніе онъ не имѣлъ. Его читали, кромѣ евреевъ, только враги еврейства, и поэтому полемика съ антисемитскими органами, разъясненіе разныхъ сторонъ еврейской жизни, не выходили изъ тѣснаго круга еврейскихъ читателей и общественнаго мнѣнія просвѣщать не могли.

При такихъ условіяхъ, граничащихъ почти съ безгласностью, творилась человѣконенавистническая правительственная политика по отношенію къ евреямъ. Изданіе книгъ и брошюръ было немыслимо. Лучшимъ показателемъ такой невозможности была судьба пятитомнаго изданія И. С. Бліоха, о которомъ я упоминалъ раньше. Это было ученое статистическое изслѣдованіе съ обширнымъ, почти оффиціальнымъ, матеріаломъ, доказывающимъ несостоятельность политики въ еврейскомъ вопросѣ и несправедливость предъявляемыхъ евреямъ обвиненій; книга опровергала утвержденіе о вредѣ еврейской экономической дѣятельности и краснорѣчиво доказывала благотворное вліяніе еврейской посреднической и торговой дѣятельности на экономическую жизнь населенія, въ особенности крестьянскаго. И только потому, что эта книга была лучшимъ опроверженіемъ антисемитской политики, она признана была настолько вредной, что выпускъ ея въ свѣтъ былъ запрещенъ и, по постановленію комитета министровъ, это колоссальное изданіе, содержавшее рѣдкія картограммы и діаграммы и стоившее Бліоху много сотенъ тысячъ рублей, было подвергнуто сожженію, этому ауто-да-фе XIX столѣтія въ Россіи.

Противъ ходячихъ обвиненій евреевъ и противъ правительственныхъ предположеній о дальнѣйшемъ ограниченіи правъ евреевъ, приходилось бороться путемъ подачи и распространенія, конечно, ограниченнаго, всякаго рода записокъ и мемуаровъ. У меня сохранилось множество такого рода записокъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; онѣ составлялись мною въ большинствѣ случаевъ при полномъ сознаніи безнадежности добиться благопріятныхъ результатовъ, убѣдить тѣхъ, которые убѣждаться не желали или не могли, вслѣдствіе давленія свыше. На подачу такихъ записокъ баронъ Гинцбургъ и я смотрѣли, какъ на общественную нашу обязанность передъ евреями;

будучи составлены въ тонѣ ходатайства, записки вмѣстѣ съ тѣмъ являлись протестомъ противъ несправедливости гоненій, протестомъ, заявляемымъ во имя справедливости и правды. И я съ большой увѣренностью могу утверждать, что, зорко слѣдя за всѣми движеніями въ области еврейскаго вопроса, мы ни одного правительственнаго ограничительнаго мѣропріятія не оставили безъ предостереженія о его несправедливости и вредныхъ послѣдствіяхъ.

Къ началу 90-хъ годовъ относятся первыя попытки организаціи представителей еврейской интеллигенціи въ дѣлѣ борьбы противъ еврейскаго безправія. Я уже упоминалъ о первой такой попыткѣ, которая была сдѣлана по иниціативѣ кружка адвокатской молодежи подъ руководствомъ А. Я. Пассовера.

Попытка эта принесла свои плоды. Почти всѣ участники кружка впослѣдствіи образовали, при Обществѣ распространенія просвѣщенія среди евреевъ, особую группу въ цѣляхъ историко-этнографическихъ изслѣдованій. Результатомъ работъ этого кружка, въ которомъ принимали участіе и еврейскіе историки, въ частности, одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей въ области еврейскаго вопроса — Э. Б. Левинъ, было изданіе двухъ томовъ регестъ и надписей изъ памятниковъ русской старины. Лично я, поглощенный цѣликомъ практической работой въ борьбѣ противъ еврейскаго безправія, не могъ принять участія въ этомъ начинаніи, но и не могъ не радоваться тому, что въ Петербургѣ, наконецъ, представители еврейской интеллигенціи организуются въ интересахъ еврейскаго дѣла.

Къ тому времени относится появленіе въ Петербургѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, окончившихъ московскій университетъ, быстро освоившихся съ петербургскими условіями духовной жизни и усилившихъ собою небольшой кадръ интеллигентныхъ работниковъ съ общественными стремленіями. Они группировались вокругъ газеты «Восходъ» и стали ея постоянными сотрудниками. Это были —М. В. Поузнеръ, а потомъ и его братъ С. В. Поузнеръ, Л. М. Брамсонъ и Л. О. Зайдеманъ, писавшій подъ псевдонимомъ Унусъ. По иниціативѣ этихъ лицъ стала составляться библіографія по еврейскому вопросу, впослѣдствіи изданная. Л. М. Брамсонъ особенно интересовался школьнымъ дѣломъ, и когда въ 1893 г., по случаю 25-лѣтія бракосочетанія Александра III съ Маріей Федоровной, бар.

Гинцбургъ, И. А. Вавельбергъ и другіе пожертвовали капиталъ для устройства училищъ для мальчиковъ и дѣвочекъ при Обществѣ распространенія просвѣщенія среди евреевъ, въ усадьбѣ, принадлежащей синагогѣ, то Брамсонъ принялъ самое дѣятельное участіе, какъ въ постройкѣ зданія, такъ и въ организаціи самыхъ училищъ; онъ былъ первымъ завѣдующимъ этими училищами и много потрудился для правильной постановки преподаванія, а впослѣдствіи и для устройства при этихъ училищахъ ремесленнаго отдѣленія, на средства, ассигнованныя центральнымъ комитетомъ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества. Нѣсколько позднѣе Брамсонъ сталъ во главѣ канцеляріи этого центральнаго комитета; при ней образовался кружокъ лицъ, разрабатывавшихъ различные матеріалы и проекты, которые получили осуществленіе послѣ того, какъ комитетъ приступилъ къ практической работѣ, — независимо отъ составленія партіи колонистовъ, направленныхъ изъ Россіи въ Аргентину.

ГЛАВА XXX.

Начало франко-русскаго союза. — Назначеніе Витте министромъ финансовъ. — Введеніе винной монополіи. — Нормировка сахарной промышленности. — Министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ. — Борьба противъ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Дѣло петербургскаго градоначальника Клейгельса. — Дѣло Московскаго Общества Домостроительства. — Дѣло Зеленко и Меранвиль де Сенъ-Клеръ. — Сенатъ при Муравьевѣ. — Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Политика Александра III импонировала Западной Европѣ. Тамъ воспринимали ее, какъ проявленіе твердой власти, какъ проведеніе ясно сознанной правительственной программы, направленной къ укрѣпленію Россіи. Думали, что вмѣстѣ съ реакціонной политикой укрѣпляется государственная мощь, въ особенности экономическая. Внѣшніе признаки, казалось, подтверждали эти предположенія. Начало постройки сибирской желѣзной дороги, энергично проведенной, заставило забыть ужасныя переживанія 1891 года, явившіяся слѣдствіемъ неслыханнаго неурожая, разразившагося какъ разъ надъ плодородными губерніями приволжскаго края. Казалось бы, голодъ въ Россіи былъ явнымъ опроверженіемъ мнѣнія о томъ, что Россія экономически сильна. Нельзя было не задать себѣ вопроса: какимъ образомъ можетъ въ Россіи ощущаться недостатокъ хлѣба, когда климаты Россіи различны, пространство необъятно, — и если въ одномъ мѣстѣ оказывается недородъ, то онъ не можетъ не покрыться избыткомъ хлѣба въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недорода не было. А, между тѣмъ, и фактъ этого голода не разсѣялъ предразсудка объ экономической силѣ Россіи. Стали, правда, обсуждать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допускать вывозъ изъ Россіи хлѣба, и не является ли дороговизна хлѣба признакомъ

благополучія, а дешевизна, напротивъ того, признакомъ экономической слабости. Появилась цѣлая литература, но въ ней отсутствовало углубленіе въ причины такихъ явленій, какъ голодъ въ Россіи. Съ другой стороны, стремленіе земствъ притти населенію на помощь въ борьбѣ противъ ужаснаго голода, вызвало обостреніе отношеній между правительствомъ и земскимъ самоуправленіемъ, и это обостреніе явно показало, что бюрократическій режимъ въ Россіи не совмѣстимъ съ свободнымъ развитіемъ экономическихъ силъ страны. За границей этого не понимали. Правда, курсъ русскаго рубля понижался, но престижъ политики Александра III былъ великъ. Націоналистическое направленіе этой политики не могло не привести къ сближенію Россіи съ Франціей. Любопытно отмѣтить, что традиціонная политика Франціи въ отношеніи Россіи, столь документально разработанная, въ особенности, въ изслѣдованіяхъ Вандаля, всегда видѣла въ Россіи соперницу на Балканскомъ полуостровѣ, и всегда боялась усиленія Россіи, связаннаго съ перемѣщеніемъ центра тяжести европейскаго равновѣсія на востокъ, и съ отдаленіемъ Балканъ отъ Франціи. Всѣ попытки заключенія союза между Франціей и Россіей, не смотря на признаніе нѣкотораго сродства національныхъ чертъ французовъ и русскихъ, несмотря на сознаніе культурной близости Франціи и Россіи, въ особенности въ эпоху конца XVIII и начала XIX столѣтія, когда французскій языкъ сталъ едва ли не обиходнымъ языкомъ культурной Россіи, — не привели къ политическому объединенію интересовъ. Измѣнилось настроеніе Франціи въ этомъ отношеніи послѣ франко-германской войны, когда Франціи надо было искать поддержку въ виду возможнаго возобновленія борьбы между нею и Германіей. Между тѣмъ, русская националистическая политика должна была привести къ отчужденію Россіи отъ Германіи, не смотря на традиціонный союзъ обѣихъ странъ, обусловленный и общей границей и, главнымъ образомъ, общимъ историческимъ преступленіемъ, совершеннымъ Пруссіей, Австріей и Россіей при первомъ и второмъ раздѣлѣ Польши. Общность преступленія, казалось, гарантировала навсегда союзныя отношенія между этими странами, но политика Александра III не могла не задѣть и нѣмецкіе національные интересы, главнымъ образомъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Охлажденіе между Россі-

ей и Германiей явилось послѣдствiемъ именно нацiоналистическаго направленiя политики Александра III. Этимъ воспользовалась Францiя, и мiръ сдѣлался свидѣтелемъ того, какъ самая реакцiонная страна съ самымъ яркимъ режимомъ абсолютизма, не имѣющимъ второго примѣра на картѣ Европы, сближается политически съ народомъ, живущимъ подъ республиканскимъ режимомъ, съ народомъ, который революцiей одной, другой и третьей, добылъ себѣ свободу, и который, казалось бы, принципiально не могъ мириться съ противоположнымъ республиканскому монархически-бюрократическимъ режимомъ. Невѣроятными казались сближенiе Россiи съ Францiей, возможность союза между Александромъ III и республикой, дружественныя отношенiя между нимъ и президентомъ республики Феликсомъ Форомъ, лицомъ чуть ли не купеческаго происхожденiя. Къ счастью, это случилось, и я помню впечатлѣнiе, которое произвело на всѣхъ сообщенiе газетъ, что, когда при посѣщенiи французской эскадрой Кронштадта, адмиралы были приглашены къ царскому обѣденному столу, въ залахъ петергофскаго дворца вмѣстѣ съ произнесенiемъ тоста за процвѣтанiе Францiи раздались звуки марсельезы, исполненной придворнымъ оркестромъ.

Сближенiе съ Францiей имѣло значенiе и для внутренней русской политики. Несомнѣнно, что реакцiонное направленiе торжествовало и временно могло показать въ своемъ активѣ исканiе дружбы Россiи со стороны свободолюбивой Францiи.

Голодъ 1891 года и финансовое положенiе Россiи требовали энергичныхъ мѣръ и диктовали необходимость перемѣны въ высшемъ управленiи финансовымъ вѣдомствомъ. На должность министра финансовъ послѣ Вышнеградскаго былъ назначенъ Сергѣй Юльевичъ Витте. Я помню тѣ ожиданiя, которыя были связаны съ этимъ назначенiемъ. Бывшiй управляющiй юго-западными желѣзными дорогами, Витте пользовался до перехода своего въ Петербургъ репутацiей весьма дѣльнаго и практическаго человѣка. Влiянiе его въ Кiевѣ было огромно. Кратковременное пребыванiе его въ должности директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, оживленiе, по его иницiативѣ, желѣзнодорожнаго строительства, энергичное проведенiе постройки сибирской желѣзной дороги, —

увеличивали престижъ Витте, и назначенiе его на должность министра финансовъ встрѣчено было съ большимъ и понятнымъ удовлетворенiемъ. Въ области внутренней политики Витте не вступалъ ни въ какiя столкновенiя съ господствующимъ направленiемъ. Неизвѣстно было ни о какихъ его несогласiяхъ съ главнымъ заправилой внутренней политики, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ, идеологомъ и истиннымъ вдохновителемъ реакцiонной политики Александра III.

Одной изъ первыхъ мыслей, за осуществленiе коихъ принялся Витте по вступленiи своемъ въ исполненiе обязанностей министра финансовъ, было введенiе винной монополiи, т. е. казенной продажи питей. Россiя еще помнила времена откуповъ, когда все дѣло продажи водки было въ рукахъ правительства, а практически отдавалось въ руки отдѣльныхъ откупщиковъ, какъ бы подрядчиковъ по сбору акциза на крѣпкiе напитки. Но совершенно новой явилась идея Витте объ организацiи самой питейной торговли черезъ правительственныхъ чиновниковъ. Въ мотивахъ, которые убѣдили Александра III согласиться на реформу питейнаго дѣла, между прочимъ указывалось и то, что въ частныхъ рукахъ питейная торговля приводитъ къ спаиванiю народа.

Въ этихъ мотивахъ Витте наигрывалъ и обычную тогда мелодiю о вредѣ еврейской питейной торговли, въ особенности въ предѣлахъ черты осѣдлости, и прямо указывалъ, что введенiе казенной монополiи вырветъ изъ рукъ евреевъ питейное дѣло и яко бы раскрѣпоститъ крестьянское населенiе отъ экономическаго господства и эксплоатацiи евреевъ. Быстро рѣшенная реформа Витте съ большой энергiей проводилась въ жизнь, и если нужно было бы искать доказательствъ крупнаго организацiоннаго таланта С. Ю. Витте, то ихъ легко можно найти именно въ проведенiи питейной монополiи. Трудно себѣ представить всю сложность дѣла, которое выпало на долю вѣдомства министерства финансовъ въ связи съ введенiемъ казенной монополiи продажи питей. Мнѣ приходилось впослѣдствiи сталкиваться по дѣламъ съ главнымъ управленiемъ неокладныхъ сборовъ, гдѣ были сосредоточены всѣ дѣла по акцизамъ и по продажѣ питей, и я могъ видѣть, какъ превосходно организовано было дѣло, совершенно непривыч-

ное для чиновничества и выходящее изъ круга его обычной работы. Акцизные чиновники имѣли твердо установленную репутацію любителей взятокъ, и можно было опасаться, что традиція взяточничества перейдетъ и въ реформированное акцизное вѣдомство при Витте. Между тѣмъ надо сказать, что какъ разъ въ этомъ вѣдомствѣ, гдѣ частнымъ лицамъ, контрагентамъ казны, приходилось постоянно имѣть различныя сложныя имущественныя отношенія, о взяткахъ рѣшительно ничего не было слышно. Во главѣ дѣла стояли лица испытанныя по честности и отдававшія всю свою энергію налаживанію новаго дѣла.

Введеніе винной монополіи лишило сотни тысячъ евреевъ источника средствъ къ существованію. Съ ужасомъ встрѣчена была реформа евреями въ чертѣ осѣдлости. Однако, лучшіе элементы еврейства вѣрили, что экономическій кризисъ будетъ изжитъ евреями и что въ результатѣ получится большая нравственная польза: изъ рукъ враговъ еврейства введеніе винной монополіи выбило страшное орудіе, которымъ съ эпохи Державина и до послѣдняго времени оффиціальный антисемитизмъ пользовался въ цѣляхъ ограниченія правъ евреевъ. Достаточно вспомнить, что многочисленыя узаконенія, направленныя къ полному выселенію евреевъ изъ селъ и деревень, начиная съ Александра I и до послѣдняго времени, всегда имѣли одну и ту же видимую цѣль: лишить евреевъ возможности путемъ питейной торговли оказывать вредное экономическое вліяніе на окружающее сельское населеніе. Введеніе винной монополіи прекратило существованіе этого оффиціальнаго мотива, независимо отъ его необоснованности по существу.

Хочу отмѣтить и другое мѣропріятіе Витте, проведенное въ началѣ его управленія вѣдомствомъ финансовъ, а именно — изданіе законовъ, касающихся сахарной промышленности. При вступленіи Витте въ управленіе вѣдомствомъ финансовъ, сахарная промышленность, которая быстро стала развиваться, начиная съ середины прошлаго столѣтія, переживала тяжелый кризисъ: свободная конкурренція наводнила рынокъ сахаромъ, цѣны понижались и со стороны сахарозаводчиковъ поднялся вопль о разореніи. Сахарная промышленность была всегда въ привилегированномъ положеніи. Она считалась промышленностью подсобной для сельскаго хозяйства, а такъ какъ, кро-

мѣ того, сахарные заводы устраивались главнымъ образомъ въ крупныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ родовитому дворянству и титулованнымъ лицамъ, близкимъ къ придворнымъ сферамъ и, слѣдовательно, имѣвшимъ большое вліяніе въ правительствѣ, — финансовое вѣдомство было всегда какъ бы пѣстуномъ этой промышленности. Ей предоставлялись всякія привилегіи, не въ примѣръ прочимъ отраслямъ промышленности. Для борьбы съ гибельной взаимной конкурренціей, которая, быть можетъ, шла на пользу населенію вслѣдствіе удешевленія сахара, образовался въ Кіевѣ синдикатъ сахарозаводчиковъ, который въ порядкѣ частнаго соглашенія между отдѣльными заводчиками организовалъ нормировку сахарнаго производства, установивъ обязательность выпуска на рынокъ сахара не свыше извѣстнаго количества. Вслѣдствіе этого цѣны на сахаръ стали подниматься, что вызвало справедливыя нареканія въ прессѣ, которая приравнивала соглашеніе союза сахарозаводчиковъ къ стачкѣ, направленной къ тому, чтобы искусственно повысить цѣну на такой важный предметъ потребленія, какъ сахаръ.

Витте изъялъ это дѣло изъ рукъ частныхъ заинтересованныхъ лицъ, т. е. самихъ сахарозаводчиковъ, и ввелъ законную нормировку сахарнаго производства, съ установленіемъ контингента для выпуска сахарнаго песку на внутренній рынокъ, — съ тѣмъ, чтобы всѣ излишки подлежали обязательному вывозу за-границу. Результатомъ введенія сахарной нормировки была стабилизація цѣнъ на уровнѣ, опредѣленномъ самимъ правительствомъ, а заграницей русскій сахаръ былъ такъ дешевъ, что не преувеличеніемъ было утвержденіе, что въ Англіи свиньи кормятся сахаромъ, импортируемымъ изъ Россіи. Законъ о нормировкѣ сахара, направленный къ поддержанію сахарной промышленности, отразился и на экономическомъ положеніи евреевъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ около сахарной промышленности питались сотни тысячъ еврейскихъ семействъ въ качествѣ посредниковъ при продажѣ сахара и т. п. Отношеніе Витте къ еврейскому вопросу въ то время не проявлялось въ какой-либо инціативѣ со стороны этого сильнаго министра въ смыслѣ измѣненія правового положенія евреевъ. Касаться еврейскаго вопроса было дѣломъ опаснымъ при Александрѣ III, и такого героизма со стороны Витте никто и не могъ ожидать. Тогда

за нимъ еще не установилась репутація юдофила, репутація, которая въ послѣднее время какъ бы преслѣдовала Витте, хотя, по совѣсти говоря, неизвѣстно, на чемъ она была основана. Я воздержусь здѣсь отъ характеристики Сергѣя Юльевича Витте, съ которымъ мнѣ пришлось ближе познакомиться уже послѣ обновленія государственнаго строя Россіи, т. е. послѣ 1905 года. Когда я въ своемъ изложеніи дойду до событій этой эпохи, тогда я подробнѣе остановлюсь на характеристикѣ этой крупной личности, оставившей несомнѣнно глубокій слѣдъ въ исторіи Россіи.

Пошли перемѣны и въ другихъ вѣдомствахъ. Министра юстиціи Манасеина, автора ограничительнаго закона о евреяхъ-адвокатахъ, смѣнилъ государственный секретарь Николай Валеріановичъ Муравьевъ, который за короткое время отъ должности прокурора московской Судебной Палаты дошелъ до генералъ-прокурорскаго поста. Въ то время Муравьевъ былъ еще сравнительно молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ самымъ молодымъ изъ министровъ, подобно тому, какъ онъ былъ въ свое время самымъ молодымъ изъ прокуроровъ судебныхъ палатъ.

Муравьевъ былъ незаурядной личностью. Отъ него вѣяло талантомъ. Превосходный ораторъ, онъ былъ и превосходнымъ писателемъ. Его труды по исторіи генералъ-прокурорскаго и вообще прокурорскаго надзора въ Россіи, исторіи, связанной съ исторіей Сената, представляютъ блестящее изслѣдованіе, не превзойденное до настоящаго времени. Напечатанные доклады его въ Петербургскомъ юридическомъ обществѣ и другія его работы также свидѣтельствовали о большомъ талантѣ этого судебнаго дѣятеля. Онъ вообще питалъ большую склонность къ ученымъ трудамъ, и мнѣ лично приходилось не разъ убѣждаться въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ судебнымъ дѣятелямъ, имѣвшимъ отношеніе къ наукѣ. Однимъ изъ его первыхъ дѣлъ, на посту министра юстиціи, было основаніе «Журнала министерства юстиціи». Юридическая литература въ Россіи была въ то время бѣдна; юридическіе органы — въ Петербургѣ «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права» издаваемый Петербургскимъ юридическимъ обществомъ, а въ Москвѣ — «Судебный Вѣстникъ» подъ редакціей Муромцева, — влачили въ смыслѣ матеріальномъ жалкое существованіе. Мнѣ

самому пришлось убѣдиться, какъ объ этомъ будетъ сказано въ свое время, насколько трудно было издавать въ Россіи ученый журналъ по юриспруденціи. «Журналъ министерства юстиціи» имѣлъ цѣлью поощрить судебныхъ дѣятелей къ литературной, ученой работѣ. Всякій сотрудникъ «Журнала министерства юстиціи» могъ разсчитывать на особое вниманіе со стороны главы центральнаго вѣдомства.

При всѣхъ своихъ талантахъ, Муравьевъ отличался, однако, и непріятными чертами, которыя дѣлали изъ него министра, едва ли способнаго высоко держать знамя правосудія. Я бы сказалъ, что онъ былъ непосѣдливъ: оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента, онъ хотѣлъ быть государственнымъ секретаремъ; государственный секретарь, онъ спѣшилъ занять должность министра юстиціи. Но и на этомъ его амбиція не остановилась. Впослѣдствіи, понимая, какова власть въ Россіи министра внутреннихъ дѣлъ, и зная, что фактически господство надъ внутренней политикой сосредоточено въ рукахъ этого министра, онъ всѣми способами стремился занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ, притязая каждый разъ на освобождающуюся должность и употребляя всѣ усилія, чтобы должность министра внутреннихъ дѣлъ была какъ можно чаще вакантна. Борьба между министерствомъ юстиціи и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, скрытая отъ посторонняго глаза, для посвященныхъ была очевидна и представляла чрезвычайно любопытное зрѣлище.

Я не могу по этому поводу не вспомнить нѣкоторыхъ эпизодовъ, которые относятся къ нѣсколько болѣе позднему времени. Градоначальникомъ въ Петербургѣ былъ генералъ Клейгельсъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ, а до того оберъ-полицеймейстеръ въ Варшавѣ. Пройдя долгій полицейскій стажъ, Клейгельсъ держался традицій, обычныхъ для полиціи. Онъ не поощрялъ взяточничества низшихъ служащихъ, но и не велъ особенной борьбы противъ завѣдомаго для всѣхъ любостяжанія чиновъ полиціи, въ особенности въ Петербургѣ, гдѣ при усиленной охранѣ поводовъ къ вмѣшательству полиціи было достаточно и гдѣ люди, заинтересованные въ добрыхъ отношеніяхъ съ полиціей, могли выдержать сравнительно крупныя жертвы. Ходили кое-какіе слухи и о самомъ градоначальникѣ. Говорили о клубахъ, въ которыхъ ведется

азартная игра въ карты; говорили и о заведеніяхъ, которыя врядъ-ли должны были быть терпимы полиціей и т. д. Клейгельсъ пользовался, однако, покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ: ходили слухи, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ, которыя способны были особенно компрометировать градоначальника, было извѣстно тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, Сипягину, который не счелъ нужнымъ, во имя сохраненія престижа власти, реагировать на дошедшія до него свѣдѣнія и какъ бы прикрывалъ градоначальника. По распоряженію министра юстиціи Муравьева, предпринято было чинами прокурорскаго надзора негласное дознаніе о дѣйствіяхъ Клейгельса. Явленіе довольно необычное, — дознаніе обыкновенно дѣлается органами полицейской власти. Въ данномъ же случаѣ чины прокуратуры въ лицѣ нѣкоторыхъ ея наиболѣе способныхъ представителей превратились въ органы розыска. Работа дала блестящіе результаты. Накопился обширный матеріалъ, который позволялъ предъявить къ градоначальнику формальное обвиненіе, а такъ какъ преданіе суду или вообще привлеченіе къ слѣдствію должностныхъ лицъ, занимающихъ административные посты, требовало сношенія съ соотвѣтственнымъ министромъ, то и завязалась переписка съ Сипягинымъ, который всячески тормозилъ разрѣшеніе вопроса. На дѣло Клейгельса Муравьевъ смотрѣлъ, какъ на козырное, и разсчитывалъ, что благодаря этому дѣлу Сипягинъ долженъ будетъ очистить для него, Муравьева, мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. И вотъ, въ рѣшительный моментъ, когда все было готово для того, чтобы нанести Сипягину окончательный ударъ черезъ голову градоначальника Клейгельса, Муравьевъ получилъ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ извѣщеніемъ его, что въ видахъ охраны безопасности Его Императорскаго Величества, Клейгельсъ долженъ остаться градоначальникомъ въ Петербургѣ, и дѣло о немъ подлежитъ прекращенію. Такъ дѣло и было сдано въ архивъ министерства юстиціи.

Вообще, возбужденіе громкихъ дѣлъ въ тѣхъ видахъ, чтобы добраться до какого-нибудь министра, черезъ головы лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ, было явленіемъ нерѣдкимъ въ эпоху возглавленія судебнаго вѣдомства Муравьевымъ. Такой характеръ, напримѣръ, носило дѣло, возбужденное противъ Петербургскаго страхового общества по

поводу постройки гостинницы «Метрополь» въ Москвѣ черезъ особое акціонерное общество «Домостроитель». По этому дѣлу должны были быть привлечены къ уголовной отвѣтственности директоръ - распорядитель Петербургскаго страхового общества, Н. А. Нечаевъ, а вмѣстѣ съ нимъ московскій Мамонтовъ, меценатъ, покровитель искусствъ, въ особенности театровъ, главный владѣлецъ акцій «Домостроителя» и вмѣстѣ съ тѣмъ учредитель общества желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Сибири, промышленный дѣятель, пользовавшійся большимъ фаворомъ въ высшихъ сферахъ. Покровительство, оказываемое Мамонтову министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и послужило въ сущности побудительнымъ поводомъ къ начатію дѣла. Открылось предварительное слѣдствіе, за каждой фазой котораго министръ юстиціи слѣдилъ непосредственно, направляя его дальнѣйшее движеніе. При Муравьевѣ вообще вошло въ обычай доставлять матеріалы слѣдственнаго производства по болѣе или менѣе крупнымъ дѣламъ въ центральное вѣдомство, откуда получались непосредственныя указанія по поводу получаемыхъ данныхъ. Министерство юстиціи какъ бы направляло слѣдственное производство по болѣе крупнымъ дѣламъ, словомъ, брало на себя функціи, которыя закономъ вовсе не были ему предоставлены, и тѣмъ связывало свободную работу мѣстныхъ слѣдственныхъ работниковъ и чиновъ прокурорскаго надзора, наблюдавшихъ за ходомъ дѣлъ. Благодаря этому стало возможнымъ оказывать политическое вліяніе на ходъ уголовнаго правосудія. Ни при одномъ министрѣ юстиціи непосредственное вліяніе министерства на движеніе уголовныхъ дѣлъ не получило такого широкаго примѣненія, какъ при Муравьевѣ.

Характеръ вѣдомственной борьбы носило и знаменитое дѣло о присяжномъ повѣренномъ Зеленко и жандармскомъ полковникѣ Меранвиль-де-Сентъ-Клеръ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось принять участіе въ качествѣ адвоката и поэтому оно мнѣ особенно близко знакомо. Дѣло было дѣйствительно не совсѣмъ чистое, и явилось само по себѣ характернымъ образчикомъ того, до чего можетъ довести придворный фаворитизмъ. Послѣ смерти генерала Попова осталось колоссальное имущество, заключавшееся главнымъ образомъ въ недвижимостяхъ въ Крыму. У него было два сына. Одинъ изъ нихъ женился

противъ воли родителей, вызвавъ этимъ неудовольствіе отца, который рѣшилъ отстранить его почти совершенно отъ наслѣдства. По завѣщанію, составленному вскорѣ послѣ ссоры, почти все имущество было оставлено второму сыну. До смерти завѣщателя, при содѣйствіи отца Іоанна Кронштадтскаго, состоялось примиреніе между отцомъ и сыномъ, но завѣщанія онъ не успѣлъ передѣлать, оно послѣ смерти генерала было утверждено къ исполненію судомъ, и такимъ образомъ, почти единственнымъ наслѣдникомъ остался второй сынъ. Начались хлопоты обиженнаго сына о томъ, чтобы побудить брата подѣлиться наслѣдствомъ. Законныхъ путей для оспариванія завѣщанія не было, и потому всякіе ходатаи, засуетившіеся вокругъ этого дѣла, стали указывать обиженному сыну наслѣдодателя различные пути административнаго воздѣйствія на его счастливаго брата. Въ числѣ лицъ, яко-бы способныхъ добиться такого административнаго воздѣйствія, былъ названъ пользовавшійся большой извѣстностью въ Петербургѣ бывшій присяжный повѣренный Петръ Михайловичъ Зеленко, фигура любопытная и характерная для того времени. Холостой человѣкъ, Зеленко былъ однимъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ хозяевъ-гастрономовъ. Нигдѣ такъ вкусно нельзя было покушать, какъ у Зеленко; слава его въ этомъ смыслѣ была общепризнанной; кухня его, считавшаяся образцовой, посѣщалась многими, желавшими ею полюбоваться. Достаточно сказать, что, когда онъ ликвидировалъ свои дѣла, кухонная утварь была цѣликомъ продана знаменитому богачу, рудопромышленнику доктору Колачевскому за семьдесятъ пять тысячъ рублей, — сумма по тѣмъ временамъ колоссальная. Зеленко свои гастрономическія познанія запечатлѣлъ изданіемъ даже особой книги съ рецептами самыхъ изысканныхъ блюдъ. Ловкій человѣкъ, имѣвшій, благодаря своему гостепріимству и родственнымъ связямъ, большое вліяніе въ высшихъ сферахъ, Зеленко занимался дѣлами, проведеніе которыхъ въ нормальномъ порядкѣ представляло затрудненія, но которыя поддавались разрѣшенію путемъ давленія, оказываемаго представителями высшей администраціи. Это ему было тѣмъ болѣе легко, что его сестра была замужемъ за директоромъ департамента полиціи генераломъ Петровымъ, впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, лицомъ близкимъ

къ Ивану Логгиновичу Горемыкину, занимавшему постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Вечера, которые давалъ Зеленко, составляли въ разныхъ кругахъ предметъ особыхъ разговоровъ. Тамъ можно было встрѣтить самыхъ высшихъ сановниковъ. Между прочимъ, у Зеленко существовали хорошія отношенія и съ всесильнымъ генераломъ Черевинымъ, генералъ-адъютантомъ Александра III, какъ тогда говорили, постояннымъ собутыльникомъ самого императора, завѣдывавшимъ дворцовой охраной и имѣвшимъ неограниченное вліяніе на царя.

Искавшаго помощи Попова и направили, какъ я сказалъ, къ Зеленко. Посредникомъ между Зеленко и Поповымъ былъ довольно извѣстный тогда въ Петербургѣ блестящій жандармскій подполковникъ Меранвиль-де-Сентъ-Клеръ, ловкій человѣкъ, нуждавшійся въ деньгахъ и не брезгавшій частной практикой по дѣламъ, требовавшимъ того или другого воздѣйствія. Предполагалось, что въ результатѣ прошенія на высочайшее имя дворянину Попову будетъ предложено отъ имени Его Императорскаго Величества войти въ соглашеніе съ братомъ и согласиться на уравненіе наслѣдственныхъ долей. До того уже состоялось какое-то соглашеніе между двумя братьями, но оно дало мало выгодъ обиженному наслѣднику и не удовлетворило его. Зеленко посовѣтовалъ начать дѣло съ личныхъ переговоровъ; согласно этому совѣту, Меранвиль-де-Сентъ-Клеръ во время поѣздки въ Парижъ, гдѣ жилъ наслѣдникъ генерала Попова, встрѣтился съ послѣднимъ, и результатомъ ихъ бесѣды было то, что тамъ же, въ Парижѣ, состоялось новое соглашеніе между двумя братьями, въ силу котораго ихъ положеніе въ отношеніи наслѣдства было уравнено. Согласившійся на добровольный выдѣлъ брату половины наслѣдства былъ женатъ на дочери генерала Скалонъ, вліятельнаго на югѣ человѣка. И вотъ, послѣ того, какъ соглашеніе состоялось, и послѣ того, какъ во исполненіе этого соглашенія часть имущества была выдана обиженному по завѣщанію брату, генералъ Скалонъ сталъ обвинять Меранвиль-де-Сентъ-Клеръ и Зеленко въ томъ, что они вовлекли слабовольнаго зятя его, Попова, въ невыгодную сдѣлку.

Задѣто было много интересовъ. Черезъ Меранвиля-де-Сентъ-Клеръ и Зеленко можно было добраться до Петрова, черезъ Петрова добраться до Горемыкина. Затѣмъ,

косвенно можно было задѣть и канцелярію по принятію прошеній на Высочайшее имя, во главѣ которой стоялъ добродушный и пользовавшійся всеобщей любовью генералъ-адъютантъ Рихтеръ. И вотъ, въ Одессѣ началось дѣло, о возбужденіи котораго обвиняемые по этому дѣлу Зеленко и Меранвиль, проживавшіе въ Петербургѣ, ничего не знали. Все дѣло направлялось изъ Петербурга, велось подъ личнымъ почти руководствомъ министра юстиціи и закончилось преданіемъ суду Зеленко и Меранвиля-де-Сентъ-Клеръ, которые должны были сѣсть на скамью подсудимыхъ передъ присяжными засѣдателями въ Петербургѣ. Зеленко былъ оправданъ, а Меранвиль осужденъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ былъ помилованъ и даже освобожденъ отъ русскаго подданства, послѣ чего сдѣлался французскимъ гражданиномъ и началъ пользоваться титуломъ какихъ-то своихъ предковъ французовъ, имѣвшихъ титулъ маркизовъ. Какъ бы ни была сомнительна роль, которую въ этомъ дѣлѣ игралъ жандармскій полковникъ Меранвиль де-Сентъ-Клеръ и, по всей вѣроятности, Зеленко, все-таки въ дѣлѣ элементовъ уголовнаго преступленія, въ сущности, не было, и знакомство съ нимъ не могло не убѣдить въ томъ, что начато и энергично проведено оно было отнюдь не изъ-за того, чтобы привести къ пораженію Меранвиля или Зеленко, а для того, чтобы задѣть болѣе сильныхъ лицъ, стоявшихъ за ними.

Властолюбіе Муравьева было почти безгранично. Онъ былъ любитель внѣшней помпы, и ни у одного министра пріемъ не обставлялся такъ торжественно, какъ у Муравьева. Онъ позволилъ себѣ роскошь, совершенно неслыханную до того времени: его секретарь, на обязанности котораго лежало вводить лицъ, представлявшихся министру, и докладывать о разныхъ посѣтителяхъ, — состоялъ въ должности члена консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной, т. е. былъ ближайшимъ кандидатомъ въ сенаторы. Никакихъ консультацій такой секретарь, конечно, давать не могъ; онъ вообще не несъ никакой судебной службы, являясь какъ бы дворецкимъ генералъ-прокурорскаго дома.

Обаятельный въ бесѣдѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ питалъ къ собесѣднику нѣкоторую благосклонность, Муравьевъ былъ крайне рѣзокъ и непріятенъ въ разговорѣ съ тѣми, которымъ онъ хотѣлъ показать свое нерасполо-

женіе. Ни одинъ министръ въ такой мѣрѣ, какъ Муравьевъ, не руководился при назначеніяхъ своими личными чувствами по отношенію къ кандидатамъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ иниціативы и человѣкъ, воспитанный на принципахъ судебныхъ уставовъ. Готовый для политики на всякія жертвы, готовый самое правосудіе сдѣлать орудіемъ политики, Муравьевъ, однако, ни за что не сдавалъ нѣкоторыхъ позицій. Онъ, никогда не былъ и не проявлялъ себя другомъ института земскихъ начальниковъ, а напротивъ того, по поводу дѣятельности земскихъ начальниковъ вступалъ въ конфликты съ всесильнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ знамя земскаго начальничества держалось высоко, какъ символъ сильной власти и возврата къ прежнимъ временамъ, когда дворянство считалось единственной опорой престола.

Не прекращалась въ Россіи агитація противъ суда присяжныхъ засѣдателей. Одновременно съ введеніемъ этого суда въ Россіи началась и борьба противъ него. Эта борьба усиливалась по разнымъ поводамъ неоднократно и приняла особо рѣзкую форму послѣ оправданія Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ генерала Трепова. Судъ присяжныхъ былъ постоянной мишенью для нападокъ такого сильнаго органа печати, какъ «Московскія Вѣдомости», и ихъ редактора Каткова. Судъ улицы поносился всѣми. И нельзя не поставить въ заслугу Муравьеву, что, несмотря на неоднократныя попытки заставить министра юстиціи выработать законодательное предположеніе объ отмѣнѣ суда присяжныхъ засѣдателей, онъ на это не шелъ. Приходилось ограничиваться всякими урѣзками компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей и усиливать компетенцію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. И я имѣю основаніе думать, какъ и многіе другіе думали въ свое время, — что если бы передъ Муравьевымъ стоялъ выборъ: пожертвовать институтомъ присяжныхъ засѣдателей или оставить постъ министра, онъ бы не остался министромъ юстиціи и даже въ этомъ случаѣ не предалъ бы суда присяжныхъ.

Зато въ пародію превратился высокій принципъ несмѣняемости судей, поставленный во главу угла авторами судебныхъ уставовъ, справедливо усматривавшими въ этомъ принципѣ главную гарантію истиннаго правосудія.

По поводу тѣхъ или другихъ дѣлъ, вызывавшихъ неудовольствіе министра, предсѣдатели судебныхъ мѣстъ то и дѣло вызывались въ Петербургъ, для дачи объясненій, и объясненія нерѣдко кончались необходимостью для вызываемаго подать прошеніе объ отставкѣ или согласиться на переводъ въ другое мѣсто. Институтъ судебныхъ слѣдователей, въ ихъ качествѣ несмѣняемыхъ судей, пришелъ въ забвеніе. Россія стала обслуживаться не судебными слѣдователями, а исполняющими должность судебныхъ слѣдователей, которые такимъ образомъ въ любой моментъ могли быть смѣщаемы и перемѣщаемы. Большой рѣдкостью, единицами остались въ должности бывшіе судебные слѣдователи. Однимъ изъ такихъ былъ судебный слѣдователь при самарскомъ окружномъ судѣ Яковъ Львовичъ Тейтель, единственный еврей-слѣдователь, пробывшій въ должности 30 лѣтъ; до Муравьева онъ не получилъ движенія по службѣ. Только при Муравьевѣ Я. Л. Тейтель былъ назначенъ членомъ саратовскаго окружнаго суда; эту должность онъ принужденъ былъ оставить при Щегловитовѣ при обстоятельствахъ, о которыхъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи.

Постъ министра юстиціи справедливо считался въ Россіи однимъ изъ самыхъ трудныхъ. Реформированный по Судебнымъ Уставамъ 1864 года судъ былъ какъ бы свѣтлымъ пятномъ на общемъ фонѣ русской государственной жизни и являлся постояннымъ бѣльмомъ на глазу. Поставленный по идеѣ въ совершенно независимое положеніе и огражденный закономъ отъ политическихъ вліяній, судъ былъ предметомъ постоянныхъ нападокъ и нареканій со стороны реакціонныхъ главъ другихъ министерствъ и причинялъ имъ дѣйствительно много хлопотъ. Преданіе суду высокихъ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства было, правда, случаемъ очень рѣдкимъ, но перспектива сама по себѣ была непріятна, и судебный надзоръ всѣмъ кололъ глаза. Да и въ дѣлахъ частныхъ тяжущіеся, въ особенности, если они занимали высокое общественное положеніе, всегда находили среди придворнаго круга и лицъ, занимавшихъ высшія административныя должности, покровителей, которые старались такъ или иначе оказать давленіе на судъ черезъ министра юстиціи. Министръ юстиціи вѣчно долженъ былъ отписываться и въ чемъ-то оправдываться. При Муравьевѣ вліяніе

администраціи на судъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе стремленія самого Муравьева занять должность министра внутреннихъ дѣлъ, достигло высшаго напряженія.

Не осталась неприступной и твердыня Правительствующаго Сената. Ни при одномъ министрѣ нельзя было встрѣтить въ министерской пріемной столько сенаторовъ, какъ при Муравьевѣ. Положеніе сенаторовъ, по закону было защищено отъ всякихъ вліяній, даже со стороны главы судебнаго вѣдомства. Но такое, по идеѣ независимое положеніе, фактически было недостижимымъ идеаломъ. Въ дѣйствительности, уже одно то, что содержаніе сенатора опредѣлялось каждый разъ по особымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ министра (я на это уже указывалъ выше), а также дополнительныя милости, предоставляемыя сенаторамъ въ видѣ аренды, т. е. доходовъ изъ казенныхъ имуществъ; наконецъ, возможность перехода изъ одного департамента въ другой, считавшійся болѣе легкимъ или болѣе почетнымъ, все это позволяло министру юстиціи проявлять любезность или нелюбезность по отношенію къ отдѣльнымъ сенаторамъ. Поэтому исканіе расположенія министра юстиціи среди сенаторовъ сдѣлалось, къ сожалѣнію, довольно обычнымъ. Оберъ-прокуроры постепенно превращались въ тотъ каналъ, черезъ который могло проявляться вліяніе министра юстиціи на дѣла, находившіяся въ производствѣ. Самое назначеніе въ сенаторы зависѣло отъ министра юстиціи, но онъ былъ безсиленъ подобрать надлежащихъ кандидатовъ въ первый департаментъ Сената, куда обыкновенно назначались бывшіе губернаторы, почему-либо оказавшіеся не на мѣстѣ. Составъ перваго департамента Правительствующаго Сената, въ административномъ смыслѣ, можно сказать, главенствующаго, постепенно пополнялся отставными губернаторами и директорами департаментовъ, привыкшими къ служебной субординаціи; они усердно прислушивались къ тому, что отвѣчало видамъ высшаго правительства и соотвѣтственно рѣшали дѣла. При Муравьевѣ начало сказываться особое вліяніе администраціи на рѣшенія Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ политическое значеніе, къ каковой категоріи, конечно, отнесены были и еврейскія дѣла. Въ эту эпоху рѣшенія Сената по разнымъ принципіальнымъ вопросамъ мѣнялись соотвѣтственно настроеніямъ, идущимъ сверху.

Не будучи активнымъ антисемитомъ, Муравьевъ, однако, въ области еврейскаго вопроса проявлялъ уступчивость передъ настояніями министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ, конечно, не доходилъ до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ пользованія Сенатомъ, какъ орудіемъ политики, до какихъ дошелъ впослѣдствіи одинъ изъ его преемниковъ, Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ, но все же престижъ Сената при Муравьевѣ сильно упалъ, и о независимости Сената, о роли его, какъ Правительствующаго, приходилось забыть уже при Муравьевѣ.

Но, вообще говоря, въ судебномъ вѣдомствѣ шла при Муравьевѣ кипучая работа. По его иниціативѣ образовалась особая редакціонная комиссія для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, предпринятаго въ видахъ согласованія устройства судовъ и судебныхъ порядковъ съ политикой Александра III. Комиссія была обставлена чрезвычайно широко; разные отдѣлы ея энергично работали, матеріалы комиссіи печатались, вырабатывались проекты, которые обсуждались въ разныхъ кругахъ, въ частности въ юридическомъ обществѣ, гдѣ образовались особыя комиссіи для составленія замѣчаній на проекты, выработанные комиссіей Муравьева. Ожиданія высшаго правительства, связанныя съ этой комиссіей, однако, не оправдались. Судъ присяжныхъ не предполагался къ отмѣнѣ, и до обновленія Россіи работы комиссіи такъ и не получили надлежащаго движенія и не превратились въ законъ. Результатомъ ея работы были только отдѣльныя измѣненія въ Судебныхъ Уставахъ, внесенныя разными новеллами, видоизмѣнявшими отдѣльныя части архитектуры зданія Судебныхъ Уставовъ, но не стершими окончательно главныхъ контуровъ этого лучшаго памятника законодательства первой эпохи царствованія Александра II. Муравьевъ оставался въ должности министра юстиціи дольше, чѣмъ это было обычно для министра юстиціи и вообще для министровъ. Усилія его занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ не увѣнчались успѣхомъ, и ему не пришлось принять участія въ созданіи новыхъ устоевъ государственной жизни Россіи, начиная съ 1904 года. Онъ былъ назначенъ посломъ при римскомъ дворѣ, и въ сущности сошелъ съ политической арены; на этомъ же новомъ посту онъ вскорѣ и умеръ.

ГЛАВА XXXI.

Причины особаго вниманія правительства къ проживанію евреевъ въ селахъ. — Уклоненіе отъ вступленія въ члены волостного общества не-крестьянъ. — Изоляція крестьянъ въ смыслѣ сословномъ и правовомъ. — Вмѣсто общаго закона — обычное право. — Земскіе начальники по реформѣ 1889 г. — Мотивы антисемитизма. — Бундъ и его значеніе.

Заканчивая свои воспоминанія, касающіяся эпохи царствованія Александра III, я бы хотѣлъ завершить свое изложеніе нѣкоторыми мыслями, которыя у меня сложились уже въ то время, когда я проявлялъ ту скромную дѣятельность, о которой я вспоминалъ на предыдущихъ страницахъ. Меня занималъ вопросъ о томъ, какими общими историческими причинами объясняется стихійное направленіе антисемитской политики тогдашняго правительства въ сторону ограниченія правъ евреевъ, главнымъ образомъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ въ чертѣ осѣдлости. Внѣшніе поводы и причины были въ достаточной мѣрѣ изложены мною, но этимъ однимъ едва-ли можно полностью объяснить историческія явленія, столь длительно дававшія себя чувствовать и продолжавшіяся въ теченіе всего прежняго режима до конца его. Можно сказать, что вся вторая половина царствованія Александра III прошла въ энергичной борьбѣ правительства, центральнаго и мѣстнаго, противъ нарушенія правилъ 3-го мая 1882 года, и въ усиленномъ выселеніи евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей. Повальное, какъ бы эпидемическое осуществленіе этой политики началось главнымъ образомъ съ конца 80-хъ годовъ, т. е. со времени изданія Положенія о земскихъ начальникахъ 1889 г.— чѣмъ закончились работы знаменитой Кохановской комиссіи, имѣвшей задачей выработать

проектъ преобразованія всего управленія Россіи. Сложныя работы этой комиссіи не имѣли никакихъ результатовъ. Постепенно выяснилось стремленіе Александра III подчинить крестьянское населеніе попечительнымъ заботамъ дворянства. Онъ, конечно, не могъ возстановить крѣпостного права, но, будучи по своему воспитанію и убѣжденіямъ крѣпостникомъ, окруженнымъ къ тому же другими крѣпостниками, представителями аристократическихъ родовъ, у которыхъ еще не изгладилось изъ памяти золотое время крѣпостного права, онъ стремился прежнее хозяйственное и экономическое подчиненіе крестьянъ дворянамъ-помѣщикамъ замѣнить подчиненіемъ ихъ тѣмъ же помѣщикамъ-дворянамъ уже въ смыслѣ публичномъ, т. е. въ дѣлѣ управленія. Характерно то, что стремленіе высшихъ органовъ власти, вѣдавшихъ крестьянскимъ дѣломъ, стало направляться въ сторону огражденія крестьянскаго населенія отъ постороннихъ вліяній, въ сторону какъ бы обособленія крестьянъ отъ остальныхъ частей населенія.

Въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи надо отмѣтить одну ошибку, которую допустили либеральные круги. Они не сумѣли воспользоваться возможностью, которая давалась лучшимъ элементамъ не-крестьянскаго населенія получить извѣстное вліяніе на ходъ крестьянскихъ дѣлъ въ волости и тѣмъ смягчить послѣдствія замыканія крестьянъ въ волости, гдѣ они оставлены были внѣ всякаго посторонняго культурнаго воздѣйствія. Издавна въ либеральныхъ кругахъ тлѣла мысль о желательности всесословной волости. Это — тотъ идеалъ волостного устройства, къ которому либеральная мысль всегда стремилась и которому не суждено было осуществиться до революціи. Надо ли говорить, что правительство Александра III и еще до него, Александра II, усиленно противодѣйствовало всякому начинанію въ смыслѣ осуществленія принципа всесословности въ волостяхъ. Между тѣмъ, безъ какихъ-либо новыхъ законодательныхъ актовъ, волость постепенно могла бы сдѣлаться, если не всесословной, то во всякомъ случаѣ доступной вліянію болѣе культурныхъ не-крестьянскихъ элементовъ. При изданіи Положенія о крестьянахъ 1861 года не могли не считаться съ тѣмъ, что въ предѣлахъ волостей въ смыслѣ территоріальномъ проживаютъ и не-крестьяне; однако, все волостное устрой-

ство и управленіе было построено на принципѣ односословности населенія, т. е. имѣло въ виду одно крестьянство. Сельскія общества, конечно, состояли изъ крестьянъ, имѣвшихъ свои надѣлы и входившихъ тѣмъ самымъ въ составъ волости. Однако, существовало нѣсколько статей о томъ, что отъ жителей на территоріи волости зависитъ приписаться къ волости, при условіи, что, сдѣлавшись членомъ волостного общества, данное лицо подчиняется въ отношеніи повинностей и налоговъ всѣмъ тѣмъ правиламъ, которымъ подчинены и члены волостного общества — крестьяне, въ частности, въ отношеніи такъ называемыхъ мірскихъ повинностей. Эти нѣсколько статей закона давали возможность всѣмъ, проживающимъ на территоріи волости и владѣющими тамъ недвижимымъ имуществомъ, войти въ составъ волостного общества и пользоваться всѣми правами въ отношеніи волостного самоуправленія. Для этого надо было лишь принести нѣкоторую жертву, сравнительно небольшую, въ видѣ участія въ образованіи мірскихъ капиталовъ и несенія мірскихъ повинностей. Къ сожалѣнію, оказалось, что этого одного было достаточно, чтобы, за нѣкоторыми рѣдкими изъятіями, вѣроятно, существовавшими, но лично мнѣ неизвѣстными, ни одинъ дворянинъ, ни одинъ купецъ, ни одинъ мѣщанинъ, хотя бы онъ владѣлъ усадьбой или какимъ-нибудь земельнымъ участкомъ въ предѣлахъ волости, не вошелъ въ составъ волостного общества, въ пріемѣ котораго волостные сходы, въ сущности, не могли отказывать. Между тѣмъ, если бы, пользуясь этимъ правомъ, элементы не крестьянскіе, но проживающіе на территоріи волостей, постепенно прошли бы въ составъ волостного общества, то, конечно, они получили бы вліяніе на ходъ волостныхъ дѣлъ, могли бы способствовать распространенію просвѣщенія, улучшенію санитарнаго благосостоянія и дорожнаго дѣла, наконецъ, влiять на характеръ волостного представительства въ земскомъ управленіи, — того представительства, которое, въ особенности послѣ изданія положенія 1890 года о земствахъ, оказалось ничтожнымъ.

Не воспользовались правомъ войти въ составъ членовъ волостного общества и евреи, въ значительномъ числѣ проживавшіе въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости, имѣвшіе эту возможность, не стѣсненную никакими ограниченіями, такъ какъ въ Положеніи о крестьянахъ

1861 года таковыхъ не содержалось и до изданія правилъ 3-го мая 1882 года никакихъ формальныхъ запретовъ въ этомъ отношеніи не существовало. Проживая въ деревнѣ и сливая часто свои экономическіе интересы съ интересами мѣстнаго крестьянскаго населенія какъ въ отношеніи торговли и промышленности, такъ и въ отношеніи сельско-хозяйственнаго дѣла, евреи оставались мѣщанами, элементомъ, чуждымъ крестьянскому населенію, не сливаясь съ нимъ въ части административной. Эта отчужденность и явилась тѣмъ слабымъ мѣстомъ, которое, можетъ быть, не совсѣмъ сознательно, но во всякомъ случаѣ инстинктивно и не безъ удовлетворенія чувствовалось и мѣстной и центральной властью. Особенно обострилось, я бы сказалъ, это чувство послѣ того, какъ сталъ намѣчаться въ политикѣ Александра III возвратъ къ прошлому и появилось стремленіе окончательно изолировать крестьянъ, отдавъ ихъ цѣликомъ на попеченіе мѣстнаго дворянства. Мнѣ извѣстно, что во второй половинѣ царствованія Александра III, рѣдкія попытки даже мѣстныхъ людей, не принадлежащихъ въ смыслѣ сословномъ къ крестьянству, войти въ составъ волостного или сельскаго общества, встрѣчали всегда недоброжелательное къ себѣ отношеніе и противодѣйствіе со стороны власти. Напримѣръ, дѣти сельскаго псаломщика, въ сословномъ отношеніи относясь къ духовенству, не могли добиться разрѣшенія быть включенными въ составъ сельскаго общества. Земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ Стишинскій, воспитанный на реакціонной политикѣ Александра III и упорно остававшійся реакціонеромъ даже въ освободительную эпоху 1904-1906 гг., издавалъ особые циркуляры, предписывающіе губернаторамъ всячески препятствовать проникновенію въ сельскія общества даже такихъ родственныхъ имъ элементовъ, какъ члены семействъ сельскаго духовечства. Изоляція крестьянскаго населенія была какъ бы потребностью политическаго курса.

Недостатокъ освободительной реформы 1861 года правильно усматривали въ томъ, что крестьяне были освобождены, въ сущности, безъ земли, что не та земля, которой они обладали, будучи въ крѣпостномъ правѣ, перешла въ ихъ распоряженіе, а особая земля, которую отводили имъ помѣщики при содѣйствіи мировыхъ посред-

никовъ по уставной грамотѣ, въ результатѣ чего получилась и чрезполосица, и малоземелье, и экономическая зависимость крестьянъ, лишенныхъ необходимыхъ угодій, вродѣ пастбищъ, пользованія лѣсомъ и т. д. Но едва-ли не столь же большой недостатокъ реформы 1861 года заключается въ томъ, что крестьяне были освобождены **безъ закона.** Если недостатокъ земли не давалъ имъ экономической свободы, то отсутствіе общаго закона лишало ихъ свободы правовой и сдѣлало возможнымъ возникновеніе такихъ попытокъ, какая нашла осуществленіе въ положеніи о земскихъ участковыхъ начальникахъ 1889 года.

Законовъ въ Россіи издавалась тьма-тмущая. Законодательная машина работала на большихъ станкахъ общаго нормальнаго законодательнаго порядка, на меньшихъ станкахъ, черезъ Высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ, и даже на маленькихъ станкахъ всякихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и Высочайшихъ повелѣній. Но вся масса законодательной работы направлялась, главнымъ образомъ, на вопросы управленія. Законы гражданскіе и законы уголовные, а также законы судопроизводственные издавались медленно, вырабатывались долго, и, въ сущности, вся Россія жила въ отношеніи частномъ, гражданскомъ, при чрезвычайно дефектномъ законодательствѣ. Достаточно указать на то, что новое уголовное уложеніе начало вырабатываться съ 1881 года, а закончено было только въ началѣ XX столѣтія, и то оно послѣ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, не было введено въ дѣйствіе въ полномъ своемъ объемѣ. Гражданское уложеніе, при значительныхъ силахъ, и научныхъ и практическихъ, проявившихъ большое усердіе въ дѣлѣ созиданія новыхъ гражданскихъ законовъ, вырабатывалось около 40 лѣтъ, и только передъ самой революціей оно было внесено въ Государственную Думу, какъ законодательный проектъ. Было бы долго объяснять причины этого явленія, но оно должно быть отмѣчено. Но какъ бы дефектны ни были законы гражданскіе и уголовные, этими законами можно было обходиться, именно потому, что они касались маленькой части населенія. Громадное большинство его, т. е. крестьяне, вовсе не пользовались благами этихъ законовъ и не испытывали ихъ недостатковъ по той простой причинѣ, что ни уголовные, ни гражданскіе законы къ сельскому населенію никакого примѣ-

нения не имѣли; все крестьянство лишено было всякихъ письменныхъ нормъ и должно было жить обычнымъ правомъ.

Либеральные умы въ Россіи заражены были романтизмомъ и въ обычномъ правѣ усматривали какую-то особенность русской жизни, которая, будто бы, выгодно отличала Россію отъ другихъ странъ. Восьмидесятые годы были эпохой большой вѣры въ спасительность обычнаго права. Идеологомъ его явился профессоръ, впослѣдствіи сенаторъ Пахманъ въ своей знаменитой работѣ объ обычномъ правѣ. Большое вліяніе также имѣлъ переводъ на русскій языкъ сочиненія объ обычномъ правѣ нѣмецкаго профессора Пухты. Въ обычномъ правѣ усматривали самобытность русскаго національнаго самосознанія. Особенно восхвалялось обычное право славянофильскими кругами. Считалось почти измѣной либеральнымъ тенденціямъ отрицаніе спасительности обычнаго права. Я помню, что вопросъ объ обычномъ правѣ неоднократно возбуждался въ Петербургскомъ юридическомъ обществѣ. По мѣрѣ силъ, я всегда возражалъ противъ слѣпого поклоненія обычному праву; я былъ въ оппозиціи общему теченію, прославляющему обычное право въ нашемъ обществѣ, — тому теченію, которое привело даже къ созданію особаго отдѣленія въ составѣ юридическаго общества, для разработки обычнаго права. Что такое обычное право у насъ въ Россіи? Масса людей собирали матеріалы обычнаго права; появились опыты разработки его, дѣлались нѣкоторыя, хотя и слабыя попытки научнаго изложенія нормъ обычнаго права.

Всѣ эти попытки окончились ничѣмъ, и по простой причинѣ: обычнаго права у насъ такъ же не существовало, какъ не существовало вообще права для крестьянъ. Тутъ надо сказать не только «что городъ, то норовъ», но и что ни волость, и что ни волостной судъ, то свое обычное право. Между тѣмъ, такіе сложные вопросы, какъ вопросы наслѣдственные, для крестьянскаго населенія не нормировались законами гражданскими, а предоставлены были усмотрѣнію обычнаго права. Создалась невѣроятная путаница въ семейственныхъ отношеніяхъ. Мнѣ приходилось впослѣдствіи, какъ владѣльцу имѣнія, приходить въ тѣсное соприкосновеніе съ крестьянскимъ населеніемъ, которое обращалось ко мнѣ, какъ къ спеціалисту для разрѣ-

шенія всякихъ споровъ и недоразумѣній въ области землевладѣнія и вообще въ области имущественныхъ правъ. Обычнымъ явленіемъ было обращеніе ко мнѣ по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ. Въ моимъ рукахъ было много рѣшеній волостныхъ судовъ, и несмотря на привычку дѣлать юридическія обобщенія, я никогда не могъ усмотрѣть наличія какой-либо общей формулы, которая примѣнялась бы даже даннымъ волостнымъ судомъ по отношенію къ опредѣленнымъ, часто повторяющимся вопросамъ. Все было основано на произволѣ, и притомъ произволѣ не состава суда, состоящаго изъ крестьянъ, а волостного писаря, писавшаго тѣ или другія рѣшенія по своему усмотрѣнію, хотя подъ нимъ подписывались члены волостного суда. Никакой вѣры въ судъ у народа не было. Рѣшеніе волостного суда считалось всегда результатомъ давленія съ чьей - либо стороны, либо угощенія однимъ или двумя штофами водки. Обиженные рѣшеніемъ суда часто не безъ основанія ссылались на то, что судъ или волостной писарь были подкуплены противной стороной. А когда дѣло доходило до высшихъ инстанцій, т. е. съѣзда, а потомъ до губернскаго присутствія при дѣйствіи положенія о земскихъ начальникахъ, то тѣ немногія юридическія знанія, которыми обладали члены высшихъ инстанцій, были безсильны бороться противъ произвола, такъ какъ ссылка на обычное право освящала всякое безправіе. Если этого обычнаго права не могли уловить специалисты, научно подготовленные и ставившіе себѣ задачей вывести общія нормы изъ практики обычнаго права, т. е. изъ практики волостныхъ судовъ, то можно себѣ представить, какое невѣдѣніе правъ и обязанностей существовало у самого населенія во всѣхъ его имущественныхъ дѣлахъ и въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя неминуемо должны были возникнуть и возникали ежечасно.

Стомилліонное крестьянское населеніе въ повседневной жизни жило безъ закона. Безчисленная сѣть законовъ ограждала подопечное состояніе крестьянъ, но какъ жить имъ между собою — никакой законъ никакихъ указаній имъ не давалъ. И надо-ли удивляться, что въ Россіи отсутствовало правосознаніе вообще, что понятіе частной собственности выражалось лишь въ сознаніи необходимости охранять свою собственность, безъ какого бы то ни было уваженія къ чужой собственности, что весь народъ въ

своей массѣ лишенъ былъ воспитательнаго дѣйствія права вообще, подобно тому, какъ онъ былъ лишенъ воспитательнаго дѣйствія религіи, вслѣдствіе легендарнаго невѣжества сельскаго духовенства. Ни начала морали, ни начала права не регулировали крестьянской жизни.

Пустымъ романтизмомъ являлись также всѣ мечты объ общинной жизни, какъ объ Эльдорадо. Мечтою были и вѣрованія въ моральную силу сельскаго общества, въ такъ называемую мірскую совѣсть. Воспитанное на крѣпостномъ правѣ, на понятіи насилія, крестьянское общество само всегда чинило его надъ болѣе слабыми. Освобожденное отъ крѣпостного права крестьянство, — освобожденное безъ закона, — оказалось въ крѣпостномъ правѣ «общины», въ крѣпостномъ правѣ самого общества. Этого крѣпостного права не желало уничтожить реакціонное правительство Александра III. Не было рѣчи о раскрѣпощеніи крестьянъ; напротивъ того, явилась потребность еще больше ихъ закрѣпостить путемъ подчиненія ихъ земскому начальнику, которому даны были права властвовать, безъ соотвѣтствующаго опредѣленія точнаго круга его обязанностей. Властвованіе земскихъ начальниковъ опять-таки должно было проходить безъ опредѣленнаго закона, подобно тому, какъ нѣтъ закона, который опредѣлилъ бы способъ и образъ властвованія отца семейства надъ членами его семьи. Либеральный романтизмъ, считавшій возможнымъ оставить стомилліонное населенія безъ закона подъ предлогомъ существованія, будто бы, обычнаго права, превратился въ такой же романтизмъ правительства, только не либеральный, а реакціонный; правительству рисовалась возможность существованія и господства патріархальнаго быта среди крестьянъ, огражденныхъ попечительными заботами мѣстныхъ дворянъ въ видѣ земскихъ начальниковъ. Вотъ на такомъ фонѣ отсутствія законовъ, которые направляли бы жизнь сельскаго общества, проживали люди, которые по закону, однако, должны были подчиняться извѣстнымъ законоположеніямъ, отношенія и дѣятельность которыхъ должны были управляться общими гражданскими нормами — и притомъ люди, которые сословно не сливались съ крестьянами, а были какъ бы чужаками, инородцами, евреями. Само собой разумѣется, что политика обособленія крестьянъ, политика оставленія крестьянъ безъ зако-

на, политика романтическаго насажденія и поддержанія патріархальнаго быта среди крестьянъ, не могла мириться съ наличіемъ среди крестьянъ, въ значительномъ иногда числѣ, элементовъ, нарушающихъ общій патріархальный, будто бы, фонъ крестьянской жизни, элементовъ, нуждающихся въ примѣненіи закона, элементовъ, которые въ своей повседневной жизни доказывали мѣстному крестьянскому населенію, что они имѣютъ извѣстную правовую базу, тогда какъ крестьянское населеніе лишено благодѣтельнаго воздѣйствія государственности, проявляющейся въ наличіи опредѣленныхъ твердыхъ законовъ, точно нормирующихъ права и обязанности лицъ, подчиненныхъ этимъ законамъ.

Въ практикѣ нашей бюрократіи встрѣчались неоднократно случаи, когда тѣ или иныя мѣропріятія принимались по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, скрытымъ отъ глазъ постороннихъ, тогда какъ для внѣшняго обоснованія ихъ пользы приводились поверхностные, можно сказать, шаблонные мотивы. Ошибочно думать, что наша бюрократическая машина работала какъ бы бездушно, не имѣла своей психологіи, руководилась только видимыми мотивами и не имѣла тѣхъ инстинктивныхъ побужденій, какія свойственны живому лицу. Въ бюрократической работѣ проявлялась иногда какъ бы философія безсознательнаго. Въ области такого вопроса, какъ еврейскій, гдѣ, какъ на чувствительной пластинкѣ, отражались всякіе шорохи политической жизни, скрытые мотивы имѣли большое значеніе. И нельзя всегда довѣрять однимъ только внѣшнимъ шаблоннымъ соображеніямъ. Въ области политики недопущенія евреевъ въ сельскія мѣста и стремленія къ удаленію ихъ оттуда, такого рода скрытые мотивы играли большую роль, хотя на видъ всегда выставлялись соображенія чисто экономическаго свойства, — шаблонныя соображенія о яко-бы существующей эксплоатаціи евреями мѣстнаго населенія. Эти соображенія не были искренними; они никогда не подтверждались никакими данными. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что въ отвѣтъ на запросы центральной власти, мѣстное губернское начальство сосѣднихъ между собой областей, нерѣдко давало различные отвѣты. Если бы фактъ вреднаго экономическаго вліянія евреевъ на сельское населеніе былъ настолько безспоренъ,

что годился для обоснованія ограничительныхъ мѣропріятій по отношенію къ евреямъ, то не могло бы быть такого различія въ мнѣніяхъ администраціи мѣстностей, ничѣмъ экономически и этнографически другъ отъ друга не отличающихся. Помимо того, что сказано мною о стремленіи къ обособленію крестьянства, — другой скрытый мотивъ антисемитской политики нашей бюрократіи заключался въ боязни евреевъ, — въ юдофобіи въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этотъ мотивъ откровенно высказывался отъ времени до времени руководителями внутренней политики. Такъ, напримѣръ, К. П. Побѣдоносцевъ совершенно откровенно объяснялъ барону Гиршу, что евреи ограничиваются въ правахъ не потому, что они признаются вредными, и не потому, что они по своей натурѣ заслуживаютъ ограниченія въ правахъ, а исключительно съ цѣлью какъ бы уравновѣсить экономическія силы евреевъ сравнительно съ кореннымъ населеніемъ, болѣе слабымъ въ борьбѣ противъ еврейскаго элемента, сильнаго не по числу, а по своему развитію, по своей культурности, по своимъ принципамъ; при этомъ отнюдь не ставился вопросъ о пресловутой еврейской эксплоатаціи: нѣтъ, въ честной экономической борьбѣ евреи, будто бы, должны побѣдить вслѣдствіе своего культурнаго и духовнаго развитія. До тѣхъ поръ, пока коренное населеніе въ Россіи культурно не разовьется, говорилъ Побѣдоносцевъ, бюрократія вынуждена ограничивать евреевъ въ правахъ. Впослѣдствіи этотъ мотивъ сталъ, хотя и рѣдко, попадаться въ оффиціальныхъ бумагахъ и имѣлъ въ позднѣйшее время большое значеніе, — такъ, напримѣръ, аргументировалось ограниченіе, введенное въ началѣ этого столѣтія въ уставы ссудосберегательныхъ товариществъ, которыя находились подъ особымъ покровительствомъ правительства; министерство финансовъ неохотно разрѣшало учрежденіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ, гдѣ учредителями и членами должны были быть евреи. Вводилось въ уставъ постановленіе о томъ, что число членовъ евреевъ должно быть ограничено извѣстной нормой, что въ составѣ правленія должны находиться въ опредѣленной нормѣ христіане и т. д. Чисто еврейскія ссудо-сберегательныя товарищества не могли получить утвержденія своихъ уставовъ, при чемъ откровенно объяснялось, что это дѣлается съ цѣлью ослабить эко-

номическое вліяніе евреевъ, не потому, что оно вредно, а для того, чтобы не усиливать еврейскій экономическій элементъ въ ущербъ мѣстному населенію, еще культурно неразвитому и не могущему пользоваться выгодами, которыя представляетъ кооперативный кредитъ въ видѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Къ концу царствованія Александра II волна ограничительныхъ законовъ стала захлестывать и тѣ категоріи евреевъ, которыя считались привилегированными по закону еще со временъ Николая I и первой половины царствованія Александра II. Само собою разумѣется, что во главѣ этихъ мѣропріятій стояли ограничительныя нормы для пріема въ среднія и высшія учебныя заведенія. Постепенно начали ограничиваться права и тѣхъ лицъ, которыя прошли высшую школу, а затѣмъ стали затруднять и свободную торгово-промышленную дѣятельность привилегированныхъ категорій купцовъ. По поводу этихъ мѣропріятій правительства необходимо замѣтить, что здѣсь играла роль торгово-промышленная и профессіональная конкурренція. Что касается сельскаго еврейскаго населенія, то запрещеніе жительства въ селахъ, пріобрѣтенія недвижимой собственности и аренды таковой шло вразрѣзъ съ интересами мѣстнаго населенія и имѣло источникомъ отнюдь не иниціативу коренного населенія, которое, напротивъ того, всячески укрывало обходы запретовъ путемъ отдачи имѣній въ аренду по словеснымъ договорамъ и путемъ свидѣтельства передъ полицейской властью о поселеніи даннаго еврея до изданія правилъ 3-го мая и т. д. Напротивъ того, въ отношеніи привилегированныхъ классовъ еврейства очень часто иниціатива ограниченій и стѣсненій исходила со стороны конкуррентовъ-христіанъ. Значительную роль играла агитація, чаще всего скрытая, со стороны представителей другихъ національностей, уже преслѣдуемыхъ или намѣченныхъ къ преслѣдованіямъ. Объ этомъ я уже неоднократно имѣлъ случай говорить. Наконецъ, къ концу царствованія Александра III сталъ доминировать и другой мотивъ: политическая неблагонадежность, проявляемая, будто бы, евреями вообще и въ особенности еврейской молодежью. Ставилось еврейству въ вину участіе и чуть ли не руководство революціонной пропагандой, при чемъ участіе евреевъ объяснялось не тѣми причинами, какія въ достаточной мѣрѣ объясняли

наличность революціонной агитаціи вообще, а специфическими мотивами, вытекающими изъ обстоятельствъ и изъ свойствъ, спеціально будто бы присущихъ еврейству. Приводящіе этотъ мотивъ не давали себѣ труда объяснить, чѣмъ, съ ихъ точки зрѣнія, вызываются революціонныя склонности у евреевъ. Казалось, естественно было бы поставить такъ вопросъ: если дѣйствительно вѣрно, будто евреи участвуютъ въ революціонныхъ организаціяхъ въ большемъ числѣ, нежели другіе элементы населенія, то не потому ли это, что евреи больше другихъ страдаютъ отъ режима, вызывающаго противъ себя революціонное движеніе, и не является ли этотъ фактъ, если онъ вѣренъ, не основаніемъ для ограниченія правъ, а, напротивъ того, послѣдствіемъ такого ограниченія? Не приходится удивляться тому, что бюрократія игнорировала это простое и справедливое соображеніе. Однако, самый фактъ появленія этого мотива, его быстраго распространенія и безконечнаго повторенія показывалъ, что бюрократическая машина, въ лицѣ разныхъ властей, понимала, что антисемитская политика гонитъ еврейскую молодежь въ революціонные ряды и вызываетъ именно тѣ нежелательныя явленія, противъ которыхъ правительство боролось.

Правительство озлоблялось противъ еврейской интеллигенціи, которая была настроена явно либерально. Она примыкала къ освободительнымъ кружкамъ русской интеллигенціи вообще; въ этомъ отношеніи правительство преувеличивало роль и вліяніе евреевъ. Уже къ концу царствованія Александра III стали часто повторяться заявленія губернаторовъ, а иногда и представителей министерства внутреннихъ дѣлъ о томъ, что ортодоксальная часть еврейскаго общества, не пріобщенная къ русской культурѣ, представляется политически болѣе благонадежной, нежели евреи-интеллигенты.

Несомнѣнно, что переполненіе гимназій и университетовъ евреями, ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуя процентному отношенію евреевъ къ общей массѣ населенія, было слѣдствіемъ отсутствія правъ у евреевъ, не прошедшихъ высшую школу. И если правительство признавало переполненіе университетовъ евреями нежелательнымъ, то оно должно было признать нежелательнымъ и сохраненіе того положенія, которое вызывало это нежелательное явленіе. Повсемѣстное право жительства можно было по-

лучить лишь черезъ университетскій дипломъ. Само собою разумѣется, что кончающій гимназію не могъ остановиться на гимназическомъ аттестатѣ, а долженъ былъ добиваться во что бы то ни стало полученія университетскаго диплома. Чрезмѣрное стремленіе къ поступленію въ университетъ имѣло нездоровыя послѣдствія и въ средѣ самого еврейства, ибо оно, несомнѣнно, не вытекало изъ дѣйствительной потребности къ высшему образованію и имѣло цѣлью получить возможность свободно двигаться и проявлять ту или другую экономическую дѣятельность. Этого не могло не понять правительство; если оно, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны не давало права на повсемѣстное жительство лицамъ, не прошедшимъ высшей школы, а съ другой стороны, не пускало евреевъ въ высшую школу, то въ результатѣ не могло не получиться множество осложненій, и притомъ такихъ, которыя несомнѣнно приводили къ усиленію революціонныхъ элементовъ среди еврейства. Оканчивавшая среднія учебныя заведенія молодежь устремлялась въ иностранные университеты; тамъ получала научное и профессіональное образованіе и затѣмъ въ концѣ концовъ добивалась полученія диплома въ Россіи. Правительство своей цѣли не достигало, а лишь вызывало излишнее озлобленіе еврейской молодежи и оторванность лучшей ея части отъ русскихъ условій жизни. Молодежь попадала за-границей на положеніе эмигрантовъ, переполняла тѣ центры, гдѣ политическіе эмигранты сосредоточивались въ значительномъ числѣ, образуя русскія колоніи, въ особенности въ Швейцаріи. Само собою разумѣется, что еврейская молодежь входила въ составъ тѣхъ организацій, къ которымъ принадлежали эмигранты и которыя преслѣдовали чисто революціонныя цѣли.

Въ эту эпоху сталъ зарождаться еврейскій рабочій союзъ, образовавшій впослѣдствіи партію Бунда. Начавъ съ работы по чисто экономической защитѣ интересовъ рабочихъ, въ видѣ содѣйствія стачкамъ, Бундъ къ концу царствованія Александра III сталъ включать въ свою программу политическія требованія, и прежде всего — требованіе равноправія евреевъ. Думаю, что я не ошибаюсь, утверждая, что первое время проявленіе дѣятельности Бунда не вызывало особаго неудовольствія со стороны властей. Всякаго рода стачки и столкновенія рабочихъ съ ев-

реями-фабрикантами и заводчиками въ чертѣ осѣдлости, разрушая экономическую силу послѣднихъ, — могли быть только пріятны правительственнымъ органамъ. Примѣръ еврейскихъ рабочихъ стачекъ не отзывался на промышленности не-евреевъ по той простой причинѣ, что ея въ чертѣ осѣдлости почти не существовало. Но когда Бундъ сталъ предъявлять политическія требованія, а въ особенности когда впослѣдствіи онъ соединился на федеративныхъ началахъ съ общими соціалъ-демократическими революціонными группировками, тогда, конечно, на Бундъ направилась вся сила репрессій департамента полиціи, и въ глазахъ правительства еврейская соціалистическая организація являющаяся лишь небольшой частью общихъ революціонныхъ соціалистическихъ группъ, стала главной руководительницей революціонной дѣятельности. Въ дѣйствительности же на разныхъ соціалистическихъ съѣздахъ делегаты Бунда представляли совершенно незначительное меньшинство.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, являлся ли Бундъ въ общееврейской жизни необходимой и желательной организаціей, я долженъ прежде всего указать, что иниціаторами и организаторами Бунда являлись не рабочіе, а интеллигенты. Такъ, впрочемъ, было всегда въ соціалистическихъ партіяхъ, но онѣ и не присваивали себѣ качества рабочихъ организацій, а были политическими революціонными партіями, — между тѣмъ, какъ Бундъ выдавалъ себя за рабочую организацію. Еврейскій пролетаріатъ носилъ особый характеръ: собственно рабочихъ элементовъ въ чертѣ осѣдлости, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ, было не много, въ виду отсутствія значительнаго числа фабрикъ и заводовъ. Впрочемъ, даже еврейскія фабрики допускали лишь незначительное число евреевъ-рабочихъ и только въ исключительныхъ случаяхъ. Фабрики, принимавшія рабочихъ-христіанъ, не могли брать рабочихъ-евреевъ изъ-за субботняго дня, который еще тогда соблюдался евреями, относившими себя къ пролетаріату; иначе пришлось бы останавливать работу на фабрикѣ и въ субботу и въ воскресенье. Евреевъ-рабочихъ принимали поэтому лишь такія фабрики, на которыхъ работали исключительно евреи, что могло случиться лишь очень рѣдко. Съ другой стороны, подъ понятіе пролетаріата могли подойти огромныя массы еврейства, лишенныя посто-

янныхъ источниковъ существованія и занимавшіяся мелкой торговлей, посредничествомъ, либо случайнымъ физическимъ трудомъ въ разныхъ отрасляхъ. Но организовать эти массы было трудно, и потому еврейскій рабочій союзъ комплектовался изъ элементовъ, отнюдь не подходящихъ подъ понятіе рабочихъ. Надо еще замѣтить, что еврейское трудовое населеніе болѣе склонно къ домашнему производству, его не тянетъ къ заводскому и фабричному труду, гдѣ нѣтъ мѣста проявленію индивидуальности. Такъ, напримѣръ, въ Бѣлостокѣ при большомъ развитіи ткацкой промышленности домашній, кустарный типъ ея является преобладающимъ. У евреевъ-ремесленниковъ рѣдко встрѣчаются платные сотрудники; какъ показало изслѣдованіе еврейскаго ремесленнаго труда, произведенное ЕКО, громадное большинство ремесленниковъ работаетъ въ одиночку; лишь незначительная часть имѣетъ ученика, а еще меньшая — подмастерье и ученика. Такимъ образомъ, образованіе Бунда не вытекало изъ классовыхъ интересовъ еврейскаго рабочаго населенія. Противоположность интересовъ работодателя и рабочаго ощущалась довольно рѣдко. Понятно поэтому, что Бундъ вскорѣ сдѣлался частью соціалистической революціонной партіи и въ качествѣ таковой навлекъ на себя усиленное преслѣдованіе правительства.

Въ томъ, что репрессіи были обращены главнымъ образомъ на интеллигентные классы еврейства, сказывался уже не столько антисемитизмъ, сколько юдофобія, — боязнь, что кадры интеллигентныхъ евреевъ усилятъ революціонное броженіе. Реакціонный самодержавный режимъ, опасаясь еврейскихъ интеллигентовъ, вмѣсто мѣръ успокоенія, еще больше возбуждалъ ихъ, изобрѣтая все новыя ограниченія въ правахъ, въ порядкѣ толкованій законовъ Сенатомъ.

Многочисленными записками и меморандумами, я постоянно предупреждалъ правительство о ложности избраннаго имъ пути. Но антисемитизмъ уже заключилъ крѣпкій союзъ съ реакціей и невозможно было остановить лавину преслѣдованій; вмѣстѣ съ тѣмъ все углублялось отчаяніе еврейскаго населенія, и въ особенности интеллигентной его части.

Что касается роли Бунда, то я лично былъ убѣжденъ, что Бундъ разъѣдаетъ и то слабое экономическое благо-

состояніе еврейскаго населенія, которое наблюдалось въ чертѣ осѣдлости. Безъ всякой пользы для себя, такъ называемые еврейскіе рабочіе разоряли своихъ работодателей, укрѣпляли ихъ склонность избѣгать евреевъ-рабочихъ и создавали безработицу. Но я не скрывалъ отъ себя и значительной роли Бунда въ смыслѣ поднятія національнаго самосознанія въ такихъ кругахъ, гдѣ забота о повседневномъ пропитаніи принижала человѣка и угашала его духъ. Бундъ дѣлалъ попытки къ созданію еврейской національной самообороны, — не только въ буквальномъ смыслѣ обороны въ случаяхъ возникновенія погромовъ, какъ напримѣръ, въ Гомелѣ и Житомірѣ, но и въ смыслѣ развитія политическаго самосознанія еврейскихъ массъ. Нужно ли было для этого образовывать особую соціалистическую партію, нельзя ли было обойтись иными средствами, — этотъ вопросъ я не берусь рѣшать, но долженъ признать, что работа Бунда имѣла послѣдствіемъ поднятіе собственнаго достоинства и сознанія своихъ правъ въ еврейскомъ трудовомъ населеніи... Эту задачу Бундъ выполнилъ.

ГЛАВА XXXII.

Начало царствованія Николая II. — Продолженіе прежней антисемитской политики. — Дѣло о правѣ жительства евреевъ въ Сибири. — Рѣшеніе Правительствующаго Сената. — Положеніе Комитета Министровъ 1899 г. о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе указа Сената. — Возбужденіе вопроса о правахъ на жительство во внутреннихъ губерніяхъ купцовъ первой гильдіи.

Царствованіе Александра III близилось къ концу. Неожиданно для всѣхъ, этотъ казавшійся колоссомъ человѣкъ заболѣлъ и въ 1894 году Александра III не стало. Престолъ занялъ Николай II. Пережившіе этотъ моментъ помнятъ тѣ ожиданія, которыя охватили все русское общество при восшествіи на престолъ этого несчастнаго императора. Молодой человѣкъ съ далеко неоформленнымъ характеромъ, Николай Александровичъ никакими внѣшними дѣйствіями не проявилъ ни своихъ дарованій, ни своей способности управлять Россіей. Его считали слабохарактернымъ молодымъ человѣкомъ, поддающимся всякому вліянію, не имѣющимъ ни своей воли, ни своего политическаго направленія. Будучи наслѣдникомъ, онъ не имѣлъ своего какъ бы двора, какимъ обладаетъ обычно наслѣдникъ престола; онъ не успѣлъ окружить себя особенно довѣренными людьми и всецѣло находился подъ вліяніемъ отца и матери. Ожиданія, которыя связывались съ новымъ царствованіемъ, не имѣли, въ сущности никакого фактическаго основанія и были лишь предположеніями, основанными на обычномъ ходѣ исторіи: всякое новое царствованіе являлось новымъ не только по личности, но и по политическому курсу. Женитьба на Гессенской принцессѣ, воспитанной при англійскомъ дворѣ,

также давала основаніе думать, что въ дворцовыя сферы Петербурга проникнутъ европейскіе взгляды. Много надеждъ возлагалось и на все болѣе тѣсное сближеніе съ Франціей.

Всѣ эти ожиданія, однако, получили, какъ извѣстно, отпоръ на знаменитомъ пріемѣ Николаемъ II земской депутаціи, когда застѣнчивый молодой царь обозвалъ эти ожиданія «безсмысленными мечтаніями». Все осталось попрежнему. Не было больше твердой воли и суровой руки Александра III; направленіе же политики осталось неизмѣннымъ. Лица, заинтересованныя въ сохраненіи политическаго курса, импонировали царю въ своихъ докладахъ постоянной ссылкой на желанія и на волю въ Бозѣ почившаго родителя; и долго казалось, что если умеръ Александръ III, то все таки царствуетъ духъ его. И если прежде своеволіе министровъ часто сдерживалось какъ бы рѣзкими окриками Александра III, то теперь министры, не боясь этихъ окриковъ, дѣлали свою политику, вводя въ заблужденіе царя, который не противопоставлялъ имъ ни своего опыта, ни своей воли. Личность Николая II представляется и до послѣдняго времени не совсѣмъ разгаданной. Обычно считали его недалекимъ человѣкомъ, со слабой волей, человѣкомъ, который будто бы, всегда усваивалъ мнѣніе послѣдняго говорившаго съ нимъ по данному вопросу. Даже близко знавшіе царя люди ошибались въ настроеніи его. Мнѣ приходилось самому слышать отъ бывшихъ министровъ, что отправляясь съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Николаю II, они ощущали большее волненіе, чѣмъ при докладахъ Александру III. Тамъ всегда были ясны желаніе и воля; можно было заранѣе учесть результаты того или другого доклада; легко было составить докладъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ желаніямъ монарха. При докладахъ же Николаю II министры никогда не могли приноровиться къ его желаніямъ, такъ какъ они этихъ желаній не знали, и всегда можно было опасаться, что передъ докладомъ кто-нибудь бесѣдовалъ съ царемъ по данному вопросу и настроилъ его въ духѣ обратномъ тенденціи докладчика. Всегда любезный, всегда ласковый съ министрами, царь скрывалъ свои неудовольствія, и при немъ было обычнымъ, что министры вынуждены были оставлять свои портфели совершенно неожиданно. Несогласованность въ тенденціяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ стала

проявляться все болѣе и болѣе рѣзко и разбираться въ правительственномъ курсѣ становилось все труднѣе. Неизмѣннымъ осталось лишь одно: націоналистическая политика. Угнетеніе слабыхъ народностей было постояннымъ принципомъ, которымъ преемственно руководился Николай II.

Вступленіе на престолъ Николая II не ознаменовалось никакими перемѣнами въ составѣ правительства. Всѣ министры остались на мѣстахъ. Не прекратилось и вліяніе Побѣдоносцева. Нѣтъ историческихъ документовъ, прямо подтверждающихъ вліяніе на Николая II, въ реакціонномъ смыслѣ, германскаго императора Вильгельма II. Но несомнѣнно, что такое вліяніе было. Довольно частыя свиданія между двумя императорами давали достаточный поводъ предполагать, что отношенія между ними были довольно интимными; со стороны Вильгельма II, конечно, обнаруживалось стремленіе ослабить сближеніе съ Франціей, осуществленное при Александрѣ III. Однимъ изъ доказательствъ такого вліянія могутъ служить частыя, по сравненію съ другими вѣдомствами, перемѣны министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи еврейскаго вопроса не только не почувствовалось облегченія, но стала проявляться даже самостоятельная антисемитская иниціатива. Неизвѣстно, каковы были личныя наблюденія, вынесенныя Николаемъ II, въ бытность наслѣдникомъ, изъ поѣздки на Востокъ, которая ознаменовалась покушеніемъ на его жизнь въ Японіи, но антисемитизмъ, впитанный въ семьѣ и въ окружающей душной дворцовой атмосферѣ, подсказалъ Николаю II мысль о происходящемъ будто бы наводненіи Сибири евреями. Эта мысль была высказана имъ въ одной отмѣткѣ по поводу какого-то всеподданнѣйшаго доклада. Это совпало съ пересмотромъ въ Сенатѣ вопроса, много разъ уже разсмотрѣннаго и разрѣшавшагося всегда единообразно, на основаніи точнаго смысла закона. Дѣло въ томъ, что въ уставѣ о паспортахъ, въ послѣдней его такъ сказать редакціи, имѣлась статья, указывающая, что водвореніе евреевъ, кромѣ ссыльныхъ, въ Сибири воспрещается. Смыслъ этой ст. 23 могъ быть раскрытъ только въ сопоставленіи съ предшествующей редакціей той же статьи закона. Трудно было бы иначе понять, почему въ Петербургѣ и въ Москвѣ могутъ проживать нѣкоторыя ка-

тегоріи евреевъ, а въ Сибири — ни одна. Трудно было бы понять, что для жительства въ Сибири необходимо совершить преступленіе и быть зачисленнымъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Смыслъ этого закона выясняется изъ исторіи попытки Николая I переселить часть евреевъ въ Сибирь для занятія земледѣліемъ, для каковой цѣли отведены были казенныя земли съ надѣленіемъ ими переселяемыхъ евреевъ, подобно колоніямъ въ Херсонской и Таврической губерніяхъ. Само собой разумѣется, что опытъ не могъ оказаться удачнымъ: даже русскіе крестьяне, всю жизнь проводившіе на землѣ, съ трудомъ могутъ приспособиться къ климатическимъ условіямъ Сибири, отличнымъ, конечно, отъ большей части Россіи, въ особенности западной, юго-западной и южной, т. е. тѣхъ областей, которыя охватываются чертою осѣдлости. Тѣмъ труднѣе было для евреевъ, никогда не занимавшихся земледѣліемъ, сдѣлаться образцовыми земледѣльцами именно въ Сибири. Первыя попытки, давшія недостаточные результаты, привели къ тому, что на будущее время воспрещено было водворять евреевъ для занятія хлѣбопашествомъ и образованія колоній въ Сибири. Впослѣдствіи образованіе новыхъ еврейскихъ колоній вообще было прекращено, и изъ Свода Законовъ были совершенно исключены тѣ статьи закона, которыя касались водворенія евреевъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ для занятія земледѣліемъ. Казалось бы, слѣдовало отмѣнить и статью 23 о Сибири, подобно тому, какъ отмѣнены были соотвѣтственныя статьи относительно свободныхъ земель, предоставленныхъ для заселенія евреями въ Новороссійскомъ краѣ. Кодификаторы не вычеркнули, однако, эту статью, — очевидно, имѣя въ виду сохранить ту ея часть, которая касалась ссыльныхъ, т. е. тѣхъ элементовъ, въ отношеніи коихъ никакихъ измѣненій не произошло. Такимъ образомъ, первая часть статьи о воспрещеніи водворенія для занятія земледѣліемъ осталась въ силѣ, только безъ соотвѣтственной оговорки о занятіи земледѣліемъ, а вторая часть, въ измѣненномъ видѣ, была пріобщена къ урѣзанной первой части. Получился изуродованный законъ, который, если толковать его по буквальному смыслу, ставилъ Сибирь въ исключительное положеніе. Сибирь какъ бы становилась не частью Россійской Имперіи, а какой-то областью, управляемой особыми законами. Сенатъ правильно понималъ

эту знаменитую ст. 23, и въ 80-хъ годахъ неоднократно подтверждалъ своими указами, что въ отношенiи Сибири дѣйствуетъ общее правило для мѣстностей внутреннихъ, т. е. внѣ черты осѣдлости находящихся: постоянное жительство разрѣшается лишь извѣстнымъ привилегированнымъ категорiямъ, напримѣръ, лицамъ, окончившимъ высшiя учебныя заведенiя, купцамъ по истеченiи опредѣленнаго числа лѣтъ состоянiя въ 1 гильдiи, ремесленникамъ и т. д., а прiѣзды временные подчинены общему закону о прiѣздѣ во внутреннiя губернiи. Несмотря на такiя ясныя и категорическiя указанiя Правительствующаго Сената, тобольскiй губернаторъ встрѣтилъ все-таки кое-какiя сомнѣнiя и препятствiя и вошелъ въ Сенатъ съ рапортомъ, прося разъяснить его недоумѣнiе. Къ этому времени и поспѣла резолюцiя Николая II о наводненiи Сибири евреями, а министерство юстицiи черезъ оберъ-прокурора стало двигать дѣло о рапортѣ тобольскаго губернатора, направляя явныя усилiя къ тому, чтобы добиться разъясненiя, противнаго всѣмъ прежнимъ указамъ Сената, но соотвѣтствующаго духу замѣтки царя. Долго тянулось это дѣло въ Сенатѣ. Ни по одному дѣлу не приходилось затрачивать столько энергiи, столько, я бы сказалъ, юридической эрудицiи, сколько пришлось потратить на доказательство того, что ст. 23 устава о паспортахъ имѣетъ свою исторiю, что смыслъ статьи изъясняется въ достаточной мѣрѣ этой исторiей и что обращенiе къ подлиннымъ источникамъ, на которыхъ основанъ законъ, выраженный въ ст. 23, не можетъ не убѣдить всякаго, кто будетъ примѣнять обычные и узаконенные методы толкованiя нашихъ законовъ, что Сибирь не изъята изъ общаго понятiя Имперiи.

Охрана Сибири отъ евреевъ сдѣлалась при Николаѣ II какъ бы специфической задачей правительства. Получалось такое впечатлѣнiе, будто вмѣстѣ съ постройкой великаго сибирскаго пути и съ тягой россiйской внѣшней политики на Востокъ, съ оживленiемъ интереса къ Дальнему Востоку, того интереса, который привелъ впослѣдствiи къ столь несчастному столкновенiю съ Японiей въ началѣ XX столѣтiя, — правительство желало предохранить Сибирь отъ проникновенiя всякаго посторонняго элемента, каковымъ оно считало евреевъ. Въ первомъ департаментѣ Сената обнаружилось разногласiе: — старые

сенаторы, помнящіе родство свое съ закономъ, не находили основаній къ измѣненію тѣхъ указовъ, которые неоднократно издавались Сенатомъ по поводу Сибири, другая же часть сенаторовъ, изъ бывшихъ губернаторовъ, вообще послушныхъ указаніямъ свыше, и на этотъ разъ осталась вѣрной себѣ и высказалась за разъясненіе ст. 23 устава о паспортахъ въ смыслѣ полнаго запрета для евреевъ доступа въ Сибирь иначе, какъ за преступленіе, караемое, по крайней мѣрѣ, ссылкой на поселеніе. Оберъ-прокуроръ, въ соотвѣтствіи съ установленнымъ порядкомъ. пытался согласить сенаторовъ, склонить ихъ къ единогласному рѣшенію въ томъ смыслѣ, въ какомъ высказались сенаторы, послушные велѣніямъ свыше, т. е. что ни одна категорія евреевъ не можетъ пользоваться правомъ водворенія въ Сибири и жительства тамъ, хотя бы и временнаго. Дѣло перешло въ общее собраніе Сената. Оберъ-прокуроръ перваго департамента Сената, кн. Александръ Дмитріевичъ Оболенскій, братъ того, который былъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, посвященный во вкусы Николая II, употреблялъ невѣроятныя для оберъ-прокурора усилія, желая склонить сенаторовъ къ поддерживаемому имъ мнѣнію. Въ общемъ собраніи дѣло было рѣшено въ смыслѣ измѣненія всей практики Сената, проводившейся въ теченіе долгихъ лѣтъ — съ разъясненіемъ, что Сибирь закрыта для всѣхъ евреевъ. Но имѣя въ виду, что живущіе уже въ Сибири евреи поселились при дѣйствіи прежнихъ разъясненій, Сенатъ находилъ, что лица, обосновавшіяся тамъ до имѣющаго воспослѣдовать разъясненія Сената, должны остаться на мѣстѣ и даже быть закрѣпленными въ своихъ правахъ. И такъ какъ этотъ указъ предполагалось распубликовать, то дѣло дошло до министра юстиціи, который, до того какъ подписать, такъ называемый, пропускъ опредѣленія Сената, вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ С. Ю. Витте; послѣдній, съ своей стороны, находилъ совершенно недопустимымъ измѣненіе разъясненій Сената на протяженіи короткаго періода времени, и предложилъ министру юстиціи, предварительно подписанія проекта опредѣленія, внести вопросъ о водвореніи евреевъ въ Сибири на разрѣшеніе комитета министровъ. Журналъ комитета министровъ по этому дѣлу заслуживаетъ особаго вниманія, и я считаю полезнымъ привести его цѣликомъ:

Выписка изъ журналовъ комитета министровъ.
1 и 15 іюня 1899 года.

«Слушали: записка министра юстиціи, отъ 10 мая, за № 13632 (по Втор. Деп.), по опредѣленію Правительствующаго Сената по вопросу о правѣ не сибирскихъ евреевъ на пріѣздъ и водвореніе въ Сибири.

«При разсмотрѣніи настоящаго дѣла министръ юстиціи объяснилъ, что за послѣдовавшимъ въ опредѣленіи Правительствующаго Сената отъ 19 декабря 1897 г./18 декабря 1898 г. разъясненіемъ смысла статьи 23 Уст. Пасп., изд. 1890 г., устанавливающей права евреевъ на жительство и водвореніе въ Сибири, разсмотрѣнію Комитета въ настоящее время подлежитъ собственно возбужденный Правительствующимъ Сенатомъ вопросъ о примѣненіи сего разъясненія лишь на будущее со времени распубликованія его время, не распространяя дѣйствія онаго на тѣхъ евреевъ, которые поселились уже въ Сибири, хотя бы и вопреки точному смыслу закона, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей.

«Не возражая противъ правильности такого заключенія статсъ-секретаря Муравьева, министръ финансовъ признаетъ тѣмъ не менѣе невозможнымъ не коснуться до извѣстной степени значенія состоявшагося опредѣленія Сената.

«Правила о водвореніи евреевъ въ Сибири, вызывая до настоящаго времени существенное въ пониманіи ихъ разномысліе, получили нынѣ разъясненіе въ ограничительномъ смыслѣ, причемъ послѣдовавшее опредѣленіе Сената предположено распубликовать во всеобщее свѣдѣніе и тѣмъ придать ему руководящее на будущее время значеніе. Между тѣмъ самое разсмотрѣніе дѣла Сенатомъ вызвано было противорѣчіемъ въ его Указахъ, послѣдовавшихъ по частнымъ случаямъ, въ разъясненіе ст. 23 Уст. Пасп. Такія разнорѣчивыя рѣшенія несомнѣнно могли явиться только послѣдствіемъ неясности означенной статьи и несогласованности содержащихся въ ней постановленій съ послѣдующимъ законодательствомъ о евреяхъ. Однако же опредѣленіе Сената не устраняетъ таковыхъ недостатковъ въ существующемъ законѣ, но въ то же время безусловно закрывая доступъ въ Сибирь именно тѣмъ разрядамъ еврейскаго населенія, которые, по иму-

щественному положенію и по роду занятій, представляются наиболѣе благонадежными, оказывалось бы въ примѣненіи своемъ несправедливымъ по отношенію къ множеству отдѣльныхъ лицъ.

«Вслѣдствіе сего статсъ-секретарь Витте не можетъ не озабочиваться тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о допущеніи евреевъ въ Сибирь получаетъ окончательное разрѣшеніе безъ соображенія съ тѣми основаніями, которыя послужили для предоставленія извѣстнымъ категоріямъ евреевъ повсемѣстнаго права жительства въ Имперіи.

«Точно такъ же и министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ, что важность точнаго опредѣленія правъ евреевъ на пріѣздъ и водвореніе въ Сибири, въ виду усиливающагося стремленія ихъ водворяться тамъ въ обходъ закона, не разъ указываема была главными мѣстными Начальствами, въ послѣдствіе чего въ январѣ 1897 года состоялась Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка о необходимости отдѣльнаго отъ общаго вопроса разъясненія принадлежащихъ евреямъ правъ жительства въ Сибири. Именно такое категорическое разрѣшеніе дѣла ожидалось отъ воспослѣдовавшаго уже въ настоящее время опредѣленія Правительствующаго Сената. Между тѣмъ то отступленіе, которое Сенатъ счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать оговоркою относительно примѣненія состоявшагосяся рѣшенія только со времени его распубликованія, не можетъ не внушать сомнѣнія въ полномъ соотвѣтствіи рѣшенія съ тѣми причинами, которыми оно было вызвано, а слѣдовательно ослабляетъ увѣренность и въ непоколебимости состоявшагося разъясненія; примѣненіе сего рѣшенія Сената послужить источникомъ многихъ сомнѣній, вызывая необходимость установленія со стороны мѣстной администраціи, путемъ разслѣдованія въ отдѣльныхъ случаяхъ, тѣхъ лицъ, на которыхъ предположенное изъятіе должно распространяться.

«Выслушавъ таковыя сужденія, Комитетъ находитъ, что Правительствующимъ Сенатомъ въ опредѣленіи его отъ 18 декабря 1898 г. разъясненъ установленнымъ порядкомъ точный смыслъ ст. 23 Уст. Пасп., содержащей въ себѣ, по силѣ сего разъясненія, воспрещеніе пріѣзда и водворенія въ Сибири всѣмъ евреямъ, кромѣ категорій, указанныхъ въ той же самой статьѣ.

«Высказанныя же министрами внутреннихъ дѣлъ и

финансовъ соображенія клонятся къ установленію, независимо отъ такого разрѣшенія дѣла, — необходимости разсмотрѣнія законодательнымъ путемъ вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли специальное для Сибири правило о водвореніи евреевъ, изложенное въ ст. 23 Уст. Пасп., согласовать какъ съ изданными по сему предмету, начиная съ 1859 г., общими для Имперіи постановленіями, такъ и съ положеніемъ, созданнымъ въ Сибири фактическимъ допущеніемъ туда евреевъ.

«Съ своей стороны, Комитетъ не можетъ не согласиться съ вышесказанными соображеніями о трудности разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ водвореніемъ въ Сибири евреевъ, путемъ толкованія закона. Съ этой точки зрѣнія самое опредѣленіе Сената приводитъ Комитетъ къ заключенію объ умѣстности окончательнаго разрѣшенія дѣла порядкомъ, установленнымъ для изданія новыхъ законовъ.

«Прежде всего, по замѣчанію предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и государственнаго секретаря, предположеніе Сената объ ограниченномъ примѣненіи состоявшагося разъясненія носитъ по существу своему законодательный характеръ, такъ какъ представляетъ собою обширное изъятіе изъ закона и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ точнаго указанія тѣхъ правъ, которыми въ отношеніи пребыванія въ Сибири будутъ пользоваться лица, подлежащія дѣйствію установляемаго льготнаго правила.

«Но въ то же время опредѣленіемъ Правительствующаго Сената устанавливается возможность пересмотра въ непродолжительномъ времени и содержащихся въ ст. 23 Уст. Пас. постановленій, во всей ихъ совокупности.

«Остановившись на обсужденіи указываемыхъ означенною 23 статьею изъятій изъ запрещенія евреямъ водворяться въ Сибири и обративъ при этомъ особое вниманіе на дозволеніе пребыванія въ Сибири для занятія золотымъ промысломъ всѣмъ евреямъ, пользующимся правомъ повсемѣстнаго въ Имперіи жительства, Правительствующій Сенатъ призналъ, что такое постановленіе, включенное въ Сводъ Законовъ въ позднѣйшее уже время и открывающее широкій доступъ въ Сибирь евреямъ, противорѣчитъ основному, содержащемуся въ ст. 23 Уст. Посл., правилу, а потому поручилъ подлежащимъ

министрамъ озаботиться согласованіемъ сихъ постановленій закона. Хотя Сенатъ, какъ явствуетъ изъ опредѣленія его, имѣлъ при этомъ въ виду измѣненіе закона именно въ смыслѣ преподаннаго имъ ограничительнаго толкованія ст. 23 Уст. Пасп., однако же, по мнѣнію статсъ-секретарей Фриша и Плеве, представляется несомнѣннымъ, что указаніе это не служитъ препятствіемъ въ разработкѣ законодательнаго проекта въ томъ направленіи, которое наиболѣе будетъ отвѣчать всѣмъ вновь выясняющимся условіямъ, а слѣдовательно вполнѣ возможнымъ представляется и пересмотръ этимъ путемъ основныхъ содержащихся въ ст. 23 положеній.

«Въ виду всего вышеизложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что устраненіе существовавшихъ до настоящаго времени колебаній въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся пріѣзда и водворенія въ Сибири евреевъ, и установленіе опредѣленнаго по сему предмету взгляда можетъ послѣдовать лишь по обсужденіи въ законодательномъ порядкѣ необходимости согласованія дѣйствующихъ для Сибири спеціальныхъ правилъ съ изданными для Имперіи общими о евреяхъ положеніями; 2) что опредѣленіе условій дальнѣйшаго пребыванія въ Сибири евреевъ, донынѣ тамъ поселившихся вопреки прямого смысла закона, не можетъ быть отдѣляемо отъ общаго вопроса, подлежащаго направленію въ указанномъ выше порядкѣ; 3) что при этомъ воспослѣдованіе нынѣ же Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на примѣненіе опредѣленія Сената только на будущее со времени распубликованія его время могло бы быть толкуемо какъ утвержденіе Верховной властью самаго порядка примѣненія правилъ о водвореніи евреевъ въ Сибири, подлежащихъ между тѣмъ въ непродолжительномъ времени новому пересмотру, и 4) что при такихъ условіяхъ представлялось бы точно также несвоевременнымъ распубликовывать состоявшееся опредѣленіе Сената въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, Комитетъ, за выраженнымъ всѣми членами онаго согласіемъ, полагалъ:

«1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, внести установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта общій законодательный вопросъ, истекающій изъ не-

обходимости установить соотношеніе между содержащимися въ ст. 23 Уст. Пасп., изд. 1890 г., правилами о пребываніи евреевъ въ Сибири и постановленіями, дозволяющими нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ повсемѣстное въ Имперіи жительство.

«2) Признать выясненіе правъ евреевъ, допущенныхъ къ водворенію въ Сибирь вопреки точнаго смысла закона на дальнѣйшее ихъ тамъ пребываніе, составляющимъ часть по сему предмету законодательнаго вопроса, — опредѣленіе же Правительствующаго Сената 10 декабря 1897 года/18 декабря 1898 г. въ части, касающейся предположеній его о немедленномъ разъясненіи положенія означенныхъ евреевъ, оставить безъ исполненія;

«и 3) Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на пріостановленіе распубликованія въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства опредѣленія Правительствующаго Сената, состоявшагося по вопросу о правѣ жительства и водворенія евреевъ въ Сибири.

«Государь Императоръ, въ 11 день іюня 1899 года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

«Комитетъ, въ засѣданіи 15 іюня, опредѣлилъ: сообщить о томъ къ исполненію выписками изъ журналовъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи».

Вопросъ о правахъ евреевъ въ Сибири ни въ законодательномъ, ни въ иномъ порядкѣ больше не возбуждался.

Почти одновременно съ сибирскимъ дѣломъ, министерство внутр. дѣлъ возбудило вопросъ о правахъ купцовъ первой гильдіи въ отношеніи жительства и торговли, по окончаніи 10-лѣтняго срока платежа первой гильдіи во внутреннихъ губерніяхъ. Это дѣло вызвало необходимость въ усиленной работѣ для того, чтобы убѣдить Сенатъ въ неправильности толкованія, которое намѣревалось дать министерство внутреннихъ дѣлъ закону 1859 г. Оно не имѣло такого большого практическаго значенія, какъ сибирское дѣло, но зато имѣло крупное принципіальное значеніе и потому заслуживало особаго вниманія. Возбужденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ заключался въ слѣдующемъ.

По закону 1859 г. права купцовъ первой гильдіи были опредѣлены слѣдующимъ образомъ. Купецъ первой гиль-

дiи, непрерывно состоящiй по первой гильдiи въ чертѣ осѣдлости въ теченiе 5 лѣтъ, могъ перейти въ первогильдейское купечество во внутреннихъ губернiяхъ вмѣстѣ съ членами своей семьи. При переходѣ въ городъ внутренней губернiи такой купецъ имѣлъ право брать съ собою приказчиковъ и домашнюю прислугу. Переходъ во внутреннiя губернiи производился постановленiемъ казенной палаты о зачисленiи въ первой гильдiи купечество. Послѣ того какъ такой купецъ безпрерывно состоялъ въ теченiе 10 лѣтъ въ купечествѣ первой гильдiи, онъ могъ затѣмъ прекратить платежъ по первой гильдiи, продолжая пользоваться правомъ жительства во внутреннихъ губернiяхъ, съ правомъ перехода, за прекращенiемъ состоянiя въ купечествѣ, въ мѣщанскiя общества внутреннихъ губернiй. Такимъ образомъ, послѣ 15 лѣтъ состоянiя въ первой гильдiи, семья такого купца, будучи приписана къ обществу внѣ черты осѣдлости, пользовалась правомъ повсемѣстнаго жительства. Такова была практика примѣненiя этого закона до того, какъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ, возникли сомнѣнiя въ томъ, пользуется ли бывшiй купецъ первой гильдiи, числившiйся въ купечествѣ въ одномъ изъ городовъ внутреннихъ губернiй, и пользуются ли его дѣти правомъ жительства не только въ этомъ городѣ, но и повсемѣстно внѣ черты осѣдлости, иначе говоря, возникла тенденцiя разсматривать эту категорiю евреевъ заключенной въ нѣкую для каждаго особую индивидуальную черту осѣдлости, откуда они могутъ переѣзжать лишь въ общую черту осѣдлости, а отнюдь не въ другiя мѣстности внутреннихъ губернiй. Какъ ни странна была мысль приписывать законодателю, издававшему законъ 1859 г., желанiе создать индивидуальныя черты осѣдлости для купцовъ первой гильдiи, однако министерство внутреннихъ дѣлъ считало такое толкованiе закона правильнымъ и вошло въ Сенатъ съ представленiемъ о разъясненiи закона 1859 г. именно въ этомъ смыслѣ, во измѣненiе всей практики, руководившей прежними разъясненiями Сената. Въ первомъ департаментѣ Сената вопросъ вызвалъ разногласiе, и дѣло перешло въ Общее Собранiе Сената. Вопросъ разрѣшался толкованiемъ словъ «въ тѣхъ городахъ»: — означаютъ ли эти слова тѣ города, о которыхъ говорилось, какъ о городахъ внутреннихъ губернiй, и въ которые купцы первой гильдiи, послѣ 5-лѣт-

няго пребыванія въ купечествѣ въ чертѣ осѣдлости, могли переписаться, — или же «въ тѣхъ городахъ» означаетъ именно тѣ города во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ купецъ проживалъ въ теченіе 10 лѣтъ пребыванія въ первой гильдіи? Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Сенатъ въ Общемъ Собраніи долженъ былъ заняться вопросомъ о значеніи знака препинанія, встрѣчающагося въ этой части закона. Вопреки совершенно ясному логическому смыслу закона, Сенатъ однако, въ концѣ концовъ, разрѣшилъ этотъ вопросъ согласно толкованію министерства внутреннихъ дѣлъ и, такимъ образомъ, довольно значительное число бывшихъ купцовъ первой гильдіи и ихъ потомство, проживавшіе во внутреннихъ губерніяхъ, оказались лишенными права остаться тамъ на жительствѣ и должны были переселиться либо въ тѣ города, гдѣ они раньше числились въ купечествѣ, либо въ черту осѣдлости. Впослѣдствіи отсюда было выведено уже другое, новое ограниченіе для купцовъ первой гильдіи, состоявшихъ въ купечествѣ въ одномъ изъ городовъ внутреннихъ губерній: имъ было запрещено мѣнять мѣстопребываніе и обосновываться въ другихъ городахъ внутреннихъ губерній. Этотъ вопросъ обострился въ отношеніи Москвы и причинилъ евреямъ не мало хлопотъ, закончившихся какъ бы легализаціей пребыванія въ Москвѣ 99 купцовъ первой гильдіи, по особому списку, тщательно составленному и провѣренному въ смыслѣ экономическаго значенія для мѣстной торговли и промышленности каждаго изъ включенныхъ въ этотъ списокъ.

Таково было положеніе еврейскаго вопроса въ первые годы царствованія Николая II. Само собою разумѣется, что и въ области другихъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ правительственная политика продолжалась въ томъ же духѣ. Никакія попытки измѣнить Временныя Правила 3 мая 1882 г. или ослабить ихъ дѣйствіе, не приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Была назначена комиссія для пересмотра этихъ правилъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Икскуль фонъ Гильдебрандта; по настроенію членовъ комиссіи можно было предположить, что, наконецъ, признана будетъ несостоятельность этихъ Правилъ, гибельныхъ для евреевъ, но разорительныхъ и для мѣстнаго коренного населенія. Однако, работы этой комиссіи были вскорѣ

прекращены и дѣйствіе Игнатьевскихъ правилъ осталось въ силѣ.

Не могу при этомъ случаѣ не сказать, что въ одной изъ бесѣдъ съ П. Н. Дурново, который при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Сипягинѣ изъ сенаторовъ былъ назначенъ товарищемъ министра, секретъ сохраненія Правилъ 3 мая объясненъ былъ имъ въ томъ смыслѣ, что отмѣна этихъ Правилъ лишитъ мѣстную полицію доходовъ: можно поэтому опасаться, что отвѣтомъ на такую отмѣну была бы организація полиціей погромовъ въ чертѣ осѣдлости. Ошибочно думать, пояснялъ этотъ сановникъ, что центральная власть держитъ мѣстную полицію въ своихъ рукахъ. Истина заключается въ обратномъ, а именно: центральной власти надо считаться съ мѣстной полиціей, отъ которой зависитъ сохраненіе порядка или сотвореніе безпорядка въ провинціи.

ГЛАВА XXXIII.

Приближающійся конецъ XIX столѣтія. — Дѣло Дрейфуса. — Католичество и еврейство. — Дѣло Мортара. — Ритуальное дѣло въ Дамаскѣ. — Іезуитство и масонство. — Евреи и масонство. — Документъ «Тайна еврейства». — Отклики дѣла Дрейфуса въ Россіи.

Безславно кончался XIX вѣкъ... Обнашивались ветхія одежды демократизма; конституціонный правовой строй принялъ формы парламентаризма, которому шла на помощь демагогія, выросшая на почвѣ ложно понятаго всеобщаго голосованія. Расцвѣтшій и достигшій небывалой мощи капитализмъ, жадный къ наживѣ, создавалъ все новыя формы капиталистическаго хозяйства; выросла державная, снабженная всѣми техническими усовершенствованіями, превращавшая и людей въ машины, — буржуазія, вытѣснившая почти цѣликомъ прежнюю земельную аристократію; этотъ новый всемогущій классъ требовалъ себѣ соотвѣтствующаго мѣста въ государственной машинѣ. Но съ другой стороны и рабочій классъ, руководимый соціалъ - демократами, ставилъ свои требованія и боролся за осуществленіе ихъ. Столкновеніе интересовъ не могло найти разрѣшенія въ моральныхъ началахъ и вызвало начавшуюся въ концѣ XIX вѣка острую классовую борьбу, въ которой меньшинство — крупная буржуазія, — капиталисты, — боролись за власть съ большинствомъ трудового класса. Культура, достигавшая кульминаціоннаго пункта въ области науки, литературы и искусства, лишена была живительнаго духа ренессанса, — матеріализмъ, реализмъ давно смѣнили романтизмъ и идеализмъ. Не было Бога въ культурѣ...

Если сравнить конецъ XVIII вѣка съ концомъ XIX, —

какая обнаруживается пропасть между идеологіями двухъ вѣковъ. Великая французская революція всколыхнула весь культурный міръ; и когда революціонное состояніе во Франціи заканчивалось, а самая революція была закована руками Перваго Консула, живительное вліяніе новыхъ идей въ Европѣ только начинало проявляться. Якобинство и терроръ закрывали мрачной завѣсой всѣ пріобрѣтенія революціи, и только послѣ брюмера революція открылась во всей своей красотѣ обновленнаго государственнаго организма, который формировался умѣлой и твердой рукой Наполеона. Но самъ Наполеонъ былъ символомъ обновленія ветхой феодальной Европы. Даже Германія охвачена была новымъ духомъ, духомъ молодой Германіи. Идеализмъ нѣмецкой философіи — идеи Канта, Гердера, Лессинга получили реальную силу и дали толчекъ дальнѣйшему развитію идеализма. Отсюда и романтическое ученіе о духѣ народа, котораго искала историческая школа... Произошелъ въ теченіе XIX вѣка, главнымъ образомъ, въ первой его половинѣ, процессъ освобожденія и объединенія народовъ. Италія, Греція, затѣмъ Балканскія государства... Толчекъ, данный французской революціей, долго еще служилъ источникомъ движенія.

А конецъ XIX вѣка!... Центромъ Европы была объединенная съ 1870 г. Германія. Вооруженный миръ и духъ милитаризма; реакція, исходившая отъ самоволія и вѣры въ божественность монархіи Германскаго Императора, монархіи, которая обезпечила экономическое и даже культурное благосостояніе при духовной внутренней безсодержательности. Вслѣдствіе этого — необходимость союза республиканской Франціи съ автократической въ самомъ худшемъ смыслѣ Россіей, и —дѣло Дрейфуса, обнажившее всѣ язвы французской государственной организаціи, и обнаружившее стремленіе католическаго клерикализма овладѣть этою организаціей.

Настороженная готовность къ классовой войнѣ въ каждомъ изъ промышленныхъ государствъ, явившаяся результатомъ индустріализаціи, влекущей за собою имперіализмъ, какъ способъ добыванія рынковъ, пріобрѣтенія сырья и сбыта продуктовъ промышленности, — и отсюда союзъ государственной власти съ капиталистами. Таково наслѣдіе, которое истекавшій XIX вѣкъ оставилъ наступавшему XX вѣку.

Я сказалъ, что дѣло Дрейфуса, занявшее послѣдніе годы прошлаго вѣка, было связано съ сближеніемъ республиканской Франціи и автократической Россіи. По крайней мѣрѣ, такъ я понималъ это безпримѣрное въ исторіи дѣло, въ свое время слѣдя съ обостренной чуткостью за всѣми перипетіями его и будучи знакомъ со всей литературой и повседневной прессой по этому дѣлу, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. У меня невольно являлась мысль, что дѣло Дрейфуса возникло по двумъ причинамъ: 1) оно было результатомъ агитаціи католическаго духовенства и главнымъ образомъ іезуитовъ, о чемъ я сейчасъ буду говорить, и 2) оно было какъ бы отвѣтомъ на казавшееся тогда вполнѣ ощутительнымъ, сближеніе Россіи съ Германіей. Католическая часть Франціи въ антисемитизмѣ усмотрѣла связующее звено между Франціей и Россіей. Возникновеніе дѣла Дрейфуса было также знакомъ сочувствія тому антисемитизму, которымъ была проникнута политика Россіи конца прошлаго вѣка. Этимъ дѣломъ католическая Франція хотѣла показать, что она имѣетъ общую точку зрѣнія съ Россіей, съ той Россіей, съ которой политически ничто Францію не соединяло, а все разъединяло, поскольку рѣчь шла о внутренней политикѣ.

Католическая церковь была исконнымъ врагомъ еврейства. Она сѣяла ненависть къ еврейству во всѣ вѣка, начиная съ крестовыхъ походовъ. Было бы долго останавливаться на историческихъ причинахъ этого факта; это значило бы изложить всю исторію католической церкви и исторію евреевъ. Но фактъ превращенія евреевъ въ постоянную мишень преслѣдованія со стороны представителей католичества не нуждается въ доказательствахъ. Обвиненія въ ритуальномъ употребленіи евреями христіанской крови и отравленіи колодцевъ, въ оскорбленіи христіанскихъ святынь, наконецъ, учрежденіе инквизиціи, пылавшіе въ теченіе вѣковъ аутодафе, изгнаніе евреевъ изъ Испаніи и другихъ католическихъ странъ, не исключая католической Англіи, — все это подтверждаетъ высказанную мысль. Въ серединѣ прошлаго вѣка въ двухъ случаяхъ ненависть католичества къ іудейству обнаружилась особенно ярко, и въ обоихъ случаяхъ католичество не вышло съ честью изъ этой борьбы тьмы противъ свѣта. Случаи эти показали, что папство и въ особенности, іезуитскій орденъ, не желаютъ выпустить эту мишень агитаціи и пре-

слѣдованій — евреевъ. Правда, уже къ половинѣ прошлаго столѣтія сдѣлались невозможными костры, на которыхъ сжигали евреевъ и нельзя было оперировать постоянно однимъ только религіознымъ преслѣдованіемъ. Эпоха эмансипаціи евреевъ закончилась въ Западной Европѣ къ 60-мъ годамъ послѣ революціи 1848 г. Свѣтская власть папы изживалась. И вотъ къ концу 50-хъ годовъ культурный міръ былъ потрясенъ дѣйствіями папской власти.

Въ Болоньѣ 3-лѣтній ребенокъ, сынъ евреевъ, супруговъ Мортара, былъ тайно окрещенъ служанкой этой семьи. По приказу католическихъ прелатовъ ребенокъ былъ похищенъ жандармами, увезенъ изъ родительскаго дома и помѣщенъ въ монастырѣ для воспитанія его въ католическомъ духѣ. Вся пресса подняла крикъ протеста противъ такого насилія и побудила правительства свободныхъ странъ, и даже Австріи, которая далеко не было избавлена отъ теократическихъ вліяній, сдѣлать представленія объ этомъ случаѣ, возмущавшемъ общественную совѣсть. Но святѣйшій престолъ остался непреклоннымъ. Онъ не усмотрѣлъ опасности, надвигающейся на него въ результатѣ конфликта между католической догмой и общественной совѣстью, — конфликта, разыгравшагося надъ этимъ еврейскимъ ребенкомъ. Міръ еще не успѣлъ успокоиться, какъ вспыхнуло возстаніе Италіи противъ Австріи, и подъ водительствомъ свободолюбиваго Гарибальди былъ ниспровергнутъ неаполитанскій король; Италія освободилась, создавъ себѣ конституцію на основахъ гражданскаго и политическаго равенства. Мальчикъ Мортара остался плѣнникомъ папы. Но теократія и свѣтская власть папы поколебались до основанія.

Незадолго передъ этимъ католичество проявило себя въ 1840 г. въ дѣлѣ, разыгравшемся на Востокѣ, въ г. Дамаскѣ. Евреи стали тамъ жертвой нелѣпаго обвиненія въ ритуальномъ убійствѣ. Монахъ по имени Томасъ исчезъ при загадочнымъ обстоятельствахъ. Розыски не привели ни къ какому результату. Распространился слухъ, что кости этого монаха найдены въ домѣ одного еврея. Правда, экспертиза показала, что эти кости составляютъ часть собачьяго скелета. Но по наущенію итальянца, — конечно, католика, — который исполнялъ должность французскаго консула, — Рати Мантонъ, стали распространяться слухи, что Томасъ убитъ евреями съ ритуальными цѣ-

лями. Къ распространенію слуховъ приложили свои руки монахи. Католическая пресса также муссировала эти ни на чемъ не основанные слухи. Въ разныхъ городахъ Турціи начались безпорядки и насилія надъ евреями со стороны христіанъ католиковъ. Въ самомъ Дамаскѣ почтенные, видные представители евреевъ были заключены въ тюрьму и подвергались пыткамъ; нѣкоторые умерли подъ пытками. Это дѣло возбудило вниманіе всей Европы. Англійскіе и французскіе евреи заволновались; рѣшено было послать делегацію въ Дамаскъ для разслѣдованія на мѣстѣ этого дѣла. Въ делегацію вошли сэръ Мозэсъ Монтефіоре, какъ предсѣдатель союза англійскихъ еврейскихъ общинъ, Адольфъ Кремье, бывшій членъ временнаго правительства послѣ революціи 48 г. и извѣстный ученый Менкъ, впослѣдствіи членъ института во Франціи, какъ представители французскихъ евреевъ. Они посѣтили Дамаскъ, а послѣ этого имѣли аудіенцію въ Александріи у вице-короля Египта Ахмета-Али, армія коего занимала Сирію, однимъ изъ главнымъ городовъ которой является Дамаскъ. Англійскій парламентъ, премьеръ - министръ лордъ Пальмерстонъ и даже князь Меттернихъ, канцлеръ Австріи, оказали миссіи поддержку. Благодаря этому, истина была раскрыта и арестованные были освобождены. Отъ евреевъ была отклонена огромная опасность. Турція не могла тогда справиться съ своими балканскими вассальными государствами, которыя сами угнетали слабѣйшихъ. Насилія надъ евреями, разгромъ еврейскаго имущества, въ особенности въ Румыніи, въ мѣстахъ съ греческимъ населеніемъ, были повседневными явленіями. Дамасское дѣло вызвало возмущеніе всей Европы. На митингѣ, созванномъ лордъ-мэромъ въ Лондонѣ, передъ тысячами представителей торговаго міра, членъ парламента, О'Коннелль краснорѣчиво выразилъ негодованіе, охватившее весь культурный міръ. Дамасское дѣло и дѣло о ребенкѣ Мортара вызвали объединеніе лучшихъ интеллектуальныхъ еврейскихъ силъ въ Парижѣ, создавшихъ **Alliance Israélite Universelle**.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ, какъ сказано, католичество потерпѣло моральное пораженіе. И съ этого времени началась новая тактика въ антисемитской агитаціи католическаго духовентства и іезуитовъ.

У католичества былъ уже въ теченіе болѣе вѣка новый

врагъ, а именно масонскій орденъ. Начиная съ первой четверти 18 столѣтія, возникли въ разныхъ странахъ масонскія ложи, объединенныя общимъ орденскимъ статутомъ, общими обрядами, живущія одними и тѣми же преданіями и исповѣдующія одинъ и тотъ же принципъ — принципъ свободы личности, освобожденія отъ духовнаго рабства. Всѣ эти ложи были объединены стремленіемъ къ осуществленію началъ, вытекающихъ изъ принциповъ свободы личности, политической свободы, равенства и братства, солидарности людей между собой, независимо отъ рода, племени и исповѣданія, т. е. солидарности всего человѣчества. Масонскія ложи не были никогда атеистическими. Напротивъ того: самая конституція ордена осуждала атеизмъ. Масонство не исповѣдывало и не проповѣдывало никакой новой религіи. Предоставляя всегда волѣ каждаго изъ членовъ ордена религіозное исповѣданіе, оно объединяло людей не религіей, а принципами морали. Само собою разумѣется, что католичество съ самаго начало появленія на политической аренѣ масонства увидѣло въ немъ врага и объявило войну масонскому ордену. Масонство было осуждено цѣлымъ рядомъ папскихъ буллъ. Іезуитскій орденъ, требующій отъ своихъ членовъ повиновенія вплоть «до трупа» (ac cadaver), погашающій всякіе проблески личной свободы совѣсти, и освящающій принципъ папской непогрѣшимости, направилъ свою дѣятельность на борьбу съ масонствомъ. Оно стало мишенью всякихъ обвиненій. Обширнѣйшая анти-масонская литература свидѣтельствуетъ, что нѣтъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ — одинаково бездоказательно — представители католичества, и въ частности іезуиты, не обвиняли бы масонскія ложи: вплоть до убійствъ и служенія дьяволу. И еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ католическимъ вліяніемъ, началась агитація противъ масонства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, съ обвиненіемъ одной масонской ложи въ томъ, что она поручила своимъ членамъ убить бывшаго масона, измѣнившаго ордену. Возведеніе обвиненій противъ масонства облегчалось тѣмъ, что масонство было организаціей тайной; единственной причиной этого были, впрочемъ, политическія преслѣдованія, коимъ реакціонныя правительства подвергали масонство. Оно поэтому не могло непосредственно, какъ организація, выступать съ открытой защитой. Однако, оно не-

сомнѣнно вліяло на общественное мнѣніе. Католическое духовенство никогда не прощало масонству выработку идеологическихъ основъ для провозглашенія во Франціи съ самаго начала великой революціи 1789 г. правъ человѣка и гражданина.

Евреи, вслѣдствіе замкнутости своей жизни, не принимая участія въ политической жизни тѣхъ странъ, гдѣ они жили, никакой связи съ масонствомъ не имѣли. Въ исторіи масонства нѣтъ и слѣда какого-нибудь отношенія еврейства къ масонству. Масонскія ложи съ самаго ихъ основанія, были чисто христіанскими. Католическое духовенство и іезуитскій орденъ, преслѣдуя и масонство и евреевъ, руководились въ томъ и другомъ случаѣ совершенно разными побужденіями и примѣняли разные методы. Съ юдаизмомъ они боролись въ области религіозной, а съ масонствомъ — въ области политической.

Лишь въ сравнительно новѣйшее время нѣкоторые евреи, въ соотвѣтствіи съ своими политическими воззрѣніями, стали входить въ масонскія ложи. Послѣ того, какъ общественное мнѣніе въ Европѣ было возбуждено религіозной ненавистью католичества къ еврейству, борьба противъ евреевъ и масонства стала объединяться и возникла новая линія пропаганды, одинаково направленная и противъ евреевъ, и противъ масоновъ: масонство было объявлено органомъ еврейства, а еврейство обвинялось въ томъ, что оно руководитъ масонствомъ и этимъ разрушаетъ основы христіанскаго общества. Это сближеніе еврейства съ масонствомъ совершенно произвольно. Достаточно даже поверхностнаго знакомства съ исторіей масонства, получившаго начало отъ христіанскихъ орденовъ разныхъ наименованій и христіанскихъ корпорацій строителей соборовъ въ средніе вѣка, — чтобы убѣдиться, что ничего общаго въ смыслѣ организаціонномъ между масонствомъ и еврействомъ нѣтъ. Возрожденіе современнаго масонства въ началѣ 18 столѣтія въ Англіи, откуда оно въ новомъ видѣ проникло въ европейскія континентальныя страны, также ничего общаго съ еврействомъ не имѣетъ.

Антисемиты и антимасоны ничѣмъ не доказываютъ своего утвержденія, что масонство связано съ еврействомъ. Они одинаково ненавидятъ и масонское міровоззрѣніе и юдаизмъ, ибо и въ томъ, и въ другимъ они усматриваютъ

любовь къ свободѣ, равенству и братству между людьми и народами. Для своей агитаціи они избрали простой способъ: обвиненіе и евреевъ, и масоновъ въ заговорѣ противъ государственныхъ устоевъ европейскихъ странъ и одновременно противъ устоевъ христіанства.

Отсюда и возникла та агитація, которая выразилась въ появленіи, такъ называемыхъ, Протоколовъ сіонскихъ мудрецовъ, сфабрикованныхъ уже въ серединѣ 90-хъ годовъ по инициіативѣ представителя русской тайной полиціи въ Парижѣ. Въ 1922 г., уже въ Парижѣ, въ мои руки попала копія одного документа, озаглавленнаго «Тайна еврейства», и датированнаго февралемъ 1895 г.; документъ этотъ относится слѣдовательно къ эпохѣ, когда политика вступившаго на престолъ въ 1894 г. Николая II еще не вполнѣ опредѣлилась. Были колебанія. Окруженіе царя всячески старалось закрѣпить направленіе политики въ сторону реакціи. Еще такъ свѣжо было въ памяти благодатное для него время реакціи Александра III! Дворянство относилось съ недружелюбіемъ къ попыткамъ министра финансовъ С. Ю. Витте поднять промышленность въ Россіи и вмѣстѣ съ ней увеличить значеніе и вліяніе промышленнаго класса. Исконный устой самодержавія — дворянство — чувствовало себя въ опасности. Выдвигался новый конкуррентъ съ претензіями на власть. Департаментъ полиціи, призванный охранять интересы реакціи и, прежде всего, привилегированное положеніе дворянства, снабжалъ министра внутреннихъ дѣлъ и черезъ него — самого царя матеріалами для борьбы съ новымъ направленіемъ, возглавляемымъ Витте, В. И. Ковалевскимъ и другими новыми людьми, зачастую плебейскаго происхожденія. Въ этихъ матеріалахъ заключались данныя, доказывавшія необходимость усиленной борьбы не только противъ подпольной революціонной агитаціи, но и противъ освободительнаго настроенія, квалифицируемаго какъ революціонное. Въ интересахъ департамента полиціи было раздувать силу этого теченія. Необходимо было убѣдить царя, что всякое либеральное мѣропріятіе является признакомъ слабости власти и питаетъ революціонныя стремленія. Надо было его убѣдить въ томъ, что всякая либеральная мѣра является лишь средствомъ въ чьихъ-то рукахъ для достиженія цѣлей, направленныхъ не къ улучшенію народнаго быта, а къ захвату власти или вліянія на власть.

Это была эпоха, когда во Франціи іезуитскій антисемитизмъ былъ пущенъ въ ходъ, какъ средство борьбы противъ укрѣпляющейся республики, когда этотъ антисемитизмъ, послѣ буланжизма, проявился въ безобразной формѣ въ дѣлѣ Дрейфуса. Просвѣщенная республиканская Франція, конечно, не могла не служить примѣромъ для новой ея союзницы — Россіи. Современникамъ памятна агитація, поднявшаяся въ Россіи по поводу дѣла Дрейфуса, памятны статьи «Новаго Времени». Какъ и во Франціи, всякая попытка въ прессѣ и въ общественномъ мнѣніи бороться противъ явной лжи, исходившей, подъ вліяніемъ іезуитовъ, отъ агентовъ генеральнаго штаба Франціи, уже тогда обзывалась масонствомъ. Дрюмонъ былъ вдохновителемъ и русскаго антисемитизма. Популяризація идеи связи еврейства съ масонствомъ, путемъ возсозданія фантастическихъ описаній Де-Муссо и аббата Шаботи, встрѣтила, конечно, подражаніе и въ русскихъ антисемитскихъ сферахъ. Дѣло Дрейфуса показало, что евреи являются удобнымъ орудіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ реакціонныхъ дѣятелей для борьбы противъ республиканства въ пользу монархистскихъ тенденцій. Какъ же было не воспользоваться этимъ примѣромъ и для русскихъ домашнихъ дѣлъ, въ цѣляхъ закрѣпить реакцію, путемъ запугиванія царя не только революціей вообще, — для чего измышлялись заговоры готовящіеся будто бы противъ него въ подпольныхъ кругахъ революціонеровъ, — но и какимъ то таинственнымъ всееврейскимъ заговоромъ, имѣющимъ цѣлью черезъ посредство масонства распространять либеральныя идеи и проводить ихъ въ жизнь не для освобожденія народа отъ деспотизма, не для улучшенія участи обездоленныхъ и подкрѣпленія слабыхъ въ ихъ соціальной борьбѣ противъ сильныхъ, — а для захвата власти, которая должна стать эгоистичной, самодержавно-поработительной!? Измышленіемъ такого заговора достигалась двойная цѣль: во-первыхъ, убѣдить царя въ томъ, что укрѣпленіе самодержавія требуетъ примѣненія наполеоновскихъ способовъ, изображенныхъ въ сатирическомъ памфлетѣ Жоли — первообразѣ, какъ это выяснилось, «Протоколовъ Сіонскихъ Мудрецовъ» — памфлетѣ представляющемъ сатиру на Наполеона III (Maurice Joly: «Dialogue aux Enfers entre Machiavel et Montesquieu, ou la politique de Machiavel au XIXe siècle, par un contem-

porain», Bruxelles. 1868); во-вторыхъ, показать — что съ точки зрѣнія самихъ проповѣдниковъ либерализма, самодержавіе является единственно правильнымъ; что освободительными идеями они пользуются лишь какъ средствомъ разрушенія государства, для болѣе вѣрнаго захвата власти... Было такъ соблазнительно опорочить всякую тенденцію къ освобожденію, изобразивъ ее орудіемъ въ рукахъ таинственныхъ заговорщиковъ - евреевъ и безсознательныхъ масоновъ...

Однако, въ эпоху, къ которой относится документъ «Тайна еврейства», участіе еврейской молодежи въ подпольномъ революціонномъ движеніи дѣйствительно увеличивалось. Политика Александра III приносила свои плоды. Само правительство искусственно революціонировало еврейскую молодежь. Школы, гимназіи, университеты закрылись для большей части еврейской молодежи, отрѣзанной отъ нихъ процентной нормой. Между тѣмъ, стремленіе евреевъ къ образованію, поощрявшееся въ царствованія Николая I и Александра II, не прекращалось. Стѣснительныя мѣропріятія только усилили энергію этого стремленія. Лишенная возможности проходить худо-ли, хорошо-ли организованную русскую школу, еврейская молодежь въ большей своей части оказалась выбитой изъ колеи нормальной жизни. Она наполнила собой университеты Германіи и особенно Швейцаріи, гдѣ издавна проживали главари революціи. Пріобщаясь къ общеевропейской культурѣ, эта молодежь впитывала въ себя и идеи Лаврова, Плеханова, а потомъ и такихъ «апостоловъ», какъ Ленинъ и др. Лучшей фабрики для изготовленія революціонеровъ изъ евреевъ, чѣмъ процентная норма въ учебныхъ заведеніяхъ. наряду съ другими ограниченіями въ элементарныхъ правахъ евреевъ, полицейскій режимъ въ Россіи придумать не могъ. Эту фабрику уже, конечно, антисемиты не могутъ приписать самому еврейству. Авторы сіонскихъ протоколовъ, и тѣ не могутъ дойти до такой нелѣпости, чтобы утверждать, что сами евреи выдумали для себя и для своихъ дѣтей и ограниченія въ правахъ, и процентную норму. Борьбу противъ революціонеровъ департаментъ полиціи, начиная съ 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія превращаетъ въ борьбу противъ еврейства; въ связи съ этимъ ставится задача доказать, будто существуетъ особая еврейская идеологія, построенная на заговорщическихъ за-

воевательныхъ побужденіяхъ. Дѣлаются попытки обосновать это измышленіе даже мистическими религіозными соображеніями, которыя нашли свое отраженіе и въ документѣ «Тайна Еврейства». И понятно, почему такіе потерявшіе умственное равновѣсіе маніаки, какъ Сергѣй Нилусъ, такъ увѣровали и такъ прилѣпились къ идеѣ о еврейскомъ заговорѣ, обобщаемомъ съ идеей о пришествіи Антихриста. Непростительно было бы не сыграть на мистическомъ настроеніи молодого царя, которое было такъ использовано и при торжествахъ открытія мощей Серафима Саровскаго. Департаментъ полиціи всегда проявлялъ огромное чутье. Въ этомъ была его сила.

Но въ 1895 г. попытка, повидимому, не удалась. На документѣ, озаглавленномъ «Тайна еврейства», находится слѣдующая резолюція, сдѣланная тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: «Отвѣтить, что докладывать Его Величеству не усматриваю необходимости, въ виду излишняго и неосновательнаго пессимизма».

Къ хранившейся въ архивѣ департамента полиціи запискѣ подъ указаннымъ заглавіемъ пріобщенъ черновикъ неоконченнаго письма на имя «Петра Александровича»; рѣчь идетъ о генералѣ П. А. Черевинѣ, который былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ Александру III и сохранилъ свое вліяніе въ первые годы царствованія Николая II, до самой своей смерти. Резолюція министра внутреннихъ дѣлъ устранила, очевидно, возможность широкаго использованія тогда же идеи, указанной въ концѣ записки, — о желательности популяризированія свѣдѣній о еврейскомъ заговорѣ. Но идея эта, очевидно, не заглохла. Черезъ нѣкоторое время появились «сіонскіе протоколы»; они стали ходить по рукамъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Однако, противорѣчія въ изложеніи исторіи происхожденія этихъ протоколовъ подрывали тогда вѣру въ нихъ въ высшихъ правящихъ сферахъ. Записка о «Тайнѣ Еврейства» сдана была въ архивъ. Впослѣдствіи П. А. Столыпинъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ счелъ необходимымъ ознакомиться съ архивомъ департамента полиціи. Чиновникъ, которому поручено было разобрать документы этого архива, наткнулся на записку «Тайна еврейства» съ вышеуказаннымъ черновикомъ письма. Столыпинъ ознакомился съ нею, и на подлинномъ экземплярѣ имѣются собственноручныя помѣтки его. Одна изъ нихъ гласитъ:

«Быть можетъ и логично, но предвзято», а другая, относящаяся къ заключительной части записки о популяризированіи еврейско-масонскаго заговора гласитъ: «Способъ противодѣйствія для правительства совершенно недопустимый». Эта записка случайно осталась въ рукахъ того лица, которое разбирало архивъ и благодаря этому я имѣлъ возможность ее опубликовать.

Связь этого документа съ сіонскими протоколами и самое зарожденіе идеи опубликованія этихъ протоколовъ станутъ очевидными для всякаго, кто ознакомится съ содержаніемъ документа, который я цѣликомъ привожу въ приложеніи къ настоящему тому моихъ записокъ.

Записка «Тайна Еврейства» начинаетъ издалека, а именно съ Халдеевъ, и заключаетъ въ своей первой части философско - теологическій обзоръ исторіи еврейства. Конечно, для страха, фигурируетъ и «Изумрудная таблица мудрости» великаго «египетскаго іерофанта Трисмегиста» и секта ессеевъ, учрежденная — (неизвѣстно откуда авторъ записки почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ) — пророкомъ Даніиломъ. Христосъ является воспитанникомъ ессеевъ. Ученіе Христово, предназначенное имъ только для евреевъ, было ими отвергнуто, и за это евреевъ постигла страшная кара Божія. «Христосъ пріобщилъ къ благодати Своего ученія иные народы, евреи-же осуждены стать гонимыми, презираемыми, ненавидимыми всѣмъ человѣчествомъ, познавшимъ Христа». «И, такъ», полагаетъ авторъ записки, «пройдетъ много вѣковъ, пока всѣ прочіе народы земные сначала не постигнутъ ученія Христова, а затѣмъ сами, добровольно, по своему духовному несовершенству, отъ Христа не откажутся». Почему христіанство не дастъ духовнаго совершенства — авторъ записки не объясняетъ, но именно отказомъ отъ Христа будетъ знаменоваться «часъ прощенія избраннаго народа іудейскаго». Ученіе Христа съ того дня сдѣлается исключительнымъ достояніемъ сыновъ Израиля и наступитъ, наконецъ, обѣтованное евреямъ Царство Божіе на землѣ. «Таковъ тайный смыслъ ученія о появленіи сначала Антихриста, а затѣмъ о второмъ пришествіи Мессіи».

Что станется съ остальными народами, авторъ «Тайны Еврейства» не указываетъ. Историческія познанія автора раскрываютъ неизвѣстный доселе фактъ, а именно будто римскій полководецъ, разрушивъ въ 70-мъ г. по

Р. Х. Іерусалимъ, «у в е з ъ и п р о д а л ъ в ъ р а б с т в о» нѣсколько десятковъ тысячъ евреевъ, оставшихся послѣ избіенія. Единственной уцѣлѣвшей ячейкой еврейства въ Іудеѣ была небольшая ессейская община поселившаяся въ пустынѣ. И вотъ изъ этой пустыни и раздался лозунгъ для еврейства, — лозунгъ двоякій, а именно: созидательный, — всемѣрно способствовать быстрѣйшему распространенію христіанства по всей вселенной, и разрушительный, — всячески подрывать нравственныя основы христіанства въ части человѣчества, уже исповѣдующей его. Эта программа, по заявленію автора записки, легла краеугольнымъ камнемъ послѣдующей жизни еврейства.

Изъ записки мы узнаемъ и такой любопытный фактъ, извѣстный одному только автору записки. Въ доказательство того, насколько еврей по своей программѣ содѣйствуетъ распространенію христіанства, приводится примѣръ, а именно, что будто бы во второй половинѣ XIX вѣка глава католическаго миссіонерства въ Китаѣ монсиньоръ Флавье, епископъ Пекинскій, большинство средствъ на свою христіанскую пропаганду среди желтолицыхъ черпалъ отъ виднѣйшихъ тогдашнихъ представителей еврейства, барона Гирша и семейства Ротшильдовъ. Для успѣшнаго осуществленія лозунговъ, еврейство, неизвѣстно въ лицѣ ли ессеевъ въ пустынѣ или рабовъ во всемъ мірѣ, — создало единое всемірное еврейское тайное общество. За недостаткомъ фактическихъ данныхъ авторъ затрудняется сказать, въ какія формы вылилась первоначальная детальная организація еврейскаго тайнаго общества. Авторъ скромно предполагаетъ, что едва-ли она сразу же могла быть въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существуетъ нынѣ. Но уже въ VIII вѣкѣ эта тайная организація дѣйствуетъ. Въ доказательство приводится историческій фактъ, — будто къ императору Карлу Великому въ 800 г. явилась между прочими, «депутація изъ Палестины отъ старца Горы, верховнаго главы таинственной е в р е й с к о й с е к т ы». Пустынники послали, какъ говоритъ авторъ, богатые дары монарху и предложили ему заключить клятвенный союзъ для совмѣстной борьбы съ невѣрными, а именно «съ незадолго передъ тѣмъ, какъ извѣстно, (слова автора записки) появившейся на берегахъ Средиземнаго моря новой грозой силою — Исламомъ».

Мы наивно думали до сихъ поръ, что крестовые похо-

ды обязаны иниціативѣ папы Григорія VII и пропагандѣ Петра Амьенскаго. Историкъ департамента полиціи лучше освѣдомленъ; онъ увѣряетъ, что «по документамъ архива Ватикана удалось установить, что мысль о крестовыхъ походахъ навѣяна папѣ посѣтившими его какими-то таинственными пришельцами изъ Палестины». Авторъ, конечно, не сомнѣвается, что эти пришельцы были евреи, имѣвшіе цѣлью перенести папскій престолъ изъ Рима въ Іерусалимъ въ видахъ «превращенія священнаго города евреевъ въ центръ культурной вселенной».

Напрасно мы съ горечью, а нѣкоторые со слезами читаютъ о кровавыхъ баняхъ и погромахъ крестоносцевъ, избивавшихъ десятки тысячъ евреевъ на своемъ кровавомъ пути. Оказывается, что сами евреи этого хотѣли во славу Іерусалима. Эти походы, по мнѣнію автора, завершились частичнымъ успѣхомъ — «первый же крестовый походъ привелъ къ учрежденію перваго рыцарскаго ордена Тампліеровъ, основаннаго съ мистической миссіей возстановленія храма Соломона». И вотъ, съ тѣхъ поръ еврейское тайное общество, т. е. орденъ Тампліеровъ, «подъ разными названіями — гностиковъ или иллюминатовъ, розенкрейцеровъ, (вы видите, что департаментскій историкъ широко расхаживаетъ по вѣкамъ исторіи), старается незримо вліять на весь послѣдующій ходъ европейскихъ событій». Авторъ не признаетъ, повидимому, прогресса человѣчества. «И гуманизмъ, и французская великая революція, и освобожденіе Америки, изгнаніе турокъ изъ Европы, капитализмъ и объединеніе Италіи, и интернаціоналъ 48 г. — вотъ амплитуда, какъ выражается авторъ, временныхъ цѣлей, служившихъ еврейской организаціи личиной, прикрывающей послѣдующіе этапы ея тайной дѣятельности». Авторъ вынужденъ признать, что Эразмъ Роттердамскій, Вольтеръ, энциклопедисты, Вашингтонъ, Гарибальди и др. едва ли состояли въ какой-либо непосредственной связи съ еврействомъ. И дѣло, по его мнѣнію, «обстояло проще». «Всякое идейное движеніе учитывалось еврействомъ и незамѣтно приспосабливалось имъ для своихъ особыхъ цѣлей. И тогда, точно по волшебству, зарождавшемуся начинанію выпадалъ на долю блестящій успѣхъ». Въ дальнѣйшемъ авторъ излагаетъ организацію нынѣшняго тайнаго общества еврейства. Еврейство уже прямо слито съ масонствомъ; цѣлый рядъ

страницъ посвящается описанію организаціи общества вольныхъ каменщиковъ въ банальномъ общеизвѣстномъ изложеніи антимасонскихъ іезуитскихъ авторовъ, въ родѣ де-Муссо, аббата Шаботи и др. Тутъ и пирамида, и дѣленіе масонства на три категоріи и, наконецъ, невидимое тайное руководство всѣмъ орденомъ со стороны неизвѣстныхъ евреевъ. Но попутно и въ этой части изложенія встрѣчаются историческія открытія, доступныя однимъ только чинамъ департамента полиціи, въ родѣ того, что предателемъ еврейской тайны былъ философъ Спиноза.

Въ послѣдней части авторъ переходитъ къ задачамъ еврейской организаціи въ Россіи. Онъ находитъ, что во всей Европѣ евреи черезъ масонство уже почти достигли цѣли, т. е. уже поколебали устои христіанства. И главный взоръ ихъ — и тутъ вы, конечно, узнаете Сіонскіе Протоколы, — сосредоточенъ на Россіи. Еврейство рѣшило использовать «революціонныя вѣянія, присущія русской интеллигенціи съ самаго ея рожденія» (къ сожалѣнію, авторъ не даетъ даты дня рожденія русской интеллигенціи). Всякое противоправительственное теченіе поддерживается и раздувается, какъ отвѣчающее еврейско-масонскимъ цѣлямъ. И прежде всего примѣняется насажденіе капитализма. Возникло рѣшеніе «примѣнить его и въ Россіи, гдѣ самодержавіе опирается всецѣло на дворянъ-помѣщиковъ, тогда какъ дѣтище капитала-буржуазія наоборотъ принадлежитъ къ революціонному либерализму». Здѣсь мы сразу попадаемъ въ самую точку. Вся задача записки о «Тайнѣ еврейства» и заключается въ томъ, чтобы доказать тлетворность формулы: «создать противовѣсъ столбовому дворянству, превративъ буржуаразночинца, чуждаго религіозныхъ, государственныхъ и національныхъ традицій въ самодовлѣющую общественно-политическую силу». Какъ и приличествуетъ охранителю дворянскихъ устоевъ, авторъ записки дѣлаетъ религіозныя, національныя и государственныя традиціи достояніемъ одного только столбового дворянства. Вся остальная Россія — ничто, и если эта жалкая вся Россія съ ея интеллигенціей дерзаетъ имѣть иное мнѣніе, то это, конечно, есть результатъ буржуазно - либеральнаго натиска еврейскаго масонства, обрушившагося на россійское дворянство. Масонство не можетъ примириться «съ мудрыми мѣропріятіями прошлаго царствованія (Александра III),

какъ напримѣръ, учрежденіемъ дворянскаго банка». Масонство заинтересовано «всколыхнуть какъ нибудь и толщу темнаго крестьянскаго люда». Конечно, ревнителямъ сохраненія единственнаго устоя, источника національныхъ традицій, столбового дворянства, превращеніе крестьянства изъ темнаго въ просвѣщенное представляется преступленіемъ противъ привилегій столбового дворянства. «Немногочисленная русская интеллигенція оторвана отъ народа, она не что иное, какъ махровый пустоцвѣтъ на русской нивѣ», а вотъ столбовое дворянство, это и есть то, милостью чего русскій народъ живетъ и держится «на двухъ нравственныхъ устояхъ — Царь и Богъ». Поколебать эти нравственные устои было легко, вслѣдствіе уязвимости и недочетовъ манифеста 19 февраля 1861 г. Освобожденіе крестьянъ похоронило въ зародышѣ у мужика здоровый консервативный инстинктъ, присущій земле-владѣнію. Вы чувствуете въ каждой строкѣ этой части записки ненависть ко всякому раскрѣпощенію, которое, по мнѣнію департаментскаго историка и политика, «даетъ только поводъ къ возбужденію ненависти противъ имущихъ классовъ и къ внушенію разрушительныхъ принциповъ, проповѣдуемыхъ теоретиками крайняго соціализма». Раскрѣпощеніе русскаго народа, его просвѣщеніе — является съ точки зрѣнія автора, конечно, преступленіемъ, заговоромъ и именно заговоромъ масонства и значитъ, по его мнѣнію, еврейства. «Проводникомъ пропаганды служитъ мятущаяся русская революціонная интеллигенція». «Конечная цѣль масонства слишкомъ значительна, мутной волной намѣчено потопить царя не только, какъ самодержца, но и какъ помазанника Божія, а тѣмъ самымъ забрызгать грязью и послѣдній нравственный устой народной души — православнаго Бога».

Послѣднія страницы записки, такимъ образомъ, прямо предопредѣляютъ программу сочиненія Сіонскихъ Протоколовъ. Какова же цѣль этой записки? Цѣль ея заключается въ томъ, чтобы россійское правительство, «которое, чувствуя себя не въ примѣръ прочнѣе любого западно-европейскаго, склонно, къ сожалѣнію, взирать съ безпечной пренебрежительностью великана на теперешнія безформенныя, робкія революціонныя потуги», приняло мѣры подавленія этихъ революціонныхъ потугъ и, значитъ, сосредоточило бы свои заботы на сохраненіи и возве-

личенiи столбового дворянства. Авторъ записки угрожаетъ, что въ противномъ случаѣ «революцiонный тлѣнъ уже всего коснется». «Самые корни вѣкового государственнаго уклада окажутся подточенными. Правительству придется стать на скользкiй путь компромисса и этимъ повторить ту непоправимую ошибку западно-европейской государственной власти, которая вовлекла страны христiанской Европы, одну за другой, въ роковыя сѣти всемiрнаго еврейско-масонскаго заговора».

Заключительная часть записки рекомендуетъ усиленiе бдительности соотвѣтствующихъ государственныхъ органовъ (значитъ, усиленiе влiянiя департамента полицiи) и «неотложное раскрытiе глазъ благомыслящихъ элементовъ русскаго общества, какъ на зловредную силу, кроющуюся въ еврействѣ вообще, такъ и на первенствующую роль послѣдняго въ русскомъ революцiонномъ движенiи». Департаментъ полицiи достаточно использовалъ эти указанiя, и бдительность департамента была неослабна; послушные органы прессы дѣлали еврейство отвѣтственнымъ за освободительное движенiе въ Россiи, а, съ другой стороны правительство принимало мѣры къ подавленiю всякой гражданской свободы и всякихъ гражданскихъ правъ евреевъ. Одного только врага не хотѣли замѣчать ни департаментъ полицiи, ни тѣ, которымъ онъ служилъ, а именно потребность народа въ свободѣ, нежеланiе его быть въ опекѣ столбового дворянства. — Всякiй прогрессъ и культура, по запискѣ о «Тайнѣ еврейства», являются заговоромъ еврейства, осуществляемымъ черезъ масонство. Если преступленiе еврейства заключается въ развитiи культуры, то въ этомъ преступленiи, вѣроятно, исторiя его оправдаетъ. Но оправдаетъ ли она тѣхъ, которые на погибель Россiи отвлекали вниманiе распорядителей судьбами Россiи отъ дѣйствительной опасности, которую представляли собой реакцiя, сохраненiе привилегiй столбового дворянства и подавленiе всякой свободы? Гони природу въ дверь, она постучится въ окно! Рѣка исторiи, и безъ евреевъ, прорываетъ всякую плотину, которую воздвигаютъ нечистыя, неумѣлыя руки охранителей тьмы изъ рыхлыхъ камней лжи и невѣжества. И когда плотина прорвалась и бурное теченiе снесло все на своемъ пути, то близорукiе и лживые охранители пускаютъ въ ходъ демонологическiя сказки о еврейскомъ заговорѣ...

Кто былъ авторомъ записки о «Тайнѣ Еврейства»?

Въ 1895 г. уже дѣйствовалъ въ Парижѣ представитель департамента полиціи П. И. Рачковскій, завѣдующій тайнымъ наблюденіемъ надъ русскими, проживающими въ Парижѣ. Роль Рачковскаго въ созданіи протоколовъ сіонскихъ мудрецовъ ярко обрисована въ изданной мною въ 1928 г. книгѣ Ю. Делевскаго «Протоколы сіонскихъ мудрецовъ». Къ этой книгѣ я прибавилъ особую главу, посвященную запискѣ «Тайны еврейства», и помѣстилъ полностью, въ видѣ приложенія, копію этого документа. Объединеніе евреевъ съ масонами было обычнымъ въ іезуитской печати.

Въ 1859 г. появилась книга католическаго писателя Кретино Жоли «L'Eglise romaine en face de la Révolution», посвященная главнымъ образомъ раскрытію мнимыхъ происковъ тайной организаціи масоновъ. А въ 1869 г. вышла книга Гужено де Муссо (Gougenot des Mousseaux, «Le Juif, le judaïsme et la judaïsation des peuples chrétiens»), въ которой доказывается существующая яко бы издавна связь еврейства съ масонствомъ. Послѣ этой книги образовалась цѣлая іезуитско-католическая литература, посвященная юдео-масонству. Составитель документа «Тайны еврейства», очевидно, черпалъ изъ этой литературы всѣ сужденія, содержащіяся въ его трудѣ. Немалую роль игралъ, очевидно, главный руководитель антисемитскаго движенія во Франціи Эдуардъ Дрюмонъ и изданная имъ книга («La France juive devant l'opinion», Paris, 1886), предшествовавшая возникновенію дѣла Дрейфуса.

Неуспѣхъ записки «Тайны еврейства» не остановилъ, очевидно, Рачковскаго и его парижскихъ сотрудниковъ отъ дальнѣйшихъ шаговъ по созданію документа, долженствующаго установить еврейско-масонскій заговоръ противъ христіанскаго міра. И въ самомъ концѣ столѣтія, составленъ былъ текстъ «Протокола сіонскихъ мудрецовъ», попавшій въ руки Нилуса, опубликовавшаго его въ 1901 году. Я долженъ констатировать, что до появленія въ печати протоколовъ сіонскихъ мудрецовъ, они ходили по рукамъ еще въ 1899 г. Одинъ экземпляръ рукописи попалъ въ руки С. Ю. Витте и онъ поручилъ составить записку по этому поводу, которую я ему и представилъ. Текстъ этой записки остался у меня въ архивѣ въ Петроградѣ. Если сопоставить кипучую дѣятельность агентовъ

департамента полиціи въ Парижѣ, въ цѣляхъ внушить царю идею о еврейскомъ заговорѣ, съ тѣмъ фактомъ, что въ 1895 г. дѣло Дрейфуса получило огласку и началась католическая и іезуитская агитація, при участіи генераловъ французскаго генеральнаго штаба и самихъ военныхъ министровъ, — то невольно возникаетъ мысль о связи между дѣломъ Дрейфуса и русскимъ антисемитизмомъ, которому дрейфусовская агитація шла навстрѣчу. Надо напомнить также, что къ этому времени ожидалось посѣщеніе Парижа Николаемъ II.

Длившаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ агитація по дѣлу Дрейфуса не осталась, конечно, безъ отклика въ Россіи. Существовало предположеніе, что самому царю извѣстна была невиновность Дрейфуса, которая легко могла быть установлена Вильгельмомъ II, съ коимъ Николай II находился въ дружеской перепискѣ. И если Вильгельмъ II не могъ поручить своему послу въ Парижѣ опровергнуть участіе Дрейфуса въ шпіонажѣ въ пользу Германіи и указать дѣйствительнаго шпіона, Эстергази, — то врядъ ли возможно при томъ интересѣ, который вызвало дѣло Дрейфуса, что бы въ перепискѣ между двумя императорами это дѣло не было затронуто, а если не въ корреспонденціи, то при личныхъ свиданіяхъ Николая II съ Вильгельмомъ II разъяснено было, вѣроятно, съ нѣмецкой стороны, что Дрейфусъ не состоялъ агентомъ германскаго генеральнаго штаба.

Антисемитская пресса въ Россіи, конечно, подхватила дѣло Дрейфуса и изображала его въ томъ видѣ, въ какомъ сообщала о немъ католическая пресса. Но все общественное мнѣніе въ Россіи лихорадочно слѣдило за всѣми перипетіями дѣла, въ особенности послѣ того, какъ Эмиль Зола выступилъ въ газетѣ Клемансо съ своимъ знаменитымъ заявленіемъ «Я обвиняю» и дѣло Зола было разсмотрѣно въ сенскомъ судѣ. Я долженъ констатировать, къ чести русскаго общественнаго мнѣнія, что почти вся интеллигенція была убѣждена въ возмутительной несправедливости обвиненія, предъявленнаго Дрейфусу, и относилась отрицательно къ представителямъ французской арміи, которые считали возможнымъ настаивать на виновности Дрейфуса даже послѣ того, какъ Пикаромъ обнаруженъ былъ подлогъ полковника Анри, повлекшій за собой его самоубійство.

ГЛАВА XXXIV.

Появленіе сіонизма. — Мое отношеніе къ національному вопросу еврейства. — Отношеніе ортодоксальныхъ круговъ къ сіонизму. — Легализація сіонизма въ Россіи. — Свиданіе Герцля съ Плеве въ 1902 г. — Неправильность именованія русскихъ евреевъ не-сіонистовъ ассимиляторами. — Отличіе русскаго либерализма отъ польскаго націонализма. — Поляки Моисеева закона. — Ипполитъ Андреевичъ Вавельбергъ.

Въ 1897 г. въ еврейскую общественную и политическую жизнь Россіи вошелъ новый факторъ: сіонизмъ, съ лозунгомъ, имѣвшимъ столь большой успѣхъ подъ перомъ и въ устахъ обаятельнаго вѣнскаго журналиста съ горячимъ еврейскимъ сердцемъ, талантливаго Теодора Герцля. Начиная съ погромовъ 1881-1882 г. г., тлѣла въ средѣ еврейства искра, зароненная въ нее покойнымъ докторомъ Пинскеромъ въ его знаменитой брошюрѣ: «Объ авто-эмансипаціи». Разочарованное и какъ-бы оглушенное ударами погромовъ, еврейство услышало гордыя слова о національномъ самосознаніи. Зароненное сѣмя дало обширные ростки, изъ которыхъ поднялось сознаніе національнаго народнаго достоинства, потребность каждаго еврея осознать себя членомъ всего народа съ его тысячелѣтней исторіей. Это національное самосознаніе получило новую форму, отличную отъ той, которой преисполнено было еврейство въ діаспорѣ, во всѣхъ странахъ и въ особенности въ Россіи, гдѣ еврейство еще жило, въ значительномъ большинствѣ, прежними традиціями. Еврейское самосознаніе, разбуженное погромами восьмидесятыхъ годовъ и получившее выраженіе въ книгѣ Пинскера, было сознаніемъ національной индивидуальности, нѣсколько подражательнаго свойства.

Я не хочу здѣсь вести полемику противъ доктринъ сіонизма и противъ тѣхъ основъ, на которыхъ онъ построенъ. Я только считаю необходимымъ воспроизвести мое личное пониманіе вопроса о національномъ самосознаніи еврейства въ томъ его видѣ, въ какомъ оно проявилось на моихъ глазахъ, и опредѣлить мое отношеніе къ этому вопросу.

Уже въ первое время распространенія сіонистской доктрины, я занялъ опредѣленную позицію по отношенію къ ней, позицію, отнюдь, впрочемъ, не враждебную. Никогда я не былъ отрицателемъ необходимости еврейскаго національнаго сознанія, никогда мои мысли не были направлены на ассимиляцію. Напротивъ того, я всегда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ утверждалъ, что еврейство выросло при особыхъ условіяхъ, развивалось и росло духовно, какъ дисциплинированное цѣлое, управляемое во внутренней жизни единымъ духовнымъ авторитетомъ, исходившимъ изъ единаго источника. Этимъ источникомъ ортодоксальное еврейство считаетъ религію, откровеніе. Я полагалъ, что просвѣщенные евреи могутъ сойтись съ ортодоксальной частью еврейства на подобномъ же утвержденіи національнаго духовнаго единства еврейства, крѣпкаго въ національномъ смыслѣ, — однако, понимая эту идею въ смыслѣ не только религіозномъ, но вообще — въ смыслѣ культурномъ, и это благодаря именно религіознымъ началамъ, которыя съ самаго появленія еврейскаго народа въ исторіи предопредѣлили дальнѣйшій ходъ его развитія. Вся та особенная культура, пережившая исключительныя историческія судьбы, выдержавшая натискъ тысячелѣтій, сохранившаяся въ своей цѣлости и въ своемъ единствѣ, по моему пониманію, отнюдь не представляется застывшей, завершенной; это — не область прошлаго, а живая дѣйствительность, долженствующая имѣть, кромѣ прошлаго, настоящее, однако, связанное съ прошлымъ и потому служащее залогомъ развитія и въ будущемъ. Для еврейства, какъ цѣлаго, не нужно было изобрѣтать какихъ бы то ни было національныхъ лозунговъ; не надо было давать этимъ лозунгамъ значенія цемента, объединяющаго, если не все, то части еврейства, въ одной идеѣ, закрѣпляя еврейство, какъ націю. Особенность еврейской національной культуры заключается именно въ томъ, что она создала изъ еврейства націю безъ необходимыхъ для другихъ на-

родовъ аттрибутовъ національной народной жизни. Если трудно себѣ представить какую-нибудь національность, существующую безъ опредѣленной территоріи и безъ опредѣленнаго политическаго режима, то эти два признака — территорія и политическая государственная жизнь, отсутствующіе у еврейства, разбросаннаго по разнымъ странамъ, въ достаточной мѣрѣ, какъ показалъ историческій опытъ, возмѣщаются, я бы сказалъ, территоріей духовной и режимомъ не политическимъ, а также духовнымъ.

По моему убѣжденію, еврейство, спаянное съ прошлымъ, не нуждалось въ сіонизмѣ, какъ внѣшнемъ выраженіи національнаго самосознанія. Но сіонизмъ все же оказался нужнымъ, оказался призваннымъ выполнить опредѣленную функцію, — не потому, однако, что идея, лежащая въ основѣ сіонизма, явилась бы новой, въ достаточной мѣрѣ замѣняющей прежнюю идею національнаго единства. Я всегда считалъ сіонизмъ суррогатомъ, необходимымъ въ виду отсутствія сознанія національнаго единства у той части современнаго еврейства, которая далеко уклонилась отъ традицій прошлаго времени, не живетъ съ обще-еврейской массой одной и той же духовной жизнью, а ушла впередъ подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ стремленій, внѣшне чуждыхъ еврейству и представляющихся какъ-бы антитезой, ожидающей своего синтеза. Для той значительной массы молодежи, которая стала проходить общую школу и по разнымъ причинамъ не была посвящена ни въ еврейскую исторію, ни въ еврейскую письменность, ни въ еврейскія традиціи, которая наблюдала въ еврействѣ только внѣшнюю обрядовую сторону, нелегко принимаемую просвѣщеннымъ умомъ, — для этой части якобы просвѣщеннаго еврейства дѣйствительно необходимъ былъ внѣшній лозунгъ. Безъ него, при отсутствіи внутренней связи съ еврейскимъ духомъ, при незнакомствѣ съ истиннымъ юдаизмомъ, — этой части еврейской, такъ называемой интеллигенціи угрожала опасность полной ассимиляціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ притѣсненій и нападокъ, выливавшихся порою въ самыя рѣзкія формы, вплоть до погромовъ, могло развиться, еще въ большей степени, чѣмъ это было въ дѣйствительности, стремленіе къ крещенію, которое явилось темнымъ пятномъ на фонѣ еврейской интеллигентской жизни въ Россіи, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ Германіи, гдѣ рав-

ноправіе прикрывало усиленныя преслѣдованія. Сіонизмъ противодѣйствовалъ распространенію этого отрицательнаго явленія и тѣмъ однимъ уже сослужилъ большую службу.

Выдвинутая съ такимъ талантомъ и блескомъ теорія Герцля — идеалъ еврейскаго охраненнаго убѣжища — имѣла успѣхъ тѣмъ большій, что истинное національное самосознаніе оставалось достояніемъ весьма немногихъ просвѣщенныхъ евреевъ. Успѣхъ этого лозунга обезпеченъ былъ уже тѣмъ, что националистическое теченіе стало господствующимъ настроеніемъ и у другихъ народовъ Европы. Не только у насъ въ Россіи, гдѣ со времени славянофильства лозунгъ «возврата домой» сталъ проникать въ общество, а затѣмъ и въ народъ, но и въ другихъ болѣе культурныхъ странахъ, эта идеологія стала распространяться, подъ вліяніемъ историческихъ событій, связанныхъ съ франко-германской войной 1870 г. Національныя стремленія Германіи, вылившіяся въ осуществленномъ объединеніи ея, по лѣвую сторону германской границы, во Франціи, нашли выраженіе въ идеѣ реванша. Освобожденіе Италіи, перемѣна, вызванная созданіемъ Балканскихъ государствъ послѣ русско-турецкой войны 1876 г., политика Англіи и даже Сѣверо-Американскихъ штатовъ, выдвинувшихъ доктрину Монроэ: «Америка для американцевъ», — все это свидѣтельствовало о томъ, что культура человѣчества пошла по пути національнаго самоуглубленія каждаго отдѣльнаго народа. Было-ли это заслугой передъ культурой общечеловѣческой или, напротивъ того, грѣхомъ противъ нея — вопросъ спорный. Лично я никогда не считалъ националистическія стремленія идеаломъ прогресса. Я всегда думалъ, напротивъ, что сознаніе общности интересовъ всего человѣчества, признаніе каждой данной національной культуры однимъ изъ факторовъ обще-человѣческой культуры, взаимное общеніе между отдѣльными культурами, желаніе сблизить противоположности, стремленіе къ выработкѣ обще-человѣческихъ идеаловъ, — предпочтительнѣе и вѣрнѣе ведетъ къ прогрессу, нежели замыканіе каждаго народа въ самомъ себѣ и противоположеніе своихъ интересовъ интересамъ другихъ народностей. На этомъ пути врядъ ли достижимо согласованіе, координированіе разныхъ культурныхъ элементовъ въ общемъ дѣлѣ — движенія впередъ всего человѣчества; напротивъ, скорѣе создается опасность столкновенія интересовъ, при

чемъ мирныя орудія борьбы легко могутъ оказаться недостаточными, — и тогда возникаетъ угроза военнаго выступленія съ оружіемъ въ рукахъ. Ужасная война 1914-1918 г. г., лучше всего доказываетъ правильность этихъ опасеній, и я не сомнѣваюсь, что будущій философъ исторіи усмотритъ въ этой войнѣ результатъ националистическихъ стремленій отдѣльныхъ народностей. Пережитая человѣчествомъ трагедія должна привести въ концѣ концовъ въ будущемъ къ ослабленію националистическихъ идей. На этомъ идеалѣ построена идея Лиги Націй.

Теорія Герцля и созданная имъ доктрина еврейскаго національнаго самосознанія съ лозунгомъ: «домой, въ Палестину», въ свое собственное правоохраненное государственное убѣжище, — съ моей точки зрѣнія не являлась даже оригинальной, а была подражаніемъ тому, что дѣлалось кругомъ, и лично во мнѣ не вызывала особыхъ симпатій. Я откровенно всегда заявлялъ, что въ выдвинутой Герцлемъ идеѣ сіонизма я усматриваю не шагъ впередъ для еврейства, а, напротивъ того, capitis deminutio его. Еврейству былъ внушенъ идеалъ, обычный для того времени, я бы сказалъ, шаблонный, и только потому, быть можетъ имѣвшій успѣхъ, что тотъ специфическій еврейскій идеалъ, который дѣйствительно являлся свойственнымъ только этому народу, былъ неизвѣстенъ и непонятенъ тѣмъ, кто жилъ далеко отъ еврейской духовной жизни. Сіонизмъ собралъ разсыпанныя части храмины, благодаря магическому дѣйствію лозунговъ Теодора Герцля, — но въ своей основѣ это не былъ спеціально еврейскій идеалъ.

Съ точки зрѣнія политической, я смотрѣлъ на сіонизмъ, какъ на явленіе отрицательное, — во-первыхъ, уже въ силу того соображенія, которое встрѣчало обычный, я бы сказалъ, трафаретный отпоръ со стороны сіонистовъ, а именно, что идея политическаго сіонизма по формулѣ Герцля ставила евреевъ въ ложное положеніе по отношенію къ народностямъ, среди которыхъ они живутъ; сіонистскіе лозунги какъ-бы подкрѣпляли утвержденіе, что евреи являются только временными гражданами того государственнаго организма, часть котораго они составляютъ. Въ противовѣсъ этому доводу сіонисты не безъ основанія всегда ссылались на то, что какъ-бы ни старалось еврейство проявить себя безупречными гражданами дан-

наго государства, господствующая власть, изъ-за присущаго всякому народу націоналистическаго чувства, которое въ отношеніи евреевъ еще легче обостряется и превращается въ воинствующій антисемитизмъ, — все равно не признаетъ евреевъ надлежащими гражданами, что еврейство во всѣхъ странахъ окружено одинаково враждебной атмосферой, какъ бы ни старалось оно проявить свою гражданственность. Это соображеніе было умѣстно, поскольку оно обращалось къ такимъ евреямъ, какими являлись поляки Моисеева закона или польско-еврейскіе ассимиляторы; но оно не могло служить вѣскимъ возраженіемъ по отношенію къ тѣмъ, кто, стоя на почвѣ признанія высокой, и даже высочайшей, цѣнности собственно-національной еврейской культуры, въ смыслѣ государственномъ ощущалъ свое сліяніе съ другими элементами и съ другими народностями государства. Я всегда думалъ, что еврей, сознающій культурное назначеніе еврейства, не только еще сильнѣе чувствуетъ себя внутренно обязаннымъ къ лояльности, но считаетъ себя не за страхъ, а за совѣсть гражданиномъ того государства, въ которомъ онъ живетъ. Сознаніе себя членомъ еврейской націи въ культурномъ отношеніи превосходно уживается съ сознаніемъ себя русскимъ гражданиномъ въ смыслѣ государственномъ и политическомъ. Это не двойственность, а многогранность, которая сама по себѣ составляетъ отличительную черту подлиннаго еврейскаго національнаго сознанія.

Ортодоксальный кругъ еврейства съ самаго начала появленія сіонизма сталъ во враждебное къ нему отношеніе. Для многихъ изъ этого круга явленіе сіонизма представлялось непонятнымъ. Казалось бы, напротивъ, именно ортодоксальное еврейство, которому такъ близокъ лозунгъ Сіона, которое такъ искренно проникнуто клятвеннымъ заявленіемъ: «да забудетъ меня правая рука, если я тебя забуду, Іерусалимъ», — должно было бы радоваться тому, что еврейство не религіозное, чуждающееся обрядовыхъ традицій, начинаетъ воспринимать тотъ же лозунгъ и проникаться тѣмъ же клятвеннымъ обѣтомъ. А между тѣмъ, — фактъ несомнѣнный, — сознательная ортодоксія относилась къ сіонизму враждебно и противодѣйствовала его развитію. Многіе склонны были поверхностно объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что идея политическаго сіонизма противорѣчила религіозному представле-

нію о мессіанизмѣ: религіозные ортодоксальные евреи яко бы потому противъ сіонизма, что возвратъ евреевъ въ Сіонъ возвѣщается, какъ результатъ политическаго воздѣйствія; рѣчь идетъ о полученіи charter'a отъ султана, словомъ, о какой то дипломатической работѣ, а не о религіозно освященномъ актѣ, не о водительствѣ Мессіи, долженствующаго появиться «на бѣломъ конѣ».

Я бы сказалъ, что это -- наивное объясненіе. На самомъ дѣлѣ, враждебное отношеніе ортодоксальнаго еврейства къ сіонизму объяснялось тѣмъ, что оно болѣе или менѣе сознательно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ большинствѣ случаевъ безсознательно, воспринимало сіонизмъ, какъ суррогатъ еврейскаго національнаго сознанія, который заставляетъ части еврейства, почувствовавшія потребность въ національномъ самосознаніи, искать его на невѣрныхъ путяхъ, — не тамъ, гдѣ лежатъ его корни, развившіеся въ теченіе тысячелѣтій. Сіонизмъ представлялся какъ-бы актомъ «внѣшней приписки къ еврейству», а не внутренней спайки съ прошлымъ всего народа; чувствовалось, что въ идеѣ сіонизма нѣтъ и атома юдаизма. И если впослѣдствіи внутри самаго сіонистскаго движенія разгорѣлась борьба, отъ которой такъ душевно страдалъ самъ Теодоръ Герцль; если послѣ второго конгресса, когда сіонистской партіи угрожалъ расколъ, борьба эта завершилась признаніемъ необходимости заняться актуальной работой въ тѣхъ странахъ, гдѣ живетъ еврейство, — то это явилось именно результатомъ внутренняго признанія правоты какъ-бы тѣхъ претензій, которыя ортодоксальное еврейство предъявляло къ сіонизму. Это рѣшеніе отразило потребность заполнить, путемъ культурной работы, подлиннымъ еврейскимъ содержаніемъ внѣшнія рамки, очерченныя лозунгомъ правоохраненнаго убѣжища, въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Но и здѣсь сіонизмъ, по моему убѣжденію, до настоящаго времени еще не нашелъ надлежащаго пути. И въ этой фазѣ развитія сіонизма, внѣшній признакъ языка — заполняетъ все, являясь опять таки суррогатомъ юдаизма. Я часто находилъ подтвержденіе моимъ мыслямъ о сіонизмѣ въ томъ явленіи, что самыми яркими послѣдователями сіонизма во многихъ случаяхъ были очень почтенные, горячіе евреи, совершенно незнакомые съ еврействомъ, незнакомые, въ частности, съ еврейской письменностью. И въ настоящее вре-

мя, когда политическій сіонизмъ сталъ преобладающимъ, и въ результатѣ всемірной войны осуществленіе политическихъ сіонистскихъ идеаловъ стало возможнымъ, — мало слышно лозунговъ, говорящихъ о возрожденіи еврейскаго духа; вопросы чисто политическіе и чисто экономическіе сосредоточиваютъ на себѣ почти исключительно вниманіе тѣхъ почтенныхъ дѣятелей, которые, не щадя своихъ силъ, стремятся къ осуществленію политическихъ задачъ сіонизма. Тотъ строй автономной жизни, который рисуется уже почти обезпеченнымъ, пока что отнюдь не фасонируется по чисто еврейскому образцу; и если легко себѣ мыслить теперь автономное еврейское государство въ Палестинѣ, но оно пока что и самимъ вѣрующимъ рисуется въ видѣ государства евреевъ, а не въ видѣ еврейскаго государства.

Сіонизмъ сыгралъ колоссальную роль и въ смыслѣ общественномъ, въ особенности у насъ, въ Россіи. Возникла идея организаціи народныхъ силъ. Сознаніе необходимости этой организаціи было полезно не только для партійныхъ сіонистскихъ задачъ, но и въ цѣляхъ чисто общественныхъ, независимыхъ отъ чисто сіонистскихъ. Сіонизмъ сложился, какъ партія, имѣющая сложную организацію, и показалъ возможность такой организаціи и практическую пользу ея для общественныхъ цѣлей.

Русское правительство, слѣдуя своей традиціи не допускать объединенія евреевъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда это объединеніе включало въ себя и евреевъ другихъ государствъ, относилось отрицательно къ сіонизму, — не потому, чтобы оно въ сіонистской доктринѣ усматривало какую либо опасность съ точки зрѣнія политической благонадежности, а потому что оно не понимало задачъ сіонизма и смотрѣло на образовавшуюся сіонистскую партію, какъ на международную политическую организацію: здѣсь опять замаячилъ вѣчный миражъ еврейскаго кагала. Со стороны сіонистовъ дѣлались неоднократныя попытки легализовать въ Россіи сіонистскую партію. Но благопріятныхъ результатовъ долго нельзя было добиться. Правда, правительство не подвергало преслѣдованіямъ ни отдѣльныхъ сіонистовъ, ни вообще сіонистскую пропаганду, но легализовать партію и ея пропаганду правительство не рѣшалось. Это произошло лишь въ 1902 году, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ убій-

ства Сипягина, сталъ В. К. Плеве. Было это незадолго передъ кишиневскимъ погромомъ. Въ этомъ году, по ходатайству сіонистскихъ лидеровъ, Плеве назначилъ аудіенцію Теодору Герцлю, который спеціально для этого пріѣзжалъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Герцля остался тайной для еврейскихъ общественныхъ круговъ. О предстоящемъ свиданіи были освѣдомлены лишь немногіе сіонистскіе лидеры. Герцль имѣлъ своей цѣлью разъяснить Плеве смыслъ и задачи сіонизма. Въ результатѣ бесѣды, сіонистская партія вскорѣ была легализована. Содержаніе бесѣды Герцля съ Плеве осталось невѣдомымъ не-сіонистамъ, а можетъ быть и многимъ сіонистамъ. Герцль не имѣлъ свиданія ни съ какими руководящими кругами еврейства, стоящими внѣ сіонизма, и весь его пріѣздъ былъ облеченъ какой-то непроницаемой тайной.

Когда объ этомъ свиданіи Герцля съ Плеве стало извѣстно, то таинственность его вызвала чувство почти возмущенія со стороны тѣхъ евреевъ, которые работали на общественной еврейской нивѣ и были хорошо освѣдомлены о настроеніяхъ Плеве; ихъ не могло не смущать то, что загадочные доводы, приведенные Герцлемъ въ бесѣдѣ съ министромъ, могли получить различныя толкованія и даже быть истолкованы въ смыслѣ вредномъ для борьбы евреевъ за свои права въ самой Россіи. Мы опасались, что вмѣстѣ съ легализаціей сіонизма въ Россіи, окажется легализованъ, самими евреями сіонистами, и россійскій офиціальный антисемитизмъ. Мы опасались, что бесѣда Герцля, не знающаго характера Плеве, наединѣ съ министромъ, могла противъ воли Герцля, быть истолкована въ томъ смыслѣ, какой носила въ свое время бесѣда представителя барона Гирша, Арнольда Уайта, съ тѣмъ же Плеве и съ другими сановниками, при ходатайствѣ о разрѣшеніи дѣятельности ЕКО въ Россіи.

Эти опасенія въ нѣкоторой мѣрѣ оправдались уже впослѣдствіи, когда, послѣ большевицкой революціи, среди бѣженцевъ въ Парижѣ оказался бывшій директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ при Плеве, бывшій виленскій губернаторъ, а впослѣдствіи, во время войны исполнявшій обязанности помощника варшавскаго генералъ-губернатора по гражданской части, Н. Д. Любимовъ. Онъ на всѣхъ своихъ постахъ въ высшей администраціи въ Россіи не проявлялъ себя антисемитомъ. Доста-

точно сказать, что, когда онъ оставлялъ виленское губернаторство, то депутація отъ евреевъ выразила ему признательность за справедливое отношеніе къ евреямъ и къ ихъ нуждамъ. Н. Д. Любимовъ составилъ воспоминанія (еще неопубликованныя) о прежней своей службѣ въ Россіи; я имѣлъ случай ознакомиться съ ними въ рукописи. Вспоминая о своей службѣ въ качествѣ директора канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и о близкомъ сотрудничествѣ съ В. К. Плеве, онъ, между прочимъ, разсказываетъ о свиданіи Герцля съ Плеве и приводитъ свой разговоръ съ Плеве, непосредственно послѣ пріема Герцля. Плеве съ торжествомъ сообщилъ своему директору канцеляріи, что Герцль подтвердилъ фактъ финансовой поддержки, оказываемой еврейскими банкирами Запада революціоннымъ партіямъ въ Россіи, и заявилъ, что легализація сіонизма будетъ имѣть послѣдствіемъ прекращеніе этой поддержки. При встрѣчѣ съ Н. Д. Любимовымъ я рѣшительно опровергъ возможность такого заявленія со стороны Герцля, послѣ чего Любимовъ дополнилъ свои воспоминанія оговоркой, опровергающей, со ссылкой на меня, дѣйствительность факта такихъ сообщеній со стороны Герцля. Но одна возможность такого заявленія со стороны Плеве о бесѣдѣ съ Герцлемъ, — которое, конечно, было сдѣлано имъ и другимъ министрамъ и по всей вѣроятности самому царю, — показываетъ, насколько опасно было имѣть тайныя бесѣды съ такимъ русскимъ сановникомъ, какимъ былъ Плеве.

Евреи интеллигенты, не раздѣляющіе националистическихъ настроеній сіонистовъ и признававшіе себя не только временными, но такими же коренными русскими гражданами, какъ и всѣ другіе граждане Россіи, обозначались обыкновенно въ сіонистскихъ собраніяхъ и въ пропагандой литературѣ подъ именемъ ассимиляторовъ; насъ, не-сіонистовъ, часто сравнивали съ польскими ассимиляторами, признававшими себя поляками Моисеева закона. Не было ничего болѣе противнаго истинѣ, нежели такое утвержденіе. Между поляками Моисеева закона и русскими евреями не-сіонистами было огромное различіе, обусловленное на только настроеніемъ самихъ евреевъ, но и общими условіями русской и польской жизни. Мы, не-сіонисты, признавали еврейскую національность и считали себя не русскими Моисеева закона, а р у с с к и м и

евреями. Въ нашей работѣ намъ не приходилось преодолѣвать тѣхъ препятствій, которыя на каждомъ шагу ставились польскому еврейству со стороны поляковъ. Тяготѣніе къ русской культурѣ не исключало исповѣданія традицій еврейской культуры. Въ россійской государственной жизни мы, евреи по національности, не составляли чужероднаго элемента, такъ какъ въ Россіи уживались многія національности, объединенныя въ русской государственности безъ попытокъ поглощенія всѣхъ прочихъ со стороны господствующей національности. Руссификаторскія стремленія, такъ же какъ и антисемитизмъ, были удѣломъ оффиціальныхъ круговъ. Русскіе же либеральные круги никогда не посягали на національную культуру отдѣльныхъ народностей. Намъ не трудно было совмѣстить еврейскую національность съ признаніемъ себя русскими гражданами, пріобщенными, кромѣ нашей собственной культуры, и къ культурѣ общерусской. Культурные интересы Россіи отнюдь не сталкивались съ культурными интересами еврейства. Одна культура какъ бы дополняла другую и мы свободно могли исповѣдывать убѣжденіе въ томъ, что еврейская культура можетъ послужить на пользу общечеловѣческой, а слѣдовательно, и русской. Мы сознавали, съ другой стороны, что и русская культура можетъ во многомъ послужить нашей еврейской. Между этими двумя культурами не было антагонизма; одна другую не исключала. Въ бытовыхъ отношеніяхъ культурный еврей и культурный русскій легко сходились, и между ними сглаживались національныя и вѣроисповѣдныя различія. Оффиціальный антисемитизмъ, тяготѣвшій надъ еврействомъ, не только не былъ помѣхой для сближенія культурныхъ частей русскихъ и евреевъ, а напротивъ того, какъ бы служилъ поводомъ для большаго сближенія. Въ либеральныхъ кругахъ евреи встрѣчали сочувствіе уже по одному тому, что и либеральная Россія была стѣснена россійской реакціей, этимъ источникомъ антисемитизма. Этимъ объясняется легкій доступъ еврейскаго культурнаго элемента въ русскую печать и отсутствіе всякаго противодѣйствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не мѣшали правоограниченія и не давила правительственная рука. Въ общественномъ дѣлѣ русскіе охотно пользовались работой евреевъ, и даже сами ихъ привлекали. Въ школѣ, до того, когда искусственно сталъ насаждаться правительствомъ антагонизмъ,

отношенія между воспитанниками какъ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеній, евреями и не-евреями, были совершенно товарищескія и въ нихъ незамѣтно было предубѣжденія или предвзятости. Было поэтому легко совмѣстить роль дѣятеля, вполнѣ преданнаго русскимъ общественнымъ и политическимъ интересамъ, съ ролью еврейскаго общественнаго дѣятеля, радѣющаго объ интересахъ своихъ соплеменниковъ и руководящагося еврейскими національными идеалами. Въ совмѣстной работѣ съ русскими либеральными, освободительными кругами, мы усматривали залогъ раскрѣпощенія евреевъ въ будущемъ; мы считали, что только въ свободной Россіи мы будемъ освобождены.

Совершенно иначе исторически сложились отношенія между евреями и поляками. Угнетенная Польша не допускала иной національности и иной культуры, нежели польская. Поляки противодѣйствовали проявленію еврейской національной культуры. Польскіе евреи ассимиляторы должны были выбирать: или быть поляками, или быть евреями. Понятіе «польскій еврей» было чисто географическимъ и не имѣло культурнаго смысла. Тѣ ассимиляторы, которые въ силу своего воспитанія отдалялись отъ еврейскихъ національныхъ идеаловъ, всей своей культурой тяготѣли къ полякамъ и отличались отъ поляковъ только тѣмъ, что исповѣдовали еврейскую религію, — даже они, несмотря на всю преданность ихъ Польшѣ, на всѣ жертвы, которыя они приносили общему польскому дѣлу, несмотря даже на искреннее участіе въ польскомъ мятежѣ, — не получили возможности открыто и свободно, не рискуя вызвать недовѣріе, признавать себя одновременно и евреями. Историческое прошлое, вліяніе католичества — были причиной того, что несмотря на отсутствіе политической самостоятельности и состояніе угнетенія однимъ общимъ правительствомъ, угнетенія которое поляки остро ощущали, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ евреи, — они все же ни на минуту не могли допустить равноправнаго существованія въ Польшѣ другой національности, кромѣ польской. Въ этомъ заключается еще и понынѣ трудность проблемы обезпеченія правъ меньшинствъ въ той новой государственной жизни, которою начала жить независимая Польша послѣ жертвъ, принесенныхъ человѣчествомъ въ ужасную войну, начавшуюся въ 1914 г.

Однако, евреи ассимиляторы, несмотря на постоянныя напоминанія со стороны поляковъ о томъ, что они евреи, — еще надѣялись заслужить, если не для всего еврейства въ Польшѣ, то для нихъ, ассимиляторовъ, благосклонное отношеніе со стороны польской интеллигенціи или, вѣрнѣе, польскаго панства. Правда, немногіе могли предвидѣть, что недоброжелательство поляковъ къ евреямъ дойдетъ до такихъ безобразныхъ явленій, какъ бойкотъ, объявленный евреямъ въ Польшѣ послѣ выборовъ въ 4-ю Государственную Думу.

Польша была историческая страна антисемитизма, выросшаго главнымъ образомъ на почвѣ самой неподатливой, а именно религіозной. Въ Польшѣ, расщепленной на отдѣльныя части, раздѣленной на отдѣльные куски хищными звѣрями, ее окружавшими — Россіей, Австріей и Пруссіей, — католичество играло даже гораздо большую роль, нежели въ Испаніи. Можно признать безспорнымъ историческимъ фактомъ, что чѣмъ тяжелѣе политическій гнетъ, тѣмъ большее значеніе въ данномъ народѣ получаетъ религіозное настроеніе. Онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ своихъ вѣрованіяхъ; не находя радостей на землѣ, онъ ждетъ вознагражденія на небѣ. При стремленіи католическаго духовенства не только руководить, но и овладѣть душами вѣрующихъ, политическія событія въ Польшѣ не могли не содѣйствовать чрезвычайному усиленію его вліянія. И тогда какъ подъ воздѣйствіемъ культуры другія католическія страны постепенно освобождались отъ вліянія духовенства, въ Польшѣ это вліяніе не ослабѣвало и даже, быть можетъ, крѣпло. Не могло быть иначе при сравнительно низкомъ культурномъ уровнѣ польскихъ народныхъ массъ и при рѣзкомъ противоположеніи между основными классовыми группами: крестьянствомъ - холопами и панствомъ - шляхетствомъ. Ни въ одной странѣ сословная рознь не проявлялась больше, чѣмъ въ Польшѣ. И тѣмъ сильнѣе была роль духовенства, стоявшаго по серединѣ и руководившаго одинаково и панствомъ, и холопствомъ. Чуждымъ элементомъ, какъ бы пятномъ на однообразномъ фонѣ конфессіональной и національной жизни Польши были евреи. Они были чужды уже потому, что составляли единственный городской классъ; иныхъ городскихъ элементовъ въ Польшѣ не было. Польша не создала своей собственной промышлен-

ной и торговой буржуазіи; даже въ правовомъ смыслѣ города жили особой жизнью, а именно по Магдебургскому праву. Будучи элементомъ, не укладывавшимся въ общій строй безпорядочной государственной жизни прежней Польши, евреи не могли не служить мишенью для цѣлей, преслѣдуемыхъ католическимъ духовенствомъ. Начиная со среднихъ вѣковъ, еврейскому городскому населенію, нужному для Польши, сравнительно легко удавалось получать королевскія привилегіи, но эти привилегіи отнюдь не уравнивали ихъ съ поляками. Привилегіи привлекали еврейство въ Польшу во времена средневѣковыхъ гоненій. Но привилегіи — сводящіяся къ пользованію правами торговыми и промышленными — не создавали почвы для сближенія между польскимъ народомъ и еврействомъ, тѣмъ болѣе что самъ народъ представляемъ былъ только шляхетствомъ. Еврей былъ терпимъ, какъ нужный человѣкъ, но онъ не былъ терпимъ, какъ еврей. Сожительство съ евреями основывалось на интересахъ экономическихъ, торговыхъ и вообще имущественныхъ, политическаго же интереса не было и потому отношеніе поляковъ къ евреямъ не поднималось до акта внутренней совѣсти.

И съ нашей современной точки зрѣнія представляется весьма спорнымъ, что предпочтительнѣе: открытое преслѣдованіе и угнетеніе, которыя являются результатомъ злоупотребленія силой или даже актомъ насилія, но въ которыхъ проявляется несправедливость сильнаго по отношенію къ слабому, а иногда даже боязнь силы, которая скрывается въ этомъ слабомъ, — или же предоставленіе формальныхъ правъ, допущеніе къ пользованію правами съ одновременнымъ проявленіемъ непріязни, презрѣнія, оскорбленія и непризнанія человѣческаго достоинства. Послѣднее и имѣло мѣсто въ Польшѣ. Несмотря на всѣ жертвы, которыя культурные элементы еврейства приносили за послѣднее время общему польскому дѣлу, даже къ этимъ элементамъ, нисколько не заподозрѣннымъ, при этомъ, въ ихъ искренней преданности польскимъ интересамъ, при отсутствіи всякаго подозрѣнія въ руссификаторствѣ или руссофильствѣ съ ихъ стороны, — поляки не проявляли иного отношенія, нежели то, какое проявляла шляхта къ еврейскимъ массамъ вообще. Въ этихъ отношеніяхъ всегда чувствовалась дѣловая основа, но отнюдь не душевная, не сердечная. Въ глазахъ поляка еврей

оставался евреемъ и никогда не становился даже полякомъ Моисеева закона. Признаніе себя полякомъ Моисеева закона всегда являлось какъ бы одностороннимъ актомъ со стороны еврея и никогда не воспринималось поляками. Выступать одновременно еврею и какъ поляку, и какъ еврею, поэтому было несравненно труднѣе, нежели русскому еврею выступать одновременно и въ качествѣ русскаго, и въ качествѣ еврея. Русскій еврей могъ легко объявлять себя евреемъ по національности и русскимъ по государственности. Такого заявленія поляки не понимали и не допускали.

Въ самомъ С.-Петербургѣ мы имѣли показательный примѣръ, характеризующій отношеніе поляковъ къ евреямъ-ассимиляторамъ.

Среди лучшихъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей въ Петербургѣ числился Ипполитъ Андреевичъ Вавельбергъ, владѣлецъ банкирскаго дома «Г. Вавельбергъ» въ Варшавѣ, съ отдѣленіемъ въ С.-Петербургѣ. Вавельберга связывали съ Польшей старинныя семейныя традиціи. По своему воспитанію, по своимъ семейнымъ связямъ, такъ же какъ и по своему положенію среди поляковъ въ самомъ С.-Петербургѣ, Вавельбергъ былъ типичнымъ полякомъ Моисеева закона. Но Вавельбергъ отличался отъ евреевъ ассимиляторовъ тѣмъ, что онъ открыто признавалъ себя евреемъ и принималъ участіе во всѣхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ въ пользу русскаго еврейства. Я уже упоминалъ о томъ, что онъ былъ членомъ Центральнаго Комитета ЕКО и однимъ изъ учредителей общества дешевыхъ гигіеническихъ квартиръ для евреевъ въ Вильнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ безъ Вавельберга не обходилось и ни одно польское благотворительное и просвѣтительное начинаніе. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей польскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ, поддерживалъ польскую прессу и былъ щедрымъ польскимъ меценатомъ. Мало извѣстенъ тотъ фактъ, что покойная писательница Оржешко жила на средства, которыя доставлялъ ей въ трудное время ея жизни Вавельбергъ. Послѣ ея смерти онъ издалъ на свой счетъ полное собраніе ея сочиненій. Онъ содержалъ большое число стипендіатовъ поляковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ. Его банкирскій домъ учредилъ въ Варшавѣ обширное техническое учи-

лище, куда, однако, впослѣдствіи евреевъ не принимали. Тѣмъ не менѣе, Вавельбергъ не удостоился со стороны поляковъ признанія его подлиннымъ полякомъ. Когда, въ началѣ этого столѣтія, съ разрѣшенія правительства, въ изъятіе изъ дѣйствующихъ правилъ, приступлено было къ созданію памятника Мицкевичу въ Варшавѣ по случаю столѣтія со дня его рожденія, — Вавельбергъ выразилъ готовность пожертвовать на устройство памятника 50 тысячъ рублей. Достовѣрно извѣстно, что поляки отвергли этотъ даръ Вавельберга, заявивъ, что они желаютъ создать Мицкевичу памятникъ отъ имени всей націи и на польскія средства, а не на еврейскія...

Конецъ второго тома*).

*) Третій томъ готовится къ печати. Г. С.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Глубокоуважаемый
Петръ Александровичъ*).

Считаю необходимымъ препроводить Вамъ прилагаемую при семъ записку, прося Васъ прежде всего лично ознакомиться съ ней и обратить особое вниманіе на ея содержаніе.

Она представляетъ собой исключительный матеріалъ, подтверждающій неразрывную связь между еврействомъ и масонствомъ.

Въ этой области мнѣ приходилось постоянно наблюдать полнѣйшую неосвѣдомленность у насъ лицъ, занимающихъ самые высокіе служебные посты, даже тѣхъ, которымъ по занимаемой ими должности, казалось бы, надлежало имѣть ясное представленіе о подобныхъ вопросахъ, несомнѣнно имѣющихъ не только государственное, но и міровое значеніе.

Недавно, одинъ изъ нашихъ министровъ, бесѣдуя со мной о революціонномъ движеніи, выразился такъ: «жидо-масоны — вотъ, гдѣ корень зла. Ихъ радуетъ, что народъ нищаетъ и пьянствуетъ. Они стремятся все ниспровергнуть, все разрушить».

На мой вопросъ: «чего же они этимъ добиваются и въ чемъ ихъ конечная цѣль», министръ, немного задумавшись, отвѣтилъ: «Какъ Вамъ сказать, да просто — le néant». Между тѣмъ, во Франціи, какъ мнѣ извѣстно...

---

*) Копія черновика неоконченнаго письма при запискѣ «Тайна Еврейства».

ТАЙНА ЕВРЕЙСТВА*)

Догматъ «единобожія» существуетъ на землѣ съ незапамятныхъ временъ. Нѣсколько тысячелѣтій эта доктрина оставалась, однако, достояніемъ лишь небольшой, тѣсно замкнутой высшей касты — жрецовъ, ревниво оберегавшихъ ее отъ профановъ, во избѣжаніе еретическихъ искаженій.

Вѣра въ единаго Бога являлась завѣтной тайной храма посвященныхъ, дававшихъ клятву хранить таковую подъ страхомъ смерти. Они, посвященные, преемственно передавали свою доктрину ограниченному числу избранныхъ адептовъ, провѣренныхъ и подготовленныхъ долголѣтнимъ искусомъ, проводившимся подъ видомъ постепеннаго прохожденія цѣлаго ряда степеней посвященія.

Современные изслѣдователи склонны видѣть въ подобныхъ таинственныхъ методахъ жреческаго сословія чисто эгоистическіе, утилитарные мотивы. А именно, — держать нарочно въ темнотѣ народъ, дабы лучше управлять имъ.

Такіе упреки, однако, едва ли справедливы. Стоитъ только составить себѣ ясное представленіе объ уровнѣ общаго развитія тогдашняго человѣчества, чтобы допустить, что жрецы руководствовались, пожалуй, даже мудро, совершенно иными мотивами. Достаточно вспомнить, что за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. глазъ человѣка различалъ только семь цвѣтовъ въ радугѣ, а ухо — всего пять тоновъ въ хроматической гаммѣ, чтобы призадуматься: способенъ ли былъ мозгъ тогдашняго средняго обывателя на религіозныя концепціи высшаго порядка. Не являлся ли предварительный искусъ посвященія просто необходимымъ пріемомъ для надлежащаго, начатаго съ дѣтства, курса интеллектуальнаго развитія взятаго въ храмъ неофита.

Итакъ, египетскіе іерофанты, халдейскіе волхвы, индійскіе маги и пр. всѣ одинаково были монотеистами. Это единство вѣры естественно объединяло высшіе жреческіе круги, иначе говоря, передовую часть тогдашняго человѣчества, — какъ бы въ единое, обширное, всемірное, религіозное братство. Внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ числу посвященныхъ во всѣхъ древнѣйшихъ оча-

---

*) Копія записки изъ Архива Департамента Полиціи.

гахъ посвященія уже за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. установлено — обрѣзаніе.

Родоначальникъ іудаизма — Моисей воспитывался, какъ извѣстно, въ Карнакскомъ храмѣ, гдѣ и достигъ высшихъ степеней египетскаго посвященія. Впослѣдствіи онъ женился на дочери Нубійскаго Первосвященника Іофора, открывшаго ему возможность пріобщиться и къ этой совершенно не изслѣдованной древне-жреческой доктринѣ.

Моисей, какъ экзальтированный патріотъ, задался цѣлью поставить еврейскій народъ, томившійся въ то время въ египетскомъ плѣну, въ совершенно исключительное положеніе среди прочихъ земныхъ народовъ. Онъ, — первый изъ смертныхъ, *дерзнулъ поступиться клятвой посвященныхъ и далъ евреямъ новое вѣроученіе, открыто исповѣдующее монотеизмъ**).

Съ тѣхъ поръ народъ еврейскій, какъ единовѣрцы, невольно въ глазахъ всѣхъ посвященныхъ древняго міра дѣйствительно представился особымъ народомъ, — народомъ избраннымъ. Чтобы закрѣпить даже внѣшнимъ признакомъ религіозно-культурную особенность еврейства, Моисей и включилъ въ іудаизмъ обрядъ обрѣзанія.

Измѣна Моисея жреческой клятвѣ не прошла, видимо, безъ значительныхъ шероховатостей. Въ тогдашнемъ Египтѣ господствовалъ, какъ извѣстно, теократическій государственный строй. Ренегату не только самому угрожала, вѣроятно, смерть, но и всему еврейству, жившему въ Египтѣ, — массовое избіеніе. Опасность усугублялась несимпатичной особенностью еврейскаго національнаго характера. Послѣдователи новой религіи вызывающе щеголяли своимъ религіознымъ преимуществомъ и мутили прочее населеніе, слѣпо до этого повиновавшееся всемогущимъ жрецамъ.

Дѣло едва ли окончилось бы иначе, какъ грандіознымъ еврейскимъ *погромомъ*, — не сумѣй Моисей своевременно организовать то массовое бѣгство изъ страны, которое носитъ въ Библіи названіе — «Исходъ евреевъ изъ Египта».

Приступивъ затѣмъ къ кодификаціи своего новаго вѣроученія, Моисей примѣнилъ техническіе методы записыванія, аналогичные съ принятыми адептами древняго посвященія. Въ общихъ чертахъ они таковы: — религіозные догматы записывались не иначе, какъ особыми священными письменами (іероглифами). При помощи таковыхъ текстъ зашифровывался, получая троякій смыслъ; первый, прямой — для народа; второй, аллегорическій — для неофитовъ и высшихъ свѣтскихъ круговъ (царей, военачальниковъ и др.); третій, тайный догматическій — для посвященныхъ. Ключъ для чтенія этого послѣдняго передавался новымъ поколѣніямъ только изустно, по достиженіи адептомъ высшихъ степеней посвященія.

---

*) Курсивы вездѣ мои. Г. С.

Примѣромъ краткой записи всей философской сущности основной доктрины египетскаго посвященія служатъ неоднократно упоминаемыя въ археологіи, такъ называемыя «Изумрудныя таблицы мудрости», приписанныя египетскому великому гіерофанту — Гермесу Трисмегисту.

Для разрѣшенія поставленной себѣ задачи Моисей создалъ особый еврейскій алфавитъ, заимствованный съ финикійскаго. Каждая буква алфавита соотвѣтствовала священному гіероглифу.

Для преемственной передачи религіозной догматики потомству Моисей учредилъ духовную іерархію, раздѣливъ ее, соотвѣтственно обычнымъ традиціямъ древняго посвященія, на три основныхъ ступени: — левитовъ, священниковъ и первосвященника.

Иноземное иго и усобицы, раздиравшія столѣтіями Іудею, серьезно стали угрожать непрерывности преемственной передачи священнаго преданія, хранившаго ключъ къ полному трехстепенному чтенію Пятикнижія.

Встревоженный въ пору Вавилонскаго Плѣненія за участь ортодоксальной догматики іудаизма — пророкъ Даніилъ, сдѣлавшійся адептомъ высшаго халдейскаго посвященія, и положилъ начало особой аскетической сектѣ отшельниковъ, носившихъ названіе «ессеевъ».

Ко времени Р. Х. преемственность тайной догматики Моисея въ оффиціальной еврейской духовной іерархіи уже окончательно утратилась. Существовали только «толковники», свободно разбиравшіеся лишь во второмъ, — аллегорическомъ, смыслѣ священнаго писанія и сохранившіе пониманіе тайнаго — третьяго значенія священныхъ записей лишь отрывками, да и то по большей части въ искаженномъ видѣ. Полная освѣдомленность сохранилась исключительно среди братства «ессеевъ», селившихся въ пустынѣ у Чермнаго моря.

По установившемуся среди большинства ученыхъ убѣжденію, отроческіе годы Христа прошли именно среди «ессеевъ». Евангеліе свидѣтельствуетъ, что еще мальчикомъ, Онъ принималъ уже иногда участіе въ диспутахъ съ «толковниками», поражая этихъ старцевъ Своимъ умѣніемъ разбираться въ сокровенной сущности Священнаго Писанія. На страницахъ Пятикнижія Онъ легко отыскивалъ истины, о которыхъ они, толковники, имѣли представленіе только по наслышкѣ, но въ полномъ пониманіи коихъ сами отчетливо не разбирались.

Рѣзкія разногласія на этой почвѣ вызывали постоянныя распри между инако-мыслящими, распавшимися на нѣсколько враждующихъ между собой толковъ.

Когда Христосъ, покинувъ ессеевъ, сталъ открыто проповѣдывать, Его проповѣдь привлекала тысячную толпу. Среди народа пошла молва, что Онъ — Мессія. Высшее священство встревожилось.

Сначала оно вступило съ Христомъ въ словесныя препирательства, умышленно создавая Ему всевозможныя казуистическія ловушки (монета съ портретомъ Кесаря; творить чудеса въ субботніе дни; кто изъ двухъ въ Царствіи Небесномъ — законный мужъ замужней вдовы и т. д.).

Подобные діалектическіе поединки съ Христомъ неуклонно кончались для священства полнѣйшей неудачей. Популярность Христа вслѣдствіе этого только страшно росла и тысячи людей стали открыто призывать Его объявить Себя, согласно пророчествамъ — Царемъ Іудейскимъ.

Испуганное утратой своего прежняго огромнаго нравственнаго авторитета, на которомъ зиждилась и власть и матеріальное благосостояніе, — высшее еврейское духовенство рѣшило, наконецъ, устранить Христа путемъ насилія.

И свершился на Голгоѳѣ тотъ великій грѣхъ, который позорнымъ пятномъ палъ на весь народъ еврейскій.

Нѣкоторые новѣйшіе научные изслѣдователи склонны, въ разрѣзъ съ Ренаномъ, углублять свой скептицизмъ до отрицанія самаго существованія земной жизни Христа. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого, по ихъ мнѣнію, служитъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было исторіографическихъ данныхъ у лѣтописцевъ того времени объ Іисусѣ изъ Назарета.

Ничего не упоминаетъ о Христѣ даже Іосифъ Флавій, оставившій капитальный историческій трудъ о современномъ ему еврействѣ и волнующихъ его религіозныхъ распряхъ.

Такое молчаніе тогдашнихъ исторіографовъ не доказательно и объясняется вполнѣ естественно. Большинство изъ нихъ — римляне, если не по крови, то по культурѣ. А римлянинъ Золотого Вѣка или трезво смотрѣлъ на міръ глазами великаго позитивиста Аристотеля, или безпечно наслаждался благами жизни, согласно принципамъ другого тогдашняго моднаго властителя думъ — Эпикура. Если же въ тѣ времена и встрѣчались въ римскомъ обществѣ отдѣльные люди, склонные къ богоискательству, — они тяготѣли или къ пышнымъ ритуаламъ Изиды и Сераписа, или къ туманной мистикѣ Элевзинскихъ мистерій. Чѣмъ то слишкомъ далекимъ, чуждымъ по духу и психологіи, являлась для нихъ вдохновенная проповѣдь распятаго Галилеянина, чтобы разсчитывать, что она могла привлечь хоть мимолетное вниманіе современнаго лѣтописца.

Зато на окраинахъ тогдашняго классическаго міра, даже въ самыхъ захолустныхъ убѣжищахъ посвященныхъ, вѣсть о Христѣ и Его ученіи разнеслась, повидимому, съ поразительной быстротой. Такъ, напримѣръ, въ восьмидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія однимъ изъ рѣдкихъ европейскихъ путешественниковъ, проникшихъ въ Тибетъ, обнаружена въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей рукопись конца I в. по Р. Х. Этотъ документъ является повѣствованіемъ о томъ, что въ Галилеѣ недавно жилъ и распятъ великій посвя-

щенный — Исса, превзошедшій мудростью всѣхъ предшественниковъ; затѣмъ вкратцѣ излагается сущность Нагорной Проповѣди.

Такое признаніе мудрецами тогдашняго Востока Христа — великимъ посвященнымъ и отмѣчено въ Евангеліи красивой легендой о «Поклоненіи волхвовъ».

Когда Христа не стало, — осталось Его ученіе. Записано оно въ Евангеліяхъ: трехъ первыхъ — синоптическихъ, четвертомъ — отъ Іоанна и нѣсколькихъ еще, впослѣдствіи признанныхъ Вселенскими Соборами — апокрифическими.

Въ первыхъ трехъ апостолы-очевидцы безхитростно повѣствуютъ главное, что запомнили о томъ, какъ жилъ Учитель, чему училъ, и каково было Его неотразимое обаяніе на окружающихъ. Написаны они были первоначально на Арамейскомъ нарѣчіи, т. е. простонароднымъ языкѣ жителей окрестностей Чермнаго моря.

Евангеліе Іоанна рѣзко отличается отъ прочихъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Любимый ученикъ Христа, единственный намѣченный Имъ преемникъ Великаго посвященія, — Іоаннъ задался цѣлью записать философскую сущность Христова ученія. По примѣру древнихъ посвященныхъ, онъ примѣнилъ при этомъ древній тройной ключъ. Евангеліе его въ подлинникѣ было написано на древне-еврейскомъ языкѣ, хотя сохранилось потомству только уже въ греческомъ переводѣ.

Принадлежность самого Христа къ числу Великихъ посвященныхъ косвенно доказывается примѣненіемъ иногда Имъ тройного ключа.

Къ числу подлинныхъ поученій Христовыхъ, расшифрованныхъ по тройному ключу, принадлежитъ, напримѣръ, притча Его «О талантахъ».

Аллегорическій смыслъ ея, — зарываніе таланта въ землю, — не нуждается въ поясненіи. Въ нее вложенъ, однако, Христомъ еще и третій — философско-догматическій смыслъ, а именно: поученіе о вселенской душѣ и основной задачѣ земной жизни.

Среди древнихъ посвященныхъ по этому вопросу издавна извѣстна была такъ называемая «Легенда объ Адамѣ Кадмонѣ». Ея содержаніе вкратцѣ таково:

Господь Богъ, создавъ прародителей по Своему образу и подобію, одарилъ ихъ и всѣми свойствами Божества съ однимъ только ограниченіемъ — запретомъ творить себѣ подобныхъ. Прародители, преступивъ эту заповѣдь, совершили первородный грѣхъ, лишившій ихъ богоподобія и требовавшій искупленія. Тогда Господь Богъ, по неограниченному милосердію Своему, далъ имъ завѣтъ: плодиться и размножаться. Дабы облегчить очищеніе грѣховной души прародительской, въ каждаго вновь рожденнаго человѣка вложена частица,

расчлененной на весь родъ людской, — грѣховной вселенской души-Логоса, съ тѣмъ, чтобы онъ праведной жизнью ее очистилъ. Когда же сумма добра, совершеннаго коллективнымъ человѣчествомъ, искупитъ тяжесть грѣха прародителей, — родъ людской прекратитъ свое существованіе, а вселенская душа, вновь ставъ безгрѣшной, сольется опять съ Божествомъ.

Христосъ въ притчѣ о «Талантахъ» и поучаетъ: — миссія земной жизни человѣка не исчерпывается простымъ воздержаніемъ отъ зла; онъ призванъ прежде всего къ активному служенію доброму началу. Иначе говоря, Христосъ какъ бы высказываетъ рѣзкое порицаніе основному принципу схимничества — отойти отъ міра и золъ его.

Апостолу Іоанну не довелось установить дальнѣйшую преемственность Великаго посвященія въ христіанской общинѣ. Его безвѣстная ранняя кончина сразу же закрыла послѣдователямъ Христа тайну ученія записанной имъ философской догматики христіанства.

Вотъ почему нѣкоторыя мѣста его Евангелія (напр. I, 1-6) представляются непонятнымъ наборомъ словъ даже для виднѣйшихъ христіанскихъ богослововъ. Отцамъ Церкви остался доступнымъ лишь второй — аллегорическій смыслъ евангельскаго слова. На него только и опирается впослѣдствіи догматика христіанской церкви, начиная со Вселенскихъ Соборовъ.

Къ духовному наслѣдію Христа внимательнѣе всѣхъ отнеслись Его бывшіе наставники — ессеи, почитавшіе Его за подлиннаго пришедшаго Мессію. Лучше другихъ понимали они все божественное совершенство Его ученія. И то, что прочли они въ Евангеліяхъ, раскрыло имъ потрясающую истину: — Христосъ былъ Мессія, пришедшій согласно пророчеству, для избраннаго Богомъ народа іудейскаго. Для него одного первоначально и предназначено было Имъ великое Его ученіе.

Христосъ сказалъ хананеянкѣ, умолявшей Его исцѣлить ея дочь: — «Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева. Нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ» (Матѳ. XV. 24-26).

Евреи же не только безумно отвергли и распяли Христа, но и приняли кровь распятаго на себя и потомство.

За это евреевъ постигла страшная кара Божья: — Христосъ пріобщилъ къ благодати Своего ученія иные народы. Евреи же осуждены стать гонимыми, презираемыми, ненавидимыми всѣмъ человѣчествомъ, познавшимъ Христа.

«Пришелъ къ своимъ и свои Его не приняли. А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божьими» (Іоаннъ, I, 11-12).

И будетъ такъ много вѣковъ, пока всѣ прочіе народы земные сначала не постигнутъ ученія Христова, а затѣмъ сами, добровольно, по своему духовному несовершенству, отъ Христа не откажутся. Ина-

че говоря, ессеи въ Евангеліи отъ Іоанна узрѣли какъ бы пророчество, что наступитъ день, когда весь христіанскій міръ заразится психологіей Алексѣя Карамазова: «Христа я признаю, но Его не принимаю».

Тогда только наступитъ часъ прощенія избраннаго народа іудейскаго. Ученіе Христа съ того дня сдѣлается исключительнымъ достояніемъ сыновъ Израиля, и наступитъ наконецъ обѣтованное евреямъ Царствіе Божіе на землѣ. Таковъ тайный смыслъ ученія о появленіи сначала Антихриста, а затѣмъ — Второмъ Пришествіи Мессіи въ силѣ и славѣ.

Такимъ образомъ, грядущія судьбы еврейства развернулись передъ ессеями тяжкимъ возмездіемъ Божіимъ за кровь распятаго Мессіи. Продолжительность проклятія, на которое еврейство обрекло себя и свое потомство, поставлено въ связь съ той грандіозной, постепенной и медленной духовно-нравственной эволюціей, которую предстоитъ изжить всему остальному человѣчеству.

Естественно возникалъ вопросъ, какимъ же духовно-нравственнымъ кодексомъ предопредѣлено руководствоваться еврейству до наступленія великаго дня прощенія, разъ христіанская доктрина для него закрыта.

Прямой отвѣтъ имѣется въ Евангеліи. Христосъ Самъ сказалъ: — «У нихъ есть Моисей и пророки. Пусть слушаютъ ихъ». (Лука, XVI, 29-31).

Отсюда явствовало, что евреямъ опредѣлено, пока-что, твердо держаться даннаго имъ Ветхаго Завѣта.

Народъ іудейскій какъ разъ въ ту пору, когда ессеямъ досталось духовное наслѣдіе Христа, переживалъ самую катастрофическую страницу своей исторіи.

Въ 70 г. по Р. Х. римскій полководецъ Титъ разрушилъ Іерусалимъ, перебилъ почти все мужское населеніе, а остальныхъ евреевъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, увезъ и продалъ въ рабство. Единственной еврейской организованной ячейкой, случайно уцѣлѣвшей въ Іудеѣ, — была небольшая ессейская община скрывавшихся въ пустынѣ. Ей одной, такимъ образомъ, выпадала обширная и тяжелая задача повести народъ іудейскій по скорбному пути предопредѣленной ему свыше многовѣковой покаянной миссіи.

Единственно, чѣмъ въ силахъ человѣческихъ казалось вообще возможнымъ облегчить трагическую участь караемаго Богомъ народа еврейскаго, — это ускорить по возможности теченіе духовной эволюціи, предопредѣлявшейся остальному человѣчеству.

Такая основная посылка вызывала сама собой двоякій родъ дѣятельности:

а) созидательный — всемѣрно способствовать быстрѣйшему распространенію христіанства по всей вселенной и

б) разрушительный — всячески подрывать нравственныя основы христіанства въ части человѣчества, уже исповѣдующаго его.

Представлялось насущнымъ предотвратить вмѣстѣ съ тѣмъ самую страшную опасность, угрожавшую еврейству непосредственно въ ближайшемъ будущемъ: евреямъ, разбросаннымъ продажею въ рабство, по-одиночкѣ среди чужихъ народовъ, естественно грозила быстрая, въ два-три поколѣнія, полная ассимиляція съ жителями тѣхъ странъ, куда каждаго случайно забросила судьба. А не станетъ евреевъ, кому же пользоваться обѣтованными благами Царствія Божія на землѣ?

Слѣдовательно, необходимо было какъ либо обезпечить неукоснительное сохраненіе сынами Израиля самобытнаго облика евреевъ ветхо-завѣтныхъ временъ.

Такая программа и легла краеугольнымъ камнемъ всей послѣдующей жизни народа іудейскаго.

Расовая замкнутость, ревнивое мелочное тяготѣніе къ своей религіозной обрядности, наряду съ систематическимъ высмѣиваніемъ и стремленіемъ всячески подрывать догматы христіанства, — все это настолько повседневно и характерно для любого еврея, что не требуетъ подтвержденія.

Что же касается содѣйствія скорѣйшему распространенію ученія Христова, — не трудно привести прямой вполнѣ наглядный примѣръ. Выдающійся во второй половинѣ XIX в. глава католическаго миссіонерства въ Китаѣ, Монсеньеръ Флавье, Епископъ Пекинскій, большинство средствъ на свою христіанскую пропаганду среди желтолицыхъ черпалъ отъ виднѣйшихъ тогдашнихъ представителей еврейства — барона Гирша и семейства Ротшильдовъ.

Какъ не преклониться невольно передъ народомъ, сумѣвшимъ подчинить всѣ свои помыслы, страсти, увлеченія, все, даже мелочи повседневной жизни, — одной, строго опредѣленной, узко-регламентированной общей программѣ и, вдохновившись единой величавой покаянной религіозной миссіей, — терпѣливо, поколѣніями, нести свою тысячелѣтнюю скорбную долю.

Сколько творческой мысли, энергіи, упорства требовалось и отъ руководителей еврейства для проведенія въ жизнь намѣченнаго ими гигантскаго замысла.

Дѣйствительно, ничтожному по количеству братству старцевъ-отшельниковъ, заброшенныхъ въ пустыню захолустной съ той поры Палестины, предстояло сплотить и руководить историческими судьбами народа, превращеннаго всего въ десятокъ-два тысячъ нищихъ, безправныхъ рабовъ, разметанныхъ по всей тогдашней вселенной.

Какимъ же образомъ они добились осуществленія столь невѣроятнаго, на первый взглядъ, по трудности и сложности начинанія?

Для успѣха хотя бы перваго шага какого-либо обще-еврейскаго начинанія требовалось прежде всего восполнить существеннѣйшій пробѣлъ, а именно создать что-либо, взамѣнъ уничтоженной римлянами центральной еврейской политической власти. Эту задачу руко-

водители еврейства разрѣшили блестяще, положивъ начало — единому, всемірному, еврейскому тайному обществу.

Аналогичное, на первый взглядъ, съ братствомъ древнихъ посвященныхъ, оно получило совершенно особую и геніальную конструкцію.

Тайное общество вообще сильно только при двухъ условіяхъ:

а) незнанія до самаго конца его дѣятельности никѣмъ, кромѣ кучки главарей, его дѣйствительныхъ сокровенныхъ замысловъ;

б) достаточныхъ силъ и средствъ.

Выполненіе обоихъ условій представлялось одинаково труднымъ.

Первый пунктъ, — соблюденіе тайны, — удавалось обычно лишь до поры до времени, накороткѣ, послѣ чего случайное предательство выдавало головой всю организацію. Между тѣмъ конспиративная дѣятельность тайнаго еврейскаго общества, силою вещей, намѣчалась крайне длительная, многовѣковая.

Что же касается второго пункта, — требовалась большая численность адептовъ и обезпеченный притокъ рессурсовъ. Численность же самихъ евреевъ, — единственной части человѣчества, органически заинтересованной въ успѣхѣ замысла, — была въ ту пору весьма незначительна. Къ тому же всѣ они поголовно были рабами, совершенно обездоленными не только земныхъ благъ, но и гражданскихъ правъ состоянія.

Слѣдовательно, оставалось найти способъ привлечь помощь извнѣ, иначе говоря, — навербовать безсознательныхъ членовъ прежде всего среди тѣхъ же христіанъ, пріобрѣтшихъ первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ культурномъ мірѣ.

Была найдена формула, искусно разрѣшающая одновременно обѣ задачи. Она свелась къ слѣдующему:

Тайное общество систематически маскировало единую, основную, конечную цѣль своего существованія другою, временной цѣлью, самодовлѣющей по своему значенію.

Эта цѣль, приспособленная къ эпохѣ, народу и культурному стремленію передовыхъ людей даннаго поколѣнія, — обычно была сама по себѣ настолько значительна и такъ властно господствовала въ умахъ современниковъ, что она одна вполнѣ оправдывала существованіе огромной, сложной, конспиративной организаціи.

Такихъ временныхъ, на самомъ дѣлѣ мнимыхъ по существу, хотя и крупныхъ по размѣру мысли, цѣлей тайнымъ еврейскимъ обществомъ былъ послѣдовательно выдвинутъ цѣлый рядъ. Съ внѣшней стороны онѣ, казалось, между собой рѣшительно ничего общаго не имѣли, да и имѣть не могли.

За недостаткомъ фактическихъ данныхъ трудно сказать, въ какія формы вылилась первоначальная, детальная организація еврейскаго тайнаго общества. Едва ли, однако, она сразу же могла быть регламентирована въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существуетъ нынѣ.

Приходится скорѣе предположить, что теперешняя его хитроумная структура — результатъ послѣдовательныхъ, подсказанныхъ вѣковымъ опытомъ, усовершенствованій, введенныхъ постепенно и до-сегодня, быть можетъ, не окончательно исчерпанныхъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что дѣятельность еврейскаго тайнаго общества естественно сосредоточилась сначала на объединеніи прочными незримыми нитями всего разбросаннаго по земному шару еврейства.

Столь нелегкая предварительная задача потребовала, видимо, немало времени. Вотъ почему, вѣроятно, еврейская организація только къ концу VIII в. дѣлаетъ первый, документально установленный шагъ къ выходу на арену міровой политики.

Въ 800 году по Р. Х. коронуется въ Аахенѣ могущественнѣйшій монархъ средневѣковья — Императоръ Карлъ Великій. Среди многочисленныхъ гостей, стекшихся отовсюду привѣтствовать его, — хрониками отмѣчено присутствіе депутаціи, прибывшей изъ Палестины, отъ старца Горы — верховнаго главы таинственной еврейской секты.

Депутація, принеся богатые дары Монарху, вмѣстѣ съ тѣмъ предложила ему, отъ имени пославшаго ее, — заключить клятвенный союзъ для совмѣстной борьбы съ невѣрными.

Какъ извѣстно, незадолго передъ тѣмъ на берегахъ Средиземнаго моря появилась новая грозная сила — Исламъ. Магометанство вставало одинаково опаснымъ врагомъ и передъ христіанскимъ міромъ, и передъ еврействомъ. Для послѣдняго исламъ являлся тормазомъ безостановочному всемірному распространенію христіанства.

Эта первая попытка войти въ связь съ главами христіанской Европы не повлекла за собой серьезныхъ послѣдствій. За то второй, предпринятой спустя почти три вѣка, суждено было оставить неизгладимый слѣдъ.

Первоначальная мысль о Крестовыхъ Походахъ обычно приписывается историками знаменитому Папѣ Григорію VII.

Однако, одному изъ современныхъ ученыхъ (нѣмцу — Якоби), получившему во второй половинѣ нашего столѣтія доступъ къ тайнымъ архивамъ Ватикана, удалось случайно наткнуться на документъ, доказывающій, что на самомъ дѣлѣ эта мысль была навѣяна Папѣ посѣтившими его какими то таинственными пришельцами опять таки изъ Палестины.

Мотивы, которыми они прельстили Григорія VII, сводятся къ слѣдующему:

а) Объединеніе всего тогдашняго міра общей религіозно-политической задачей, — естественно подчинявшей всѣхъ свѣтскихъ Монарховъ верховной власти Главы Христіанской Церкви;

б) Земному Намѣстнику Христову подобающая резиденція не въ Римѣ, а у Гроба Господня, въ Іерусалимѣ.

Скрытая, дѣйствительная цѣль вдохновителей совершенно ясна:

1) Перенесеніе Папскаго престола изъ Рима въ Іерусалимъ пре-

вращало Священный городъ евреевъ въ центръ тогдашней культурной вселенной;

2) Крестовый Походъ, привлекая въ Палестину одновременно весь цвѣтъ тогдашней европейской знати, жившей разбросанно и замкнуто, — несказанно облегчалъ непосредственное общеніе главарей христіанской интеллигенціи. Открывалась, слѣдовательно, возможность къ первому рекрутскому набору безсознательныхъ сообщниковъ.

Если въ отношеніи Папскихъ замысловъ Крестовые Походы закончились лишь частичнымъ успѣхомъ, т. к. Градъ Господень по прежнему остался въ рукахъ невѣрныхъ, то въ отношеніи еврейскихъ цѣлей достигнутъ былъ блестящій успѣхъ.

Первый же Крестовый Походъ привелъ къ учрежденію перваго рыцарскаго ордена — Тампліеровъ, основаннаго съ мистической миссіей возстановленія Храма Соломона.

Этотъ странный для христіанскаго братства, казалось, ритуалъ символизируетъ первую побѣду еврейства, по пути привлеченія христіанъ къ безсознательному служенію тайнымъ еврейскимъ религіознымъ цѣлямъ.

Съ тѣхъ поръ еврейское тайное общество подъ разными названіями, — гностиковъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ, мартинистовъ и т. д. старается незримо вліять уже на весь послѣдующій ходъ европейскихъ событій. Основной принципъ остается тотъ-же: подрывать основы, вносить раздоръ, мутить умы, словомъ, безпрестанно служить дрожжами броженія въ рыхлой толщѣ аморфнаго христіанскаго люда.

Гуманизмъ, французская великая революція, освобожденіе Америки, изгнаніе турокъ изъ Европы, капитализмъ, объединеніе Италіи, интернаціоналъ 48 г., — такова амплитуда временныхъ цѣлей, служившихъ еврейской организаціи личиной, прикрывающей послѣдующіе этапы ея тайной дѣятельности.

Большинство столь различныхъ теченій далеко не являлось дѣтищемъ еврейской творческой мысли. Наоборотъ, возглавлявшія ихъ личности (Эразмъ Роттердамскій, Вольтеръ, Энциклопедисты, Джорджъ Вашингтонъ, Мадзини, Гарибальди и др.) — едва ли состояли въ какой либо непосредственной связи съ еврействомъ.

Дѣло обстояло проще. Всякое жизнеспособное идейное движеніе сейчасъ же учитывалось еврействомъ и сразу же незамѣтно приспосабливалось имъ для своихъ особыхъ цѣлей. И тогда, точно по волшебству, зарождавшемуся начинанію выпадалъ на долю блестящій успѣхъ. Ему, какъ бы таинственной рукой оказывалась самая дѣятельная и всесторонняя поддержка, причемъ въ числѣ руководителей появлялся рядъ евреевъ, зачастую скрытыхъ подъ надлежащими псевдонимами.

Останавливаться дальше на исторіи послѣдовательнаго развитія дѣятельности еврейскаго тайнаго общества не приходится, т. к. это

невольно увлекло бы далеко за предѣлы даннаго суммарнаго очерка. Достаточно сказать, что со второй половины нашего вѣка значеніе и политическая роль тайной организаціи начинаетъ уже иногда вызывать тревогу у искушенныхъ тайновѣдовъ европейской политики: «Ne nous faisons aucune illusion, le monde aujourd'hui est gouverné par les Sociétés Secrètes» — признается Императоръ Наполеонъ III въ одномъ изъ своихъ писемъ по поводу Итальянскаго похода.

Перейдемъ къ разъясненію самой структуры еврейской организаціи въ томъ видѣ, въ которомъ она существуетъ и работаетъ нынѣ.

Личиной ей теперь служитъ — «Всемірное Общество вольныхъ каменьщиковъ» или «франкъ-масоновъ». Устройство этого послѣдняго уподобляется пирамидѣ, сложенной путемъ послѣдовательнаго наслоенія плоскостей, составленныхъ изъ отдѣльныхъ кирпичей.

Каждый слой кирпичей представляетъ іерархическую ступень посвященія; каждый кирпичъ — отдѣльную ложу.

По окраскѣ пирамида — трехцвѣтная: три нижніе ряда — синіе; всѣ средніе — бѣлые; три верхніе — красные.

Синяя окраска обозначаетъ — низшее масонство (maçonnerie bleue).

Бѣлая — среднее масонство (maçonnerie blanche или maçonnerie initiée).

Красная — высшее масонство (haute maçonnerie или maçonnerie occulte).

Низшее масонство включаетъ три степени: ученикъ (apprenti), подмастерье (compagnon) и мастеръ (maître).

Дѣйствительное назначеніе всего низшаго масонства — просто служить кадромъ испытуемыхъ для дальнѣйшаго отбора. Ложи въ низшемъ масонствѣ — общія, т. е. совмѣстныя для всѣхъ трехъ степеней. Число членовъ каждой ложи не должно превышать 50 человѣкъ. Приглашеніе масоновъ другой ложи гостями — крайне поощряется, но быть одновременно членомъ двухъ ложъ — масону не разрѣшается. Переходъ изъ одной ложи въ другую при перемѣнѣ мѣста жительства допускается безпрепятственно. Засѣданія въ ложахъ низшаго масонства сопровождаются обычно сложнымъ, утомительнымъ и мишурнымъ ритуаломъ, въ основаніе котораго положено, какъ нѣкогда и у «Тампліеровъ», — мистическое возстановленіе Храма Соломона.

Масонскія ложи одного города, страны, государства объединяются въ высшія единицы (напр. «Grand Orient de France», «Шотландскій кругъ», «Американскій масонскій Орденъ» и пр.), ритуалы коихъ нѣсколько различны между собой. Всѣ іерархическія должности низшаго масонства, какъ въ отдѣльной ложѣ (предсѣдатель, казначей, секретарь и т. д.), такъ и въ высшихъ единицахъ (великій

покровитель, хранитель печати и др.) — замѣщаются только путемъ избранія, производимаго открытымъ голосованіемъ всѣхъ членовъ. Верховной главой объединеннаго масонства той или другой страны можетъ оказаться выбраннымъ Монархъ, принцъ крови, выдающійся государственный или общественный дѣятель и пр.

Адептъ низшаго масонства ровно ничего существеннаго или поучительнаго не узнаетъ. Съ теченіемъ времени большинству поступившихъ изъ честолюбія, любопытства или ради заполненія празднаго досуга, — масонская ложа превращается въ нѣчто вродѣ скучнаго клуба съ эксцентричнымъ уставомъ, а самое масонство представляется чѣмъ то напыщеннымъ, смѣхотворнымъ и, въ сущности, безсодержательнымъ.

Таковымъ на самомъ дѣлѣ и было бы низшее масонство, не существуй трехъ основныхъ строго соблюдаемыхъ правилъ.

П е р в о е. Переходъ изъ каждой степени въ слѣдующую, высшую, — связанъ съ двоякимъ цензомъ: а) извѣстнымъ срокомъ времени пребыванія въ данной степени и б) установленнымъ числомъ посѣщеній своей ложи. Такъ, напримѣръ, обычно «ученику», чтобы стать «подмастерьемъ» необходимо пробыть масономъ три года и посѣтить не менѣе пятидесяти засѣданій своей ложи.

В т о р о е. Въ то время, какъ доступъ въ ложи высшей степени закрытъ для адептовъ низшей степени, — членамъ всѣхъ высшихъ степеней, наоборотъ, вмѣняется въ обязанность постоянное посѣщеніе низшихъ ложъ, причемъ имъ строжайше воспрещено чѣмъ либо обнаруживать свою принадлежность къ высшей степени масонства. Слѣдовательно, надъ каждымъ поступившимъ въ масонство сразу же устанавливается незримое для него систематическое и длительное наблюденіе, гарантирующее продвиженіе только вполнѣ подходящаго элемента дальше, въ глубь организаціи. Таковымъ являются обычно люди только двухъ опредѣленныхъ категорій. Либо это — простаки съ громкимъ именемъ, большимъ состояніемъ или кристальной общественной репутаціей, либо — люди одаренные умомъ, способностями, знаніями, но съ замѣтнымъ уклономъ къ неуравновѣшенности въ страстяхъ (честолюбцы, игроки, развратники и т. д.).

Т р е т ь е. Всякая послѣдующая степень посвященія доступна масону не иначе, какъ путемъ избранія его въ ложу этой высшей степени собраніемъ членовъ таковой.

Огромное большинство обречено навсегда оставаться въ низшемъ масонствѣ. Поэтому, многіе, разочаровавшись или наскучившись, выходятъ изъ общества. Уходъ изъ низшаго масонства никакими затрудненіями не обусловленъ и никому въ строку не ставится.

С р е д н е е м а с о н с т в о существенно отличается отъ низшаго прежде всего одностепенностью ложъ. Иначе говоря, всякая ступень имѣетъ свои собственныя ложи.

Вторымъ существеннымъ отличіемъ является — самый составъ каждой ложи. Вмѣсто случайнаго, разношерстнаго, каковымъ онъ бы-

ваетъ въ низшемъ масонствѣ, — составъ членовъ въ ложѣ средняго значительно однороднѣе, вслѣдствіе того, что адепты уже сортируются по ложамъ, въ зависимости отъ общественнаго положенія, соціальнаго круга, наклонностей, вкусовъ и другихъ видовыхъ признаковъ. Въ ложахъ средняго масонства ритуалъ значительно упрощенный; характеръ же дѣятельности ихъ — разнородный: однѣ занимаются политикой, другія — богоисканіемъ, третьи — благотворительностью и т. д. Наблюдается, однако, нѣчто общее, т. е. специфически присущее любой изъ ложъ, а именно — стремленіе подорвать въ своихъ членахъ всякіе принципы и традиціи (религіи, семьи, служебной этики и пр.).

Назначеніе средняго масонства: сперва пропустить адепта сквозь горнило всестороннихъ жизненныхъ соблазновъ, дабы, выяснивши себѣ точно полный нравственный обликъ его, — безошибочно знать, на чемъ его поймать и чѣмъ его держать: далѣе — морально оторвать его отъ всего того, что человѣку съ дѣтства было привычно почитать и беречь, т. е. нравственно обезличить его и тѣмъ самымъ превратить въ послушное орудіе масонской организаціи.

Въ среднемъ масонствѣ адепту раскрывается постепенно только одна какая нибудь ближайшая цѣль, намѣченная обществомъ (ниспроверженіе опредѣленной династіи, 8-ми часовой рабочій день, пропаганда монометализма и т. д.).

Это неизбѣжно, т. к. каждый почти привлекается въ качествѣ болѣе или менѣе отвѣтственнаго исполнителя той или иной отрасли масонской дѣятельности.

Нѣкоторымъ, болѣе зоркимъ, выявляется при этомъ аморальность начинанія, коему они призваны служить, и это сознаніе становится имъ настолько тягостнымъ, что они стремятся отойти отъ масонства. Но выходъ изъ средняго масонства даромъ не проходитъ. Принимаются крутыя мѣры, чтобы заглушить въ обществѣ голосъ ренегата, посвященнаго въ кое какія тайны. Иногда просто его имя компрометируется инсинуаціями, подтасовкой данныхъ и т. д.; иногда, если нужно, его постигаетъ и какое либо болѣе существенное наказаніе, какъ то: внезапное разореніе, разбитая карьера, судебный процессъ и пр.

Переходъ въ высшее масонство доступенъ весьма немногимъ. Туда избирается лишь тотъ, кто предшествовавшей дѣятельностью доказалъ пригодность участвовать въ руководствѣ надъ проведеніемъ въ жизнь ближайшей временной цѣли масонства. При всемъ этомъ относительно его должно быть налицо и другое важное данное: либо въ его прошломъ есть тайная темная страница, всѣ нити которой прочно обезпечены въ рукахъ масонства, либо онъ органически (по крови, женитьбѣ, совокупности матеріальныхъ интересовъ) — связанъ съ еврействомъ.

Высшее масонство, сосредоточиваетъ въ себѣ всю творческую работу, планомѣрно распредѣленную по отраслямъ меж-

ду различными ложами. Ритуалъ же, хотя и существуетъ, но самый незначительный.

Руководящимъ органомъ является совокупность ложъ высшей (33-й) степени. Этихъ послѣднихъ въ каждое данное время по всей вселенной насчитывается десятокъ-другой, не болѣе.

Принадлежность къ таковымъ открываетъ человѣку такіе обширные горизонты и сопряжена съ такимъ богатствомъ, съ такой властью, что предательство высшаго масона — рѣдкое явленіе. Условія жизни и дѣятельности сами собой, вполнѣ естественно, забронировываютъ отъ соблазна измѣны, безпощадно караемой къ тому же немедленной смертью.

Горизонтъ высшаго масонства исчерпывается, однако, двумя заданіями: а) достигнуть очередной цѣли даннаго момента и б) подготовить и въ нужный моментъ поставить на очередь новую цѣль общей масонской дѣятельности.

До еврейскаго же вопроса, какъ таковoго, т. е. до основной религіозной миссіи народа іудейскаго, высшее масонство рѣшительно никакого касательства не имѣетъ. Пасти стадо Израилево — призваны другіе.

Организація всемірнаго тайнаго еврейскаго общества не ограничивается обширной пирамидой видимаго масонства. У этой пирамиды есть еще какъ бы тѣнь, загадочная и едва уловимая.

Совокупность видимаго масонства представляетъ собой только армію тайнаго общества; имѣется же еще и нѣчто вродѣ генеральнаго штаба, играющаго во всемірномъ тайномъ обществѣ роль, подобную нервной системѣ въ человѣческомъ тѣлѣ.

Въ каждой масонской ложѣ любой степени есть нѣсколько вліятельныхъ и дѣльныхъ масоновъ, состоящихъ одновременно членами особаго, чисто еврейскаго тайнаго братства. Ихъ назначеніе — постоянно инспирировать и властно блюсти масонскую дѣятельность въ общемъ руслѣ, угодномъ руководителямъ еврейства.

Слѣдовательно, масонство само по себѣ — въ сущности только орудіе; мозгомъ же является искусно вкрапленное въ него тайное братство, состоящее исключительно изъ чистопробныхъ евреевъ, какъ по крови, такъ и по вѣрѣ.

Свѣдѣній объ организаціи «еврейскаго братства», представляющаго какъ бы государство въ государствѣ, весьма немного.

Предательства евреемъ еврейской тайны, даже подъ пытками, за столѣтія насчитываются лишь единичные случаи (напр., Спиноза).

Установлено, однако, два существенныхъ данныхъ: 1) въ еврейскомъ братствѣ имѣется іерархическая лѣстница ступеней, аналогич-

ная съ масонствомъ, и 2) положеніе каждаго отдѣльнаго члена въ братствѣ не равноцѣнно его степени въ масонствѣ.

Иначе говоря, члены низшихъ степеней братства могутъ занимать одновременно самое высшее положеніе въ масонствѣ, и наоборотъ, — члены высшихъ степеней братства могутъ въ масонствѣ застыть въ одной изъ низшихъ степеней.

Подобная комбинація значительно парализуетъ опасность предательства. Разоблаченія измѣнника не могутъ никогда носить исчерпывающаго характера.

Всевѣдущими вершителями судебъ тайной еврейской организаціи являются въ каждомъ поколѣніи лишь тѣ нѣсколько человѣкъ, кто совмѣщаетъ высшее положеніе какъ въ еврейскомъ братствѣ, такъ и въ масонствѣ.

Кто эти лица? Пока они живы, могутъ существовать однѣ лишь догадки. Судя же по предшествовавшимъ поколѣніямъ, — они избираются неизмѣнно изъ самой замкнутой, отборной еврейской среды, т. е. изъ числа членовъ тѣхъ немногихъ, особенно вліятельныхъ и чтимыхъ еврейскихъ семействъ, которыя принято называть «князьями израильскими».

Такимъ исключительнымъ отборомъ, основаннымъ, въ сущности, какъ бы на принципѣ наслѣдственной преемственности неограниченной власти и обезпечивается неуклонное служеніе тайной организаціей — основной еврейской религіозной миссіи.

Какова же сущность общей дѣятельности современнаго всемірнаго тайнаго общества и каковы его цѣли въ частности у насъ въ Россіи?

За послѣднее столѣтіе магистральные подкопы масонства подъ зданіе Западно-Европейской Христіанской Государственности суммируются лозунгами «Народовластіе» и «отдѣленіе Церкви отъ Государства».

Въ Россіи, гдѣ Монархъ одновременно и носитель неограниченной политической власти, и мистическій Глава Церкви — его разрушительныя усилія, естественно, централизуются полностью противъ Престола. Вотъ почему первая непосредственная задача, намѣченная имъ въ Россіи — узко политическая: поднять революціонную волну.

Политическая революція признана масонствомъ единственнымъ вѣрнымъ ключемъ, открывающимъ ему путь къ дальнѣйшей и главной завѣтной цѣли: безпрепятственно приступить къ систематическому расхристіаниванію православной паствы Восточной Церкви.

Революціонныя вѣянія, присущія русской интеллигенціи съ самаго ея рожденія, несомнѣнно представляютъ отправную точку опоры всей масонской тлетворной дѣятельности въ Россійскихъ предѣлахъ. Каковъ бы ни былъ оттѣнокъ возникающаго вновь противоправительственнаго теченія, — каждое изъ нихъ охотно поддерживается и раздувается, какъ отвѣчающее еврейско-масонскимъ цѣлямъ.

Въ первой половинѣ нашего столѣтія борьба, веденная масонствомъ въ Западной Европѣ, была особенно интенсивна (одновременно: уничтоженіе свѣтскаго владычества Папы, насажденіе капитализма, соціальный сдвигъ 48 г.).

Въ тѣ дни масонская дѣятельность въ Россіи такимъ принципіальнымъ покровительствомъ революціонному движенію вообще и исчерпывалась. Съ тѣхъ поръ же, какъ въ Западной Европѣ для масонства горизонты значительно прояснились, оно получило возможность перейти въ Россіи къ болѣе активной и планомѣрной работѣ.

Нынѣ, поэтому, боевой аппаратъ масонства усовершенствованъ и формы грядущаго натиска откристаллизовались.

Испытаннымъ боевымъ оружіемъ масонства уже послужилъ на Западѣ новѣйшій экономическій факторъ — капитализмъ, искусно захваченный въ руки еврействомъ.

Естественно возникло рѣшеніе примѣнить его и въ Россіи, гдѣ Самодержавіе опирается всецѣло на дворянъ-помѣщиковъ, тогда какъ дѣтище капитала — буржуазія тяготѣетъ, наоборотъ, къ революціонному либерализму.

Первый наступательный ходъ, начатый еще въ Царствованіе Императора Александра II, резюмируется формулой: создать противовѣсъ столбовому земельному дворянству, превратить буржуа-разночинца, чуждаго религіозныхъ, государственныхъ и національныхъ традицій — въ самодовлѣющую общественно-политическую силу.

Направленный въ конечной цѣли на Престолъ, буржуазно-либеральный натискъ еврейскаго масонства обрушился въ первую голову на Россійское дворянство. Уже къ нашимъ днямъ процессъ полнаго сведенія на нѣтъ государственнаго значенія этого послѣдняго несомнѣнно былъ бы почти завершенъ, если бы мудрыя мѣропріятія прошлаго Царствованія, какъ напр., учрежденіе Дворянскаго банка, не явились спасительнымъ, хотя и запоздалымъ, тормазомъ.

Параллельно съ разжиганіемъ либерально-революціонныхъ настроеній интеллигенціи, масонствомъ признано необходимымъ всколыхнуть какъ нибудь и толщу темнаго крестьянскаго люда.

Русская интеллигенція, хотя бы и подпертая капитализмомъ, сочтена все таки боевой силой, далеко недостаточной для сокрушенія основныхъ устоевъ русской государственности.

Немногочисленная, оторванная отъ народа, она не что иное, какъ — махровый пустоцвѣтъ на русской нивѣ.

Міросозерцаніе русскаго мужика искони покоилось только на двухъ нравственныхъ устояхъ: Царь и Богъ. Растлить крестьянъ было бы почти немыслимо, не существуй, къ сожалѣнію, въ его безхитростномъ укладѣ остро уязвимой пяты, созданной недочетами Манифеста 19 февраля 1861 г.

Освободительная реформа съ одной стороны недостаточно обезпечила мужика землей; съ другой, — положила начало крестьянской общинѣ. Похоронивъ въ зародышѣ у мужика здоровый консервативный инстинктъ, присущій землевладѣнію, — реформа 1861 г. вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно пріобщила его въ будущемъ къ голодной зависти обездоленнаго пролетарія. Мало того, — новая регламентація повседневной жизни крестьянина неосмотрительно уложила таковую въ формы, близко совпадающія съ доктриной крайнихъ теченій новѣйшаго западно-европейскаго соціализма.

Возможность опереться на инстинктивную ненависть противъ имущихъ классовъ, порожденную въ мужикѣ его прогрессирующей земельной нуждой, — упростила работу по революціонному сдвигу крестьянства. Она свелась къ простой задачѣ: слить воедино въ сознаніи мужика представленіе о землѣ и волѣ, превративъ этимъ крестьянскія массы въ безсознательныхъ, но стойкихъ носителей разрушительныхъ принциповъ, проповѣдуемыхъ теоретиками крайняго соціализма.

Разжиганіе безсознательной ненависти въ темной крестьянской толщѣ противъ всѣхъ и вся, стоящихъ внѣ обособленнаго узкаго мужицкаго мірка, — таковъ и есть второй и главный наступательный ходъ, выдвинутый нынѣ еврейскимъ масонствомъ въ Россіи.

Проводникомъ пропаганды служитъ никто иной, какъ мятущаяся русская революціонная интеллигенція, искусно двинутая въ народъ еврейскими верхами всемірнаго масонства. Непосредственной жертвой въ данномъ случаѣ намѣченъ уже не только одинъ помѣщикъ дворянинъ, но и всякъ, кто сливается для крестьянина въ общемъ, нарицательномъ понятіи «баринъ».

Возможность, что такая грозная волна попутно захлестнетъ и смоетъ цѣликомъ и ту самую либеральную интеллигенцію, которая нынѣ неразумно бросилась ее вздымать, — не остановитъ масонство на полпути. Конечная цѣль — слишкомъ значительна: этой мутной волной намѣчено потопить Царя, не только, какъ Самодержавца, но и какъ Помазанника Божія, а тѣмъ самымъ забрызгать грязью и послѣдній нравственный устой народной души — Православнаго Бога.

Русское духовенство, мало авторитетное, некультурное и пассивное, — еврейскимъ масонствомъ, въ противоположность католическому клиру, — ни какъ помѣха, ни какъ пособникъ серьезно не расцѣнивается.

Такимъ образомъ, силой вещей въ основной революціонной политикѣ еврейскаго масонства въ Россіи кроется любопытная двойственность, а именно — органическая солидарность одновременно съ обоими идейно-непримиримыми между собой антиподами противоправительственнаго движенія: а) умѣреннымъ либерально-буржуазнымъ; б) крайнимъ соціалистическимъ — и только съ ними одними.

Незримая масонская рука одинаково рачительно верховодитъ обѣими названными группами, несмотря на полное, казалось бы, противорѣчіе конечныхъ цѣлей таковыхъ: тогда какъ помыслы первой клонятся всего лишь къ скромной конституціи, вторая бредитъ кошмарной катастрофой полной ломки всего существующаго соціальнаго строя.

Всѣ же промежуточныя революціонныя теченія разсматриваются масонствомъ лишь какъ случайные союзники. Ихъ организаціи покровительствуются только до той поры, пока стихійная народная волна не хлынула. Въ критическую же пору еврейское тайное общество не постѣснится бросить ихъ на произволъ судьбы.

Уберечь отъ стихійной гибели оно почтетъ для себя необходимымъ лишь пестуемые имъ полюсы русскаго революціоннаго общества.

Чѣмъ всеобъятнѣе и катастрофичнѣе будетъ протекать русская революція, тѣмъ труднѣе будетъ еврейскому масонству безошибочно разрѣшить вопросъ: — кто изъ двухъ, — умѣренный еврействующій либералъ или крайній соціалистъ окажется пригоднѣе и полезнѣе для дальнѣйшей масонской дѣятельности на развалинахъ Россійской Имперіи.

Сегодня разрушительный натискъ еврейскаго масонства противъ Россіи въ самомъ зародышѣ. Революціонный тлѣнъ пока что коснулся народной массы лишь весьма поверхностно. Интеллигенція, правда, бродитъ, но это броженіе не выходитъ за предѣлы теоретическихъ исканій. Поэтому, Россійское Правительство, чувствуя себя не въ примѣръ прочнѣе любого западно-европейскаго, склонно, къ сожалѣнію, взирать съ безпечной пренебрежительностью великана на теперешнія безформенныя и робкія революціонныя потуги.

Между тѣмъ:

Пройдетъ всего какихъ нибудь десять-двадцать лѣтъ, спохватятся, да будетъ поздно: революціонный тлѣнъ уже всего коснется. Самые корни вѣкового государственнаго уклада окажутся подточенными.

Правительству поневолѣ придется стать тогда на скользкій путь компромиссовъ, повторивъ этимъ ту непоправимую ошибку западноевропейской государственной власти, которая вовлекла страны Христіанской Европы, одну за другой, въ роковыя сѣти всемірнаго еврейско-масонскаго заговора.

Каковъ бы ни былъ общій курсъ внутренней политики новаго Царствованія, Правительству во всякомъ случаѣ было бы небезполезно:

1. Отнынѣ же сосредоточить бдительность соотвѣтствующихъ государственныхъ органовъ, главнымъ образомъ, на обоихъ полюсахъ революціоннаго движенія, памятуя, что именно эти группы пред-

назначены еврейскимъ масонствомъ для нанесенія Государственному организму рѣшающихъ ударовъ;

2. Неотложно раскрыть глаза благомыслящимъ элементамъ русскаго общества, какъ на зловредную тайную силу, кроющуюся въ еврействѣ вообще, такъ и на первенствующую роль послѣдняго въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Осуществить это было бы легче всего, освѣтивъ печатно, въ популярномъ изложеніи, — тайные еврейскіе замыслы противъ всего Христіанскаго Міра и Россіи въ частности.

10 февраля 1895 года.

Imp. « PASCAL »
13, r. Pascal. Paris.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Petropolis Verlag A. G.
Berlin. Meineckestrasse 19

Maison du Livre Etranger
Paris. 9, Rue de l'Eperon